Гусарские страсти эпохи застоя

Николай Николаевич Прокудин

SHOUT
SHARE
IT

- Прокудин Николай Николаевич

Прокудин Николай Николаевич
Гусарские страсти эпохи застоя

Прокудин Николай Николаевич

Гусарские страсти эпохи застоя

Книга повествует о далеком провинциальном батальоне и о судьбах офицеров, попавших воевать в Афганистан. Пока в "черновом" варианте. Об ошибках и несовпадениях пишите в комментариях!

Пролог.

Москва - большой город. Самостоятельно сад "Эрмитаж" Никита не нашел бы никогда. Либо объявился там к окончанию ветеранского мероприятия. Все-таки велика столица, бескрайняя, как океан: дома, дома, дома, проспекты, площади, переулки, закоулки...

Но, к счастью, в военной общаге при академии жил старинный приятель, бывший подчиненный по службе в Афгане. Тогда командир взвода, десять лет назад, а ныне большой чин, полковник, слушатель элитного военного ВУЗа.

Вовка "Кирпич", не смотря на то, что стал старшим офицером, как был "Кирпичом" там им и остался. Такой же сорвиголова, шалопут и разгильдяй. Даже язык с трудом повернулся, произнося на вахте: "Где мне разыскать полковника Кирпичина?"

Дежурный по общежитию поглядел на Ромашкина и ответил с ухмылкой:

- Не знаю такого. А-а-а, вам, может, нужен "Кирпич"?

- Ну, "Кирпич", если вы знаете такого, - ответил Никита.

- Знаю, кто ж его не знает! Но я думаю, что с ним сегодня встретиться, не получиться.

- Получится. Мы созванивались, он меня ждет, я издалека прибыл.

- Встретиться с ним, возможно, и сможете, а вот поговорить, вряд ли. Все потому, что его бездыханное тело заносили вчетвером собутыльники поутру, и три часа назад он и "му" сказать не мог. Отметил с группой ветеранов-слушателей, День Победы. К вечеру, возможно, очухается!

- Черт! Как же так! Мы же собирались пойти на встречу однополчан, а он, выходит, начал отмечать еще вчера?

- Выходит, так. Поднимитесь на 12-ый этаж, комната 1291.

- Благодарю, - ответил Ромашкин и начал медленно подниматься по лестнице вверх, потому что лифт не работал. А спешить теперь, собственно, было некуда. Без Кирпича скитаться

по столице желания не было, глупо спрашивая у встречных: как пройти, а где это, а случайно не подскажите....

Дверь открыла супруга и после секундной заминки спросила:

- Вам кого?

- М-м-м... Видимо, вашего мужа. Это квартира Кирпичиных?

- Его. Только не квартира, а номер общежития. И этот мерзавец тут не живет, а только ночует. Гад!

- Я не вовремя? Дело в том, что я приехал издалека на торжественное мероприятие - 10 лет без войны. Мое имя Никита. Ромашкин.

- А-а-а, слышала о вас, проходите. Но он спит. Будите, если сможете.

Никита прошел через "предбанник", являвшийся кухней, столовой, коридором и прихожей одновременно.

Войдя в спальню, Никита опешил. Комнату наполнял богатырский храп, который заглушил все остальные звуки, проникающие в открытое окно. Утренняя Москва была немного тише Кирпича.

Вовка валялся поперек двухъярусной кровати, широко раскинув руки и ноги. Правая нога стояла на полу, обутая в туфель, а левая лежала на простыне, но в носке. Огромное тело теснилось на маленьком ложе, которое предназначалось для простого человека, но никак не для такой громилы. Опухшее багровое лицо, полуоткрытый, булькающий грудными звуками рот, один едва приоткрытый глаз. И отвратительное амбре из смеси водочных паров и пива.

- Давно он так пьет? - поинтересовался Ромашкин у супруги "академика".

- Регулярно. То однокурсники, то академики, то ветераны, то какие-то бандиты. Он ведь одновременно, руководит каким-то охранным агентством: рестораны, казино, банки. Не знаю даже, посещает ли Вовка занятия, может просто деньги отдает, чтоб его отмечали в журнале. У-у скотина! Храпит и детям спать мешает!

Только теперь Никита заметил хитрые мордашки двух детей на втором ярусе кроватей: мальчика и девочки. Они с интересом смотрели на гостя, высовываясь из-под одеяла.

- Брысь! - прикрикнула на них мамаша, и карапузы юркнули в укрытия, к стене, накрывшись с головой.

Никита взялся за нос спящего приятеля тремя пальцами и слегка потрепал его. Нос покраснел, Кирпич чихнул и, не открывая глаз, начал отмахиваться своими огромными лапищами, словно отгонял назойливую муху.

- Вовка! Кирпич! Подъем! Рота подъем! Тревога! - громко прокричал Ромашкин, но тщетно, даже храп не приглушился.

- Он не проснется, - с сомнением произнесла жена.

- А мы попробуем по-другому! Кирпич! Духи! Окружают! Кирпич, тревога! Духи! Тащи пулемет!

Спящий слегка приоткрыл второй глаз, а первый так и остался узкой щелочкой. Он бессмысленно окинул взглядом комнату и пробормотал:

- Сейчас, держитесь! Ленту мне! Пулеметчик! Где лента? - вскрикнул Кирпич.

- Вот! Я же говорил, очнется. Сейчас Вовка проснется. По машинам! Быстро грузиться! Где Кирпичин? Опять пьян? Под суд отдам!

- Я здесь! - коротко и однозначно ответил бывший взводный.

- Встать! Смирно!- вновь коротко скомандовал Никита.

Огромный мужчина с трудом сложился пополам и, держась за перила верхней кровати, приподнялся на ногах, а затем распрямился во весь двухметровый рост. Кирпич разомкнул глаза, хлопнул несколько раз ресницами, потер лицо ладонью и, узнав гостя, протянул:

- А-а! Никитушка! Ты откуда здесь взялся? Какими судьбами? Как ты меня нашел?

- Да это уже диагноз! Ты что совсем белый и горячий? Мы же с тобой неделю перезванивались и договорились сегодня идти на банкет. Я тащусь через пол России и что вижу? Бесчувственного индивидуума, почти охладевший труп.

- Ну ладно, прекрати! - Кирпич рухнул тяжелым задом на матрас и вытянул перед собой ноги. Он с удивлением посмотрел на них, по-разному обутые, но почему-то снял не туфлю, а носок, чем вызвал смех и жены, и гостя, даже дети сверху захихикали.

Сообразив, что сделал не то, Вовка снял с другой ноги туфель, и похлопал себя по щекам ладонями.

- Опохмелиться бы, Шарик! - произнес он, жалобно глядя на супругу.

- Перебьешься! - хмуро ответила та.

- Вот видишь, командир, как обстоят дела. Совсем меня не жалеют и не любят.

- А ты в зеркало на себя взгляни! Образина! И подумай, можно ли любить вот это?

Володька встал, подошел к трельяжу и повертел головой.

- Как понимать ваше выражение "это"? Морда как морда! Могло быть и хуже!

Никита давился смехом и более был не в состоянии стоять на ногах. Он сел на стул и принялся громко смеяться.

- И ты туда же, издеваешься, - грустно произнес Кирпич. - Какие у тебя планы на сегодня?

- Как это, какие? - возмутился Никита.

- И ты ко мне тоже обращаешься как к некому "это"?

- Да нет, я вопросительно, как понять какие? А такие, намечено торжественное собрание и банкет ветеранов дивизии.

- Какой?

- Нашей! Баграмской!

- А-а-а, точно! А я то думал, где мы с тобой вместе служили! Замкнуло в мозгах, заклинило.

- Точно, совсем заклинило тебя и перекорежило. Опух от водки! Иди, умой рыло быстрее, а то вновь отключишься из реальности!

Кирпич направился в ванную, снимаю на ходу штаны и рубашку, в конце концов, он запутался в одной штанине, покачнулся и сильно ударился плечом о дверной косяк. Этим вызвал всплеск смеха.

Ополоснувшись под душем, Кирпичин, спустя пятнадцать минут, вновь появился в комнате.

Все это время его супруга рассказывала о жизни. В основном, жаловалась и сетовала на загулы мужа.

- Хватит тебе стонать! - рявкнул Вовка. - Видишь человека впервые в жизни, и сразу слезы льешь! Ты хоть знаешь, кто этот субъект? Это мой бывший замполит. Зверь, а не человек! И ты, Валька, зря про меня наговариваешь. Никита, все её рассказы - басни! Я хороший!

- Ладно, хороший! Одевайся и в путь!

- А куда в путь-то?

- В сад "Эрмитаж", ты же сам мне приглашение по почте выслал!

- О! Точно! Голова моя, садовая! Верно, нас ждут в "Эрмитаже". Чего расселся? Пошли!

- Куда пошли, тебя еще качает! На ногах едва стоишь! - возмутилась Валентина. - Садитесь, поешьте, а потом можете идти на все четыре стороны! Иначе после первой рюмки сразу развезет!

Мужчины нехотя сели за стол, быстро перекусили яичницей с сосисками. Чмокнув в щеку жену, Кирпич потянул за собой гостя к выходу.

- Пойдем скорее, Никита. А не то меня в этом доме совсем дискредитируют в твоих глазах. Кирпич увлек Ромашкина в коридор и, на ходу застегивая рубашку, стал объясняться.

- Ты понимаешь, она меня пилит, а я не виноват! Как не пить, когда каждый день вынужден спаивать всех подряд: милицию, чекистов, чиновников, бандитов, военное начальство из академии. Я же сейчас руковожу охранным предприятием,

нелегально, конечно. Мороки уйма. А как жить-то? На зарплату полковника, с двумя детьми и неработающей женой, да еще и в Москве? А, кроме того, риск каждый день! Мы курируем игорные заведения, рестораны, гостиницы и еще много чего. На той неделе охранника ранили из обреза, позавчера топориком другого зарубили, воткнули в спину. Вот мы хлопца поминали-хоронили и напились. В меня самого стреляли и гранату под машину подбрасывали. Если б хотели убить - убили бы. Предупреждали, видимо...

Так, за рассказом о разгуле криминала в столице, добрались на перекладных до сада.

У входа стоял патруль и расспрашивал о цели прибытия, проверял документы.

- Вишь ты, стоит генералам на мероприятии нарисоваться, как патрули "косяками" появляются, - усмехнулся Кирпич.

- А кто будет из "золотопогонников", - поинтересовался Никита.

- Вроде бы три бывших комдива, сам знаешь, они теперь большие люди в Министерстве Обороны. Пойдем здороваться?

- В принципе, о чем с ними говорить? Я на прошлой встрече просил двоих о помощи, когда за штатом стоял без должности, а до пенсии служить предстояло два года! Думаешь, кто-то пошевелился? Хрен с маслом! Свысока, поглядели, пообещали и забыли. Только Султанов, бывший начштаба, прислал полковника, тот с проверкой в округе был. И знаешь, что мне предложил?

- Ну? Начальником санатория? Замполитом курорта?- хмыкнул Кирпич.

- Ага! В Таджикистан, оказать интернациональную помощь, в погранотряд! Послал я их, а потом одумался, как раз заставу разбили. Ладно, думаю, нужно ехать. Но вакантной была должность только в Душанбе, психологом у зенитчиков. Ну, это вообще то, что надо, не по горам ведь вновь бегать. Но нет, там год за три, тройной оклад, и я остался за бортом этой командировки. А уже и чемодан собрал, и из части рассчитали, и с семьей простился. Кто-то из старичков уцепился за должность перед увольнением, и я в итоге ушел в отставку по сокращению штатов, еле до пенсии дотянул. И черт с ними, за то теперь мне что генералы, что маршалы, не указ. Пенсионер, он и в Африке пенсионер! Давай свалим в сторонку, подальше от митинга и построения, займем столик и накатим...

- Давай! - решительно произнес Вовка, которому давно не терпелось опохмелиться. - Вон, тот, под развесистыми ветвями дерева.

Кирпичин отряхнул ребром ладони со стола ветки и листву, расстелил газету и достал бутылку "Черная смерть".

- Символично! - хмыкнул Никита. - Упьемся в полусмерть?

- Ну не обязательно в нашу, сейчас еще кто-нибудь подрулит, послабее организмом.

Завидев, что отдельные несознательные ветераны банкет под сенью кустов уже начали, парадный строй потерял еще несколько представителей. Когда Никита закончил нарезать сало, колбасу и хлеб, к ним уже подковылял огромный парень со шрамом на щеке, в голубом берете, с палочкой и протезом вместо левой ноги.

- Пехота, десантуру примете? - поинтересовался мужчина.

- А как же, тем более такого боевого! Садись, брат, не перетруждай ногу! - пригласил Кирпич, подвинувшись на лавочке. - Держи стакан!

Десантник извлек из кармана пол-литра, а из авоськи помидоры и огурцы.

- Дмитрий. Панджшер, 86-ой год. Бывший сержант, а ныне художник. Свободный художник.

- И как? - поинтересовался Кирпич. - Хорошо идут дела?

- По-разному. Работаю в поте лица и по мере сил и здоровья. Когда уходит одна, когда две картины в месяц, когда ни одной. Но жить надо, ребенок кушать хочет каждый день, а не раз в месяц. У меня пенсия от благодарного государства, по инвалидности (десантник оголил ногу и похлопал по протезу, чуть выше колена) в триста наших "деревянных". Представляете, пятидесяти вонючих "баксов" не заслужил. Я в штатах работал по контракту с галереей, встречался с ветеранами Вьетнама, вот кому уважуха!

- И как существуешь? - удивился Кирпич.

- Работаю охранником на автостоянке. Там и рисую, по ночам. Ты не подумай, что ерунду какую-нибудь, мои картины в Государственной Думе выставлялись! Я в Америке хорошо продавался. В Голландии! У меня замечательный голландский и чешский цикл. А какая серия фэнтэзи! М-м-м. Чего о грустном, выпьем, братцы, за возвращение не в "цинках"!

Выпили. К скамейке подскочил еще один тип, которого, сидя спиной, сразу не заметили. Он схватил Ромашкина и Кирпича за горло и принялся душить, громко хохоча при этом.

- Отстань, гад! - прохрипел Володька. - Кто это?

- Сережка? - спросил Никита пытаясь вывернуться.

Димка-художник скорчил свирепую гримасу и замахнулся тростью на нападавшего.

- Не тронь! Я свой! - воскликнул "душегуб". - Сейчас додушу

этих, и будем вместе пить.

Приятели хрипели, извивались и, наконец, Кирпичин вырвался из цепких объятий и уже собрался дать в нос нападавшему, но вместо этого расхохотался.

- Точно, Серега! Здорово, Большеногин! Привет сволочь!

- Я ему сейчас эти лишние ноги буду обламывать! - воскликнул Ромашкин. - Узнаю по дурацкой привычке мучить и нападать на друзей.

- Но-но! Не тронь! Зашибу! - воскликнул Сергей и бросился обнимать друзей.

В его железных тисках заскрипел даже громила Кирпич.

- Ну, ты, "железная лапа", полегче! Я ж тебе не Маугли. Ослабь хватку, шею сомнешь, а мне завтра работать!

- Откуда ты объявился, скотина? - ласково спросил Никита. - Десять лет ни гу-гу и, на тебе, нарисовался. Представляешь Вовка, я ему пишу письма, в гости зову, а он мне телеграмму присылает: "Спасибо, друг, что помнишь, скоро напишу!" Проходит год, я вновь ему письмо, а он мне опять телеграмму: "Никита! Рад твоему письму, спасибо, скоро напишу!" Я через полгода опять царапаю весточку, зову на встречу ветеранов-однополчан, а в мой адрес очередная благодарственная телеграмма. О жизни "Большой ноги" узнавал через родителей, они рассказывали, что да как. А после третьего безответного письма у меня бумага кончилась, да и ручка писать перестала.

- Никита! Прости засранца! Ну, что поделать, каюсь, виновен, больше не буду, исправлюсь!

- Врешь! Будешь и не исправишься! Знаю я тебя, чертяку.

Друзья крепко обнялись, расцеловались. Кирпич тут же налил по стопорю.

- Димка - десантник, художник. Это Серж - мой бывший вечный подчиненный. Взводный, а затем и ротный. Краса и гордость нашего мотострелкового полка, граф, орденоносец, командир лучшего взвода, но сам неисправимый разгильдяй.

- Сам такой! - ответил Сергей.

- Я и не отказываюсь, - ответил Никита. - Ты откуда? Каким ветром занесло?

- Примчался на день, завтра улетаю за границу, к арабам. Все позже расскажу. Сейчас лучше вы о себе!

К столику подошли два москвича, сослуживцы из соседнего пехотного полка, Василий Семеныч Котиков, Вася Дибаша и Саня Смирницкий. Народ принялся знакомиться, кто с кем был не знаком.

- Нет, мужики, в разговорах не успеем выпить. Отставить болтовню! рявкнул Кирпич. - Вздрогнули!

Приняли "на грудь" по соточке, закусили огурцами.

- О! Черт, дурная моя голова! Чем закусывали?! У меня же балык! воскликнул Серж и принялся доставать из дипломата рыбу в пакетах, и икру в банках.

- Ого! Граф получил наследство? - усмехнулся Никита.

- Нет, графа сослали на Восток. На самый Дальний Восток. Дальше некуда. Оттуда и рыбка! Десять лет без права переписки.

- Сильно. За что тебя так? - удивился Вован.

- За то, что был холост, - ухмыльнулся Серж. - После Афгана холостяков по "дырам" распихивали. Так холостяком и оставался десять лет, только недавно расписался.

- Поздравляю! С графиней? - вновь хмыкнул Кирпич.

- Нет, с княгиней!

- Повезло, - вздохнул Никита. - И ничего-то с ним не поделаешь, и там выжил! Ни фугас его не взял, ни духовская пуля, ни жара, ни мороз! Помню, как-то нас на Новый год в горы загнали, так у Сержа сосулька в полметра висела на носу. Он мороза, ужас как боится, больше пуль и осколков. Теплолюбивое растение.

- Э, Никита, знаешь, как я выжил тогда в горах? Не знаешь. А тебя, Кирпич, тогда еще в батальоне в помине не было. Ромашка, а ты разве с нами тогда в горах тоже ночевал?

- Хм, это ты с нами тогда ночевал! Еще вопрос кто кого с собой в горы брал! Кто начальником был?

- Да пошел ты, к бабушке в штаны! Опять, будем выяснять, кто начальник? Кто дурак? Ну, ладно, ты...

- Вот! И я там был, но мед-пиво не пил, и мерзли вместе. Я едва не примерз к сугробу. Шапка и волосы утром вмерзла в подтаявший наст.

- Во! А я спал комфортно... в гробу!

- Где? - вытаращил глаза Кирпич.

- Чего ты мелешь? В каком гробу? - усмехнулся Никита. Тебе, наверное, память отшибло! Какие гробы в Афганских горах?

- Не смейся, правду говорю. Бойцы откуда-то разыскали и приволокли три гроба с крышками. Сам удивился, афганцы ведь без них хоронят своих покойников. Я думаю, бойцы из обслуги морга, "домовины" сперли, и хотели продать, как дрова, а мои орлы тайник нашли, растащили этот дровяной склад.

- Хочешь сказать, что ты со своей мнительностью спал в гробу? воскликнул недоверчиво Никита.

- Спал! Ее-ей! Вот те крест! - и Сергей перекрестился.

- Ты ж атеист! Не верю! - не согласился Никита. - Что же не рассказывал раньше про такую ночевку.

- Не рассказывал! Кому интересно болтать про гробы?

Приметы всякие не хорошие, одним словом - мистика. А как мне было иначе выжить в мороз? Я ж теплолюбивый, домашний, и ехал не на Северный Полюс воевать, а почти в тропики! Ты ведь, Никита, тоже ехал не на зимовку, правда? Не ожидал сугробов? И вообще, что тебя, диссидента, занесло на войну? Постоянно вольнодумство излагал и нас разлагал! Что тебя в Афган привело, Ромашка?

- Интересно? Ну что ж, это такая занимательная история. Долго рассказывать, но водки и закуски у нас полно, а до вечера времени полно. Надоест - прервете.

Ромашкин расположился на лавочке поудобнее, на солнце блеснули два ордена и три медали.

- Итак, слушайте...

Глава 1. Педженский гарнизон.

Ранним утром вонючий поезд с выбитыми в вагонах большинством окон, прибыл на Педженский вокзал. Окна в коридоре и тамбурах, были вбиты: частично самими пассажирами, чтоб не задохнуться в духоте, а частично выставлены в депо заранее в преддверии жарких летних рейсов. Состав был летнего расписания и зимой не ходил. Никита впервые ехал в таком вагоне, и ему было чудно, ощущение путешествия в эшелоне периода гражданской войны. Во время движения было свежо и прохладно, однако в купе залетали мусор, пыль и сажа. Хотелось скорее принять ванную, или хотя бы вымыться под освежающим душем. Поездочка навевала невеселые думы. Настроение в высшей степени паршивое, и новенькое офицерское звание "лейтенант" более не радовало. А чему радоваться? Прибыл в богом забытую дыру, на краю земли. И куда меня занесла судьба? (Так размышлял лейтенант Никита Ромашкин, сидя на двух чемоданах). На третьем примостилась злая как акула молодая супруга. Они не разговаривали уже второй день, не об этом она мечтала, выходя замуж за курсанта. Эх, сколько прекрасных мест, где бы он мог служить: Германия, Польша, Венгрия, Белоруссия и Украина. Так нет же! Самый гнуснейший край достался этому недотепе по выпуску...

Ромашкин собирался с мыслями, обдумывая дальнейшие действия. Лейтенант огляделся: заплеванный пыльный перрон с покрашенным розовой краской одноэтажным вокзалом, рядом несколько хилых, высохших деревцев без листвы качались на ветру. От них не падало ни малейшей тени на землю. Слабая тень была только от вокзальной стены. Там стоял, прислонившись спиной, средних лет милиционер-туркмен, и обливался обильным потом. Его выпирающий живот, перетягивала портупея, словно стянутый обручем пивной бочонок, засаленный, мятый китель

висел мешком, словно на пугале. Кроме него и спросить не у кого, выяснить, куда дальше двигаться. Вокзал был пуст и безлюден. Куда занесло?! Эх, тоска! Захолустье, на краю земли!

- Товарищ старшина! Не подскажите где военный гарнизон? - спросил Никита, подойдя к нему. - Как к нему пройти?

- О-о! Дорогой, пешком не пырайдэшь! Маршрутка нада ехать! Иди к базару, там остановка. Отойди, нэ мешай работать!

Милиционер достал из кармана огромный носовой платок и принялся вытирать пот, струящийся по лбу несколькими ручейками.

Вот боров, перетрудился! Устал работать! - подумал лейтенант. У ног ополовиненная трехлитровая банка разливного пива, на расстеленной на кирпичах газетке вобла. Красота! Я бы тоже хотел так трудиться. Нам так не жить и не служить...

Окликнув жену и подхватив чемоданы, Никита побрел в ту сторону, куда указал озабоченный нелегкой службой постовой. Вскоре молодое семейство очутилось в незнакомом мире, который показывали в старых, довоенных фильмах. Площадь перед вокзалом обрамлялась двухэтажными, эпохи позднего сталинизма домишками, а с другой стороны, за узкой колеей рельсов, простирался одноэтажный кишлак из глиняных халуп. Такие трущобы, он уже видел в "старом городе" Термеза.

Меня опять обманули! - догадался Ромашкин. - Обещали службу в городе, выпроваживая из Термеза на повышение, а оказалось очередная большая деревня, вернее сказать, аул. Место значительно хуже, чем прежнее. В Термезе Никита провел месяц службы за штатом, его гоняли по нарядам, перебрасывали с места на место, и ни каких дальнейших перспектив.

Кадровик в дивизии предложил повышение: капитанскую должность в танковой учебке, замполитом роты курсантов! Молодой лейтенант соблазнился на посулы и быстро согласился. А зря, Термез - же был город как город! С аэропортом, гостиницами, ресторанами, кинотеатрами, скверами, универмагами. Пусть изредка, но можно было погулять по аллеям, по проспекту, по культурным и злачным местам. А что тут? Прошлый или даже позапрошлый век. Захолустье, оно и есть захолустье.

Ромашкины пошли по единственной асфальтированной городской дороге в сторону рынка и с трудом разыскали нужную остановку. Вернее догадались, по присутствию возле столба с навесом, нескольких славянских физиономий мужского и женского пола. А до этого по пути встречались исключительно азиаты, не желающие вступать в разговоры. Теперь вокруг свои, бледнолицые, хотя и очень загорелые. Некоторые были в военной

форме. Один лейтенант подтвердил что в в.ч. ?...., действительно попасть можно, исключительно отсюда. Он охотно рассказал, что в Педженском гарнизоне стоит пехотный и танковый полки, медсанбат, рембат, стройбат и еще много чего мелкого.

Что ж, значит таких страдальцев, как я, тут не перечесть, - подумал Ромашкин, исключив при этом из числа страдальцев супругу. - Служат - же люди как - то и мы послужим, не помрем!

***

- Товарищ лейтенант! Вы прибыли в учебный танковый полк! На капитанскую должность! Поэтому должны оправдывать оказанное, высокое доверие, а не валять дурака! - прорычал в ответ на доклад Никиты о прибытии в часть командир танкового полка.

Этот маленького роста подполковник Хомутецкий, со злыми колючими глазами, смешно топорщил жиденькие усы, и во время разговора постоянно слегка подпрыгивал, приподнимаясь с пяток на носки, что сильно раздражало лейтенанта. (Ишь - попрыгунчик, какой!). Вернее сказать, не разговора, а монолога. Потому что ни одного умного или не умного слова вставить Ромашкину не получилось.

- В предписании указан срок прибытия позавчера! Где болтался все это время? - в очередной раз выкрикнул командир, приподнимаясь на носках и придвигая, черные усы к лицу лейтенанта.

- Да, я...! - попытался оправдаться Никита, но его голосок был заглушен новой гневной тирадой.

- Выгоню к чертовой матери! У меня своих бездельников достаточно. Третий месяц навожу порядок и избавляюсь от них. Я тебя быстро сошлю в Кызыларбат или Иолотань. В Туркво достаточно дыр, куда можно запихнуть Ваш зад, товарищ лейтенант! Поэтому идите в назначенную вам 8 роту, а я подумаю оставлять Вас или отправить куда-нибудь подальше, "к черту на рога"!

Ни фига себе! - подумал Ромашкин (Вернее подумал он в более грубых и сочных выражениях). Куда же еще подальше? Неужели возможно такое? Это что, еще не самая окраина земного шара? Что есть более глухие и гадкие места? Не ожидал...

Далее лейтенант проследовал представляться остальным командирам и начальникам из кабинета в кабинет. В основном им никто более не интересовался, ну прибыл и прибыл, какая мне от тебя польза? Замполит полка Бердымурадов не грубил, но тоже слушать рассказ с пояснениями об отсутствии билетов не желал. Он лишь по долгу службы поинтересовался о семейном положении и распорядился по поводу ночлега.

- Переночуете в общежитии, а затем поставим вопрос на жилкомиссию о выделении квартиры. (Ого! есть даже свободное жилье!).

- Когда приедет супруга? - спросил замполит, делая пометки в блокноте.

- Она со мной! С чемоданами на КПП, как в кино "Офицеры", - ответил Никита, а сам закатил к потолку глаза и подумал: как бы от нее избавиться и побыстрее сплавить к теще? Может уже никогда более и не приедет. Надоела своими стонами, пора разводиться.

Замполит подслушать мысли лейтенанта не мог, поэтому распорядился:

- Вот и хорошо. Председатель жилищной комиссии, майор Зверев, наш зам по тылу полка. Сейчас ступайте к нему, напишите заявление. Крыша над головой самое главное для семьи!

- Жилье это конечно прекрасно! Жена в следующем месяце на пару недель съездит, сдаст сессию в институте, и вернется обратно. Возможно, в конце следующего месяца уже и вернется обратно, покуда я обживусь.

Но на Бердымурадова все эти нюансы не интересовали, он уже углубился в чтение газеты "Правда".

Представление полковому начальству растянулось до вечера. Молодому неопытному лейтенанту все в новинку: только недавно был курсантом выпускного курса, казалось не первый год в армии (пятый), но это в прошлом, а офицерская жизнь началась с чистого листа. Теперь новый этап военной службы. Интересно как она сложится? Эх, знать бы наперед, затормозится карьера на звании "капитан" или удастся стать полковником? А не предстоит ли дослужиться до генерала?

Следующим утром Ромашкин вновь явился в штаб полка в строевую сдавать документы, откуда был быстро препровожден в батальон, а там попал в цепкие объятия начальника штаба.

- Лейтенант. Как фамилия? - грозно спросил рябой майор, с некрасивым "шилом бритым" лицом. Он стоял на высоком крыльце из десяти ступенек, и курил, небрежно стряхивая пепел на парапет. Что он и есть начштаба, Никита об этом еще не догадывался.

- Ромашкин. Лейтенант Ромашкин. Назначен на должность заместителя командира восьмой роты.

- Ага! Отлично! Как раз во время прибыл. Попался голубчик! - воскликнул майор, радостно потирая ладони. - Мне ты как раз и нужен! Завтра заступаешь начальником патруля по гарнизону. Солдат тебе в подчинение определит ротный. Форма: брюки в

сапоги, без оружия. Чего молчим? Приказ не ясен?

- Ясен. Так точно! - ответил Никита, придя в полное смятение. Он то сразу представился, кто сам есть такой, а вот что за майорское "рябое мурло" им так командует пока было не ясно. - Разрешите полюбопытствовать, чтоб впредь знать, а вы то, кто будете?

- Что?!! Кто?!! Я майор Давыденко! Начальник штаба батальона! Твой прямой начальник. Второй по значимости для тебя после комбата!

- Виноват. Не совсем понял последнее выражение. А замполит батальона у нас есть? Или он отсутствует? А ротный?

- Молчать и бояться! В порошок сотру, сгною, по нарядам загоняю болвана! Ух, ты, говорливый какой объявился. Что ни замполит, то умник и демагог! Мало мне было наглого демагога Колчакова, так еще один говорун объявился. Что ни лейтенант, то Спиноза или Сократ!

- А чем плох Бенедикт Спиноза? - буркнул Никита.

То, что в батальоне есть и другие демагоги, и он не хуже других, его радовало.

- Тем, что вы все для меня занозы. Занозы в жопе! Одним словом, политические - занозы!

В этот момент из открывшихся дверей появился вначале широкоплечий майор, а за ним два весело хохочущих капитана.

Майор услышал последние фразы Давыденко, и нахмурил густые брови. Высокие начищенные и наглаженные сапоги этого старшего офицера блестели и переливались на солнце, огромная шитая фуражка-аэродром, была словно у латиноамериканского генерала- диктатора. Широкие плечи выдавали в нем бывшего борца, а волевой квадратный подбородок, не предвещал легкой жизни подчиненным. Правда, позднее выяснилось, что этот борец, милейший человек.

- Мирон! Ты уже теперь не ротный, уймись! Чего ты так накинулся на молодого лейтенанта? - спросил ехидно майор. - Солиднее нужно быть, интеллигентнее.

Начальник штаба вздрогнул от неожиданности и слегка растерялся, но затем быстро взял себя в руки и, густо краснея и без того багровым лицом, вымолвил:

- Да вот, прибыл новый замполит роты. Нахал и бездельник, по всему видно!

- По чему по всему? Какой критерий в определении? - поинтересовался широкоплечий майор. - Веснушки на носу? Голубые глаза?

- Видимо тот, что я за честное имя Бенедикта Спинозы вступился, усмехнулся Ромашкин.

- Наш человек! - кудрявый чернявый капитан толкнул в бок высокого голубоглазого капитана-блондина и вновь радостно засмеялся.

- Вот, вам новый кадр! - скорчил гримасу начальник штаба. - Забирайте на здоровье и мучайтесь. Но главное чтоб он не забыл о завтрашнем заступлении в патруль. Иначе я его живым сожру! В первый день службы!

Майор Давыденко выбросил окурок в урну, быстро сбежал по ступенькам вниз и зашагал широкими чеканными шагами через плац по направлению к выходу из городка.

- Лейтенант! Что ты сделал с Мироном? Чем так разозлил? - рассмеялся голубоглазый капитан.- До инсульта едва не довел мужика!

- Не знаю. Не понял. Он сам по себе взбеленил, - ответил Никита. - Я прибыл в восьмую роту, лейтенант Ромашкин.

- Как ты вовремя объявился! - воскликнул кудрявый. - Я наконец-то сдам должность, ведь ты моя смена! Моя фамилия Штранмассер, и откликаюсь на Михаила.

- А на Моисея откликаешься? - захохотал голубоглазый.

- Откликаюсь, но ни кто "в святую землю" не зовет!

- Капитаны! Угомонитесь! Молчать! Дайте молодому человеку доложить о себе, - вмешался майор, отодвигая в сторону обоих весельчаков и балагуров.

Ромашкин вновь представился, объяснился и выразил полное недоумение яростью начальника штаба.

- Про таких говорят: "Жена плохо дает, или дает, но другим!" - еще громче рассмеялся голубоглазый капитан.

- Разговорчики! Прекратить! - вспыхнул майор-замполит, пресекая циничные намеки подчиненных, на семейные проблемы начальника штаба.

Моя фамилия Рахимов, замполит нашего третьего батальона. Вот этот насмешник - Хлюдов. Пока что, замполит седьмой роты.

- Володя! - назвал себя капитан и протянул руку для знакомства.

- А этот капитан Штранмассер. Всем говорит что Миша, но мы не верим. С ним в принципе можно не знакомиться, а лишь поздороваться. Один хрен, сегодня тебе дела передаст, и уедет в свою Иолатань!

- Дела передаст, но сам Штранмассер не "передаст"! - со значением произнес капитан, подняв вверх длинный указательный палец.

- Запомни приятель, Штранмассер! Не путать с "Шмайсером" и "трассером". А то забавно бывает, порою слышу, кричит какой-нибудь боец: Шмайсер идет. Или Шмекером каким обзовут. А у

меня простая русская фамилия: Штранмассер. Нужно просто заучить, она легко запоминается, почти как Иванов.

Ха-ха! - рассмеялся капитан, довольный своей шутке.

- С такой фамилией, и назначили заместителем командира батальона! Майором станет!- с наигранным возмущением проговорил второй капитан. - А я Хлюдов, потомок старинного офицерского рода по-прежнему в капитанах хожу!

- Вовочка! Мне фамилия двенадцать лет мешала должностному росту, а тебе вредит имя. Уверяю, Володя, только начальство взглянет на Вас, мой милый друг, тотчас вспоминает: Вовочка, ну вылитый проказник, Вовочка из анекдотов. Да и фамилия у тебя подозрительная Хлюдов. Есть что-то в ней ругательное. И возраст твой вполне юношеский!

- Ни фига себе юношу нашел! Двадцать девять, тридцатый годок подходит.

- Я же говорю, молод. Вот стукнет тридцать три, тогда и станешь замкомбата. Не спеши, дай срок настояться "бражке" в твоей кровушке.

Миша еще немного побалагурил, а затем с разрешения Рахимова увлек Никиту в казарму. Там он много и быстро говорил, размахивал руками, показывая тетради, конспекты, журналы, накладные на телевизор и радиоприемники, провел экскурсию по незавершенной ленкомнате.

Никита слушал, а в мозгу крепкой заусеницей сидела мысль и мешала сосредоточиться на документах: "Ни хрена себе! Тридцать три года! Вырос до капитана и стал, наконец, замкомбата. Хорошенькая перспектива: гнить в этой глуши лет десять и все на одной должности в роте и в роте!

Штранмассер познакомил Никиту с офицерами, заодно позже рассказав о каждом.

- Ротный у нас новый, по фамилии Неслышащих, но его фамилию точно ни кто не помнит и не произносит верно, употребляют, как правило: Витька Недумающий, Витька Непомнящий и тому подобное. Взводные с придурью, у каждого свой бзик. Карьеристов в роте нет, ни в прямом (сволочей), ни в переносном смысле(старых пердунов). Служат тут кто год, кто три, кто и пять лет. Первый взвод Вовки Мурыгина, вторым командует Мишка Шмер, третьим Сергей Шкребус (он же "Глобус", он же "Ребус"), четвертым Ахмедка-туркмен. Бекшимов. Зампотех лейтенант Шурка Пелько. Есть снятый ротный майор Леня Никешов. Этот "висит" за штатом, на него можно внимания не обращать. Он как старый шкаф: места много не занимает, не нужен, а выбросить жалко. Ходит на службу и ходит, ждет когда переведут в военкомат. Сам по ходу дела, со всеми

перезнакомишься, подружишься.

Позже Штранмассер отвел к председателю комиссии, посодействовал в перемещении из общаги в квартиру. Майор Зверев облагодетельствовал, выделил комнату на пятом этаже, в благоустроенной квартире. Но в пятиэтажках оказался один недостаток: туалетом пользоваться можно нерегулярно, по часам. Холодная вода поступает наверх в сливной бачек с полуночи и до раннего утра. Горячей воды не бывает вовсе, по причине отсутствия оной. Ну да ладно, лучше чем в общаге с уличным туалетом и умывальником из пяти кранов на пятьдесят обитателей. Зато теперь в квартиру можно будет притащить койки из казармы, поменять белье и спать более-менее уютно.

Глава 2. Первый день службы.

Утром Никита едва не проспал на службу. Ночь стояла душной, вечером долго ворочался, не мог уснуть, а под утро глаза не открыть. Завтрак на бегу. Питались с женой в гарнизонной столовке солидно называемой "кафе", потому что ни кастрюль, ни тарелок у молодой семьи не было. Багаж еще катил где-то по бескрайним просторам Средней Азии. В столовке завтрак уже завершился, и для опоздавшего лейтенанта, кроме вчерашней котлеты "смерть желудку" да лапши, не было ничего. Быстро проглотив пищу, Ромашкин помчался в штаб на инструктаж. И тотчас попал под горячую руку начальства. Это был вновь злобствующий командир полка.

- Лейтенант! Ты, почему в нечищеных сапогах?!

Никита с удивлением взглянул на чуть запылившиеся сапоги во время перебежки через плац и слегка растерялся.

- Почему не чищенные? Минуту назад намазал их кремом и почистил, ответил Ромашкин.

- Молчать! Я сказал, обувь не чищена! На первый раз объявляю замечание! - грозно рявкнул командир полка. - Вы сегодня в патруль заступили?

- Так точно!

- Слушайте мой приказ: разыскать майора Иванникова и доставить ко мне! Будет вырываться - разрешаю скрутить.

- А кто это? - осторожно поинтересовался Ромашкин.

- Как кто? Ты не знаешь пьяницу Иванникова?

- Никак нет! Я только вчера ведь прибыл в полк,- осторожно напомнил Никита. Откуда мне его знать?

- Гм, гм. Ну, это не моя забота! Найдешь! - отрезал подполковник Хомутецкий. - Шагом марш выполнять приказ!

В подчинение Ромашкин получил двух молодых младших сержантов.

- Как фамилии ваши? - спросил Никита.

- Наседкин, - ответил тот, что был с рваной губой.

- Магометов, - высокомерно произнес второй, с сильным кавказским акцентом.

- Кто такой Иванников? Знаете? - поинтересовался лейтенант задумчиво покусывая губу. - Что за гад, которого требуют, во что бы то ни стало приволочь?

- Это зампотех девятой роты. Разжалованный майор. Я краем уха слыхивал, что его за пьянки из штаба полка турнули к нам в батальон, - пояснил Наседкин. - В лицо- то я его знаю, но где искать, понятия не имею. В городке всевозможных закутковов и злачных мест не счесть.

- Что ж пойдем в поиск. Начнем обход всех гнезд разврата и гадюжников! - хмыкнул Ромашкин.

Буквально за забором стоял первый одноэтажный барак, на который указал сержант. Эти домишки-бараки были разделены каждый на четыре квартиры. Ворота палисадника одной ветхой квартиры-четвертинки были сломаны, входная дверь висела на ржавой петле. Мусор устилал весь двор не равномерным слоем: где гуще, где пуще. Рой мух взлетел при появлении людей и угрожающе шумно зажужжал в воздухе. Спугнутые крысы шмыгнули в щель, злобно оглядев незваных пришельцев. Если так грязно во дворе то, каково в доме? - подумал опасливо лейтенант. Входить в лачугу не хотелось, но надо. Лейтенант с силой дернул дверь за ручку, чтобы отворить квартиру, гнилая доска треснула, ручка оторвалась и осталась в руке.

- Не так надо! - произнес Наседкин и, обойдя сбоку офицера, схватился за дверное полотно, приподнял его и отодвинул в сторону, освобождая проход.

В образовавшуюся щель устремился дневной свет, а на встречу свежему воздуху, наружу хлынула смрадная вонь.

- О-о-о! - произнес ошеломленно Никита. Наседкин, ступай, посмотри своего знакомца.

- Какой он мне знакомец! Еще приятелем- собутыльником назовите!обиделся сержант, но более пререкаться не стал, а быстро вошел внутрь, и через минуту выскочил обратно.

- Пусто, ни души! - Ну, там и помойка! Тошниловка!

- Все осмотрел? - спросил с сомнением Никита. - Внимательно?

- А чего там смотреть? Пустые стены! - ответил сержант.

Через дорожку стоял следующий, такой - же "гадюжник" без стекол в оконных рамах и даже без дверей. Там так же было пусто.

В третьем жалком гнездилище алкашей гарнизона, уже на входе виднелись свежие следы недавнего присутствия

человеческих существ: огрызки, объедки, грязные стаканы. У калитки высилась огромная куча мусора собранного со всего двора. Бутылки, остатки пищи, очистки, бумагу, тряпье, сваленные вместе, явно приготовили к вывозу на свалку.

- В этой квартире жил прапорщик, фамилию его не помню, но он дружок Иванникова, - произнес сержант Наседкин. - Это наша рота наводила на прошлой неделе порядок. Прапора выселили, ни кто тут пока не живет, и вряд-ли поселится.

- Проверим..., - с сомнением произнес Никита, и брезгливо морщась, вошел в гадкую квартирку.

В сенях в куче мусора рылся полосатый бродячий кот, который с воплем метнулся наружу между сапог лейтенанта. Мяу-у!!!

- Брысь, блохастая сволочь! - топнул ногой лейтенант, и патрульные громко рассмеялись.

В кухне до края кирпичной печки высилась вторая куча мусора, состоящая в основном из банок, бутылок, грязной посуды, кастрюль, и сковород.

В центре спальни возвышался самый большой ворох тряпья, газет, окурков и черепков. В темном углу стояла железная армейская кровать с лежащим на ней человеком. Никите почудилось, что это лежит труп. Холодея сердцем, он легонько, носком сапога пнул накрытое рогожей тело, но в результате этого тычка был, достигнут поразительный эффект. Тело ожило и перед изумленным лейтенантом предстало отвратительное человеческое существо, густо заросшее бородой, исхудавшее до синевы, в трусах и грязной майке. От него разило ужасным перегаром и кислым, прелым запахом давно не смытого пота. Человеческое подобие. Какой-то гоблин.

- Ты кто такой? - чуть отпрянув, спросил лейтенант, отворачивая нос. Иванников? Ты Иванников? Майор?

- Пинчук, - ответило существо. - Бывший прапорщик Пинчук.

- Пень-чук? Прапорщик Пенчук? Чук- и -пень. Взять его хлопцы! На гауптвахту! Там разберемся, что это за Пень! - распорядился Никита.

- Не имеете право! Уволен с военной службы в прошлом годе! Не пойду на "губу". Я вольный казак!

- Вижу что вольный, обитаешь тут как крыса подвальная. Запаршивел до животного состояния, скоты живут в лучших условиях. Кем работаешь? Где?

- Никем и нигде? Я вольный человек, скиталец.

- Чего делаешь в закрытом гарнизоне, коли, уволен со службы? - удивился Никита.

- Тут я в безопасности, а за приделами полка милиция враз

заметет. А в тюрьму я не хочу. Мне туточки хорошо.

- Семья твоя где? Горемыка? - хмыкнул Никита.

- Какая семья, любезный? Один я, один как перст. Сбежала жена и детей увезла три года тому назад. Мне в Россее делать нечего. Здесь мой дом. Двадцать пять лет отслужил, оттрубил в Педжене, тут и схоронят!

- Действительно, какая семья, о чем я спрашиваю. От тебя мочой как от общественного туалета несет. Вонючка! Хоть бы матрас подстелил поверх пружин.

Никита с неприязнью взглянул на алкоголика и на его пещерное лежбище. На стальной сетке валялась старая рваная шинель.

- Матрас был, но украл кто-то, неделю назад.

- Кто мог украсть у тебя матрас? - усмехнулся Никита. - Такой же, как ты, вонючий матрас и украли?

- Ты лейтенант думаешь, я тут один такой? Нас много шхерится по городку. Ехать мужикам некуда, не на что и не зачем. Живем мало помалу, да хлеб жуем.

- Живем? - поразился лейтенант. Это ты называешь жизнью?

- Послужи тут лет пятнадцать, посмотрим, каким станешь, могет тожа, опустишься,- буркнуло существо, легло обратно на кровать, и зарылось в тряпье.

Лейтенант махнул на него рукой, решив не связываться, не морочиться с доставкой никчемного бродяги на "губу".

Никита не торопясь, обошел более десятка злачных квартирок, в разной степени поганости и зараженности. Ему повстречалось еще несколько аналогичных человеческих отбросов, вышвырнутых армией за борт, но так и не оказавшихся в советском гражданском обществе. Иванников среди бродяг так и не нашелся. К концу обхода, от вони и смрада патрульных тошнило.

Ромашкин отпустил бойцов обедать, а сам отправился на доклад командиру.

- Товарищ подполковник! Иванникова не нашли! - доложил лейтенант с замиранием сердца, ожидая разноса.

- Ступай! Он сам явился. Плохо начинаешь службу лейтенант! Ты не расторопliв, и не исполнителен! Плохо, очень плохо! Шагом марш отсюда....

Никита расстроился еще сильнее. В первый день службы нарваться на гнев командира и во второй опять получить нагоняй! Да и место пребывания оказалось ужасно! Это ж надо, куда я попал! Десятилетиями офицеры не могут вырваться из песков! А как спиваются тут служивые! Эх, прощай молодость и карьера. Что делать?!! Как выбраться отсюда? И зачем меня сюда

судьбою занесло?

Жена уехала от Никиты в первую неделю. Анна поначалу пыталась терпеть тяготы и невзгоды военной службы, но потом видимо передумала. Супруга часами сидела, глядя в окошко, что-то раздумывала и в итоге надумала. Собрала вещи и объявила, что ей нужно ехать прерывать беременность, а там и сессия не за горами.

- Поэтому, потерпи без меня, постарайся некоторое время, послужить один в этой дыре. Разлука укрепляет любовь! Ты сам выбрал этот округ, а не я. Домой хочу, к маме!

Чмокнула в щеку, собрала все вещи в чемоданчик и отчалила на Родину.

Никита поначалу даже обрадовался. Как-никак теперь времени оказалось для службы безмерно много! Кроме воспитания солдат делать в городке нечего, значит можно серьезно заняться работой. Как уходил с утра в казарму и возвращался домой только спать. А можно и вовсе порою не приходить, ночевать в роте. Действительно чего делать в этой дурацкой квартире? Зампотыл полка Зверев подложил свинью, причем самую настоящую. В квартире, где Ромашкину выделили комнату, уже проживало семейство уволенного капитана, по фамилии Карпенко. Он сдавал должность, но его не рассчитывали, потому что капитан все ротное имущество по бестолковости, частично разбазарил, частично пропил. Теперь недостачу он покрывал по ночам: что-то где-то добывал, а утром сдавал по накладным на склад. Семейка в количестве четырех человек буквально голодала. Дети днем питались в школьной столовой, а вечером смотрели несчастными глазами на родителей, шарили по кастрюлям, стучали ложками, гремели тарелками. Никита вскоре после отъезда Анны, получил контейнер с вещами от родителей: холодильник, стиральную машинку, старенький телевизор, кресло, и несколько заколоченных ящиков. Что в них пришло? Много вкусных продуктов: картошка, лук, грибы, огурчики соленые в банках, варенье, тушенка, крупы. Отлично! Теперь, порою, можно было что -то самому приготовить поесть, а не в столовке язву желудка наживать.

Квартира не отапливалась, а ночи уже стояли на удивление промозглые и прохладные. Удивительно! Днем пекло, а ночи холодные. Пятый этаж, на котором они жили, продувался через щели рассохшихся плохо подогнанных окон и дверей. Самое интересное открытие было в следующем: батареи висели на стенах, но парового отопления по проекту вообще не предусмотрено. Туркестан ведь, жара! Поэтому гарнизонная

котельная отапливала казармы, а на жилой городок, на пятиэтажки подавала только горячую воду. В принципе и холодной воды выше второго этажа почти не бывало, не хватало напора старенькой водокачки, а горячей воды не было тем более.

Ну а так как в квартире было прохладно, то из трех комнат обитаемыми были две. В одной Ромашкин, с выбегающими изо всех щелей шустрыми тараканами, в другой семейство капитана Карпенко. Порой в комнату к Никите забирался наглый полосатый котяра. Он охотился на тараканов и за это лейтенант его полюбил всей душой. Заманивал, кусочком колбасы приоткрыв дверь, и запирал на ночь охотиться на насекомых.

Пришедшие багажом шмотки, стояли в третьей, дальней комнате. Распаковывать их, руки не доходили, из- за служебной суеты, не когда. Однажды Никита обнаружил, что один из ящиков уже вскрыт: крышка оторвана, но аккуратно приставлена обратно к своему месту. Ромашкин заглянул внутрь и ничего там не обнаружил. А ведь там должна была быть картошка. Догадался: сожрали соседи! То-то дети Карпенки сытыми ходят последние дни. Лейтенант решил поругаться, но тут из кухни его позвали веселые голоса семейства.

- Лейтенант! Никита! Ромашкин! Сосед, ступай к нам, присоединяйся. Мы твоей картошки натушили, покуда ты укреплением воинской дисциплины занимаешься. Перетрудился ты парень и, кажется, отощал!

Муж с женой взяли Никиту под руки, и повели пировать.

Никита вошел в кухню и оторопел. В центре стола стояла бутылка водки, а по кругу тарелки с закусками и большущий казан тушеной картошечки с тушенкой.

- Сан Саныч! Откуда это богатство? - удивился Никита.

- Чудак. Это ж все твое, кроме водки. Думаем, гибнет добро, скиснет, пропадет. Решили тебе помочь! - хохотнул бывший капитан. - Вот только селедка из столовки солдатской. Пьем и закусываем! Держи огурчик, помидорчик, капустку, грибки, картошечку, рюмочку.

Карпенко, ласково воркуя, наложил в глубокую тарелку доверху закуски и придвинул Никите.

- За что выпьем? - поднял свою рюмку Ромашкин.

- А выпьем мы дорогой сосед, за скорейшее возвращение на Родину. Чтоб этому Туркестану ни дна, ни покрышки! Пропади он пропадом треклятый!

- Как грустно. Но ладно, пусть будет по-вашему. За возвращение, согласился Ромашкин. - А второй тост я предлагаю за нас. За дружбу и взаимовыручку между соседями.

- Вот это дело. И пусть наше сосуществование будет не

долгим, не более месяца, - согласился Карпенко. - Надоело бедовать нам тут. Не служим ведь, но и не живем, существуем и выживаем. Почти полгода как из армии турнули, а уехать на Украину, никак не получается.

- Вот именно! Турнули! Чудо-юдо ты мое! - воскликнула изможденная такой жизнью соседка. - Ни зарплаты, ни документов на отъезд. Когда же, конец мытарствам?

- Скоро, радость моя, скоро! - ответил капитан и выпил весь стаканчик до дна. - Ненавижу я эту армию, эти пески, эту пыль! Черт бы побрал комиссаров и командиров, туркменов и узбеков, танки и самоходки, пушки и пулеметы! Эх, жисть! И он затянул грустную украинскую песню:

...И в дорогу далэку,

ты мэни провожала...

Весело начавшееся застолье окончилось грустно. Никита, слушая песни молча доел, допили водку и соседи разошлись по комнатам.

По утру Ромашкин встал с ужасной головной болью и побрел к офицерской столовой завтракать. Ну, что за гадость эта местная водка! Удивительно, но пока он спал семейство соседей "приговорило" целый чугунок картошки и остатки закуски. Не было даже хлеба, хотя лейтенант помнил, вчера была буханка и батон. Вот обжоры! Значит, напряглись и съели впрок.

В кафешке Ромашкин подсел за столик к новому приятелю, взводному Шмеру.

- Мишка! Как тебе тут служится, не томишься? - спросил Никита, ковыряя вилкой яичницу. - Почему все мучаются и ненавидят этот гарнизон? Казалось бы: тепло, фрукты, овощи. Это же не крайний Север или Забайкалье! Отчего народ так отсюда рвется, куда глаза глядят?

- А потому, что тоскливо тут! Чужая страна, изоляция от цивилизации. Вот посуди сам, я попал в Педжен два года назад, живу один как бирюк, ни бабы, ни угла. Торчу в этой засратой общаге один одинешенек, чтоб ей сгореть! Тьфу-тьфу- тьфу!!! Не дай бог, конечно, не то в казарме поселят, испуганно поплевал Шмер через плечо. - А где тут жену найдешь? Среди туркменок? За нее калым нужен. Выкупить местную аборигенку-невесту, зарплаты за пять лет не хватит. Остается одно: онанизм до мозолей на руках. А в России или Бульбении, я б давно девку нашел. Сюда-то кто добровольно поедет? Вот и от тебя женка сбежала, и вновь, она вряд ли вернется. Так что и тебе предстоит самоудовлетворяться.

- Ну, ты сказанул! - хмыкнул Ромашкин.

- Конечно! Есть такое понятие: "не заменяемый район". Наш

Педжен, это "не заменяемый район". Есть в Туркво "заменяемые районы" в обязательном порядке, где через пять, а где через десять лет, но замена в них обязательна! Все зависит от дикости и трудности службы. У нас не высокогорье, и не совсем пустыня, глушь, но считается вполне пригодная для службы. Так то! А комары "пиндинка", от укусов которых по телу идут трофические язвы - не в счет....

Офицеры доели, выпили чай и направились в общагу, к Мишке в гости. Времени до построения оставался целый час, а в казарму попасть никогда не к спеху. Как туда войдешь, так до отбоя не выберешься.

По дороге Мишка говорил, говорил и говорил, безумолчно. Его словно прорвало. Он как будто получил внимательного слушателя, впервые за многие месяцы.

- Ты и сам скоро почувствуешь на своей шкуре, до чего тут хреново. Вот - вот задует ветер - "Афганец", порой на неделю, а то и больше, пылью метет по городку. Ни зги не видно будет, и дышать предстоит воздухом вперемешку с песком. Обязательно оборвет электрические провода, останемся без воды и света. И так несколько раз подряд за осень!

- Что ж, будем мало пить и мало писать, - усмехнулся Никита, - Какие еще предстоят трудности?

- Жратвы в магазинах нет, только консервы на прилавках лежат. На весь гарнизон один занюханный магазинчик - военторг с пустыми полкам, и раз в неделю привоз продуктов. Тетки занимают очередь на себя и подруг, с часу ночи, а открытие в девять. Стоят до утра, сменяя друг друга, делят ночь поровну. У молодых девчат еще есть оптимизм, а те, кто по старше опускаются и смиряются с этой обстановкой, с тем, что тут навсегда! Вообще на востоке женщины быстро стареют, наверное, от жары и ослепительного солнца. Бабы пока привлекательные, заводят себе любовников из местных аборигенов, тех, что побогаче. Называется это ласково и нейтрально: "друг семьи". Этот "друг" спаивает мужа, кормит семью, а супругу регулярно имеет. Муж капитан или майор напьется, слюни распустит и спит на лавочке в палисаднике, а эта грязная скотина развлекается.

- Не любишь местных? - спросил Никита.

- Ненавижу! Грязные сволочи! Очень ненавижу! Воняет от них как от козлов! Наглые, злобные, нападают в городе на офицеров толпой и избивают! Запомни лейтенант: после захода солнца из городка в Педжен ни ногой! Изобьют, ограбят, или искалечат. В прошлом году молодого прапора забили до смерти. Когда нашли в арыке его тело, на него было страшно смотреть, так изуродовали, кровавое месиво. Не соображают, что творят, они же

поголовно обкуренные, особенно молодежь. Так что друг мой, тебе предстоит веселенькая служба.

Новые приятели вошли в Мишкину комнату и уселись на кроватях. Шмер взял в руки гитару, начал перебирать струны, подбирая мелодию, затем фальшиво заиграл и фальцетом запел:

- Если не попал в Московский округ,
- Собирай походный чемодан,
- Обними папашу, поцелуй мамашу,
- И бери билет на Туркестан!
- Лет через пятнадцать
- Едешь ты обратно
- А в руках все тот же "мочедан",
- И с погон мамаше грустно улыбнется
- Новенькое званье - "капитан"!

- Какой ужасный голос! Какое отвратительное пение! - рассмеялся Никита.- И перспективы до чего висельные и гибельные!

- Отвратительное? Ну и черт с тобой! - разозлился Шмер. Поболтали, попели, а теперь в казарму. Проваливай! Поднимай зад, надевай сапоги и выметайся.

Мишка вытолкнул Ромашкина из комнаты, замкнул ее, и оба офицера молча побрели в роту.

***

- Занятно рассказываешь, но меня этим не удивишь, - произнес Большеногин и предложил тост. - Прервемся на минуточку и давайте выпьем за наш славный мотострелковый полк!

Компания, стоя, дружно выпила за боевой полк.

- А теперь продолжай врать, - разрешил Кирпич.

- Да кто врет-то? Кто врет! Чистейшая правда! Не желаете слушать не надо! - обиделся Ромашкин.

- Ладно, верим, трави байки далее, пока мы закусываем! - велел Большеногин, успокаивая друга.

Глава 3. Знакомство с "гусарами".

Никита день за днем просиживал в канцелярии за обшарпанным столом и пытался восстановить документацию к итоговой проверке за год. Напрасно "Шмайсер", уезжая к новому месту службы, обрадовал лейтенанта, похваляясь, что оставляет ему бесценное богатство. Увы, но переполненную пыльную полку конспектов, коробку с вырезками и картинками, книги и журналы, пришлось выбросить в утиль. Ромашкин поначалу проникся благодарностью к предшественнику, и был несказанно рад наследству. Но когда вник в содержание конспектов, понял, что это устаревший мусор. Одна из лекции о материалах съезда

была такой галиматьей, что лейтенант буквально лишился дара речи. Вместо того, что было двадцать третьим съездом партии, в результате несколько исправлений, съезд стал двадцать шестым. Фамилия Хрущева вымаривалась, и фигурировал вписанный другим почерком Брежнев, а мудрые изречения "сеятеля кукурузы", в другой лекции, выдавались за мысли Андропова. Менялись только палочки в Римских цифрах и вымарывались фамилии руководства. Проводилась нехитрая манипуляция с заменой двух листов, титульного и последнего. Видимо это мнимое богатство, досталось самому Штранмайсеру, от предыдущего "сидельца" в этой пустыне. Вырезки и картинки выцвели, вытерлись и не годились к употреблению в наглядной агитации. С грустными вздохами Никита очистил шкаф, собрал этот скопившийся хлам в плащ-палатку и выбросил на помойку.

Отряхнув руки от пыли после проделанной ревизии, он с удовлетворением обнаружил, что в итоге имеет пару кусков ватмана, десяток чистых листов бумаги, пачку туши, пачку гуаши и стопку не до конца заполненных тетрадей. В них были всевозможные протоколы собраний, которые предстояло вести: общие, партийные, комсомольские, сержантские, офицерские. Особенно удручали журналы политзанятий, которые частично во взводах заполнялись, а у разгильдяя Вовки Мурыгина отсутствовали вовсе.

Зато в шкафу имелась посуда из разнообразных наборов: грязные стаканы, рюмки, вилки, ложки и пирамида пустых коньячных и водочных бутылок всевозможных сортов. И если макулатуру выносили дневальные, то посуду, Ромашкин снес на помойку самостоятельно. Не хотелось дискредитировать предшественника, да и самому не гоже выглядеть алкашом в глазах бойцов. Вдруг подумают, что за неделю успел поглотить этот винный погребок. Внимательно изучив ассортимент напитков по этикеткам на бутылках, определил заметное преобладание коньячных изделий над вино-водочными. Оглядевшись, лейтенант понял, что оказался у разбитого корыта. Телевизор для солдат, вывешенный в расположении под самым потолком, не работал, приемник который тоже числился за ротой, только хрипел, шипел, но не говорил. Никита поставил стремянку к стене, залез к телевизору и чуть не свалился вниз от удивления. Сзади не было крышки, а в корпусе кроме кинескопа ни одного блока или лампы не наблюдалось. Ясно, почему он не включался. Командир роты Неслышащих, на вопрос лейтенанта вытаращил свои бледные рыбьи глаза и затараторил:

- Как не работает? Вы что? Очумели, товарищ лейтенант? Телевизор новый!

Капитан шустро взобрался на стремянку, заглянул за кинескоп и взвыл.

- Обманули! Мерзавцы!

Никита знал, что ротный только месяц как принял ротное хозяйство, но во всех позициях прокололся. Недостача была и по вещевому имуществу и по технике. Не зря у него было прозвище Недумающий! Кроме того, упражняться в вариации этой клички с другими: Незнающий, Неверящий, Невидящий, Неслышащий, Непомнящий, Забывчивый, Задумчивый и так далее, было любимым занятием офицеров полка.

Сослуживцы, казалось, забыли, или не знали настоящую Витькину фамилию, и всякий раз называли его в зависимости от ситуации и настроения. Витя было самое ласковое и уважительное, при хорошем настроении, или если он поил компания. А так Витька или Витек. Но в основном "Незнающий". Как он стал ротным? Мишка Шмер пояснил, что на его назначении настоял комбат подполковник Алсынбабаев.

Алсыну был нужен исполнительный, работящий, тупой, не перечащий офицер, не мешающий продавать солдат на хозяйственные работы в город. В бытность взводным, Витька постоянно суетился то с рубанком, то с молотком, то с лопатой. Вскапывал лично клумбу перед штабом батальона, ремонтировал сгоревшую аппаратуру, перегоревшие утюги, приколачивал доски. После того, как он своими руками отреставрировал бытовую комнату, Алсынбабаев аттестовал Витьку на вакантную роту, взамен уходящего в военкомат майора Никешова. Назначение состоялось, тем более что против этого безвредного и малопьющего капитана, участника начала афганской военной компании никто не возражал. Характеристики положительны, ветеран войны, коммунист, хороший семьянин.

Вот с этим Непомнящим и предстояло служить, возможно, долгие годы! Никита хмуро из - под лобья разглядывал глупо улыбающегося командира роты. Витька корпел за соседним персональным столом над разобранным старым утюгом. Ремонтировал его третий час и явно испытывал от этого занятия удовольствие. Что сказать о нем: мастер - ломастер! Ромашкин вновь зарылся в бумажки и грустно размышлял: раз такой олух смог стать командиром учебной роты, значит в армии возможно все. Из разговоров взводных между собой, Никита понял, что ротного не любят. Некоторые, в частности, Шкребус и Мурыгин, его ненавидели и презирали. Они рассматривались как потенциальные командиры роты, но не сложилось. Как рассказывал Мурыгин, он полгода поил пом нач штаба полка, и имел твердые заверения в предстоящем служебном росте, после

замены Никишова. Но строевик, сам ушел раньше на пенсию, так и не договорившись с комбатом, а жуликоватый Алсын не любил Мурыгина, за пререкания и острые шуточки. Алсынбабаев, зная ершистый характер взводного, и куркульские замашки Вовки, и уже имея в батальоне двух неуступчивых ротных, предпочел назначить хоть в одном подразделении покладистого командира. Пусть и тупого, пусть и бестолкового, но тихого и послушного, который не будет мешаться под ногами в процессе работорговли.

Ромашкин, делил второй двух тумбовый стол канцелярии, с зампотехом роты Пелько, и поэтому теснился на одной его половине. На чистой. Другая половина была завалена промасленными путевками, формулярами и коробками технаря. Узкая и длинная канцелярия роты не позволяла разместить более трех столов и трех шкафов. Третий стол - на четырех взводных, по масштабам захламленности не поддавался описанию. Так же как и их шкаф. Старшие лейтенанты постоянно ругали молодого лейтенанта Ахмедку Бекшимова, что он привнес азиатский беспорядок в их угол, и винили во всех смертных грехах. Молодой лейтенант Ахмедка, скромно улыбался, молча сносил насмешки и не возражал. Бардак так бардак, иначе не умею.

Недумающему на совещаниях постоянно перечили и Мурыгин и Шкребус, по делу и не по делу. Шмер не ругался, но его ехидные анекдоты и подначки, выводили ротного из душевного равновесия больше, чем пререкания и хамство остальных, а колкие замечания порой ставили в тупик. Ротный оказался безнадежен: рассеян, туп, и совершенно "без царя в голове". Точно так, как и характеризовал его Шмер.

Зампотех Пелько в жизни роты участия почти не принимал. Технарь внезапно исчезал из казармы, порой на неделю, и так же внезапно объявлялся. Шурка выполнял какие-то указания зампотеха с фамилией Ке. Много читавший книг в детстве и юности, Ромашкин услышав эту корейскую фамилию задумчиво произнес: "Дневник пройдохи Ке". Тот Ке из книжки плохо кончил, застрелили. А этот тоже пройдоха?

- Пройдоха, еще какой! - рассмеялся Шмер. - Король вторчермета Туркестана! Барон черного и цветного металла. Император свалок металлолома!

Никита почему - то быстро сблизился с Мишкой Шмером. Они вместе ходили в столовую, вместе ездили в город. Взводный свел Ромашкина с местным "бомондом".

Этот аристократический клуб был ограничен компанией из шести офицеров: четверых постоянных (холостяков) и двух приходящих (женатых).

Председательствовал в клубе "поручик" Вадик Колчаков,

заместитель председателя являлся бывший "поручик", а ныне разжалованный подпоручик Костя Лунев. Тостующим числился весельчак Шмер, а почетным герольдмейстером (назвали должность для красоты, не зная толком, что она означает) боксер и силач Игорь Лебедь, по - простому Белый (за белобрысость). Женатиков Серегу Шкребуса и Олега Власьева впустили в узкий круг, как водителей крайне необходимых мотоэкипажей, трескучего мотоцикла "Восход" и старого "Москвича". Без них пьянки были бы скоротечны, и оканчивались после распития последней рюмки. А с присутствием в компании Власьева (Власа), и Шкребуса (Ребуса и он же Глобус), мотокони мчались в город к "черному окну", из которого за двойную цену в любое время ночи выдавалось спиртное.

Никиту ввели в гусарский круг в качестве кандидата, по протекции Шмера. Приходящих и желающих состоять в коллективе было довольно много, и в кандидатах числилось с десяток субъектов, без малейших перспектив в него вступить.

После того как Никита вылакал две стопки, не морщась, Ребус- Глобус тотчас обозвал его:

- Какой ты к черту Ромашкин? Ты будешь Рюмашкиным!

- Лейтенант! А зачем тебе наш гусарский коллектив? - спросил Лунев, наливая очередную порцию в бокалы. - Ты что в армии служить не желаешь?

- Почему так решил? - переспросил Никита. - Пока не отказываюсь.

- Потому что те, кто обычно сидит за нашим скромным столом, служить в этой гребаной армии не желают! - воскликнул Лунев ухмыляясь.

- Взгляни на нас. Думаешь, почему мы пьем? Причем не просто так пьем, а систематически, "по-черному", без всякого смысла, и без повода! - поддержал приятеля Балинский. - Пьем, пьем и пьем. Время от времени блюем, но это крайне редко. Вонючая, паршивая, местная водка уже давно не берет. А тоска и печаль не проходят. Грустим, поем, играем в карты, дебоширим, изредка водим сюда баб-с! Да! Случается. Но веселее на душе ни от чего не становится.

- Ну, чего вы к нему пристали? - вступился за рекомендуемого приятеля Шмер. - Парню скучно и хреново на душе, жена от него сбежала. Пусть потрется в нашей компании. Тем более у Никиты имеются деньжата. Он получил подъемные в предыдущем гарнизоне, откуда Ромашкина переправили сюда. И наш друг готов их потратить вместе с нами! Верно, говорю?

- В принципе верно, - согласился опьяневший Никита. - И потрачу! А отчего я торчу тут с вами, сам не знаю.

- Пей и не болтай! - гаркнул Ребус и хлопнул лейтенанта по спине пухлой потной пятерней.

- За дружбу и свободу! - рявкнул Лунев и поднял граненый стакан.

- За волю! - еще громче воскликнул Колчаков.

В течение следующих трех часов собутыльники громко говорили, спорили о чем-то, и много пили все подряд. В комнату заходили другие офицеры, большинство совершенно не знакомых Ромашкину. Были даже два брата близнеца. Как пошутил Лебедь, однояйцовых (но не с разными яйцами). Знакомились, пили, уходили. Шкребус откланялся в середине пьянки. Холостяки громко кричали ему в след: Женатик! Подкаблучник! Беги, скорей!

- Эх, чего нам тут катастрофически не хватает, в этой глуши - баб!всхлипнул пьяно Шмер. - Проклятая пустыня!

Осоловевший Ромашкин, слушал рыдания приятеля, и в его затуманенном алкоголем мозгу закружилась бешеная карусель. Предметы приняли расплывчатые, размытые очертания, все замельтешило и завертелось перед глазами, а к горлу подступил удушающий комок. Желудок забурлил, подтянулся к горлу, и началась неудержимая икота. Лейтенант вскочил из-за стола, уронив тяжелый казенный табурет, и начал дико озираться по сторонам, отыскивая глазами путь к туалету.

- Дорогу! К окну птенца желторотого! Освободите проход созревшему! вскричал Шмер и распахнул окно. - Сюда мой друг, на воздух! Живо! Без стеснений!

Никита рванулся к подоконнику и, перегнувшись через него, облегчил желудок от излишнего алкоголя. Выпитая доза оказалась слишком велика для юного организма. Этим поступком, Ромашкин испортил многим аппетит, и гости начали разбредаться по домам.

Интеллигент Хлюдов тотчас принял попытку натянуть на ноги сапоги, и тихо уползти из общества, не прощаясь, чтоб ему не свистели в слет как Ребусу, но всевидящий Шмер заметил, и ехидно крикнул ему в лицо:

- Вовка сапоги не одеть - это ерунда. Главное дело, чтоб трусы с ноги не были сняты.

- А чего я их буду снимать? - насупился капитан. - В мужской компании?

- А это ты жене докладывай, где был! Всякое бывает, но лучше прийти пьяным, чем в чужих трусах. Я на стажировку курсантом попал в Забайкалье. Так был веселый гарнизон, на реке Даурия. И одна правдивая история приключилась, но не со мной. Рассказать?

- Рассказывай!!! - дружно потребовал, оторвавшись от выпивки, оставшийся в комнате коллектив.

Хлюдов сел на тумбочку и монотонно раскачиваясь на ней, напрягал внимание, чтоб уяснить поучительную историю.

- Один такой же, как ты, майор-зампотех, любитель женщин и водки, однажды совместил приятное с полезным. Сделал дело и приперся домой ну просто никаким! Ну, совершенно ни гу-гу, не соображающим. Разделся, жена глядит, а на нем чужие женские трусы. Супруга с криком и кулаками, поцарапала когтями щеку, а майор, назовем его Петей, бац, с размаху, точнехонько прямо в глаз. Уймись, мол, дура! Баба в крик, плач, да бежать в политотдел за защитой. Рассказала, что муж загулял, и к тому же дерется. Понятное дело, Петю этого в оборот взяли. Обработали по полной программе: сняли с должности, одну большую майорскую звездочку разбили на четыре маленькие - капитанские, взялись по партийной линии песочить. Орут на него в парткоме, пеной брызжут. А Петя стоит себе задумчиво так и бровью не ведет. Наказали, "строгий выговор с занесением в учетную карточку", все навыступались, психуют, члены парткома сами себя больше навоспитывали. В итоге полковой партийный вождь спрашивает: "Майор, ну ты понял что-нибудь из нашего разговора, от нашей воспитательной работы?"

"Понял", - говорит Петя. "Что ты понял? Говори!"

"Понял, что трусы с ноги снимать никогда не надо!"

Секретаря парткома чуть инфаркт не свалил с ног, а остальные офицеры от смеха едва по полу не катались. Так то!

Понятное дело, малопьющему молодому лейтенанту, за гусарами было не угнаться. Вскоре Никита рухнул на застланную кровать и отключился. Некоторое время лейтенант спал, а затем проснулся, вновь вскочил и из последних сил, добирался до заветного окна. Так повторялось еще пару раз. В промежутках Ромашкин мучительно глядел на компанию, которая с каждым его пробуждением постепенно сокращалась. Но свет в комнатке так и не погас до утра.

Пробуждение полное кошмарных видений было долгим и мучительным. Голова на шее ощущалась чужой, отдельной от тела. В ней отсутствовали мысли, а ее содержимое переполнялась тупой болью. Тошнило и выворачивало наизнанку. Никита попытался встать на ноги, но к горлу подкатил ком: в желудке было пусто, и вытошнило противной, гадкой слизью. Требовалось восстановить желудок, но как? Для этого надо подняться и пойти в кафе, а сил на это нет. Ноги крутило и ломило, жилы выворачивало, дрожь охватила несчастное тело лейтенанта. Никита завернулся в одеяло и пролежал еще часик.

В комнате внезапно объявился Шмер, который словно дьявол искуситель принес чудодейственный эликсир - пиво. Да! Это были две бутылки вонючего, кислого жигулевского пива. Стоило открыть пробку, как из него вылетели хлопья пены. Никита, слегка отхлебнув, поставил свою бутылку на стол, и из горлышка медленно выползала пена. Эта хмельная жидкая мутная и зловонная вата, медленно сползала по стеклу бутылки.

- Ты знаешь, Ромашка, эту дрянь надо пить быстро! Сейчас же! Иначе в течение какого-то короткого времени все пиво окажется на столе. Туда, наверное, стиральный порошок на заводе добавляют. Иначе, отчего оно так пенится и воняет?! За что нам такие наказания? Воду пить невозможно, пиво дрянь, водка гадость! Чем утолять жажду? "Чименом"? "Чишмой" (названия сортов местных вин)?

- Боржом, хочу "Боржом"! Или "Нарзан", - простонал Никита.

- Где я тебе его найду? - удивился взводный. - Пей пиво и не бухти. Пойду, разыщу коньяк, наверняка у кого-то есть заначка.

Через полчаса Мишка вернулся и уныло объявил:

- Вчерашнее мероприятие истребило все запасы общежития, ничего и ни у кого нет. Ладно, терпи до обеда, съездим в город в магазин за венгерским "Токаем"! Он как бальзам на раны действует! Считается напитком королей!

***

- Точно! Эта Чишма такая дрянь, от нее сразу мутит! - согласился Кирпич. - Лучше нашей Московской водочки с завода "Кристалл" не найти!

- Уймись! Не перебивай рассказчика! - остановил излияния товарища Димка - художник. - Если будем о водке спорить, нить рассказа потеряем. Продолжай, дорогой друг.

Глава 4. Проверяющие.

В гарнизон Никита попал, как говорится: с "корабля на бал". Вскоре началась итоговая проверка боевой подготовки. Проверка того, к чему Ромашкин еще не успел приложить ни руки, ни ноги, ни иные части тела, а тем более мозги. Замполит Бердымурадов пообещал, что если какое-то подразделение провалится на зачетах, то снимет офицеров с должностей. Выходит, могут наказать за то, что сам лично не провалил. Комбат собрал со всех офицеров деньги на организацию попоек для проверяющих, немного поорал на совещаниях и началась проверка.

Ромашкин последнюю ночь перед выходом на полигон провел без сна, переписывая лекции, заново оформляя журналы и тетрадки. Настроение препаршивейшее, куда не кинь взгляд, всюду провал. Бердымуратов пригрозил служебным несоответствием ежели за две недели не переделается

ленкомната. А как она переделается? Ни материалов, ни средств на закупку, ни писаря, ни художника. К черту! Как пойдет дело, так и пойдет.

На танкодроме, который был вотчиной третьего батальона, лейтенант оказался впервые, и очень удивился увиденной картине. За командной вышкой в тени деревьев стоял сарайчик, в котором хрюкали и визжали свиньи, в закуточке опутанном сеткой-рабицей кудахтали куры, у дерева гоготала парочка связанных гусей.

Славно! Гуси в яблоках ожидают своей участи. Вернее пока без яблок, яблоки лежали в коробке. Животноводческая ферма совхоза "Тупик коммунизма имени Алсынбабаева", - подумал Никита. - Почему тупик? А потому что дальше ехать некуда! Армия занятая сельским хозяйством и банкетами - это балаган. Но нужно сказать, что этим делом комбат занимался любовно, вкладывая всю душу.

Первым делом, приехав на танкодром, Алсын поспешил не на командную вышку, а к курятнику. Там он внимательно пересчитал кур, выпил несколько свежих сырых яиц, которые преподнес на тарелке солдат из обслуги "объекта", комбат потрепал по холкам сытых кабанчиков, потеребил за длинную шею стреноженного гуся. Три собаки, охраняющие стратегический объект визжали от восторга, что, наконец- то, прибыл их любимый хозяин. Алсын бросил каждой по косточке, а затем взялся за воспитания солдата-свинаря. (Сарай плохо вычищен! Почему коза дает мало молока? Отчего куры плохо несутся, и куда деваются яйца?).

Коза? Есть еще и коза? И точно в кустах блеяла белая козочка с маленьким козленком. В рыжего кота, разлегшегося на походном столе, вытянув лапы, и подставляя толстый бок солнышку, комбат сердито со злорадным смехом, швырнул камень. Не попал, но спугнул и зматерился с досады на промах. Кошек Алсынбабаев почему-то не любил, но сам был похож на хитрющего котяру, обожравшегося сметаной, да жирными сливками. Масляные глазки светились теплом и к курам и к собакам и даже к свиньям (не смотря на то, что мусульманин). А вот на свинаря, на своего водителя, и на нас офицеров, он смотрел как на личных кровных врагов. Это отношение к людям хуже, чем к скотам Никиту остро укололо и покоробило.

Вскоре появилась бригада проверяющих. Возглавлял ее подполковник с красной рожей, сплошь покрытой паутиной багровых сосудов, с желтыми глазами пьяницы. Эти глазищи он вытаращил, заранее изображая праведное негодование низкими результатами роты. Вместе с ним из "Уазика" выпали помощники,

майор и капитан. Выпали, потому что выпали. Ноги не держали, хотя солнышко только поднялось. Какими же они будут к закату?

Комбат отправил на вышку руководить занятиями Недумающего, дорогих проверяющих усадил дремать за стол с напитками, а сам занялся шашлыком. Лично перед этим Алсын рубанул головы гусям, забил маленького подсвинка, разделал его, и устроился удобно у мангала, покручивая вертела и что-то напевая. Замполит Рахимов, служил тамадой и попутно дорезал овощи в быстро истребляемые салаты, и поминутно наполнял пустеющие стаканы, которые безо всяких тостов опустошались приезжим начальством из дивизии.

Ромашкин дремал возле походной ленкомнаты и развешанных плакатов по мерам безопасности. В его обязанности входило инструктирование взводов перед началом заездов. Наездники черт бы их побрал. Не прошло и часа, как один танк перегрелся, а у другого заклинила коробка передач. Вскоре боец-узбек не вписался в препятствие и свалил танк с препятствия (с моста). Чтоб проверяющие не обращали внимание на безобразия, происходящие на танкодроме, Алсын быстренько подсел с шашлыками к пьющим, и ускорил процесс доведения проверяющих до нужной кондиции. В ход пошли новые байки, анекдоты и тосты.

Алсын пощелкал пальцами и поманил Ромашкина:

- Лейтенант, подойди сюда!

Никита отделился от бетонной плиты, которую в стороне давил прислонившись к ней спиной и не спеша, вразвалочку направился к столу. Ему не понравилось и покоробило это барское пощелкивание пальцами комбата.

- Быстрее, замполит! Чего как не живой! Вели Мурыгину принести еще водочки и консервов! А то у нас тут остался шашлык да зелень. Быстро!

Никита безо всякого рвения отправился исполнять распоряжение начальства. Мурыгин пересчитал водку и с вздохом выдал очередные две бутылки.

- Сволочи! На них не напасешься. Нам еще три предмета сдавать! Такими темпами только на стрельбу останется! Замполит, политзанятия под угрозой! Твой предмет в опасности. Будешь сам своих политиков поить.

Никита буркнул что "в гробу видал поить и наливать неизвестно за что", и побрел обратно. Подполковник осоловело уставился на Никиту, когда тот не рассчитав очень резко стукнув, поставил бутылки на столешницу. Этот громкий звук пробудил дремавшего начальника, и он тупо уставился на Ромашкина.

- Лейтенант! Ты кто?

- Лейтенант Ромашкин.

- И что?

- И ничего, еще водку вам принес, - ответил, усмехнувшись, Никита. Для продолжения, а то бутылки опустели.

- Ага! Умничаем! Презираем? Не уважаешь?

- Почему не уважаю? Я вас просто совсем не знаю. Позвали пришел, принес, а сейчас уйду.

- Комбат! Ты посмотри каков наглец! Ни страха в глазах, ни подобострастия. Давно в чужих руках не обсирался?!

- А я никогда не обсирался! - обиделся еще пуще Никита.

- Ну, нахал! Да ты знаешь кто я?! Знаешь?!

- Нет, - ответил искренне лейтенант.

- Знаешь, что я с тобой могу сделать, лейтенант?! Изничтожить, буквально! Форменно извести, под корень истребить!

- А за что? - вновь спросил Никита. - За то, что водку подношу?

- Э-э-эй! Ромашкин! Не зарывайся! - рявкнул заволновавшийся Алсын, желая оборвать неприятное направление разговора. - Уйди! Поди, прочь!

- Водку говоришь? Значит, ты видишь во мне алкаша? Да я тебя в порошок сотру и размажу! Вот сейчас поставлю двойку за вождение, а завтра за стрельбу и тебе крышка! Снимут с должности и в Афган отправят.

- С превеликим удовольствием, сделайте такую милость. Сам об этом начальство прошу, - обрадовался Никита.

- Но - но! Замполит, не болтай! Какую ты чушь, несешь! Двойки он захотел! Кроме тебя в роте другие живые люди есть, которые за дело болеют, и не балаболят. Мы год работали не для того, чтоб ты все экзамены испоганил. Шагай на учебное место! - приказал Алсынбабаев.

- Э, нет! Я хочу с ним разобраться, понять, что он за человек! Погляди, какие наглецы из училищ выпускаются! Хамье и шваль! Пороху не нюхали, а пыжатся, из себя что-то корежат! Правильно говорю комбат?

- Правильно Владимир Иванович! - согласился Алсын. - Без году неделя как стал лейтенантом, а ведет себя будто старый боевой офицер. Лейтенант, ты знаешь, что такое учения под руководством Министра обороны? Нет? А я дважды участвовал, и благодарность получал. Марш-бросок на танках через пол Европы совершал. Вот у тебя на плакате пакет с вертолета командиру танковой колонны передают, у меня так было! И реки форсировал и сквозь лесные чащи прорывались. Вот это служба! А то губы он кривит... Иди... - распорядился Алсын, махнул рукой и едва не рухнул с табурета.

Комбат нетерпеливо замахал руками, удаляя Никиту от фуршетного стола.

- Не, постой! - не унимался проверяющий. - Я ему еще и по политподготовке двойку поставлю! Лично! Могу хоть сейчас проэкзаменовать. Комбат, они ведь ни хрена не знают! Скажи к примеру: в каком году Дмитрий Донской разбил Чингиз-Хана? Не знаешь?

- Чингиз-Хан умер еще до рождения Дмитрия Донского, - ухмыльнулся лейтенант.

Бестолочь! - обрадовался проверяющий. - В 1380 году! Читай баллады! Это, м-м-м, "Слово о полку", этого как его? " Игоревым"! Вот!

- Это из серии, про то, как дура-царица, Екатерина-Вторая Аляску продала Америке, - усмехнулся Никита, внутренне радуясь бестолковости начальника и не знании им истории.

- Вот-вот! Такие как Катька и просрали Россию! Доверь вам армию, до Урала отступать будем. Неруси! Правильно я говорю комбат?! Демагоги!

- Верно, Владимир Иванович, совершенно верно! - ответил

хитрый башкир Алсын. - П-понят-т- тна! Космополиты! Все спустят! Ни пить, ни баб... не умеют. Сосунки, не то, что мы джигиты! Закваски нет!

- Иди лейтенант, и думай! - торжествуя свою победу, сказал проверяющий и вновь приложился к стакану. - Думай, и быстрее уму разуму набирайся!

О чем думать? - усмехнулся внутренне Ромашкин. - Как и столько пить? Я так никогда не научусь, здоровья не хватит. Как с искренней преданностью смотреть в глаза начальству? Да пошли они...

Никита поддал носком сапога по пустой жестяной банке из-под шпрот, валявшейся во дворе. Она, разбрызгивая масло, взлетела высоко вверх, прочертила замысловатую петлю в воздухе и подхваченная внезапным порывом ветра, бумерангом понеслась в противоположную сторону, и плюхнулась к столу пирующих.

Алсын вскочил, затопал в гневе ногами, энергично замахал руками и завизжал:

- Лейтенант! Уйди прочь с моих глаз! От греха подальше! О-о, облисполком (это была его любимая присказка)! Испепелю! П-понят-т-тнаа!!!

...Понято. Ромашкин пожал плечами и скрылся за стеной из плетеного камыша. Черт! Ну, незадача, пнул ведь жестянку в одну сторону, и надо же, так неудачно, как будто специально. Прицельно, умышленно захочешь - не попадешь...

Никита сел на пенек перед болотцем и, напевая, принялся швырять камушки в лягушек. Постепенно он успокоился начал размышлять: "Ну, какого лешего я тут забыл? В этой Чурбании, в Мамбекистане? И зачем было учиться четыре года? Чтоб угождать пьяным дуракам с пропитыми рожами? Подай водки, поднеси стакан? Нагнись, встать-лечь! Дерьмо! Ну да ладно, еще немного потерпим, послужим...

Вернувшись в квартиру с полигона Ромашкин сделал чрезвычайно неприятное для себя открытие: соседи по квартире умудрились за трое суток сожрать все присланные родителями продукты. Продовольственная диверсия грозила финансовой катастрофой. Кроме того, дети постоянно лазили по его комнате, брали без спросу вещи, что-то все время пачкали или разбивали. Дальше так жить было нельзя.

Никита посетовал Шмеру на эту "прожорливую саранчу", на что Мишка рассудительно молвил: - Пропадешь с ними, сопьешься. Надо квартирку менять.

- А как? Куда в общагу? А вещи? - воскликнул Ромашкин.

- Нет в общагу не надо, есть вариант получше! Перебраться в мансарду, в двухэтажный домик, возле дыры в заборе одна

квартира освободилась и пустует, я имею достоверную информацию! Для себя берег, но летом со свадьбой не вышло, тебе по дружбе за "пузырь" уступаю! Пойдем к зампотылу, похлопочу за тебя, правда, нужен литр водки, чтоб вопрос не засох на корню. Спрыснуть надо, понятно?

- Чего ж не понять, хоть два литра, лишь бы от этой голодной орды перебраться подальше!

- Правильное решение! А если ты в Афган действительно уедешь, я в мансарде останусь жить. Давно мечтал о хате! Женщину ведь привести некуда. В прошлом году из Кинешмы приехала к бойцу сестра. Она аж пищала, так хотела! Девка в самом соку, груди величиной как дыни, задница - во (Шмер широко развел руки, показывая ширину обхвата и, закрыл глаза, вдобавок облизнувшись при воспоминаниях). А где пошалить? В общаге, на своей койке я поселил ее брата, в увольнение отпустил на три дня, он там и дрыхнул. А девицей пришлось поделиться с Шкребусом, у него жена как раз к мамаше уехала и квартира пустовала. А на кой черт мне бы он сдался! Потеет сильно толстяк, и слюнявый очень! Каждый раз после него "крановщицу" полотенцем протирал, не люблю потных.

- Почему крановщицу?

- Потому что на башенном кране работает. У них в Ивановской области с мужиками дефицит, бабы на всех должностях. Одна польза от Ребуса - мотоцикл. За водкой круглые сутки мотаться можно. Мы в воскресенье после пикника втроем возвращались, заехали на рынок арбузов набрали, мотоцикл вихляется, оттого что водитель еже живой, так набрался! Ребус- Глобус за штурвалом, крановщица в него вцепилась, а я на железный багажник китель подстелил и одной рукой за "дыни" девицы ухватился, а другой авоську с арбузами держу. Мотоцикл у остановки поворачивал и сильно вильнул, меня арбузы вправо потянули, я повалился, Глобус руль не выправил, и мы дружно рухнули. Я и девка ржем, мотоцикл ревет, колеса крутятся в воздухе, а Шкребус матерится. Вот потеха! А на остановке толпа женщин, маршрутку ждут, в том числе и жены командира полка и комбата. Все над нами смеются, а командирша возмущается распоясавшимися молодыми офицерами. Доложила мужу, тот нам позднее, таких навалял...

- Еще бы! - рассмеялся Никита - И чем дело кончилось? Девицу домой, вас на гауптвахту?

- Если бы. Нам по выговору, а ее мы за сестру Шкребуса выдали, у него ведь обитали. Крановщица нам обоим уже надоела, деньги кончились, протрезвели, видим, ничего в ней хорошего нет, а ивановская хочет продолжения утех. Вошла во

вкус. Дома не с кем, а тут двое! К Шкребусу жена должна вот-вот вернуться, еле выставили подругу эту в Россию, три раза отъезд откладывала.

- Так ты хочешь вновь призвать в гости крановщицу, теперь ко мне в квартиру? - подозрительно посмотрел на приятеля Никита.

- Упаси Бог! Другие варианты найдем! Не переживай, все будет хорошо! Пойдем пробивать жилье!

Квартирка оказалась без удобств, с водопроводом на улице, с печным отоплением, без газа. Забор, огораживающий дворик повалился в одном месте внутрь, в другом к проулку, сам двор страшно запущен. Мусор вдоль стен, большая куча глины перед не засыпанной ямой. Глубина ямы неопределенна, так как на половину затоплена. Шмер пояснил, в мансарды планировали год назад провести водопровод, но трубы пропали, тыловики видно продали, и это дело бросили на половине. Никита с опаской, осторожно вошел в накренившийся влево, и одновременно назад, туалет. Строение шевельнулось, но не завалилось. Но это не беда, главное избавился от нахальных соседей!

Внутри домика за входной дверью, просторная веранда, маленькая кухня с печью на половину помещения, прихожая с лестницей на второй этаж и две одинаковых комнаты одна над другой, в каждой по узенькому окошку. На втором этаже, над кухней чуланчик без окна, так называемая "тещина комната". Красота! Живи и радуйся свободе! Соседей двое. У одних квартира такая же, у других - половина дома. Там жил комбат соседнего пехотного полка. Ну и пусть себе живет, лишь бы нам не мешал....

Шмер, таки сумел навязаться в квартиранты (настойчиво напомнил несколько раз, кто помог с жильем), к тому же привел с собой ординарца, молодого солдата Кулешова. Курсант был рад до безобразия, варить каши и супы веселее, чем бегать по тактическому полю и маршировать на плацу. Так и зажили втроем.

После сдачи проверки офицеры роты настояли на вливании в коллектив. Ритуал не хитрый, купить много спиртного и закуски, собрать всех вместе и напоить. Одновременно с Никитой пришлось и Шмеру обмывать новое звание "старший лейтенант". Съездили в город, набрали зелени, овощей, водки, много банок с рыбными консервами, накрыли стол в подвале, в каптерке и приступили к делу. Обоим водкой наполнили по большой солдатской кружке, бросили туда звездочки (Мишке три, а Никите две), и под бодрые выкрики выпили содержимое. Ромашкин почувствовал, что сейчас умрет, ибо закусить ему подсунули перчину. Съеденный затем соленый помидор не помог.

От водки и перца сперло дыхание, казалось желудок загорелся. Офицеры громко смеялись, подшучивали, подбадривали.

Ротный, выпив быстро четыре рюмки, совершенно осоловел, взгляд его потерял осмысленность, речь утратила стройность. Посидев полчаса, и выпив еще чуть, Витька внезапно вскочил и, расстегивая брюки, направился к шкафу с шинелями. Не прицельно пущенная струя, обрызгала стену, а офицеры, быстро оправившиеся от первого шока, от этой выходки Недумающего, вытолкали, матерясь ротного за дверь. Обратно к столу он не возвратился.

Никита, через некоторое время, почувствовав, что на сегодня ему достаточно, тихо не прощаясь, ушел домой. Но следом за ним примчался посыльный и срочно вызвал в штаб полка. Теряясь в догадках, Ромашкин отправился на аудиенцию к Бердымурадову. В кабинете замполита, сидел солдат - киргиз, из второго взвода, с перевязанной свежими бинтами головой, и пытался написать по-русски объяснительную.

- Вот, полюбуйтесь, что у вас в роте творится! - воскликнул Бердымурадов. - Мордобой! И кто это вытворяет? Командир роты! Палкой ударил, по голове! Он что идиот? Солдат выйди...

Когда боец вышел из кабинета замполит продолжил возмущаться:

- Откуда его откопали? Недумающего, этого?

- Неслышащего, товарищ подполковник, - поправил Никита начальника, стараясь не дышать на него водочным перегаром.

- Какая разница, Непомнящий, Невидящий.... Он вбежал в казарму и помочился на тумбочку дневального! Этот солдат, дневальный, пытался что - то сказать, а ротный ваш, баз его шваброй по затылку! Он нормален?

- Не знаю, я раньше за ним такого не замечал, - ответил изумленный Ромашкин.

- Найти ротного, и ко мне его в кабинет! Прячется где-то, мерзавец! Бегом, лейтенант!- приказал замполит полка.

Витьку так и не разыскали, а на утреннее построение, он явился трезвым и бодрым. Все отрицал, клялся, что солдат врет. Командование махнуло рукой, бог с ним, главное исполнителен. Ну, и что того, что дурак? Всякое бывает после контузии....

***

- Врешь! Вот сейчас врешь! - возмутился Котиков. - Не бывает такого, чтоб ротный и ссыкун!

- Бывает, Семеныч! - заступился за приятеля Кирпич. - У меня в училище комбат был типа этого Недумающего. Постоянно норовил по пьяному делу, у оружейной комнаты пристроиться.

- Ладно, поверим, - махнул рукой Большеногин. - Мели

дальше.

Глава 5. Запой.

Общага гуляла больше недели. В запое пребывали оба этажа кирпичного барака, за исключением четырех комнат для семейных. Обитатели этих номеров тоже с удовольствием бы присоединились к веселью, но жены стояли на страже семейного благополучия и отлавливали своих супругов на подходе к крылечку. Иначе и эти ребята с радостью бы погрузились в беспробудное пьянство на дармовщинку.

Почему народ пил? А потому что больше не находили для себя иных занятий. Сеансы кино фильмов в Доме офицеров начинались в девять вечера, но совещания оканчивались около 22.00. Старинный телевизор в холле общежития стоял исключительно для мебели, без внутренней начинки. Коллективной антенны на здании не было, а в комнатах на самодельные антенны другие телики программы улавливали плохо. К тому же командование запрещало держать в номерах нагревательные приборы и постороннюю аппаратуру. Может быть в целях экономии электричества? А вероятнее всего из самодурства. Сукно биллиардного стола было разодрано, шары отсутствовали, шахматные доски сиротливо лежали на подоконнике без фигур внутри, и лишь полные собрания трудов Ленина, Маркса и Брежнева на книжной полке, пребывали в девственной целостности и нетронутости.

Двухэтажное общежитие, выложенное из облупившегося серого силикатного кирпича, до водоотливов окон первого этажа покрылось мхом и плесенью. В ней пахло сыростью (это в Туркестане!), затхлостью. На каждом этаже были комнаты для умывания, по четыре раковины у стен, с холодной водой, кухни не было. Пожароопасно. Двадцатилетняя мебель, ветха и полуразрушенная. Общий туалет находился позади магазина на улице через дорогу. Трезвому входить туда было противно, а пьяному опасно, дабы не провалиться в дыру. Электрические плитки, чайники и кипятильники, вместе с посудой систематически изымались заведующей, и уничтожались. Отсутствие удобств, минимум свободного времени, и большая толпа мучающихся от безделья и тоски молодых мужиков. Что полезного можно сделать для себя после одиннадцати вечера? Ничего. Можно только крепко выпить или смертельно напиться. Все зависит от степени тоски. Печаль, грусть, тоска, тоска зеленая, смертельная тоска.

Водка и вино продавались только в городе, а маршрутка бегала до девяти вечера. Поэтому около девятнадцати часов, какой-нибудь гонец с деньгами мчался на рынок в универсам,

наполнял сумку бутылками, авоську закуской и успевал вернуться обратно. Подошедшие позже собутыльники добросовестно истребляли закупленное. Обычно до утра не хватало. Первым иссякало спиртное, сколько ни возьми, потребности всегда превышали заготовленный запас. В этом случае в ход шла энергия самых страждущих.

Если гуляла комната Шмера, то можно было уговорить слетать на мотоцикле Шкребуса. Когда пьянствовала седьмая рота, на стареньком "москвиче" мчался Власьев. Правда, затем приходилось поить автовладельцев. Но бывало, что кто-то желал выпить после полуночи. Водители уже спали дома с женами, и тогда страдальцы топали пешком. Идти по времени получалось в одну сторону пол часа. На окраине города стояла хибарка с покосившейся деревянной дверью в глиняной стене. Так называемое, "Черное окно". Стучи в любое время дня и ночи, откроют, обеспечат всем необходимым, но по двойной цене.

Затем пол часа легкой трусцой обратно. Когда те, кто бегали за водкой возвращались, обычно собутыльники уже спали. Гонцы будили храпящих и мероприятие продолжалось. Пили лейтенанты и прапорщики от тоски, безысходности, "дикости среды обитания" и отсутствия перспектив. "Дыра", она и есть дыра. Вероятность замены лишь теоретически-через десять лет, или на войну, в Афган. Будь он не ладен, не заменяемый район. Вот если бы Небидаг или Кызыларбат, то сменяешься через пять лет. А так как считается, что условия вполне терпимые, то замена в течение десяти лет и не обязательно за пределы Туркестанского округа.

Дернула "нелегкая" Ромашкина в такой запойный день забрести в общагу к Ахмедке, чтоб послушать магнитофон. Ромашкин вошел в фойе и увидел осторожно выглядывающих жен из дверей семейных комнат. Караулят суженых... Кирпичная коробка гудела от пьяного гама, звона стаканов, бренчанья гитар, завывания душераздирающих песен, матов.

Бекшимов и Хакимов, как малопьющие аборигены жили в угловой узенькой коморке на две койки. Окошка в ней не было, но едва ли это был недостаток. Летом через окно поступала духота, а зимой сырость, и промозглость.

- Черт! Не вовремя. Может вернуться пока не поздно? - подумал Никита. Сейчас попадется кто-нибудь привязчивый, придется пить гадкую водку, гробить здоровье...

Пьянствовать желания и настроения не было. Лучше бы полежать с какой-нибудь подругой...

Осторожно открыв дверь, Ахмедка пропустил Ромашкина внутрь. Затем он вновь лег на кровать, заложив руки за голову и

замурлыкал, подпевая магнитофону.

В комнате стоял полумрак, а из "Веги" тихо лились завывания восточных певуний. Индийские завывания сменяли турецкие, персидские, а может и арабские. Короче говоря: бабайские мелодии.

- Ахмед! Ты чего тут затихарился? - спросил Никита.

- Тш-ш! Не мешай слушать, - сказал Бешимов. - Сиди молча или уходи.

- Тогда поставь человеческую музыку и включи шарманку громче. От этих завываний, я через пять минут усну.

- Если сделаю звук громче, кто-нибудь начнет ломиться, предлагать выпить, или, что еще хуже, просить денег.

- Ну так выпей. Все уже пьяные.

- Пить сегодня не хочу, нет настроения. Я после вчерашнего не отошел. Деньги давать не могу, а отказывать неудобно. У меня всего десятка до следующей получки осталась!

- Как десятка? Получка была неделю назад! Пропил? Потерял?

- Нет! - усмехнулся загадочно туркмен. - Домой переслал для накопления, в общаге долго собирать не получится.

- А на что копишь? - поинтересовался Ромашкин. - Машину или мотоцикл хочешь купить?

- Жену! - улыбнулся широченной улыбкой Ахмед. - Калым коплю.

- И что, получается, собирать деньги? Много надо еще?

- Ах, много! Очень много. Года два буду откладывать.

- Что такая дорогая невеста? - удивился Никита. - Разве без калыма нельзя? Это ведь пережиток прошлого. Феодализм! И зачем тебе покупать туркменку? Возьми бесплатно русскую девушку.

- Чудак! Это традиция. Если я жену куплю за хорошие деньги, то это будет из хорошей знатной семьи, красивая и работящая. Найти можно подешевле, но страшную, а зачем нужна уродина? Если будет образованная, работать, и любить, беспрекословно не станет. Требуется, простая из хорошей семьи, и послушная. Будет жена - будет всегда еда, и теплая постель ночью. Самое главное отличие наших "ханум" от ваших русских - полное послушание. Она ведь знает - за нее деньги плачены большие! Муж - хозяин, его слово закон! Трудиться будет, пререкаться не станет! А от ваших теток, только головная боль: наряды, косметика, подруги, болтовня по телефону, споры с мужем. Так-то! Нет, я лучше поголодаю пару лет.

Ахмедка при мыслях о покорной, послушной, трудолюбивой восточной красавице, даже облизнулся, как кот на сметану.

- Ты супругу как собаку выбираешь, с породой, родословной. А если я захочу жениться на вашей ханум? Мне невесту бесплатно отдадут?

- Нет и за деньги не получишь, - усмехнулся Ахмедка.

- Это почему так? - возмутился Ромашкин. - А за большие деньги?

- Вряд ли. Отдают хорошую девушку, только в надежные руки.

- А почему я не надежен? - удивился Никита. - Чем плохи мои руки?

- Потому что ты офицер. Значит "перекати-поле". Сегодня здесь, завтра там! Тем более вера у тебя не наша. Только если городская, какая ни будь...

- Хм! За деньги не отдадут в жены! Хм... Я имел в виду большие деньги заплатить мне, чтоб я согласился на туркменке жениться! Ха-ха! - рассмеялся Ромашкин.

- Почему смеешься? Почему ты должен соглашаться за деньги? Не любишь нас туркменов? - обиделся Ахмед.

- Бесплатно бы полюбил! - рассмеялся Ромашкин. - Особенно сейчас в период длительного воздержания. Еще полгода в этих песках посижу и соглашусь на негритоску. А с туркменкой жить не хотел бы, потом что она по-русски поймет, что я скажу, а когда она мне скажет ругательное, я не разберу! Переводчик нужен. А если черненькую обругаю, то и негритяночка знать не будет об этом.

- Ты мне своими разговорами надоел, - оборвал рассуждения незваного гостя Ахмед. - Тебе чего надо? Зачем явился? Мешаешь мечтать!

- Ого! Ах ты, несчастный мечтатель! Ну, извини. Я тогда пойду к ребятам, развлекусь, не буду отвлекать. Думал музыку послушать, а у тебя одно "хала-бала" заунывное. Кстати, народ по какому поводу пьет?

- Точно не знаю, кажется, у кого-то из них второй сын родился. Жена телеграмму из России прислала. Вот гуляют, который день подряд.

- А до этого какая была причина пьянки?

- Развод с женой у капитана из пехоты.

- Он переживал или радовался?

- Кажется и то, и другое, - с сарказмом произнес Ахмед. - А еще раньше звание обмывал Миронюк. А перед Миронюком, новую должность обмечал Лебедь. Ну, а на завтра намечены проводы в Афган медика - зубника.

- Все мероприятия расписаны на неделю вперед! - усмехнулся Ромашкин. Ладно, лежи расслабляйся, млей от мыслей о теплой

"ханум". Только руками расслабляться организму не помогай.

- Пошел к черту! Шайтан! - возмутился Бекшимов, и быстро подтолкнув к двери Ромашкина, закрылся изнутри.

Посмеиваясь над страданиями туркмена, Никита побрел по коридору. Ромашкин, надеясь миновать пьяную компанию, прокрался тихонько вдоль стеночки к комнате Шмера. В ней стояла пронзительная тишина.

"Ну и слава богу!" - подумал Ромашкин. - Полежу спокойно, подремлю.

Он толкнул ладонью дверь и очутился лицом к лицу с знакомым лейтенантом из пехоты Лебедем. Хотел было шагнуть назад, но было поздно. "Белый" (так его прозвали за белобрысость), крепко схватил одной рукой за запястье, другой за плечо и потянул в комнату.

- Куда? Ты чего дергаешься? Стоять! Сейчас будешь водку со мной пить! Все принимают участие, а он отлынивает! - взвизгнул Белый.

Действительно, обычные собутыльники были в сборе, за исключением хозяина комнаты Шмера. На подоконнике восседал Власьев и с тоской вглядывался в ночную темноту. Хлюдов дремал сидя на кровати, зампотех Пелько сопел прикорнув на его плече. Миронюк лежал лицом на столе между тарелками и храпел, но никто не предпринимал попыток переложить его на другое, более подобающее место для командира роты.

- По какому случаю гуляем? - спросил, высвобождая руки Ромашкин.

- Гуляцкий снова папой стал! - кивнул в сторону валяющегося в сапогах на койке лейтенанта, Колчаков. - Ноша сия оказалась тяжела. Сломался полчаса назад. Сейчас водку привезут, опять поднимем. Вернее сказать, попытаемся.

За окном послышался знакомый треск мотоциклетного двигателя.

- Едут! Едут родимые! - взвизгнул Влас.

- Подъем, подъем! Хронь! Просыпайтесь! Алкоголики! - разорался Белый и принялся расталкивать и тормошить спящих. - Хватит спать! Водяру к парадному подъезду везут!

Миронюк открыл красные воспаленные глаза и уставился на Лебедя:

- Ты кто такой?

- Майор ты что очумел? Не узнал? Я Игорь Лебедь! Белый!

- А я думал ты "ворон черный"! Уйди прочь! - махнул рукой Миронюк отгоняя прочь неприятное видение, и вновь захрапел.

Ромашкин осознав, что избежать этого мероприятия не удастся, предпочел за благо смириться с частичной утратой

здоровья. В очередной раз.

За окном послышался звук падения мотоцикла.

- Упали! - рассмеялся Влас, высовываясь по пояс в окно и комментируя происходящее. - Шмякнулись!

- А водка? - забеспокоился Белый. - Водка не разбилась? Цела?

- Упал Шкребус и мотоцикл! К счастью, Шмер уже поднялся на ступеньки. Нам повезло!

Никита, любопытствуя высунулся в окошко. На щебне лежал Серега на левом боку придавленный "козлом". Он никак не мог высвободить ногу и громко матерился.

- Мишка! Твою мать! Помоги подняться! - брюзжал неудачливый мотоциклист.

- Не могу! Видишь, руки заняты! - ответил Шмер показывая на бутылки. Сейчас авоськи отнесу в комнату, вернусь и вызволю тебя из "плена".

- Шкреби ногами Шкребус! Фью-ю-ю!- заорал Белый, свешиваясь через подоконник, и засвистел как "Соловей-разбойник".

Шмер весело насвистывая, пошел по лестнице, а все грязные ругательства Шкребус направил на ротозеев в окошке.

- Ну хрен-ли, уставились. Помогите, кто-нибудь, мерзавцы! Водку жрать только горазды! Больше не поеду! Ходите пешком канальи!

Услышав эту угрозу, Белый сорвался с места и помчался выручать "благодетеля", увлекая за собой и Ромашкина.

- Пойдем! Поможешь! А то заявился водку лакать на дармовщинку! Польза какая-то от тебя должна быть?

- Я не навязывался, ты сам меня затащил в комнату, - обиделся Никита, но отправился на подмогу.

Шкребус по-прежнему валялся на земле но, уже не предпринимая никаких телодвижений. Он только хрипло дышал. Вдвоем удалось быстро освободить из мотоциклетного плена Глобуса, который, очнувшись от дремы, начал вновь возмущаться и брызгать слюной. Багровое лицо Сереги переполнилось гневом, а глаза налились кровью, как у быка на корриде, раздразненного тореадором. Шкребус обхватил обоих лейтенантов за плечи, и повис на них, с трудом перебирая ногами по лестнице.

Взводный был мертвецки пьян. И как только умудрился доехать? Наверное, на "Восходе" установлен авиационный автопилот. Но через полчаса, после пятого тоста Ромашкин и сам потерял ориентацию в пространстве и вскоре отключился. Темп оказался не посильным. Очнулся Никита от того что, кто-то тормошил его за плечо и громко орал, прямо в лицо. Ромашкин с

трудом приподнял голову, и с трудом сконцентрировавшись, огляделся.

- Где я? - пошевелил языком, превозмогая тошноту, лейтенант.

Женщина, толкавшая его, ответила:

- В Аддис-Абебе, эфиоптвою мать! Еще спроси, кто ты есть такой! Тогда ты - Патрис Лумумба!

- Врешь. В Аддис-Абебе, у эфиопов правит Менгисту Хайле Мариам.

- Ого, он еще что-то знает, понимает и соображает. Видать не совсем пропил мозги. Ну, раз очнулся, бегом отсюда! - взвизгнула женщина.

Никита, наконец, догадался, что это была дежурная по общежитию.

- Чего тебе? - махнул рукой перед глазами Ромашкин, пытаясь отогнать ее, словно дурной сон.

- Марш отсюда пьяницы! Всем подъем! Через полчаса генерал проверяет общежитие!

Никита оглядел комнату и себя. Сам он лежал в брюках и рубашке без погон. Галстук и погоны валялись на тумбочке. Рядом на кровати притулился, скорчившись калачиком в трусах и майке Шмер. За открытым окном брезжил утренний рассвет, часы показывали четверть девятого.

У стола по-прежнему сидя спал Миронюк, правда, теперь майор, выводил храпящие трели, запрокинув назад голову. Власьев дремал, обняв подоконник, а Лебедь распластался на своей койке, не сняв даже сапоги. Вернее один сапог валялся на полу, а второй остался на ноге. Остальная часть компании разбрелась. Виновник торжества Гуляцкий, сопел лежа на составленных в ряд стульях и табуретках. Дежурная еще немного побранилась и выскочила из помещения встречать высокое руководство. Ромашкин встал на ноги, но не удержался, шлепнувшись обратно на матрас. Пол раскачивался как и вся обстановка вокруг.

Зачем пил? Подумал лейтенант. Ведь не собирался, а получилось и так неудачно. Генерал еще какой -то объявился, видимо это командир дивизии решил проверить гарнизон. Хотелось пить, в горле пересохло и свербело так, словно песка в вперемешку с пометом наелся.. На столе стоял полный стакан с водой, наполненный до краев. Лейтенант схватил его, отхлебнул и тотчас выплюнул.

В нем была противная "чарджоуская" водка. Она противная не только на запах, но и на вкус. Но этот напиток еще не самый ужасный. Водка из города Денау, была еще более омерзительная.

На какой воде, интересно, ее делают туркмены? На той, что собирается в отстойниках? В стакане водка! Какой кошмар! Да и действительно, откуда взяться в комнате воде, если ее никто вчера не пил, - подумал с грустью Ромашкин.- Дышать, дышать! Скорей на воздух.

Ромашкин повторил попытку встать, но на этот раз более удачную. С превеликим трудом нашел свои сапоги, обулся, и обливаясь липким потом, ушел, хлопнув дверью.

Тем временем по общежитию вихрем промчались командир полка и его заместители. Досталось всем попавшимся под руку обитателям: за грязную посуду, за пустые бутылки и окурки, за грязь в комнатах. Проснувшийся Шмер выгнал собутыльников из комнаты, затем расставил стулья и табуретки, заправил постель, сложил в пустой мешок рваные газеты, мусор и грязные сапоги. Мишка открыл окно и выглянул вниз. Прыгать не хотелось, но и с Хомутецким встречаться, и ругаться желания не было. Вернее, ругали бы его, Шмера.

"Если сломаю ногу, поваляюсь месяца три в госпитале, и отдохну от службы"! - мелькнула мысль в голове взводного, и он прыгнул на жесткий газон из сухой травы и колючек.

Ноги остались целы, только пятка немного заболела от ушиба.

Михаил выбросил мешок на помойку, занес ключ от комнаты на "вахту" к дежурной, и повесил его на гвоздик напротив бирки со своей фамилией. Теперь можно подвергаться пристальной проверке командования. Обстановка в пределах бытовой нормы...

Генерал со свитой из Ашхабада, и несколько полковых начальников не торопясь, перемещались из помещения в помещение. Убогость быта мало кого волновала, главное порядок и дисциплина. Наспех вымытые в коридоре полы создавали ощущение свежести и чистоты. Но давно не крашенные половые доски, высыхая, выделяли пыль порцию за порцией, и свидетельствовали об отсутствии элементарной заботы о людях.

- Командир! Ты сюда когда в последний раз приходил? - рявкнул командир дивизии.

Подполковник Хомутецкий появлялся в общежитии только один раз около года назад при вступлении в должность. Краснея и багровея от ярости, он молча стоял перед начальством.

- Твои тыловики все разворовали! - продолжал разнос генерал Асланян. Краска украдена, наверное, а этим выцветшим тряпкам, которые имитируют шторы, уже лет двадцать.

Генерал Асланян строго выговаривал командиру о ветхости общежития и в этот момент его чуткий слух уловил, что кто-то где-то тихо поет под гитару.

- Хомутецкий! Что это? - спросил генерал.

- Не могу знать! - ответил командир полка.

- Пойдемте, посмотрим, кто у вас тут дает концерты в служебное время?! Развлекаетесь? Занять людей нечем? Дел нет?

Командир дивизии бодро и энергично затрусил по коридору. Он поднялся по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, свернул налево и оказался перед закрытой дверью. Эту дверь когда -то давно красили, но после этого много тренировались в метании по ней штыка, и она была облезлая, потрескавшаяся и покореженная.

- Открыть! - рявкнул проверяющий, после трех безуспешных легких толчков в нее.

Дверь не поддалась и после, удара плечом Хомутецкого.

В комнатке пели что-то из белогвардейского репертуара.

- Эй! Кто там поет! - громко крикнул командир полка. - Немедленно отоприте! Это подполковник Хомутецкий!

За дверью раздавалось громкое: "Подайте патроны поручик Колчаков, поручик Лунев - наливайте вина".

Музыка резко оборвалась, пение прекратилось. В комнате наступила напряженная тишина. Затем послышался звон стаканов и негромкий разговор.

- Откройте дверь, негодяи! Я вам приказываю! - вновь вскричал Хомутецкий.

- А ты кто такой? - раздался из-за двери чей-то нетрезвый голос.

- Я начальник гарнизона! Рядом стоит командир дивизии. Немедленно открыть дверь, иначе, я ее выломаю!

Кто-то что-то сказал, другой человек рассмеялся, встал и подошел к двери. Замок щелкнул, и она широко распахнулась. В проеме стоял нетрезвый офицер с красным опухшим лицом, в форменной рубашке, спортивных штанах и тапочках.

- Ты кто? - спросил пришедший в ярость генерал. - почему не на занятиях?!

- Я? Я, поручик Колчаков, а это поручик Лунев. Между прочим, правнук декабриста! - представился пьяный офицер. Почему мы не на службе? А, потому! Пьем!

- Что!!! - вскричал генерал.

- Что?! Водку. Да, пьем! И будем пить! Пока не сдохнем! Надоело все! Армия эта, пустыня, и эти чурки вокруг.

- На гауптвахту негодяя! - воскликнул генерал. - Хомутецкий, на семь суток! От моего имени. Алкоголики! Бездельники! Отдать под суд "чести офицеров".

Колчаков, осознав, что этот всесильный генерал способен на многое, и может решать его судьбу, упал на колени, и взмолился:

- Товарищ генерал! Умоляю, уволь меня из этой армии! Не мучьте, ни себя, ни меня!

Генерал вопрошающе посмотрел на Хомутецкого.

- Так точно! - подтвердил командир полка. - Не желает служить в Советской Армии, написал три рапорта об увольнении.

- Так-так! Не хотим служить Родине? - вспылил генерал.

- Нет, не хотим! - подтвердил, выглянув из- за плеча приятеля, шатающийся и, еле стоящий на ногах, Лунев. - Ни в Советской, ни в какой другой. Увольте нас, пожалуйста.

- Снять обоих с учебных должностей и перевести командирами взводов в БУПТ.

Колчаков внезапно с грохотом рухнул на колени и взмолился:

- Генерал! Отец родной! Благодетель ты наш! Не губи! Уволь ради Христа! Честное слово, пить брошу! Человеком стану! Только уволь! Нет больше сил, торчать в этой дыре.

- Нет, сынок, мы Вас заставим Родину любить и честно ей служить! произнес Асланян. - Хомутецкий, рапорт порвать, в увольнении отказать! На гауптвахту их! Будем дальше воспитывать этих бездельников. Замполит, может их еще из партии и комсомола исключить? Как считаешь?

- Исключим, обязательно исключим Лунева. А замполит роты Колчаков, имеет высокопоставленного родителя, (командир прошептал на ухо генералу кого именно), так точно, генерал - полковник. Он самый!

- Они оба будут строго наказаны!- выкрикнул через плечо командира Бердымурадов.

- Вот и славно! Нужно подумать, может лишить их звездочек? Пусть послужат лейтенантами? - продолжил мысли вслух комдив.

Лунев поддержал дружка и тоже упал на колени, протягивая призывно руки к генералу:

- "Отец родной"! Будь так милостив! Лиши звания! Уволь из армии! Век на тебя будем богу молить!

Колчаков поддержал приятеля торжественным обещанием:

- Ей-ей! И я человеком стану! Хоть трактористом в деревне буду! Выгони хоть с "волчьим билетом" на гражданку!

- Только Вас в деревне и не хватает! - усмехнулся комдив. - Мало алкашей на селе! Нет, мы вас сами перевоспитаем. Никуда не уволим, не имеем такого права! Обоим по семь суток гауптвахты и после отсидки, ко мне на беседу!

Полковник Хомутецкий злобно поглядел на нарушителей и кивнул головой в знак понимания и согласия.

- Сгниете в песках Туркво! - рявкнул генерал. - Я вам это клятвенно обещаю!

- Ах, так! Да! - вскричал Колчаков. - Ну хрен с Вами. Мы

хотели по-хорошему! Лунь! Наливай, ну их к лешему.

Оба офицера демонстративно выпили по половине стакана водки, и улеглись на кровати.

- Хомутецкий! Выписать записки об аресте и завтра же в Ашхабад! На гауптвахту обоих!!!! Живо! - заорал генерал.

- Товарищ генерал! - попробовал пояснить ситуацию Хомутецкий. Колчаков, это мой подчиненный. А Лунев - из соседнего полка, пехотинец.

- Прекратите, товарищ полковник! Вы начальник гарнизона! Действуйте! Завтра долижите об исполнении, - приказал генерал и хотел было уже идти дальше.

В этот момент Колчаков задал каверзный и наглый вопрос, сразивший генерала.

- Товарищ генерал! Разрешите обратиться! Весь гарнизон мучается одним без Вас не разрешимым вопросом. Асланян, это производное от какого зверя от "Слона" или от "Осла"?

- От "Слона"! - громко и серьезно ответил генерал.

- А мы думали, от осла, судя по своеобразному крику, - ухмыльнулся взводный.

Асланян задумчиво поглядел на Колчакова, глаза его налились кровью, лицо побагровело, как в преддверии инсульта:

- Хомутецкий! Я отменяю семь суток ареста!

- Ого! - хохотнул Колчаков. - Проняло!

- Десять суток ареста! - с угрозой в голосе произнес комдив. - И на гауптвахте, я их навещу. Может, еще задержатся там, на второй срок.

- Есть десять суток! - ответил Вадим Колчаков и вновь взялся за гитару.

Начальство двинулось по коридору, а вслед лилась песня с нахальным содержанием (на мотив Бременских музыкантов):

- Ничего на свете лучше не-е-ету!
- Чем служить в Генштабе на парке-е-ете!
- Тем, кто честен, гнить в песка Педжена.
- Отравляться водкой и чеме-е-енить!
- Спиртоваться водкой и чименом!
- Ла-ла-ла-ла! Е-е-е-е! Е!
- Нам Туркво милей Афганиста-а-на!
- Все мы любим батьку Асланя-а-ана!
- Гауптвахта, нам родней колхоза.
- С голоду не пухнем, нет морозов.
- Здесь мы не загнемся от морозов!
- Ла-ла-ла-ла! Е-е-ее!

Генерал сатанел от гнева, из-за наглой выходки пьяных офицеров пнул ногой закрытую дверь умывальника.

- Скоты! Наглецы! Мерзавцы! Сгною! Всех сгною! Хомутецкий! Будет разнарядка в Афган, этих в первую очередь отравить воевать! Запомните! В первую очередь! Пусть будет у этого мерзавца папа, даже и маршалом!

***

- Вечно вы генеральских сынков алкашами выставляете! - возмутился Кирпич.

- Я тебя не имел в виду, чего обижаешься! Не пей, не будет анекдотов про похождения! Давайте лучше третий тост поднимем, за погибших! - предложил Никита.

Выпили, помолчали, и Ромашкин вновь продолжил свою историю...

Глава 6. Развеселая свадьба.

В батальоне намечался грандиозный праздник. Вовка Мурыгин решился наконец-то жениться и по этому случаю пригласил офицеров на торжество. Невеста Лиля, была местная жительница, стройная, симпатичная девушка, двадцати трех лет. Володя с ней познакомился на танцах, в полковом клубе, длинноногая красавица быстро очаровала его, и бурный роман за три месяца перерос в запланированную помолвку, а затем бракосочетание.

Ульяновские родственники капитана Мурыгина приехали маленькой скромной группой в составе обоих родителей, молодой пышной, полнотелой сестры Вальки и нетрезвеющего дяди Кости. Отец, Семен Иванович, худощавый майор милиции на пенсии сильно нервничал и суетился. Больше всего его раздражала необходимость быть трезвым до того момента как начнется банкет. Он с неприязнью смотрел на Коську, младшего брата жены, который, мог позволить себе или побаловаться портвейном, или опохмелиться пивом, или опрокинуть во внутрь себя стопку водки.

Папаша ежеминутно, то багровел лицом, то бледнел до известкового цвета. Его супруга, Людмила Сергеевна, крашенная брюнетка, дородная и энергичная женщина, крепко держала Семена Ивановича за руку, не позволяя сделать ни шагу в сторону. Она давила в зародыше любую инициативу непутевого мужа и громко шипела:

- Еще успеешь нажраться. Погоди пару часов, сядем за стол и хоть упейся.

Сестренка Валька не осталась без внимания, Ромашкин ее всюду водил под руку. Никита что-то шептал страстное на ушко, которое сразу становилось пунцовым, щипал ее за пухлый зад, тем самым, вызывая восторг девушки, от оказываемых знаков внимания. Сердце девицы замирало от сладостных мечтаний, ей

грезилось, что она следующая на выданьи. (Ох! Лейтенант - парень красивый, и вроде бы, не плохой!).

Полтора десятка офицеров толпились у загса, нервно покуривая и покашливая. Терпение народа иссякло, "бойцы" желали быстрейшего окончания торжественной церемонии и начала застолья.

Небольшой ЗАГС, построенный в послевоенные годы еще в период "культа личности", стоял с давно облупившимися колоннами, зачем-то возведенными у центрального входа. Почему вход назывался "центральным" было не понятно, так как других дверей у старого здания не было. Но это помпезное, архитектурное излишество, пусть и обветшалое, добавляло торжественности и значимости событию.

В небольшой зальчик, с крашенными в розовый цвет панелями, сумели втиснуться только родственники невесты и жениха. Любопытно, если зал бракосочетания такой крохотный, то чем занято остальное здание? Кабинетами? Любят туркмены иметь отдельный кабинет и любая занимаемая должность, становится ответственной.

Количество гостей со стороны "молодой" превышало родню "молодого" в три раза. Но этот перевес с лихвой компенсировала лихая офицерская когорта. Когда лестница в пять ступеней, подступы к ней, а также две маленькие урны были густо усеяны пеплом и окурками, выкуренными утомившимися гостями, наконец, грянул "Марш Мендельсона". Друзья жениха метнули под ноги четыре букета гвоздик и ромашек, оросили алым дождем головы новобрачных, метнув несколько горстей с лепестками роз.

- Уря! Уря!- пьяно заорал дядя Костя, но, получив в бок сильный тычек локтем от Людмилы Сергеевны, громко ойкнул и обиженный надолго умолк. Процессия быстро сфотографировалась и толпа начала энергично загружаться в автомобильный кортеж. Молодые сели в "Жигули" Власьева. Родители и остальные родственники с обеих брачующихся сторон уплотнились в маршрутном микроавтобусе, который сразу осел днищем до растресканного асфальта. Рессоры "Рафика" заскрежетали, но не лопнули, выдержали. "Гвардейский" строй друзей рассыпался, и они бросились на штурм старенького "Москвича" Миронюка. Больше автотранспорта в кортеже не было. Комбат Алсынбабаев отпихнул животом нахальных лейтенантов и уселся рядом с водителем, начальник штаба обложил забористым матом "особо не понимающих" и занял место за комбатом.

Замполит Рахимов оттеснил плечом маленького Непомнящего и рявкнул:

- Не видишь начальника? Или опять ничего не помнишь?

Витька виновато улыбнулся и сделал шажек в сторону. Образовавшейся заминкой воспользовался Давыденко, прошмыгнувший следом за замполитом и захлопнувший дверцу автомобиля.

- Ну, что, "Незнающий", места не нашлось? Не нужно было рот разевать! рассмеялся никогда не унывающий Хлюдов. - Пойдем "Неслышащий" к рейсовому автобусу, а то опоздаем к отходу и не успеем к столу.

Шкребус вывел из-за кустарника спрятанный в листве мотоцикл и принялся его заводить. Серега потел, ругался, но "аппарат" почему -то не желал работать. Пелько, Ромашкин, Шмер и Бекшимов обступили хозяина мотоцикла, подшучивая над ним. В конце концов "Восход" прекратил сопротивление, зачихал и завелся. Шмер шустро вскочил на сиденье пассажира, пресекая поползновения остальных конкурентов. Шкребус покрыл сочным матом дружка:

- Какого ...! А мне как садиться? Мешаешь!

- Подтяни ногу к животу, перекинь ее через сидушку и садись! огрызнулся Мишка.- Худеть надо, толстобрюхий!

- Я тебя сейчас скину с мотоцикла! Прогуляешься пешочком до полка, а потом посмотрим, будешь еще вякать о том, кому надо худеть! - разозлился Шкребус и разразился тирадой. - Сосем доходягой, стал! Соплей перешибешь! Умник. Это не живот, а трудовой мозоль. Помоги сесть, гаденыш! Шкребус приподнял ногу, а Шмер схватил его одной рукой за бедро, другой за лодыжку и помог перекинуть ее через сиденье. Остальные наблюдатели оживились и устремились к пустующему багажнику мотоцикла.

Ромашкин слегка подтолкнул Шмера в спину и притулился на краюшке сиденья, свисая ягодицами на металлический багажник.

- "Рюмашкин"! Убери к черту свою наглую задницу с моего "мустанга". И без тебя тесно! - взревел Шкрябус. - Слезь гад, заднее колесо слабо накачено!

- Серега не ори! Я легкий, доедем!

- Слазь говорю! Не повезу двоих.

- Сережка! С меня пиво, не выеживайся, поехали, мы легкие.

- Ладно, черт с тобой, две кружки пива. Завтра! На опохмел! Вам повезло, что вы оба такие дохляки.

Шкребус снял с руля мотоцикла шлем, натянул его на свою круглую голову, отчего стал еще больше похож на школьный глобус, резко газанул и "козел" поскакал объезжая рытвины и ухабы к гарнизону. Если ямку обогнуть не получалось, Ромашкин

получал чувствительный пинок от металлического багажника по костлявой попе. Оставшиеся без транспорта гости гурьбой поспешили к остановке.

Свадьба шумела и раскачивала домик-барак, который ушлый Мурыгин получил за неделю до свадьбы. Володя представил справку о дате свадьбы, о третьем беременности невесты и получил ключи от пустующей половины дома. Обычно эти домики делились на четверых квартирующих офицеров, на однокомнатные квартиры, но Володя ухватил перепланированную и объединенную из четвертей половинку. За три дня солдаты в ней навели относительный порядок, а родственники обустроили для жилья кое-какой мебелью. Пока что это были в основном столы стулья и табуреты, которые составили в длинный ряд для предстоящего банкета. Черно-белый телевизор работал плохо, грелся и по нему, для просмотра передач требовалось стучать кулаком. Переключение программ осуществлялось плоскогубцами из-за отсутствия давно сломанной ручки. Брачное ложе размещалось во второй комнате. Это был массивный диван с устланными поперек несколькими слоями матрасов. Убого, не уютно, но на первых порах потянет.

Водка и самогонка лилась рекой. Для некоторых непьющих дам были закуплены "Чимэн" и "Чашма", тошнотворное, противное вино. "Токай", коньяк и Кубинский Ром покупать не стали - дорого.

Отец жениха, наконец-то дорвался до заветного стакана и теперь успевал выпивать и под тосты, и в промежутках между ними в короткие периоды закусывания. Он так увлекался этим делом, что не улавливал момента, когда требовалось вставать, чтобы поздравлять молодых.

Тогда жена сильно толкала в плечо или поднимала следом за собой за руку. Так он и действовал как марионетка: сесть-встать. Но вот не задача, подошла его очередь произнести слово приветствия. Супруга толкнула мощным локтем в бок - родитель встал. Папаша смешно почесал нос кулаком, сплющив его, и погоняв, из стороны в сторону, а после затянувшейся паузы высказался:

- Ну вот значит сын! Желаю, чтобы все у тебя было хорошо! Счастья! А мы будем за тебя радоваться! Горько!

И тотчас опрокинул наполненную до краев стопку в свое бездонное горло.

Поздравления шли одно за другим по кругу, от имени каждого из присутствующих, по очереди, и вскоре крепко набрались не только гости, но и жених с невестой. Вскоре из- за стола исчезла Оксана, подруга невесты. Ее куда-то увлек

Колчаков. И больше они к столу не возвращались.

Жених Вовик не пропускал ни одного стакана и наклюкался не меньше папаши. Лика некоторое время с ним пыталась бороться, ограничивая в спиртном, а затем махнула на него рукой, и начала по очереди танцевать с Власьевым и Миронюком. Обоих она знала давно и хорошо, а с Власьевым крутила любовь еще до Вовки Мурыгина.

Глаза Вовы посоловели, остекленели, и он потерялся в пространстве, полностью утратив связь с реальностью.

Олег Власьев крепко обнимал Лилю за талию, и что-то жарко шептал на ухо. Невеста раскраснелась, бросала в ответ короткие фразы и тревожно оглядывалась на мужа и его родственников.

Власьев продолжал быстро-быстро говорить и увлекал в танце то в один угол, то в другой. Наконец, после некоторой внутренней борьбы, немного подумав, Лиля кивнула головой в знак согласия. Она направилась на свое место, налила в рюмку водки и толкнула мужа в плечо.

Вовка удивленно посмотрел на нее:

- Тебе ч-ч-чего?

- Желаю выпить за любовь!

- Давай! На б-брудершафт-т -т! - обрадовался Вовик и полез целоваться. Он обмусолил мокрыми губами супругу, а затем, осушив стопку, задумался, отрешенно уставившись в потолок.

Власьев тем временем о чем-то спорил с Миронюком. Конфликт был шумный и горячий. Время от времени спорщики толкали друг друга в грудь, хватали за грудки.

- Олег! Не рыпайся, я первый с ней договорился! - сердито прошипел Миронюк. - Гуляй стороной!

- Васильич, не колышет, кто был первый, а кто второй. Но пойду я! ответил, злобно сверкая глазами, Власьев. - Иди спи домой, к жене! А моя, второй месяц у мамаши в Воронеже. Я зубами по ночам уже скрежатаю.

- Вот и скрипи себе на здоровье! - рассмеялся Миронюк. Не лезь поперек старшего по званию.

- Ох! Ну сказанул! В этом деле нет званий чинов и должностей. К жене шагай, к любимой жене! - продолжал теснить майора Олег. - Она тебя дома заждалась.

- А вот мы сейчас спросим, кому идти к жене, а кому одному спать в холодной кровати.

Миронюк оттолкнул Власьева в сторону и двинулся навстречу к Лиле пробирающейся между танцующими парами. Он обхватил ее за талию и что-то начал шептать. Невеста громко рассмеялась и покачала отрицательно головой. Она посмотрела, улыбаясь на Олега, затем на Миронюка, и вновь покачала головой.

Миронюк наклонился к ней над ухом, и что-то быстро-быстро говорил, поглаживая по талии и бедрам большущей пятерней.

В конце концов, Лиля тихонько хохотнула, и что-то шепнула и, оттолкнув партнера, вышла в прихожую.

Майор разгладил усы, и направился следом, дружески подмигнув Власьеву.

Олег метнулся за ними, расталкивая пьяных, и когда протиснулся за дверь, парочка целовалась, тесно прижавшись в углу.

- Лилька! Зараза! Опять взялась за старое! - рявкнул Влас.- Ты ж, мне обещала!

- Не за "старое", а "за старого"! - хохотнула девушка.

- Ну, ты уж как скажешь - старый, - разгладил усы Миронюк. - Всего-то 40 лет. Но борозды точно не испорчу. Мой плуг остер!

Влас тем временем оттолкнул Миронюка, и сам прильнул к ее губам, разминая и разглаживая упругое тело скрытое полупрозрачным платьем.

Майор от легкого толчка покачнулся и, не устояв на ногах сел на пол. "Норма! Водка качнула пол, знать хватит пить!" - подумал пьянеющий кавалер. Сидя в ногах у Лили он заглянул под подол и тотчас принялся с нее шустро и деловито стягивать трусики.

- Ой! - тихо пискнула новобрачная, но пинать майора не стала, и, не отстраняясь от Власа, лишь чуть переступила ногами по полу, освобождаясь от самой интимной части свадебного туалета. Майор запустил руку глубоко под юбку, и даже причмокнул от удовольствия, предвкушая незапланированное, нежданное наслаждение.

- Эй-эй! Офанарел! Тиш-ш-ше! Не спеши! - зашипела на него Лиля. - Ну не здесь же! Вдруг кто выйдет в сени! Пойдем за сарай.

Целуясь на ходу то с одним, то с другим Лиля увлекла за собой обоих претендентов во двор.

Возле забора она согнулась и уперлась руками в крепкие доски штакетника и широко расставила стройные ноги-циркули.

- Давайте, только быстрее! Пока Вовка меня не хватился. Но без суеты! С чувством, толком и удовольствием!

Миронюк оттолкнул щуплого Власа, откинул на спину юбку и пристроился первым. Хлипкая ограда зашаталась под сильными толчками тучного корпуса майора. Девушка слегка повизгивала, но в меру громко.

Через пять минут майор шумно и облегченно выдохнул, уступая место приятелю.

- Лиля! Согни ноги в коленях! - скомандовал низкорослый Влас, пытаясь устроиться поудобней.

- Подпрыгивай! - хохотнула девушка, но сжалилась и просьбу партнера все же выполнила, чуть согнув колени.

Всхлипы и стоны девицы возобновились. Через пару минут на крылечко вышел подышать свежим воздухом Шмер. Привлеченный каким -то подозрительным шумом, он завернул за дом.

- Мужики, чего тут делаете? - спросил он у курившего на поваленном чурбаке Миронюка. - Это что за подозрительные стоны? Чей это знакомый голос?

- Не задавай дурацких вопросов! Становись лучше в очередь! великодушно предложил майор. - Сегодня бесплатно.

Тем временем Влас негромко зарычал и, успокаивая дыханье, счастливо засопел.

Миронюк подтолкнул Шмера ободряюще:

- Давай, не теряйся. Вперед зеленоухий! Этот алкаш - скорострельщик уже скис!

Мишка без лишних разговоров и уговоров приступил к делу, крепко схватив новобрачную за тонкую осиную талию.

- Эй-эй! Кто это там! - возмутилась Лиля, повернув голову, пытаясь высвободиться. - Мы так не договаривались!

Она зашипела словно дикая лебедушка, изогнув грациозную шейку. Нет, шипела она скорее как глупая гусыня. По крайней мере, такая потешная ассоциация возникла у Мишки.

- Тебе, какая разница кто! - хохотнул добродушно Миронюк. - Свои. Все вокруг свои. Это Шмер, хороший парень. Расслабься, двое или трое, какая разница?...

Миронюка на второй раз подряд уже не хватало, поэтому он был щедр и великодушен. Тем более, что все равно не свое.

- И вправду, стой и получай удовольствие! - цыкнул, приступив к делу Шмер. - После выпьем на брудершафт и познакомимся.

Ограда затряслась с новой силой и удвоенной интенсивностью. Лиля застонала от новой порции любви, причем с чувством, видимо хорошо разогрелась с предыдущими.

Тем временем на крылечке внезапно появился Мурыгин. Затянувшись сигаретой, раскачиваясь из стороны в сторону, словно болванчик-марионетка, он громко и призывно выкрикнул пьяным голосом.

- Ли-и-и-ля! Ли-и-и-и-ка! Ли-ля-а! Ли- ка-а!

Миронюк свалился от неожиданности с чурбака, а Влас застегивая штаны, тотчас спрятался в кустах сирени.

Лиля-Лика, шепотом грязно выматерилась, услышав выкрики супруга, и зарычала на Шмера:

- У-у-р- р! Приятель, быстрее, быстрее! Ну, же! Заметит!

Мурыгин расстегнул брюки, подошел к дальнему углу дома, художественно рисуя струею узоры пописал, и вновь выкрикнул трубно, как марал в период брачного ритуала:

- Ли-и-и-лька!

Тело Владимира раскачивалось из стороны в сторону, и он балансировал на месте, размахивая руками. Эта качка подтверждала истину о том, что Земля круглая и все- таки вертится.

- Ли-и-ка! - вновь вскрикнул муж обиженно жалобным голосом.

- Володя! Во-ло-одя! Я здесь! - собравшись с силами и сконцентрировавшись, чтоб не застонать от удовольствия ответила, пискнув наконец, Лика.

- Уф-ф! - выдохнул обрадовано Володя, услыхав родной голос. - Лика! Ты где?

- Я здесь Володюшка! Здесь! - вскричала она, пытаясь освободиться от увлекшегося наслаждением, нежданно появившегося, не запланированного партнера.

Но нахал, и не думал выпускать из крепких объятий жертву и напрягался из последних сил, желая довести задуманное до финала.

- Ты где, Ли-и-и-ка! - вновь вскричал муж. - Не шали. Я соскучился.

- Да здесь, я! - взвизгнула новобрачная, энергично дергая из стороны в сторону задом. - Минуту.

Но освободиться от пиявки-лейтенанта не получалось, тот только крепче прижимался и возбужденно шевелил усами.

- Иди ко мне, моя кошечка! - пьяно всхлипнул Володя.

- Спешу! Бегу! Сейчас приду! - вновь выкрикнула невеста и увеличила темп обратно-поступательных движений, желая ускорить окончание, раз уж высвободиться не выходило.

За бесплатным цирковым (или скорее театральным) представлением наблюдал лежа на траве еще один свидетель - Ромашкин. Вернее лежал он не на траве, а на Вальке, сестре друга и новобрачного.

Придавленная в траву, потная толстушка, попыталась повернуть голову, чтобы рассмотреть, что происходит во дворе. Она уже отдышалась после бешеного темпа первого раза, и теперь ее разбирало любопытство: отчего парень, что ее соблазнил полчаса назад, тихонько смеется, и совсем прекратил ласкать. Словно напрочь забыл о ее существовании.

Выворачивая и вытягивая короткую шею, она начала толкаться и ерзать всем телом по сухой траве.

- Да, ляг ты! - воскликнул Никита. - Успокойся.

- Ну что там такое. Мне же интересно! - обиженно ответила девушка.

- Нельзя! Ты еще маленькая, такое смотреть! Это кино для взрослых! ухмыльнулся Ромашкин. Он крепко поцеловал девушку и принялся повторять любовные утехи как отвлекающий маневр от того действия, что происходило в нескольких шагах.

Девчонка обрадовалась возобновившемуся вниманию, успокоилась и сконцентрировалась на получении удовольствия.

Лейтенант же, кося одним глазом в сторону, пытался уловить дальнейший ход событий, чем закончится трагикомедия.

Все представление происходило как на ладони. Луна бледным прожектором подсвечивала на этих импровизированных театральных подмостках, рассеянным бледным светом. Сцена доигрывалась дальше. На счастье веселящейся компании Володя выйдя по малой нужде, свернул за угол на право от крылечка, а не в лево.

Лилька продолжала тихонько попискивать, кусая ладонь и извиваясь энергичным телом. Вовка слышал шорохи, смех, визг, но не мог разобрать, откуда они исходили. Опьяненный мозг мужа уже был не способен точно проанализировать происходящее, а справлялся только с такими отдельными простейшими рефлексами и действиями как: подать звуковой сигнал, помочиться, вспомнить имя жены и нечленораздельно выкрикнуть его. На большее Мурыгина уже не хватало.

Загрустивший новобрачный глубоко затянулся сигаретой и тупо уставился на висящую в черном звездном небе тарелку-луну. Она уныло смотрела на него сверху вниз, словно насмехаясь над проросшими у Вовки невидимыми рожками, которые с каждой секундой прорастали выше и ветвистее.

Лилька тем временем из последних сил устало стояла на дрожащих и подгибающихся ногах в несовсем удобном положении. Судорожно и крепко вцепившись побелевшими тонкими пальчиками в крашенные доски, она тихонько всхлипывала, взвизгивала и похрюкивала. Наконец сзади движения прекратились.

- Эй, ты! Пошел вон! - прошипела Лилька нетерпеливо.

Очнувшись, она возвращалась к реальности, постепенно приходя в себя от этой трехчленной гонки. Прямо родео, какое то! В планы девицы совершенно не входило завершить свадьбу со скандалом, с дракой и мордобоем. Желания быть поколоченной в первую брачную ночь у нее явно не было. А то, что произошло только что, так это так, компенсация, за не способность сегодня пьяного вдрызг мужа к любви и ласкам, мысленно оправдывалась она перед своей крошечной совестью.

"В дальнейшей супружеской совместной жизни, я буду ему верна!" клятвенно уверяла себя Лилька, торопливо натягивая трусики и поправляя юбку.

Она нагло подмигнула Шмеру, и ткнула острым локотком в бок, отталкивая в сторону:

- Чего стоишь столбом на дороге? Сделал дело, гуляй смело. Отойди незваный нахал!

Но на последок шепнула: - А ты ничего, хорош!

Лика предусмотрительно обошла дом вокруг. Она шла напролом, не разбирая дорожки, но соседским грядкам и цветам.

- Вовочка! - вскричала Лика, выйдя с противоположной стороны, и бросилась мужу на шею, имитируя мертвецки пьяное состояние.

- Где ты пропадал. Я кричу тебе, кричу, а мой ненаглядный спрятался, не найти! Как мне плохо! О-о-о! Тошнит!

- Я не спрятался. Я сам тебя искал. Но твой голос звучал как-то глухо и непонятно с какой стороны. Кажется от сарая.

- Тебе послышалось пупсик. Мне стало не хорошо, я вышла подышать. Кажется, мы оба немного перебрали спиртного, - произнесла Лиля, восстанавливая дыхание.

Ее большая грудь высоко и часто вздымалась от внутреннего переполнявшего ее возбуждения и грозившей минуту назад опасности разоблачения, которая в принципе, еще не миновала. "Все будет хорошо", успокаивала она себя мысленно. "Лишь бы пьяные остолопы, не вылезли из-за этого дурацкого сарая".

Остолопы - же сидели кто на лавочке, кто на бревне, кто на теплой земле и, расслабившись, курили, пуская кольцами дым в черное небо. Огоньки сигарет освещали их довольные, потные пьяные лица. Да! Свадьба прошла интересно и с многогранным удовольствием.

- Эх, для разнообразия набить кому-нибудь физиономию, и тогда можно двигать по домам, - мечтательно произнес Миронюк, разминая кулаки. - Может тебя побуцкать, Влас?

- А мне за что? - забеспокоился Влас. - Я ведь был не посторонний. Это Шмер влез без уговору.

- И я не желаю быть крайним. Сами виноваты. Вышел облегчиться, а тут вы завлекающее шебаршите. Могли бы отойти подальше, - произнес обидевшийся Шмер. - Эх! А девка хороша! Хочу ее еще раз.

Мишка при этих словах мечтательно облизнулся.

- Да, до замужества практика у нее была богатая. Я ее еще соплячкой помню, - вздохнул бывалый майор. После танцев мы с ней озорничали...

- Опыт - великое дело, - согласился Влас. - Черт бы побрал

этого Вову, вылез из-за стола не вовремя.

Мурыгин внезапно задремал, стоя у входной двери, прислонившись к стене и обхватив руками жену.

Через минуту он очнулся и вновь громко спросил:

- Лика! Ты где была? Я тебя так долго искал, Лилечка!

Жена мечтательно и таинственно улыбнулась, вспоминая о приятном приключении, но тотчас строго одернула супруга:

- Опять, двадцать пять! Я же тебе сказала, мне было плохо. Тошнило, прям выворачивало.

- А теперь хорошо? - тупо спросил муж.

- Теперь значительно легче и лучше, - усмехнулась Лилька. - Пойдем вернемся за стол, выпьем по рюмочке и пора спать. Что-то я устала. Пора разгонять гостей!

Лика потянулась до хруста в суставах, а затем увлекла за руку Володю в дом.

- Как спать? А любовь? - заплетающимся языком произнес Мурыгин.

- Любовь будет завтра. Если конечно ты сможешь. Перенесем брачную ночь на трезвую голову. Не пей больше. А не то от тебя проку будет совсем мало.

- Это от меня мало проку? - возмутился, собирая остатки соображения и хорохорясь, Володя. - Я знаешь какой вепрь! Ух! Забыла что ли мой темперамент?!

- Нет, не забыла, - сдерживая улыбку, ответила Лика и подтолкнула вновь мужа к двери. - Пошли баиньки, орел мой сизокрылый!

"Иди- иди! Кабель кастрированный.... Тоже мне "вепрь - поросячий". Кабы не "залетела", разве б пошла за тебя замуж?" - размышляла Лика. - Теперь мучаться с алкашем-импотеном. А где взять лучше, с моей бурной молодостью?

Супружеская пара наконец -то скрылась в доме, а следом за ними, осторожно, шикая друг на друга, на цыпочках к праздничному столу направилась троица "молочных братьев".

Ромашкина разбирал дикий, безостановочный смех. Его тело сотрясалось от беззвучного хохота, и тем самым передавалось Валюше. Она сотрясалась вместе с офицером, что лежал на ней, не понимая причины происходящего. Чего это его вдруг так разобрало?

- Никита! Что с тобой? Тебе не хорошо? В чем дело? Или тебе больно? Лично мне не приятно, что ты смеешься?

- Успокойся радость моя! Все нормально. Я просто веселюсь.

- Надо мной смеешься? Дурочку нашел? Что вот так просто и легко соблазнил меня? - обиделась девушка. - Слезь негодяй, я тебе что, кобыла?! Скотина! Нахал!

- Нет! Дуреха! Не над тобой! Над братом твоим Вовкой! - ответил Ромашкин, вытирая ей слезки мизинцем.

- А чего? - вмиг успокоилась Валя. - Что смешного случилось?

- Просто смешно и весело. Он вышел совершенно пьяный, и стоя уснул. Я и развеселился.

Никита поцеловал дуреху, крепко обнял и возобновил прерванное смехом, действие по превращению девицы в женщину.

Застолье плавно катилось к завершению. Вскоре Алсынбабаев тряс за грудки Рахимова, Миронюк крепко спал, уронив лицо в недоеденный салат, отчего овощи прилипли к его правой щеке. Ахмедка Бекшимов сполз со стула и пристроился под столом на ковре, свернувшись калачиком и бормоча во сне по-туркменски.

Власьев пинал его носком ботинка, заглядывая под стол, и при этом смеялся:

- Вот настоящий абориген! Совсем не умеет пить "огненную воду"! Чурбан, даже с золотыми погонами, чурка!

Остальные еле державшиеся на ногах друзья и родственники ежеминутно самостоятельно наполняли и опустошали рюмки, фужеры и стаканы. Попутно гости уничтожали остатки закуски.

Родители обоих сторон в дальнем углу ругались и спорили, кто больше внес вклад в торжество, с чьей стороны было больше гостей, и чьи подарки лучше и ценнее.

В соседней комнате на помятой кровати сладко спали "молодые".

Полураздетый жених, без брюк, но в рубашке и носках, прикорнул на мягкой груди супруги, и ухватив губами маленький сосок, выводил носом свистящие трели. Разомлевшая, усталая Лика, получившая сегодня все, что душа желала, счастливо улыбалась во сне и была хороша, как никогда...

***

- Признайся, что выдумал про свадьбу, для красного словца! - не поверил в правдоподобность рассказа Большеногин.

- Истинный крест! - размашисто перекрестился атеист Никита.

- Ладно, продолжай быстрее, больно интересно врешь! - хохотнул художник.

Глава 7. Ночное приключение.

Никита стоял в конце длинной очереди у стойки офицерского кафе, нервно притопывал ногой и грустил.

Настроение было паршивое. В кармане последний рубль, на завтрак и обед хватит. Ужин не предвидится, потому что наступил острый финансовый кризис. Во всем виноват прохиндей Мурыгин - уговорил купить большущий раскладной диван. Ему, видите ли, мягкого уголка не хватает в квартире для уюта. Диван

подарили на свадьбу родственники жены, а кресел к нему нет. Вот он и надумал прикупить недостающую часть гарнитура, благо в магазин привезли гарнитур с точно такой же расцветкой ткани. Но кресла отдельно от дивана не продавались, а второй "сексодром" был не нужен. Вовка долго искал, кому же этот диванище навязать. Ахмедка подвергся долгой обработке, но устоял, не поддался на уговоры. Да и зачем он ему? Спать на кровати туркмена в училище научили, до этого обходился стопкой матрасов и одеял, и поэтому диван в будущей семейной жизни был лишней роскошью. Родственникам привезешь - не поймут.

Шмер холостяк, в общаге эту громадину не поставить, выходит, тоже отпадал. Шкребус в долгах после приобретения мотоцикла. "Самоделкин" Недумающий, шкафы и диван сам себе смастерил. Выбор нал на Никиту. Как назло в этот момент у него было 60 рублей. Мурыгин сделал "круглые глаза", топорщил усы и шумно с придыханием принялся обрисовывать шикарную мягкую мебель.

- Чего ты ко мне пристал? - попытался отбиться Ромашкин. - Я приволок две армейских панцирных койки, меня они вполне устраивают.

- Ха, а ты провел их по службе КЭС? Это имущество роты! Завтра ревизия и бегом принесешь их обратно, а сам ляжешь спать на голый пол. А если завтра жена приедет, где она притулится? На пыльных некрашеных досках?

- Почему не крашенные? У меня пол хороший, свежевыкрашенный. Ахмедка четыре банки подарил. Кулешов всю мансарду перекрасил.

- Ну, ты и дубина! - разозлился Мурыгин при одном упоминании о противном и жадном лейтенанте-туркмене. - Не уподобляйся "чурбаку" Ахмедке! Пошли в магазин. Увидишь - не устоишь. Обивка- гобелен зеленого, нет, скорее, изумрудного оттенка! Пора обставлять мебелью твою квартирку! К тому же, если я сегодня кресла не куплю, то завтра кто-нибудь точно уведет! Я отложил товар на два дня. Не удастся приобрести кресла, я тебе этого не прощу!

- А при чем тут я? Пойди в другую роту! Может там, кто найдется желающий. Гуляцкий, твой друг, пусть войдет в долю.

- Хм! Гуляцкий! У него в руках больше трешки нет, жена все до копейки отбирает, чтоб не пропил. Сам не пойму, на что парень пьянствует? Окончательный выбор пал на тебя, ты моя жертва. Пойдем в военторг!

Вовкина суета была понятна. В удаленный гарнизон мебель попадала далеко не каждый месяц, и даже не каждый квартал.

Кто-то перехватит сейчас и жди, может быть, полгода.

По пути к магазину Мурыгин опять нахваливал цвет обивки, рисунок, ее качество. Войдя в торговый зал, он с порога объявил продавцам: "Девчата! Привел клиента, будем брать вещь". Никита под оценивающими взглядами женщин смутился, достал полтинник и оформил кредит. Кабала на шесть месяцев! Сотню послать жене на учебу, пятьдесят рублей в военторг, квартплата, партвзносы. Выпить не на что! Не то, что в кафе питаться!

Глаза Мурыгина светились счастьем. Задача, поставленная женой, выполнена. Лиля будет довольна. Вовка позвонил в роту, и примчавшиеся солдаты уволокли оба кресла. По доброте душевной и от избытка чувств, Вовка Мурыгин захватил заодно и новый диван Ромашкина, велел бойцам доставить в мансарду.

Смутные подозрения о высоком качестве покупки сразу подтвердились. Приподнятый, "мягкий гроб" едва не вывалился из каркаса, он оказался совершенно неподъемным. Двух солдат для переноса "мягкого, пружинного монстра" оказалось мало. Четверо бойцов и Ромашкин с трудом доволокли диванище до дверей квартиры. Эх, не было печали. Сам виноват...

Теперь лейтенант перебивался с хлеба на воду. С трехразовым питанием: три раза в неделю. Обычно завтрак был "теоретический", свежим воздухом по пути на службу, обед не всегда, а как повезет, вместо ужина, чаще всего закусывали коньяк или водку, чем "бог пошлет". Бывало, бог был щедр, бывало не очень. Никита начал опасаться, что долго он так не протянет! Сегодня с утра желудок протестовал против терапии голодом особо бурно, и лейтенант решил его слегка задобрить.

В кафе ворвался огромный Игорь Лебедь, взводный из соседнего батальона, по кличке Белый. Это был веселый, жизнерадостный гигант- борец, и страшнейший ловелас.

- Чего грустный, Никита! - хлопнул Игорь по спине Ромашкина. - Гляди веселей! Жизнь прекрасна и удивительна. Я, по крайней мере, каждый день ей удивляюсь. Иди займи столик, я сейчас сделаю заказ. Угощаю! Не могу с кем-нибудь не поделиться. Не то лопну оттого, что меня переполняет забавное приключение, которое сегодня произошло.

Так Белый спас от голодной смерти. Он принес один за другим три подноса уставленных тарелками и стаканами. Каждому салат с капустой и салат из помидор, запеканка, блинчики, яичница из двух яиц, котлета и картофельное пюре, жареная колбаса, кефир, молоко, какао. Конечно, крупный организм требует усиленного питания...

- Игорь! Я пас! У меня нет ничего кроме рубля.

- Ай! Отстань! Сказал ведь, угощаю! Ешь и слушай, что

расскажу. Только не смейся и не перебивай!

- Рассказывай! Молчу и жую! - обрадовался Никита, так как вчера лег спать голодным, закусив два стакана коньяка грецкими орехами, куском шоколадки и килограммом кислых гранатов.

Желудок скрипел от злости и ненависти к хозяину, руки трясло от голода (не от похмелья), а живот бурлил и урчал в надежде на питание. И вот удача, пиршество богов!

Господи, услышал ты, мое заклинание! - подумал Никита.

- Я бы сейчас еще коньячка граммов двести бахнул, для успокоения нервов, - продолжил вступительную часть повествования Белый, - да где ж его взять с утра? Винную лавку откроют после полудня! Сволочи! Итак, Никита, слушай рассказ! Нарочно не придумаешь! Может, знаешь, есть у меня хобби, маленькая слабость: страсть как люблю женщин. Парень я холостой, а больше суток без них не могу. Холостячек и разведенок в гарнизоне нет, только жены военных. Пока эти алкаши водку пьют, и в карты играю, я их "любимых" супруг, обслуживаю и обхаживаю. Клиентура у меня постоянная. Стараюсь наших не трогать, а только пехотиночек. Контингент периодически обновляемый, по мере убытия в другие гарнизоны и прибытия новых заслуживающих внимание экземпляров. Учти, сам я никого не соблазняю, барышни первыми "тему" начинают зондировать, в гости приглашают, заигрывают. Я не виноват, что уродился таким крупным, габаритным, энергичным и любвеобильным.

Пригласила меня в гости одна дамочка, назовем ее, к примеру "Оля". Не будем компрометировать даму конкретностью имени. Поймала у КПП и говорит: "сегодня я одна. Муж на плановых занятиях в Келите. Приходи"! Ты Никифор в Келите был?

- Нет, еще не доводилось.

- Так вот, это далеко за Ашхабадом. Обычно батальоны отправляются туда на две недели, не меньше. "Тетки" начинают скучать. Ищут развлечение. А, я тут как тут, к вашим услугам! Я, конечно, обрадовался, квартира отдельная, никто любви не помешает. Торопиться никуда не нужно, можно развлекаться без суеты, с чувством, с толком. Неделю я ночами над Олей трудился, себя развлекал, ее услаждал. Вчера вновь иду протоптанным, проверенным маршрутом. Меня опять ждут, любят до изнеможения: один раз, другой, третий, четвертый, затем проваливаюсь в глубокий здоровый сон. Сквозь дрему слышу звонок в дверь, громкий стук, переходящий в крепкие удары. Кто-то настойчиво пытается проникнуть в квартиру. Олечка встала, накинула прозрачный халатик и побрела в прихожую. Я сквозь

сон вдруг слышу чмоки, искренние и радостные вскрики, и с ужасом понимаю: муж с полигона внезапно, не запланировано вернулся! (Черт бы его побрал!!!) Соскучился, и заявился среди ночи. Дело в том, что поезд оттуда приходит глубокой ночью. И он гад, целый час от станции топал. Охота пуще неволи! Ну, разве ж непонятно, если не хочешь скандала в семье, предупреждай о прибытии заранее! Вот влип! Что делать? Я всегда, когда к кому-то прихожу на свидание, то одеваюсь в спортивную форму (легкая пробежка вечером, бег трусцой ранним утром - полезно). Костюм спортивный раздевшись, вешаю на стул, а кроссовки ставлю у кровати. Это выработано издавна, с курсантской поры, интуитивно, а теперь пригодилось. Короче говоря, хватаю я вещи в руки и на балкон. Ситуация глупейшая! Пятый этаж! Водосточной трубы или пожарной лестницы рядом нет, соседей чтоб перелезть к ним - не знаю. Присел на табуреточку, думаю, пусть заснет, а утром выскользну. Можно, конечно, нагло обратно в комнату войти и дать мужу в "репу" если он очень удивится и начнет выступать, но не хочется хорошую, проверенную женщину подводить. Зачем нам скандал? К чему терять надежные связи?

Слышу за окном вздохи, кровать скрипит, Олечка изображает страстную не удовлетворенную любовь. А мужик видимо действительно, застоялся, энергия через край плещет. Никак не угомонится. Раз, другой. Мужик попытался на третий заход пойти, но не справился, обмяк и уснул. Я за это время замерз (хотя и осень, но на ветру холодно) и начал на балконе греться: энергично зарядку делаю. Десять минут руками машу, наклоны, приседания... Двадцать минут прошло, полчаса, час, полтора. Гляжу, народ на службу подался к подъему, в доме напротив некоторые мужики на балконах курят и на меня с недоумением смотрят. Ситуация идиотская, а они наверное думают "что за кретин полтора часа руками размахивает?"

В начале третьего часа моей физзарядки, я осторожно заглянул в комнату, она мне знаки подает (мол, уснул). Беру кроссовки в руки и на цыпочках к выходу. Подружка нежно чмокнула в щеку и вытолкнула за дверь. Олечка, конечно половой монстр, гигант! Сколько в женщине жизненных сил?! Я четыре раза, этот "черт" пару раз активно потрудился. Причем ей еще пришлось изображать, что истосковалась и соскучилась!

А у меня от этого стресса такой дикий аппетит развился. Кабана, наверное, проглочу! Давай Никита, наваливайся, кушай! Угощаю.

- А съедим ли это обилие пищи?

- Ха! Думаю, добавка потребуется. Не знаю как тебе, а мне точно!

Никита слушал рассказ приятеля, давился горячей колбасой, но мужественно поглощал предложенную порцию слоновьего завтрака. Впрок...

Когда поглощение пищи, сопровождаемое веселым рассказом возбужденного Игорька, прекратилось, и стол опустел, Белый радушно предложил:

- Повторим?

Никита, даже зная, что обеда и ужина сегодня не предвидится, поддержать напарника не сумел. Портупея давила на разбухший живот и угрожающе потрескивала.

- Спасибо, брат! Спас от голодной смерти. Но на сегодня я пасую. Пойду в роту, покуда не лопнул.

- Как хочешь, а я еще червячка заморю, подкормлю и себя и моего усталого натруженного "братишку".

С этими словами, Белый погладил ширинку и заулыбался довольный своей сальной шутке.

Игорь направился к кассе у стойки, и начал шутить с буфетчицами. А Ромашкин, посмеиваясь над повествованием Лебедя, медленно переваливаясь с ноги на ногу от насыщения

пищей, с переполненным желудком отправился на построение батальона.

***

- Твоя история становится все более интересной! - воскликнул художник. - Наливай Серега, потом я расскажу о своих приключениях в Америке!

- Где-где? - удивился Кирпич.

- В США! - воскликнул художник. - У! Это такая веселая история! Позже поведаю.

-Ладно, продолжаю, только без дурацких возгласов недоверия о правдивости! - велел приятелям Никита.

Глава 8. Циничный командарм.

Командующий округом собирал командиров рот и заместителей в Ашхабаде на совещание. Непомнящий заболел и Ромашкин отправился один. Как приятно после пыли, грязи, трущоб и обстановки убого захолустья оказаться в большом современном городе. Никита ехал в столицу республики с радостью, у тетки был день рождения, снова можно погостить у родственников деда.

Дед Семен в сорок первом был мобилизован в действующую армию, на фронт, а в сорок втором отступая из - под Харькова к Сталинграду, в августе оказался в окружении. Боеприпасы закончились, и весь пехотный полк сдался в плен. Он всегда с гордостью говорил о семи зарубках на винтовке, этих солдатских отметках об уничтоженных фашистах. Далее два с лишним года лагерей и каторжного труда. Дахау, Освенцим, Заксенхаузен и прочих конвейеров смерти. Разгром фашистов свободу не принес. Лагеря немецкие сменили на Гулаг. Расконвоировали в сорок седьмом, но из ссылки домой не отпустили. Дед женился на сибирячке, а первая жена была сослана неизвестно за что в Туркестан и вышла замуж на поселении. Вот эти дальние родственники, седьмая вода на киселе, жили где-то в районе аэропорта. В принципе, Никите они были никто, а дедуля с ними регулярно переписывался. Дед Семен наказал обязательно повидаться, передать привет. В первый раз Ромашкин побывал у них по дороге в новую часть, после училища, второй раз, когда возил документы в политотдел. Встречали сродственники радушно и тепло. Никита наметил заехать к ним сразу после совещания, скоротать время до поезда.

После общей беседы с командирами роты и заместителями совещание разделилось на две части. Одну половину, молодых офицеров, собрал начальник политуправления. С другой половиной "перестарков", долго служащих в должностях замполитов и командиров, в основном капитанов, решил

встретиться командующий армии Череватов.

Генерал- политработник, построил совещание на чествовании героев, вернувшихся из Афганистана. Молодой комбат- капитан, получил из рук командующего Звезду Героя, еще несколько офицеров ордена. Затем два часа разговора, точнее, монолога о дисциплине. В разделе разное можно было задать вопросы.

Никита протянул руку встал и спросил:

- Товарищ Член Военного Совета! Я писал рапорт в Афганистан, но меня не отправляют. Почему? Не посодействуете отъезду за "речку"?

- Лейтенант! Служи там, где Родина приказала! Не суетись. Придет твое время - отправим. Набирайся опыта и военного мастерства. Таких молодых и горячих как ты, в первую очередь убивают. Считай, что я спасаю тебе жизнь!ответил ЧВС.

- Спасибо за спасение, - буркнул себе под нос Никита и сел на место красный от смущения. Вырваться из этого "болота" опять не получалось.

Хлюдов направился в актовый зал штаба, вместе с другими "неудачниками-карьеристами", занял место на заднем ряду и задремал. Первые полчаса что-то бубнил бравый полковник, начальник отдела кадров. Говорил он нудно, монотонно из-за этого-то почти весь зал, отведавший в перерыве пива, уснул. Ну что интересного в информации о том, что половина сидящих в зале, пребывают в званиях по пять-десять лет, а в должностях и того дольше. Один из таких ветеранов округа, капитаном стал еще в шестидесятых, при Хрущеве. Был он худенький, маленький, седой, словно столетний дед, с испитым и испещренным глубокими морщинами лицом. Его подняли, показали всем, посмеялись, пошутили. Загорелая, прокопченная физиономия, имела темно коричневый оттенок кожи, он носил фамилию Петров, и ни чем не отличался от узбека или туркмена.

Тут в помещение актового зала ворвался командующий армией, и беседа приняла другой, более веселый оборот. Молодой командарм, долго не вдаваясь в воспитательную работу, и без лишних призывов к воинскому долгу повел разговор на такую интересную тему, что офицеры проснулись и искренне заинтересовались. Командующий был огромен как глыба, молод, нахален, красив, груб и косноязычен.

- Тебе сколько лет капитан? - ткнул он пальцем в одного из сидящих ротных. - Ну, что расселся как старый хрен. Не встать, как и члену в твоих штанах?

- Капитан Шаров! - представился ближайший к нему офицер. - Никак нет. Встает.

- Ишь ты! Вставальщик! - усмехнулся генерал. - Ну и чего ты

хочешь? Чем недоволен?

- Желаю замениться в Россию! - ответил капитан. - Служу одиннадцать лет в Туркво. Устал....

- Ха! Устал он. Что мешки носишь или бочки катаешь? Ведь х... груши околачиваешь, да водку пьешь! Так? Я прав? Какой гарнизон?

- Кызыларбат. Виноват! Но, я не пью, у меня язва, у меня язва, товарищ командующий.

- Во! Точно, я угадал. Допился, уже язва!- не вникая в ответ, произнес радостно командарм. - Ай-яй-яй! А тебе бы еще жить да жить!

- Умирать не собираюсь, хочу замениться, - резко возразил ротный.

- Хрен с тобой живи. Садись.

- А по поводу замены? Срок вышел. Десять лет!

- В других гарнизонах служил?

- Так точно! Пять лет в Ашхабаде и шесть в Небеддаге.

- Молодец! Как только десять лет прослужишь в своем Кызыларбате, так и напишешь рапорт. А пока отдыхай! А как красиво звучит! Кызыларбат, то есть "красный Арбат"! Арбат, да и только! Служишь в столице, можно сказать!

Такой оборот ошеломил многих ветеранов, и они возмущенно зароптали. Десять лет без замены в одном гарнизоне, без надежды выбраться из этих гиблых мест! Вот это новый оборот! Ни чего себе заявочка!

- Ну, чего загалдели? Службой недовольны? А почему? Тепло, фрукты, овощи и зимы почти нет никакой! Если б это было Заполярье, я б понял вас.

Тут не выдержал один из капитанов, встал без разрешения и начал возмущаться:

- Товарищ генерал! Я русский человек! Родился в России!

- Нашел чем хвастать! - ехидно перебил его генерал. - А я хохол! Ну и что?

- Не могу я больше в этих песках париться! Ей-ей.

- Фамилия? Должность! - вновь резко спросил его генерал.

- Иванов. Зампотех роты.

- Зампотех, зам потех, зам по потехе, да?

-Никак нет! Зам по вооружению. Поправился капитан.

- Полковник! - прикрикнул генерал на кадровика.- Что у нас с заменами зампотехов?

Полковник-кадровик пошелестел бумажками и доложил:

- Одного можем отправить в Забайкалье, в Борзю, один нужен в Афгане, неплановая замена.

- О! Внеплановая. Взамен убитого? Трупом хочешь стать?

Хотя обычно двоих на одной должности подряд не убивают. Как говорится в одну воронку второй снаряд не ложится. Ну, что молчишь? Согласен?

- Нет уж, спасибо! У меня двое детей. В Афган не желаю! - ответил замполитех.

- Ага! Хорошо. Как фамилия твоя? - переспросил генерал.

- Иванов. Кизыларбатский гарнизон.

- Отлично! Еще один из столичного гарнизона! И на периферию ехать он не пожелал! Отметь кадровик. Капитан Иванов от замены отказался! Ха-ха-ха. Надо же, и не желает выполнять интернациональный долг! Трус!

Кадровик и кто-то из политотдельцев льстиво подхихикнули шуточке Череватова, но прочая часть аудитории хранила гробовое молчание.

- Вопросов больше нет? Что ж, отправляйтесь по домам и не нойте! Служите! - попытался подытожить встречу генерал. - Все свободны!

- Стоп! Товарищ командующий! И это все что вы нам хотите сказать! возмутился один из капитанов, вскакивая с места.

- Все! А что? Мало? Еще что-то нужно сказать? Анекдотец рассказать? Расскажу! Только не анекдот, а поучительную историю полезную всем вам, олухам царя небесного! Полезную истину, о которой надо знать еще в училище, но вам пердунам, видимо уже поздно. Ты на ком женат, капитан?

Череватов ткнул большим и толстым, как сосиска указательным пальцем в этого осмелевшего офицера.

- На медсестре, - ответил капитан.

- Понятно. А ты? - поманил он сидящего в первом ряду старшего лейтенанта.

- Моя жена библиотекарь, - ответил тот.

- Ага! А у тебя? - спросил он у еще одного капитана.

- Швея.

- Точно! Все верно! Женитесь, дураки, по - молодости на доярках, а потом жалуетесь на неудавшуюся карьеру. Я вот женился на дочке Василь Васильича Кузева, члена Политбюро ЦК партии, и как видишь, уже генерал! Командарм! И главкомом еще стану! А ты чудило, если майором станешь радуйся!

- Ха-ха-ха! - громко захохотал сидевший на заднем ряду Хлюдов, искренне развеселившийся откровенному наглому, и ничем не прикрытому цинизму командующего. - Вот это да! Ну и хлюст!

Череватов нахмурился и поманил пальцем Володю.

- Эй ты, капитан! Ты чего ржешь как жеребец! А ну, встань!

- Капитан Хлюдов. Замполит роты. Педженский гарнизон,

танковый полк.

- В Педжене и сгниешь!

- Это вряд - ли!- запротестовал Володя. - У меня, как и у вас, хорошая родословная.

- Какая? Ну-ка? - заинтересовался Череватов. - Докладай!

- Папа заместитель министра газовой промышленности, с сам я коренной москвич. Был женат на дочке крупного дипломата, но развелся. Теперь женат на дочери члена Верховного Суда России.

- А-а! - протянул задумчиво генерал. - Что ж ты тут забыл? Как оказался в Туркестане? "Декабрист"?

- Так точно! В ссылке. Папаня не доволен моим разводом, на исправление отправил. А я не сдаюсь, терплю.

- Ну-ну! И ты тоже дурак, как и эти бедолаги. Проси прощения и дуй в академию! Потом поздно будет. Время уйдет, годы не воротишь. Одумайся. Подойдешь ко мне после совещания!

На крыльце Дома офицеров генерал еще слегка пожурил Хлюдова, спросил рабочий телефон отца и отпустил, с миром.

Капитан Хлюдов дожидался Ромашкина, стоя на ступенях у выхода из клуба. Завидев хмурого лейтенанта, возвращающегося после беседы, Вовка потянулся, до хруста в костях и спросил:

- Никита! Поезд в полночь! Куда пойдем? В какой кабак? Ты город хотя бы чуть -чуть знаешь?

- Я город не знаю, бывал только в районе аэропорта,- ответил Никита.

- Зато я везде гулевал, - ухмыльнулся Володя. - Предлагаю в "Фирюзу". Вино и девчата, лучшие в городе.

- Вова, у меня денег мало. Я хотел к родственникам съездить.

- Гм-гм! Жалко, что у тебя нет денег. Потому что одному идти в кабак, мне тоже не с чем. На один "червонец" не покутить. Что ж, девочки отменяются. Так, где ты говоришь, живут родичи? Они нам нальют?

- Вовка! Я туда иду в третий раз. Брать тебя с собой не планировал. Мы мало знакомы, я только недавно узнал, что они вообще существуют. А тут еще и тебя в придачу приволоку, в виде багажа.

- Ну и что? И к тому же меня волочь не надо, сам дойду! - возмутился Хлюдов. - Главное правильно прийти. Ты умеешь в гости ходить?

- Думаю, что умею. А как ты понимаешь умение?

- Что ты купишь для торжественного стола?

- Тетке цветы и торт к чаю, - ответил, смущаясь Ромашкин. - А что надо?

- Эх, зеленый неопытный лейтенант! Какие к черту цветы?

Главное прийти со спиртным, тогда накрытый по полной программе стол обеспечен! А к твоему торту, чай подадут и на этом вся программа. Голодными придем, голодными уйдем! Ты есть хочешь?

- Хочу! - честно признался Ромашкин. - Еще как хочу!

- То-то и оно! Я тоже голоден. Иначе без денег, чем мы займемся до глубокой ночи? Твои родственники единственный шанс попировать. Решено, идем вместе! За мной! В лабаз!

Никита и рта не успел открыть для возражений, а капитан уже торопливо направился в бакалею. Магазин радовал изобилием спиртного: коньяки, иностранные и местные вина, водка. Приятели вывернули карманы и подсчитали деньги. Пятнадцать рублей с мелочью.

- Никита! Если купить коньяк - хватит на одну бутылку. Маловато чтоб разогреться. Водку взять - банально. Берем три бутылки кубинского рому! Сногсшибательно, вкусно и оригинально! Пираты, пиастры! Идем на абордаж твоих родичей! Кар-р-рамба! - воскликнул Володя. - Жаль, последние пятнадцать рублей, до копеечки, истратим. Даже шоколадки детям не купить. Детки в том доме водятся?

- Вроде да. Точно не знаю. У одной, почти моей пятиюродной сводной сестры, есть муж. Ей лет тридцать, наверное, дети в семье присутствуют.

- Тридцать лет! Мой любимый возраст!- восхитился Хлюдов. - Скорее веди меня к ним! Присутствие мужа обязательно?

- Не знаю. Он летчик, она стюардесса. Возможно, что в доме стариков никого не будет, а возможно будут вся семья.

- А почему почти сестра?

- Да я ее так называю. Они мне и не родные по большому счету. Это семья деда от первого брака, а дед отчим моей мамани. Короче говоря, такие же как и ты мне родня. Ромашкин вкратце пересказал историю семьи.

Родственники несколько смутились приходу двух офицеров. Но ненадолго. Оправившись от растерянности, они бросились суетиться и хлопотать. Раздвинули стол и принялись уставлять его закусками. К бутылке кубинского рома присоединили две поллитровки водки. Хлюдов все свое внимание сконцентрировал на дочери хозяев стюардессе Ирине, пытаясь ее очаровать. (Какие замечательные у нас стюардессы! Красавицы! Само очарование, и так далее.) Это у него хорошо получалось. Вовка плел о Московском детстве и юности, пересказывал столичные сплетни. Ирина зарделась и постепенно начала с восторгом глядеть на стройного голубоглазого красавца. Ромашкин терпел это вероломство пять минут, а затем под столом пнул по ноге

товарища.

- Никита! Ты чего? Белены объелся? Больно! - зашипел Хлюдов.

- Не лезь гад, к родственнице! У нее муж - здоровенный "шкаф". И тебе достанется "на орехи" и мне перепадет, не за что.

- Не будь таким нудным. Мы же офицеры! Я только потанцую пару разочков, - ответил Володя, и вновь усилив обаяние, устремился на штурм.

Ирина хохотала и прижималась грудью к Хлюдову, а тот что-то нашептывал ей на ушко и обнимал округлое плечико все нежнее и страстнее. Уши у стюардессы покраснели, щеки покрылись румянцем, глазки заблестели. Женщина явно готовилась выбросить белый флаг безоговорочной капитуляции. Наглые голубые глаза капитана тоже заволокла пелена желания.

- Вовка! Прекрати обниматься! Я смотрю, ты ей уже левое ухо изжевал поцелуями. Хватит копытом бить о землю, словно бизон. Хлюдов, ты вытаптываешь вокруг себя почву. Мне стыдно будет появиться в этом доме.

- Отстань. Не видишь, девушка не ухожена, не обслужена, не обласкана своим летчиком. Она нуждается во мне, как цветок в пчелке. Я ее сегодня непременно опылю раза три!

- Наглец!

- Успокойся. Ввожу в курс дела: Ирина пригласила меня к себе в гости. Муж сегодня ночью полете, то есть в отлете. Вернее в полном пролете.

- Он утром вернется и отправит тебя в последний полет, в штопор, с четвертого этажа. Учти они живут недалеко от аэропорта.

- Ерунда. Гусары любят риск! Я уже договорился обо всем. Сейчас допиваем ром и идем к ней. Ребенок ее, заночует у свекрови.

- Договорился он обо всем! А со мной договорился?

- А ты то тут при чем? Ты что сваха? Сводник?

- Дурак! В том-то и дело, что вот это свекровь, а не у мать. Эта радушная бабуля - свекровь! Ты нагадишь, наследишь, а со мной разговаривать перестанут. К тому же, а где ты предлагаешь мне болтаться всю ночь? На вокзале куковать до утра?

- А чего болтаться? Езжай в Педжен.

- Как же я до него доеду? Денег-то у нас больше нет. Проездные документы выписаны на твое имя.

- Вот черт! Навязался на мою шею. Хомут! Расслабиться мешаешь.

- Это я-то мешаю? Я тебя сюда привел, накормил, обогрел, с Иркой, дурой длинноногой, и бесстыжей, познакомил! И я же ему

мешаю!

- Никита, признайся, ты мне просто завидуешь. Хотел бы оказаться на моем месте? Ответь!

Ромашкин промолчал, а Хлюдов задумчиво посмотрел на него и спросил:

- Слушай, интересно, а может она и тебя в гости пригласит. Втроем будет еще веселее. Не пробовал ни разу? Спроси у сестрицы согласия.

- Вовка ты пошлая и наглая морда. Сам спрашивай, - ответил Ромашкин и нахмурился.

- И спрошу! - хохотнул капитан.

Свекровь Любовь Ивановна из своего угла за столом наблюдала с явным неудовольствием за Хлюдовым и поведением снохи. Ее лицо становилось все более хмурым. К окончанию вечера, оно отражало целую гамму бушевавших в душе страстей. Она метала в мою сторону молнии, а на Ирину подчеркнуто не глядела. Ромашкин почувствовал, что наступает кризис в свойских отношениях, и тонкий лед родственности треснет. Он встал и объявил:

- Любовь Ивановна! Спасибо за гостеприимство, но нам с Володей пора. Поезд скоро. Наверное, автобусы уже не ходят. До вокзала добираться долго. Тетка засуетилась и радостно принялась предлагать выпить на счастливую дорожку, на прощание.

Обрадовалась, старая, нашему отъезду, захлопотала, - подумал лейтенант.

- Ребятки заезжайте, заходите в гости. Никитушка, не забывай нас, щебетала громко хозяйка дома. Но в сенях прошептала на ухо лейтенанту:

- Чтоб ноги этого капитана больше не было в моем доме. Я этой вертихвостке, шею намылю, а ты приятелей к нам боле не води!

Ирина тоже сняла плащ с вешалки и громко сказала, адресуя, свекрови:

- Я думаю, мы на последний троллейбус успеем. Поеду домой. Славик возможно вернется утром из полета.

Женщины скрестили взгляды, острые как рапиры, сверкнули ими словно клинками, укололи друг друга и разошлись. Ирина выскользнула на улицу мимо Никиты, слегка коснувшись его бедром и больно ущипнув лейтенанта за ягодицу.

Хлюдов громко произнес:

- Премного благодарю! Честь имею! Приятно было познакомиться с уважаемым семейством. До встречи!

Он картинно приложил три пальца к козырьку фуражки и

лихо щелкнул каблуками. Эхо последней фразы еще стояло в комнате, а Володя уже брел под ручку с Иркой по тенистой аллее.

- Никитушка! Увези его в свой гарнизон, от греха подальше! Прошу тебя! - запричитала хозяйка, предчувствуя беду.

- Любовь Ивановна! Виноват. Черт меня дернул привести этого шалопутного гостя! - произнес, извиняясь Ромашкин. - Обещаю, что сейчас же отправлю его трезветь на вокзал.

Он чмокнул тетку в морщинистую щеку и выбежал на крылечко. Моросил мелкий теплый дождь. Февраль называется! Обдуваемая легким ветерком, голова мгновенно посветлела, а мысли приняли стройность.

Надо что-то предпринять, чтобы не разрушить только недавно налаженные хорошие отношения с родственниками. Вовку нужно остановить. А как? Хоть связывай или ноги ему ломай. Хобот встал, и голова не думает!

Ромашкин догнал хихикающую парочку и громко произнес: - Вовка! Через пять минут отходит последний троллейбус. - Побежим - успеем.

Ирина сморщила нос и произнесла:

- Ребятишки, а может пойдемте ко мне в гости? Посидим, кофе попьем, шампанского, музыку послушаем, шведскую АББА. Люблю этих шведов. Затем потанцуем? И так далее...

- Нет! Надо ехать! - отказался Ромашкин.

- Ну что за бестолковый дурила?! - воскликнул Хлюдов. - Ирочка, постой минутку в одиночестве я сейчас с тупым лейтенантом потолкую.

Капитан схватил Никиту за руку оттащил в сторону и яростно зашептал на ухо:

- Чудак человек! Ему о шведской музыке толкуют, на троих, а он упирается! Никитушка! Я нашу проблему уже решил. Со мной переспать она давно согласна, а я верхним чутьем чую, даст и тебе! Видишь обоих в гости приглашает. Застоялась. Муж- летчик, летает в одну сторону, она летает в другую сторону, а вместе не совпадают. Муж только ест и спит. Поехали к Ирке домой!

- Нет! - решительно произнес Ромашкин. - Тетка змеей шипела на меня. Если не уедим, мне сюда дорога заказана. Еще и моему деду нажалуются.

- Дурачок! Какой к черту дед! Такая колоссальная девка в гости зовет! Ты взгляни, с ней же работы непочатый край! Один, думаю и не потяну! Лови счастливый момент. Лично я уже созрел.

- Дозреешь и перезреешь в поезде. Я сказал нет! Никуда не пойдешь. Валяй домой, к жене! Вовка, сейчас дело дойдет до драки, учти! Ну, что за любовь втроем? Глупости одни. Не

хорошо...

- Эх ты, дикарь! Сибирская глухомань! Втроем самое то! Еще лучше вчетвером, пара на пару, со сменой. Но ничего, будешь на подхвате, на разогреве. Я тебе даже пальму первенства уступлю.

- Вовка! Я же сказал нет! Домой! В Педжен!

Ромашкин оттолкнул Хлюдова в сторону, сделал шаг к стюардессе и, глядя, в пьяные, томные глаза Ирины сказал:

- Извини, Ирочка, но мы все ж таки уезжаем. Дела! Служба! Не хочу конфликта с твоей свекровью.

- Эх, ты дурачок! - рассмеялась она в ответ. - Упускаешь такой шанс... Ну и ладно, не больно вы мне нужны. Без вас обойдусь. По-о-одумаешь! Отправляйтесь в свою глухую дыру.

Она развернулась на каблучках и поспешила в сторону своей квартиры, грациозно виляя монументальными бедрами. Стройные ноги, словно циркуль выписывали замысловатые геометрические фигуры в виде эллипсов.

Никита вытер испарину со лба. Вот черт! От чего отказался, идиот! Может зря? Как есть дурак! Хлюдов от возмущения и злости потерял дар речи и только хватал ртом воздух...

Глава 9. Дикие пляски горцев.

Ромашкин и Хлюдов доехали на запоздалом троллейбусе до привокзальной площади и направились на перрон. Всю дорогу Вовка сердито молчал, и только выйдя из транспорта, раскрыл рот.

- Никита! Береги дипломат! - приказал капитан. - Тут столько ценного добра! Храни! Нужен глаз да глаз, стянут в момент. Останешься без "сладкого"! Эх, дурила! Лейтенант, лейтенант...

- Какого к черту "сладкого"! У нас даже плавленого сырка нет на закуску. Как пить ром? Без всего? И стаканов нет.

- Ну, лейтенант, ну зеленый! Всему тебя надо учить... Ром прекрасно употребляется и без закуски, отлично пьется из горла. Не доводилось что ли? Молодежь! Где тебя учили? В каком затурканном училище? Элементарная школа жизни...

- Нет, - растерялся Ромашкин под напором красноречия Хлюдова. Из горлышка не пил никогда. Я не алкаш...

- А я что, алкоголик что ли? - возмутился Хлюдов. - Какой из тебя офицер! Мало ты пожил еще в наших краях. Ничего, привыкнешь! Наживешь опыт, от таких подруг как сегодня, отказываться не станешь! Где бы нам присесть?

Хлюдов задумчиво озирал перрон и шумящую на нем публику. Платформа и прилегающие к ней окрестности к питию не располагали. Вот на парапете сидела стайка цыганок и их детишек, чумазых, оборванных, громко галдящих. Чуть дальше, несколько "бичей" выясняли отношения, хватая друг друга за

грудки. Пьяные, с опухшими лицами неопределенного возраста женщины, целовались и обнимались с такими же пьяными и потрепанными мужчинами.

Владимир свысока оглядел обитателей вокзала и глубокомысленно изрек, обращаясь к своему попутчику:

- В нашей великой и могучей стране есть несколько отстойников куда жестокое, житейское море прибивает потерпевших "кораблекрушение". Первый отстойник на Востоке, это Чита. Второй на севере: Воркута. Третий на западе: Брест. Четвертый на юге: Ашхабад. Если попадешь в пену этого "прибоя", в этот ужасный водоворот, обратно уже не выкарабкаешься, как ни старайся. Опустишься на самое дно, утонешь, будто с тяжелым камнем на шее. Так что Никитушка, люди, которых ты наблюдаешь вокруг, это те самые мутные брызги и хлопья пены.

- Н-да. Пьеса "На дне". И мы окунаемся в эту муть. Надеюсь не придется изображать из себя Челкаша! - фыркнул брезгливо лейтенант. - Хорошо бы обойтись без потасовки.

- Так-точно! Сейчас мы будем мимикрировать. Сливаться с окружающим миром, становиться незаметными.

С этими словами, Володя уселся на высокий, выложенный из красного кирпича, поребрек, тянущийся вдоль металлического забора, достал бутылку рома, и уверенным движением руки, свернул с нее пробку. Это действие моментально привлекло внимание всех стоящих и сидящих рядышком "бичей".

- Вовка! Ты что очумел?

- А чего? Мне никто из "гопников" не мешает, и я ни кому, ни чем не обязан.

- А милиция? - удивился Никита.

- Ей думаешь заняться кроме нас некем? Пей спокойно.

Лейтенант оглянулся по сторонам и увидел двух постовых милиционеров туркменов, которые топтались под ярко горящим фонарем у входа в вокзал. Ни шагу в сторону, в темноту делать они явно не желали. Хлюдов снял фуражку, запрокинул голову и отхлебнул три или четыре глубоких глотка.

- Ну, Вовка! Ты даешь! Я так не могу, - произнес Ромашкин.

- Держи бутылку, зелень пузатая, - рассердился капитан. - Сейчас найду тебе посуду!

Хлюдов подошел к автомату с газированной водой и нахально снял с подставки единственный граненый стакан.

- Вот я его тебе даже помыл! - улыбнулся капитан двумя ровными рядами белых зубов.

Ромашкин наполнил стопарик на четверть, и посмотрел на янтарный напиток, через стекло, направив на свет.

Светло - рубиновая жидкость призывно манила и просилась

немедленно внутрь организма.

- Твое здоровье, - произнес Никита и выпил содержимое стакана.

Желудок приятно зажгло ароматным алкоголем, запах, и вкус которого напомнил о существовании таких экзотических и далеких стран как Ямайка, Куба, Никарагуа, Бразилия. О несбыточных мечтах побывать там, и увидеть океан, плантации тростника, пальмовые рощи, эротичных красавиц мулаток и креолок. Для этого романтического путешествия, Никита время от времени предпринимал вялые и безуспешные попытки изучать испанский язык.

Пока Ромашкин смаковал божественный напиток Хемингуэя и Маркеса, Амаду, Че Гевары, и прочих славных представителей народов Латинской Америки, Хлюдов выхватил из рук бутылку и вновь отхлебнул грамм семьдесят.

- Давай, наливай, по второму кругу! - тотчас скомандовал капитан, возвращая бутылку.

Вторую порцию рома Никита заел завалявшейся в кармане шинели ириской, слипшейся вместе с бумажной оберткой.

- Что ты делаешь? Разве так можно? Это все равно, что коньяк заедать огурцом. К рому нужна кубинская сигара! - наставительно произнес Володя и затянулся паршивой сигаретой "Стюардесса".

- Вот откуда у тебя слабость на стюардесс! - засмеялся Никита.

Хлюдов взглянул на марку сигаретной пачки и тоже рассмеялся.

- И все же ты болван лейтенант! Могли б не на вокзале сидеть, а в койке барахтаться! Ладно, замнем и забудем.

- Вовка, хватит, больше не пьем! - произнес примирительно Ромашкин. Иначе мы в вагон не попадем.

- Не бойся. Со мной мимо вагона не промахнемся. Я никогда не теряю контроля! - заверил капитан молодого товарища.

- Да я не в том смысле, а о том, что ноги не дойдут, - вздохнул Ромашкин.

Он устало закрыл глаза. Тело обволакивала лень и тягучая дрема. Хотелось закрыть глаза, хотя бы на полчасика, ведь скоро полночь. Но спать нельзя. Поезд до Педжена будет ползти около трех часов, и выходить нужно среди ночи. Заснешь в поезде, проедешь станцию. Придется терпеть и бодрствовать, еще несколько часов.

Хлюдов сходил, приобрел на проездное требование посадочные билеты, без указания мест. Вскоре, наконец-то подошел долгожданный поезд из Красноводска. В нескольких хвостовых, общих вагонах кипела жизнь, копошились люди. В

купированной части состава свет в окнах не горел. Там люди отдыхали. Ехать предстояло на общих местах, в людском муравейнике. Будет шумно, скандально, душно и крикливо.

Офицеры заняли нижнюю, боковую полку с откидным столиком.

- Дремать будем одновременно или по очереди? - спросил Ромашкин.

- Нет, только бодрствовать, иначе проспим до пограничного Серахса. Будем взбадривать организмы ромом!

Никита оглядел соседей-попутчиков. Компания кавказцев сидящих напротив, не внушала оптимизма и спокойствия. Они о чем -то постоянно горланили, ежеминутно ругались, и суетились. Их угрюмые физиономии не внушали оптимизма. На краю полки сидел громила с бычьим торсом и могучими волосатыми руками. Каждый его кулак был величиной с голову годовалого ребенка. Рядом был высокий красавец-джигит, с щегольскими усиками и спортивной фигурой. Пара мужчин напротив их, была послабже, но если бы завязалась драка для толпы и суеты, в качестве бойцов и они бы сгодились. Один был мужчина средних лет, другой совсем юнец лет восемнадцати. Этот оказался самым горластым и суетным. Из-за стенки соседнего купе выглядывали два "дедка", пенсионного возраста. Вот и хорошо, - подумал лейтенант. Может в случае конфликта, будут утихомиривать своих беспокойных, горячих, молодых соплеменников.

Громила оглядел офицеров тяжелым неприятным взглядом, от которого у Ромашкина похолодела спина. Хлюдов усмехнулся и налил порцию рома в стаканы. Второй стакан он выпросил у проводника.

- Будем здоровы! - произнес Володя, демонстративно и вызывающе глядя на кавказцев, а затем медленно с наслаждением, выпил до дна содержимое.

Челюсти гиганта сжались, желваки на щеках зашевелились, подбородок стал еще более твердокаменным, квадратным, и угрожающим, бугристый рельеф мышц пришел в движение. Демонстративное и вызывающее распитие рома ему было не по душе.

Капитан Хлюдов - же, нагло посмотрел на громилу и спросил:

- Ну чего уставился? Выпить хочешь?

- Хочу, - коротко ответил гигант. Взгляд его стал враждебным и колючим.

- Вы кто? Осетины? - спросил Ромашкин.

От этого внезапного нелепого вопроса, громила опешил. Он никак не ожидал, что русский офицер его нацию отличает от остальной разноплеменной толпы инородцев. Обычно как

говорят: кавказец, абрек, чурка, да урюк...

- Да, я осетин! - гордо произнес великан. - А ты как об этом узнал?

- По запаху, - громко рассмеялся Хлюдов.

- Балбес! Не обращай на него внимания, дружище, капитан шутит! По разговору, по лицам, - ответил Никита, сглаживая грубую шутку товарища.

- А ты что, знаешь, наш язык? - просветлел в лице гигант, моментально превращаясь на глазах из опасной гориллы, в человека.

- Не совсем, - схитрил я. - У меня многие друзья были осетины.

- Выпить, наверное, хочешь? - развязно спросил пьянеющий на глазах Володя.

- Хочу, - ответил громила.

- А, нэту! - усмехнулся, отвечая с акцентом, Володя. - Лишнего нэт ничего.

Он разлил по стаканам остатки рома из первой бутылки, и достал из дипломата другую.

- Ого! - воскликнул здоровяк, восхищаясь, зацокал языком, и что-то быстро пробурчал соплеменникам. Те бурно начали обсуждать, какое -то его предложение, кидая на офицеров угрюмо-недобрые взгляды.

- Можем одну купить! - наконец произнес гигант.

- Ничего не продадим! - сказал, как отрезал Володя.

- Ну, давай тогда сыграем на вашу бутылку! - предложил осетин.

- В карты с незнакомыми не играю, - ответил Никита за обоих.

- Нет. Не в карты. Будем бороться на руках. Если выиграете, мы бежим за бутылкой водки в вагон-ресторан. Если нет - ваш ром, станет наш!

Старики выглянули из-за переборки, что-то быстро "чирикнули", но гигант успокаивающе извинился перед ними. Затем он вновь обратился к пьющим:

- Ну что, офицеры испугались?

- Мы? - возмутился Володя.- Нисколько. С кем бороться? Кто соперник?

- Со мной, - расплылся в наглой, широкой улыбке огромный осетин.

- Да хоть и с тобой, мне один хрен. Давай!

Ромашкин схватил за рукав начавшего снимать шинель капитана.

- Володя! Одумайся! Ты ведь пьян! Поборят.

- Меня? Да ни за что! Я в этом деле мастер. Бороться мое любимое занятие, - успокоил Володя и шепнул. - Я знаю несколько хитростей и искусных приемов. Не боись!

Хлюдов сбросил с себя шинель и скомандовал:

- Расступись молодежь!

Капитан уверенно уселся за столик к осетинам. Угрюмый гигант устроился напротив Володи. Они крепко взялись за руки, обхватили ладонью ладонь друг друга.

- Командуй Ромашкин! - скомандовал капитан.

- Раз, два, три, начали! - дал старт Никита.

Хлюдов напрягся, надулся, покраснел и задрожал всем телом. Гигант тоже напрягся, глаза выкатили из орбит, налились кровью. И минуту не продержался Володя, как его рука рухнула на стол.

- Черт! Бляха...! - злобно рявкнул Хлюдов. - Однако я видимо, не размял руку, не подготовился к схватке.

Никита разочарованно поглядел на капитана и отдал кубинский ром осетинам. Те, радостно заворковали, а молодой в восторге, даже пустился в пляс.

- Ромашкин, доставай последний "пузырь", - скомандовал Хлюдов. - Будем бороться еще!

- Вовка! Ты что офонарел? - возмутился Никита.

- Успокойся! Сейчас правую руку разомнешь, и я с ними обязательно справлюсь.

Далее бороться вызвался средний брат, худой, но жилистый молодой мужчина. Под громкие крики кавказцев он сел за стол, бурно и резко атаковал капитана, но в следующую секунду молниеносным рывком был повержен Володей.

- Вах!

- О-о-о! У-у!

- .....!!! - выругался по-русски, гигант, протянул Никите недавно завоеванную бутылку обратно, и грозно произнес:- Еще хочу бороться!

- Давай, я не против! - согласился Хлюдов. - Никита массируй руку опять.

Ромашкин принялся яростно растирать и теребить мышцы капитана.

- Володя, может не стоит? Проиграешь.

- Просто так выйти из игры без драки все одно не получится, не дадут. Будем соревноваться. Я только вошел во вкус. Смотри и учись!

Противники уселись друг напротив друга, напряглись и через минуту, о чудо, рука гиганта вдруг поплыла к столику и бессильно рухнула на него.

- У-а-а! - завизжали горцы.- Ай-яй!

- О-о-о! - воскликнул восхищенно, удивленный громила. - Меня давно нэкто нэ мог завалить! Как ты сумэл? Эдик бэги за бутылькой! - Живо!

Он сунул десятку в руку гонца и забормотал на родном языке. В борьбу вступил средний брат. И он проиграл состязание. Едва молодой прибежал с бутылкой, как вновь умчался за водкой.

Наконец гигант поборол Володю, и одна из бутылок возвратилась к осетинам. Молодому, видимо, надоело сновать между купе и рестораном, кровь и азарт в нем тоже бурлили. Юноша бросил вызов на состязание. Братья зарычали парня, но Хлюдов сказал:

- Он сделал вызов, я принимаю брошенную перчатку. Боремся!

Юный джигит получил затрещины от братьев, затем проиграл Володе, и получил новую порцию подзатыльников. В дело вновь вступил гигант. В первый раз он проиграл, а затем все-таки одну схватку выиграл. Громила, которого звали Эдиком, обрадовался победе как ребенок. Вся дикая шайка пустилась в пляс, и принялась хлопать его по спине, плечам, выражая щенячий восторг. Володя хитро подмигнул лейтенанту, и откупорил бутылку водки. Осетины нарезали сыр, хлеб и колбасу для закуски. Хлюдов шепнул Никите на ухо:

- Решил одну схватку сдать, чтоб не рассвирепели.

Никита понимающе кивнул, он был настороже. Опасность скандала пока еще не миновала.

- Мужики, а чего вы приперлись, в эту глушь? Будете асфальтировать дороги? - спросил Ромашкин гиганта Эдика.

- Слюшай, откуда все знаешь? Умный, да?! Ты что милиционер? рассмеялся удивленный громила.

- А вашего брата, по просторам Сибири не счесть. От Урала и до Владивостока: армяне и осетины дороги стоят. Все шабашники почему-то с Кавказа.

- Почему так нехорошо называешь? - обиделся гигант. - Посмотри на мои руки, мозоль к мозолю. Я десятки тонн гравия за дэнь лопатой перебрасываю.

- Ну, ладно, не обижайся! - примирительно обнял Эдика за шею Хлюдов. Давайте лучше в карты сыграем.

- Денег больше нет, - грустно сказал богатырь. - Сапсэм кончились, но есть шоколадные конфеты в коробках. Очень вкусные. Давай коробка конфет, против бутылка водки играть! Свэжие конфеты.

- Давай, - махнул Володя, входя в азарт. - Только сперва нужно попробовать, может они старые, и не вкусные.

- Какой, не свежие? Слюшай, ты специально обижаешь или

как? возмутился средний брат Давид.

- На, пробуй дорогой! Зачем обижаешь!? - опять разозлился гигант.

С этими словами Давид вынул из сумки две коробки и открыл одну из них. Володя съел одну конфетку и протянул другую Никите.

- Хорошие конфеты, - утвердительно сказал лейтенант, хрустя ореховой начинкой.

- Ладно, играем, но ставка другая, две коробки на бутылку, - заявил Хлюдов.

- Черт с тобой, - сказал средний брат.

Началась игра не менее азартная, чем предшествовавшая ей борьба на руках. Ромашкин совсем запьянел и перебрался за перегородку в другое купе к старикам.

- Гамарджоба, отцы! - поздоровался Никита со стариками.

Один дед был с бородкой, другой с седыми усами. Они выпучили глаза на лейтенанта и переглянулись.

- Вах! Ты почему нас приветствуешь как грузин? - удивился и обиделся один из дедов.

- А как нужно?

- А нужно говорить: Дэбон хорз!

- Вот и славно! Дэбон хорз! А то я думал, какое приветствие сказать. Не салм алейкум, ведь! И мы, и вы христиане. Правда?

- Правда, дорогой. Совершенно верно! Но, по-грузински не надо. У них свой язык, у нас свой.

- Но они ведь тоже православная нация. Почему не любите друг друга?

- Земля, дорогой юноша, всему причиной земля! Ее мало, а споров за нее много!

- Да, но церковь у них немного отличается от нашей! - произнес бородатый. - У армян еще больше отличий, хотя тоже не мусульмане. Их главный духовный батюшка - католикос.

- В бога верите? - спросил Никита.

- Само собой! - кивнул бородатый. - Мне понравилось, что ты, офицер, сразу признал, в нас осетин, а не спутал с какими-нибудь ингушами или карачаевцами. Бузныт!

- Это чего такое? - переспросил Ромашкин.

- Спасыбо, говорю! Балшой спасыбо!

По правде, говоря, Никита некоторое время колебался, кем их назвать: грузинами, абхазами или осетинами. Один был похож на футболиста Газаева, потому и спросил, не осетины ли?

- Отцы, мы все рассеяне! Расея - общая мать! Осетины и грузины на Кавказе должны жить дружно, как братья. Ведь остальные иноверцы! воскликнул пьяным голосом Ромшкин.

- Дорогой мой! - обнял за плечи лейтенанта усатый дедок. - Мы с русскими друзья, но с грузинами братьями быть не можем. У нас Сталин половину Осетии украл. Карандашом по карте провел, и оттяпал весь юг в пользу Грузии. Обыдно, да?

- Ай, земли много в стране! - махнул рукой лейтенант. - Советский Союз большой, и мы живем в единой могучей державе. Вся земля общая, государственная!

- Вах! - Какая общая. Это у тебя в России земли много, а у Осетии мало. Каждый клочок полит кровью предков! - обиделся дед.

- У нас ее тоже нет лишней! Но разве тебе сейчас есть разница, где проходит граница Грузии и Осетии? Это ведь только на карте пунктиры и черточки. По земле ее нет!

- Всякое в жизни случается..., - вздохнул усатый дедок. - Сегодня нет, а через десять-двадцать лет - по горам столбы пограничные встанут.

- Но-но! Только без глупостей! Ты что, думаешь, у нас турки или персы пол Кавказа отнимут? Да мы их в бараний рог свернем! Повернем армию из Афгана и до Средиземного моря дойдем! - рявкнул Ромашкин.

Он все более пьянел, и потянуло болтать на политические темы. Началась лекция дедам о международном положении, как в песне о дурдоме. Один не понимает, что плетет спьяну, другой не понимает о чем идет разговор. Старики ласково улыбались. Беседа окончилась обниманиями, лобызаниями и полным дружеским взаимопониманием.

У картежников дела были хуже и обстановка накалялась. Вовка выиграл вторую коробку конфет, а первую распакованную брать отказывался.

- Э нет! Так дело не пойдет! - отпихивал Хлюдов конфеты. - Вы мне давайте целую, эта распечатана!

- Так ведь это ты же ее открыл! Ты пробовал, - рассердился старший брат Эдик.

- Ну и что? Я их пробовал, но мог ведь не выиграть!

- Но ты выиграл! Теперь получай ее!

- Э-э-э! Нет, сами их ешьте! А мне давай запечатанную.

- Выиграй вторую коробку - отдам! - горячился средний, Давид.

- Вовка! Не затевай межнациональный скандал из-за двух конфет! Ты все равно сладкое не ешь! - попытался уговорить приятеля Никита.

- Нет! Они проиграли мне целую коробку, а подсовывают начатую! - уперся капитан.

- Вовка! Сейчас в морду из-за двух конфет получишь! Зачем

идти на конфликт? Уступи.

Ромашкин схватил бутылку, разлил водку по стаканам, и гаркнул примеряющий тост:

- За русско-осетинскую дружбу!

Старики в знак согласия закивали головами, а злобные рожи молодых, немного смягчились. Все выпили, кроме самого молодого, Георгия, которому братья пить не позволяли. Закусили водку конфетами из открытой коробки.

- Так, где мой выигрыш? - вновь спросил Володя насмешливо.

Громила растерянно почесал бритый затылок: открытая коробка опустела. Средний брат сердито всучил другую коробку Хлюдову.

- На бери! Пусть жопа слипнется!- возмущенно произнес Давид. - Ах, какой жадный капитан! Кунаком назывался! Ай-яй!

- Я не жадный, а принципиальный! Играем дальше?

- Играем! - решительно произнес громила Эдик.

Ромашкину совсем захорошело. Он налил еще водки дедам, себе и остальным игрокам, и вновь предложил выпить. Тост произнес бородач, старший из осетин:

- За нашу Советскую Армию!

- До дна! - гаркнул Володя и залпом выпил свои полстакана. Ромашкин выцедил спиртное медленно, с отвращением, морщась.

Хлюдов усмехнулся:

- На тебя тошно смотреть! Ты словно мою кровь пьешь! Так морщишься!

- Не нравится - не смотри! - Никита выдохнул с шумом воздух и с чувством произнес: - Эх, сейчас бы спеть!

Средний брат с готовностью начал выводить что-то зычное, гортанное, с придыханием. Деды песню подхватили. Громила сорвал с себя рубашку, и свирепо вращая зрачками глаз, пустился в пляс. Молодой Георгий, подсвистывал и что-то выкрикивал. Хлюдов принялся стучать по столику как по барабану. Звуки этого пластикового "тамтама" гулко загромыхали в вагоне. Ромашкин вначале что-то пытался красиво подпевать, а потом скинул китель и присоединился в пляске к громиле.

Песни и танцы продолжались еще около часа, но дальнейшие события, воспринимались Никитой, словно во сне, и происходили не с ним. Табачный дым, вагонная пыль, пот от разгоряченных тел, алкоголь, окончательно замутили сознание. Спертый воздух жарко натопленного вагона доконал офицеров. Каждый глоток воздуха проглатывался взахлеб, словно кисель. Все поплыло, закружилось и пропало....

Глава 10. Поход в Иран.

- Эй, офисер! Вставай! Педжен проехаль! - прозвучал нудный

и противный голос.

Никита никак не мог разомкнуть опухшие, словно многопудовые веки. Он потер их кулаками, но глаза не раскрылись. Резь, словно в них насыпали песок. А голова... По черепу будто бабахнули бревном. Тошнило. Двумя пальцами Ромашкин раскрыл правое веко, и один зрачок уставился в полумрак. Состояние было такое, как будто глаза жили отдельно от головы, а голова отдельно от остального организма. Ну, а желудок был вообще инородным телом.

- Бр-р-р! Никита попытался что-то сказать, но из разомкнувшихся губ послышался только легкий хрип. - Х-х-р-р.

Ромашкин схватил стоящий на столике стакан и выпил содержимое до дна. К сожалению в нем был не ром и не пиво, а обыкновенная теплая кипяченая вода. Но язык в результате язык сумел зашевелиться, и появилась возможность издавать нечленораздельные звуки.

- Воха! Хлюдов! На выход! Вовка! - промямлил Ромашкин.

Капитан приподнял голову со смятой фуражки-аэродрома и тупо уставился на Никиту:

- Ты хто?

- Я? Ромашкин! Ты что, совсем сбрендил? А ты тогда кто?

Хлюдов посмотрел мутным невидящим взором по сторонам, обвел еще раз пространство вагона глазами и спросил.

- А действительно кто я? Где я?

- Если мне не изменяет память ты Володя Хлюдов. Капитан Советской Армии. И сейчас мы в общем вагоне зачуханного пассажирского поезда, который движется с тихой скоростью, в какую- то задницу!

- Интересная мысль! - хмыкнул Хлюдов и отхлебнул с десяток глотков воды из бутылки. - Уф-ф! А где это относительно Вселенной? И кто мы как частица природы? Гуманоиды? Люди?

- Люди! Человеки! Вставай горький пьяница. Наша станция на горизонте. Не философствуй!

- А где ты видишь горизонт? - удивился Хлюдов. - За окном черно как у негра...

- Вот там и горизонт. Я ж тебе сказал, мы в нее движемся: медленно, но уверенно.

Проводник стоял рядом, и что-то на туркменском бурчал поторапливая.

- Чего тебе надо! Иноверец! - рявкнул капитан. - Чего бормочешь? Прекратить! Что-то мне твоя наглая рожа не нравится!

- Слюшай! А! зачем опять хулиганишь? Что я тебе плохого сделал, а? обиделся туркмен. - Зачем?

- Да я твою физиономию в первый раз вижу! - удивился капитан. Сгинь...

- Я проводник вагона. Твой станций! Приехаль! Вылезай офисер, не скандаль. Иначе милисия прийдет и заберет!

Ромашкин потянул за руку Хлюдова на выход, захватив подмышку обе шинели и фуражки. Володя нес в руках лишь коробку конфет и портфель. За дверью чернела беззвездная зимняя ночь. Выйдя в тамбур, капитан вновь начал препираться:

- Где станция, басурманин? Где Педжен? Куда ты нас завез, негодник?

- Вы его проехаль! Крепко спаль. Я будиль. Твоя, не проснулься. Оба теперь вылезаль!

- И что ты нам абориген, предлагаешь топать по ночной пустыне обратно? - возмутился Хлюдов, цепляя за рубашку проводника, но ухватиться, никак не удавалось. - Куда я должен вылезаль, чурка не русская?!

- Зачем по песку? По рельсам ходи! Скоро рассветет, не потеряетесь!прошипел проводник, отталкивая руки капитана. - Сам ты чурка, офесер!

- Нет, пешком не пойдем. Доедем до Серахса, а оттуда вернемся поездом.

- Эй, не хулигань! Твой билет до Педжена! Слезай капитан, а то на станции милиция позову! Всю ночь буяниль, и опять начинаешь.

- Вовка! Пойдем пешком. Тут вроде бы не далече. Дотопаем, - потянул Никита за руку Хлюдова.

- Нет! Только паровозом. И какой из меня ходок? Ноги будто чужие! возражал Хлюдов. - Паровозом! Чух-чух-чух! Ту-ту-у!

Но совместными усилиями и уговорами, не желающего сидеть в милицейской камере Ромашкина, и сердитого проводника, бурчащего капитана удалось выставить из тамбура. Никита, держась за поручни, осторожно спустился по ступенькам на гравий, а Хлюдов следом спрыгнули в его распростертые объятья. Поезд издал протяжный гудок и покатил, постукивая колесными парами, в непроглядную тьму.

Когда офицеры, нетвердо стоя на ногах и раскачиваясь, словно два флюгера из стороны в сторону, наконец, обрели точку опоры, их словно парализовало от неприятного открытия. Приятели стояли на шпалах посреди пустыни совершенно одни. Ни перрона, ни станции, ни чего и ни кого. Последний вагон, с красным фонарем над дверью, был еще рядом, но он медленно и неумолимо удалялся вдаль, уезжал туда, где была родная цивилизация. Вокруг оставалась черная кромешная пустыня, темное беззвездное небо и тянущиеся вдаль рельсы.

- Побежали, может, догоним, этот публичный дом на колесах! - дернулся, было вслед за ним Хлюдов, но ноги заплелись, и он упал. Капитан начал громко материться: - Ну и, зачем ты меня вытащил из вагона. Ехали бы себе и дремали. В Серахсе или Кушке пивка бы попили у моих приятелей-пограничников, и подались обратно. Следующим поездом. А теперь что? Ползать по пескам? Может тут раз в месяц, какой дурак притормаживает? Ты помнишь, до какой станции состав шел?

- Нет! - ответил лейтенант - Это ведь ты билеты покупал! Балда!

Офицеры огляделись по сторонам. Глаза постепенно привыкли к темноте. Через железную дорогу оказался переброшен деревянный настил между рельсами, и в обе стороны тянулась грунтовка. Это был необорудованный переезд, без шлагбаума, без семафора. Еле видимая дорога куда-то ведет, и наверняка к жилью. Не может не быть жилых домов. Пусть сакля, пусть кошара, пусть хибара, хоть дувал какой-нибудь! Никита, осторожно наступая, спустился с насыпи и наткнулся на старый мотоцикл с коляской. Рядом валялся еще один, но без переднего колеса. Мотоциклы стояли возле избушки зарывшейся по окна в песок, от пола до крыши, высотой всего метра полтора. Но дверь заперта на висящий замок, окошко узкое, даже если выбить стекло не пролезешь во внутрь.

- Лю-ю- ю- д- и-и!!! -гаркнул куражась капитан.

- Вова! Чего ты орешь? Мотоцикл стоит у сарая. Давай заведем.

- Заведем, а куда ехать. В какую сторону? - простонал Хлюдов. - Ладно! Давай заводить. Где могут быть спрятаны ключи?

Но искать ключи зажигания не понадобилось. Хлюдов качнул мотоцикл и обнаружил полное отсутствие в баке бензина.

- Вот черт! А как бы хорошо мы домчались до гарнизона, на этой тарахтелке! - вздохнул огорченный Ромашкин. - А теперь что нам делать? За что туркмен обиделся на нас и высадил в пустыне?

До сознания лейтенанта дошло, что они вляпались в неприятную ситуацию.

- А ловко ты вчера на чистейшем осетинском языке пел! - усмехнулся, припоминая прошедшую ночь, капитан. - Орал, что мы все потомки древних аланов. Скифы! Деды так умилялись и растрогались, что даже слезу пустили. С тем горилой-абреком, ты почти побратался. А когда проводник зашел к нам и потребовал, чтоб прекратили шуметь, этот громила- Эдик ему сказал: "Уйди, не мешай, иначе зарежу как собаку". Туркмен, как пыльной бурей

сдуло. Он больше не появился. А ты говоришь, туркмен обиделся...

- Значит, это я так сильно пел? А то думаю, чего горло охрипло.

- Вот-вот, а у меня руки болят. Пальцы об стол отшиб, выстукивая барабанную дробь, - вздохнул Володя, массируя ладони.

- Вот это да! Я пел по-осетински?! - покачал головой Никита в изумлении.

- Ага! А еще ты их агитировал вступить в ряды четвертого Интернационала. Ты что троцкист?

- Нет, я простой "оппортунист", из левой оппозиции. Ха-ха! А что, меня чуть с госэкзамена не удалили за отличные знания троцкистского движения. Но в итоге поставили пять по истории, и признали лучшим ответом на выпуске. А я был просто с перепоя, и меня страшно мутило, и я с похмелья нес все что знал. Вот и сболтнул лишнего из того, что читал.

- Никита, я давно замечаю, что ты не наш человек! Коньяк, ром, токай! Нет, чтоб по-простому, по рабоче-крестьянски водочку жрать! Но, ты оказался еще опасней! "Троцкист" - оппортунист! Да еще и пьяница!

Итак, путешественники остались совсем одни в пустынной местности. В принципе, не совсем пустыня, без края и горизонта, а с признаками жизни деятельности людей, но все равно пустошь. Железная дорога, это большой плюс. Когда-нибудь поезд все равно пойдет. Вот только остановится ли он на этом убогом полустанке?

- Что теперь? - спросил Никита. - Вовка, ты тут дольше меня служишь, предлагай!

- Пойдем пешком. Я думаю, идти предстоит километров тридцать. К полудню дойдем.

- Ну, хорошо, а в какую сторону идти? - воскликнул, в сердцах, огорченный Ромашкин.

- Н-да! А действительно, в какой стороне Педжен? - Спросил сам себя капитан Хлюдов. - Давай определяться.

- Может сориентируемся по звездам, где север?

- Нет, мы не будем доверяться этим глупым песчинкам в небе. Я в астрономии ни бум-бум! Начнем логически выяснять. В какую сторону поезд ушел?

- По-моему влево, - задумчиво почесал затылок лейтенант. - Но не уверен...

- А не вправо? Точно? Давай вернемся в исходный пункт нашей высадки. Где мы с тобой десантировались? - решил капитан.- Сейчас пойдем обратно по нашим следам, и тогда

определим, где мы вначале стояли!

Низко нагнувшись к пыльной земле и вглядываясь в темноту, они медленно побрели в поисках стартовой позиции. Обоих качало и мутило, в голове шумело, кровь пульсировала в венах. От волнения и напряжения с обоих лил ручьями липкий пот.

- Чертовски хорошо, что сейчас декабрь, а не август! - произнес Хлюдов, вытирая лоб платочком. - Летом мы бы уже испарились.

- До чего меня сильно тошнит, когда я нагибаюсь! - простонал Никита и выпрямился. - Володя ищи дорогу сам. Я не могу, сблюю.

Беспрестанно спотыкаясь и запинаясь, все же вскоре начало следов было найдено.

- Уф-ф-ф! Уже легче! Вот мы тут спрыгнули, - произнес глубокомысленно Хлюдов. - Так в какую сторону ушел паровоз?

Хлюдов упер руки в бока и уставился на Ромашкина.

- А с какой стороны вагона по отношению движения, мы в Ашхабаде загружались? Справа или слева?

Хлюдов вытянул руки вперед и спросил:

- А какая из них правая? А?

- Это с какой стороны посмотреть и относительно чего? Относительно вокзала или относительно платформы? - ответил Никита глубокомысленно.

- Причем здесь вокзал? Руки, какие и как называются?

- Вот одна, вот вторая!

- Э-э-э! Да он еще хуже меня! Ну, ладно! Ты меня главное, не путай! Мы подошли к вагону, сели, поезд поехал. Потом туркмен нас высадил. На какую сторону? На какую сторону тамбура, он нас выпроводил?

- Постой! Это ты меня сам не путай! - взмолился более трезвый Никита (ему так, по крайней мере, казалось). - Определяюсь! Я вот сюда лицом спрыгнули, и после этого туда (лейтенант махнул рукой) поезд уехал.

- А мне кажется, мы выскочили вот так! (Хлюдов изобразил как). И поезд отправился в противоположную сторону. Ту- ту-у!

Капитан потоптался на месте, изображая руками и ногами движение паровоза.

- Э-э-э! Нет-нет! Вагон пересек переезд! Мы к этим доскам возвращались!

- Ты точно уверен? А не то будем хвост уехавшего вагона догонять. А нам надо в противоположную сторону!

- Уверен. Туда!

- А я нет. Когда мое тело покинул тамбур, я даже имя бы свое не вспомнил. С трудом себя мог идентифицировать. Это ты меня

Вовой назвал! А может я Арнольд?! Кто есть я такой, что за существо. Разумное-ли?

- Конечно, сегодня, не разумное! Выжрали почти канистру рома и водки. Я вчера говорил, хватит Вовка, хватит, а ты продолжал подливать в стаканы, хихикнул Ромашкин.

- Я?!! Причем здесь я? Вот этому Вове и высказывай претензии! А я отныне Арнольд! Это ты все за дружбу русско-осетинскую пил. За мир во всем мире! За братский Кавказ! Интернационалист хренов! Я трудился, выигрывал умственно и физически спиртное, а ты все пустил в свою бездонную утробу. И конфет осталась одна коробка, остальные сожрали проклятые дикари! А я ими хотел жену умаслить, чтоб не орала, что опять пьяный из командировки заявился.

- Ты и сам был как дикарь! Умаслишь другим способом!

- На другой способ сил и так нет, а после предстоящего похода совсем не останется, - вздохнул Хлюдов.

Делать нечего, матерясь и переругиваясь, двинулись в путь. Так товарищи по несчастью шли некоторое время по шпалам, запинаясь, спотыкаясь, чертыхаясь. В конце концов ломать ноги надоело, сошли на насыпь. Но на ней валялись старые рельсы, металлические скобы и костыли, и прочий хлам. Както само собой получилось, что свернули на проселочную дорожку, которая стелилась вдоль "железки". Молча топать скучно, и Никита спросил о жизни в Москве. Вовка увлеченно рассказал об учебе в "Мосдроку" (Московское командное училище имени Верховного Совета), о москвичках, о гулянках, о своей незадавшейся карьере...

- Стоп! Володя мы идем куда-то не туда! - произнес Никита задумчиво по прошествии некоторого времени.

- Это как не туда? - удивился, оборвав рассказ на полуфразе Хлюдов.

- А так! Где рельсы, вдоль которых мы шли? - окончательно растерялся Никита. Офицеры огляделись вокруг. Вышедшая из туч луна, освещала только ближайшие камыши.

- Какие-то дебри вокруг! - нахмурился Володя. - Ты куда меня завел? Отвечай Сусанин!

- Почему я? Капитан, ты сам сказал, что надоело, словно козлу скакать по шпалам! Это ты первый уклонился от маршрута.

- Вообще-то мы верно идем! - успокоился вдруг Хлюдов. - Видишь поезд идет? Скоро к нему выберемся. Сядем и поедем.

- Нет, Вова! Никуда мы на нем не приедем. Это иранский поезд. И, идет он в Тегеран или Мешхед! - воскликнул Ромашкин. - Тебя и меня, как красных комиссаров, персы шлепнут на месте.

- С чего ты взял, что поезд иранский? - опешил Хлюдов.

- А оттого, что рельсы были справа от нас, мы ушли влево, и поезд бежит с левой стороны! А должен быть справа!

- Уф-ф! Лейтенант, ты мне опять мозги запудрил! Не трещи так быстро: право, лево, вправо, влево! Повтори помедленнее и покажи рукой!

Никита, чуть протрезвевший на воздухе, повторил медленно, с расстановкой, с целеуказаниями.

- Н-да! - процедил сквозь зубы капитан, хмурясь. - Вот это фокус! Мы топаем в Иран! Интересно границу уже перешли? Если да, то почему ее не заметили? Где полосатые пограничные столбы? Где контрольно - следовая полоса? Где парни в зеленых фуражках? А мне басни рассказывали, что граница на замке и ключи утеряны!

До утра офицеры брели обратно, наугад, затем решили остановиться, чтоб с рассветом оглядеться, куда же их, действительно, занесло. Пришли к согласию, если края пустыни не увидят, вернуться обратно по следам или по колее. Вскоре, окончательно выбившись из сил, прилегли у какого-то куста на бугорке. Сморило, и оба путешественника уснули крепким сном. Каждому по отдельности снились кошмары. Пустыня, жажда, чудовища. Но эти кошмары превратились в явь. Мучеников разбудило яркое палящее солнце. Проснулись почти одновременно, протерли от сна глаза, огляделись и ужаснулись. Никакой дороги не было. То, что казалось колеей, был твердый солончак. Вернее солончаковое плато. Выжженная земля вправо, влево, вперед и назад. Этот кустик был единственным в округе. Валялись еще какие-то камни, навеянные ветром террасы из песка, торчали сухие камышины и колючки.

- Ужас! - охнул капитан.

- Куда мы с тобой забрели? - растерянно вымолвил Никита. - До чего же пить хочется! Горло огнем горит.

- Вода на горизонте не предвидится, возможно, где-то поблизости есть арык. Но из арыков лучше не пить. В них одна зараза плавает. Будем искать колодец! - произнес Хлюдов нравоучительно.

- Где ты будешь его искать? - поинтересовался Никита оглядываясь.

- Там..., - махнул неопределенно рукой вдоль Володя.

- А если там не отыщем?

- Ну, тогда будем копать здесь.

- Чем?

- Руками! Известное дело чем, руками и подручными средствами, - ответил Хлюдов.

Вырыть кяриз в выжженной пустыне дело безнадежное. Вот

кабы людей найти. Но на горизонте даже никаких признаков малейшей человеческой жизнедеятельности не наблюдалось: ни в виде жилья, ни в виде машин, ни в виде мусора, ни в качестве испражнений. Птицы не летали, верблюды не бродили, овцы не паслись. Ровным счетом ничего. Только тушканчики время от времени перебегали то вправо то влево. "Ну, раз есть тушканчики, значит мы не на Марсе, а на Земле. А это уже хорошо!", - рассудил про себя Никита.

- По-моему, мы в какой-то, то ли лагуне, то ли шхере. Но только пересохшей! - рассудительно произнес Хлюдов. - Видишь и вправо и влево и вперед и назад у горизонта края задираются. Поэтому мы ничего и не наблюдаем! Идем - ка, друг мой, назад! Откуда пришли!

- А откуда мы пришли? - резонно спросил Никита.

Хлюдов огляделся, но следов их пришествия к этому кустику не присутствовало. Явиться сюда приятели могли с любой стороны.

- Ну и сволочь ты Ромашкин! Ты, почему вчера так нажрался, что даже не соображал, как шел? И меня напоил!

- Я!!? А ты чем был лучше? Сам меня поил! Кто купил ром? Кто водку хлестал с абреками? Кто пьянку организовал!?

- Я..., - обреченно ответил Хлюдов и сразу же оживился. - Никита, а ведь у нас еще есть ром и водка. Это ж жидкость! От жажды не умрем! Будем пить, и идти пока сможем!

- А может будем просто пить, без идти? - робко возразил Никита. Подождем, кода нас найдут спасатели.

- Наивный! Кто найдет? Кто будет искать? Никто же не знает, что нас сволочь - проводник, высадил на этом занюханном полустанке. Да к тому же, кто догадается, что эти два балбеса, то есть мы, отойдут далеко от рельсов! Идти им видите-ли неудобно. Подпрыгивать надоело! Семенили бы себе по шпалам и семенили потихоньку. Уже в Педжене были б! Пивом похмелялись...

- Виноват, выходит я? - искренне удивился Никита. - Почему?

- А кто? Ну не я же! Виновен завсегда молодой!

Ромашкин насупился и отвернулся. Посидели, помолчали. Становилось все более хреновато. Мутило, сушило, крутило, ломало.

- Эй ты, чудило! Давай, рому хлебнем все- таки, что ли? - подал голос вскоре Хлюдов.

- Давай. И твоими конфетами закусим! - обрадовался примирению Ромашкин.

Никита был не расположен к ссоре, ведь весь запас еды и питья находился в дипломате у Володи. Еда это коробка конфет. Питье - бутылка рому и бутылка "Столичной". Помимо них в

дипломате отыскался черствый беляшик. Точно! Его купили в привокзальном кафе и позабыли. Разделили по-братски, пополам, отхлебнули из горлышка по паре глотков теплой ромовой жидкости. Кровь заиграла, затем закипели мозги. Через пять минут оба хлопнулись на землю. Идти никуда не хотелось, да и сил не было. С трудом навесили на куст капитанский китель, подостлали шинели и легли в некотором подобии тени.

- День прошел в полубреду. Вскоре рожи опухли, стали квадратными, языки и губы распухли. Возникли миражи в виде озера, караваны, машины, деревья. Эти видения сменяли одно другим.

- О! Машина едет! Видишь? - показывал пальцем Никита.

- Нет, у меня это верблюд идет! - ответил Володя.

Спустя некоторое время Никита вновь вопрошал:

- А речку видишь?

- О-о-о. В моем мираже вижу виноградники. Ну что, выпьем еще по глотку?

- Выпьем, - согласился лейтенант.

Виноградники сменялись пшеничным полем, затем заливным лугом, и так далее в процессе прожарки на солнце и употреблении алкогольного коктейля.

***

- Помню, под Кандагаром в пустыне без воды оказалась наша разведгруппа, так я тоже мираж видел! - воскликнул разведчик Смирницкий.

- Братцы! Раз зашел разговор о разведчиках, давайте помянем моего дружка, Петю Грекова, героически погибшего в Баграмской зеленке! - предложил Никита. - Трех духов завалил, а четвертого не заметил....

Выпили, закусили, помолчали.

- Ну, сказывай быль-небывальщину дальше, - предложил Большеногин, ушедшему в воспоминания Никите.

Глава 11. Бунт против "Белого царя".

Солнце еще пригревало, но уже склонялось к горизонту. Бесконечный день закончился заходом палящего светила. Быстро сгущались сумерки.

- Все! Хватит лежать! Встаем! - распорядился Хлюдов. - Пойдем на огоньки, иначе сдохнем на этой "сковородке". Пошли влево, зайдем на возвышенность и где увидим огни, там и будет наше спасение!

Огней ни где не было, пошли наугад. Горе путешественники шли ночь и утро, днем передохнули. Следующей ночью двинулись вновь.

- Кажется контрольно - следовая полоса! - произнес

Ромашкин, ступив в рыхлый песок.

- Меня гложет вопрос, мы все ж уже за границей или нет? - вновь задал глупейший вопрос Хлюдов. - Или мы только на подходе. Что-то, куда ни идем, колючей проволоки и собак не наблюдаю. Ты не ошибся, Никитушка?

- Значит еще не дошли. Наверное, это наша сторона! Погранцы где -то впереди! Поворачиваем оглобли и бегом отсель! - воскликнул Ромашкин.

Но ретироваться было уже поздно. Из камышей выскочили три огромные псины, и с хриплым лаем бросились на перерез.

- Ну, все, прощай молодость! Поминай, как звали! - воскликнул Хлюдов обреченно. - Сейчас сожрут, заразы! Уйди, уйди не тронь красного командира скотина! Никита только не беги! Побежим, точно разорвут!

- Не брызгай на меня слюной сволочь! - прорычал лейтенант в ответ оскалившей пасть собаке. - До чего не люблю псов! Особенно таких большущих волкодавов!

Собачки встали полукругом и рычали, не предпринимая к счастью более никаких действий. На ближайшем бугре появилась фигура человека с винтовкой:

- Тохта (стой)! Эй бача (эй мужик)! Буру(иди)! - прокричал вооруженный абориген, и что-то еще проговорил зверюгам быстрое и непонятное.

- Если пограничник, то не наш, перс! - удрученно вымолвил Хлюдов. Какой кошмар! Если мы в Иране будет большой скандал! Батю из газового министерства выгонят! Турнут в шею из-за меня непутевого сыночка...

- Какое к дьяволу министерство! Не повесили б, как шпионов! Эй, не стреляй! Мы заблудились! Мы советские офицеры! - громко прокричал Никита и поднял повыше руки. - Мы не вооружены! Не стреляй и убери собак!

- Чего ты разорался? - прошипел Хлюдов. - Он ведь, все одно, что марсианин. По-русски, наверное, не бельмеса. Его бы по-английски спросить. Вспоминай то, что в школе учил.

- Чего ему сказать? "Дую спик инглиш"? "Шпрехен зи дойч"?

- Нет, что-нибудь другое: мол, не стреляй, заблудились...

- Я то скажу, а по- каковски? - взвыл от злости Никита.

- Эй, офисер! Ходи сюда. Не бойся. Моя стрелять не будет! - ответили фигура на ломаном русском.

Человек свистнул собачкам, и те быстро убежали к нему.

- Слава, тебе, яйца! - выдохнул с облегчением Хлюдов. - Не за границей, кажись. Чую, мы дома! Интересно, что это за юный друг пограничников? Кто он такой?

Офицеры, не спеша и опасливо, подошли к вооруженному

аборигену и поздоровались:

- Салам! - радостно произнес Никита.

- Салам алейкум! - изобразил счастье на лице и в голосе Хлюдов.

Туркмен ответил громко и радостно:

- Здравствуйте, товарищи офицеры! Я такой рад, что ко мне зашла живая человек. Год почти никого не вижу, редко гости бывают. Я местный чабан, Абдулло.

- О, это просто пастух! Ковбой! Гаучо! - обрадовался Хлюдов и в восторге толкнул локтем в бок Ромашкина. - Ура! Мы спасены!

Молодой чабан протянул руки для рукопожатия. Обменявшись приветствиями, офицеры замялись в нерешительности. Ситуация довольно глупая. Пьяные, пропыленные, усталые и черт знает, где находятся. Как объяснить этому туркмену, почему сюда забрели? И действительно, далеко - ли граница! И тут Володю спьяну понесло на всякий бред:

- О, ты, наверное, лидер местных повстанцев, да?

- Кто, я? - искренне удивился чабан. - Я год назад был солдат. Стройбат. Служил в Горьком. Какой хороший город! Какие замечательные девушки! Я их так любил!

- О, земляк, - заорал громким пронзительным голосом Хлюдов. - И я оттуда родом!

Ромашкин удивленно уставился на капитана. (Земляк???)

- Я с Волги, только верхней части! (Ну, в принципе, да, Москва-река, приток Волги). Меня Владимиром зовут, а этот мой попутчик, Никита.

- Очень рад гостям! Я хотеть остаться в России, жениться, там калым не нужен. Но отец вызвал домой. Я не поехаль, так он со старшим братом прибыль, и увез. Вот загналь сюда, овца пасти. Людей не вижу, газэт нэ читаю, телевизор нэт! Рюсский язык забываю. Я так вам рад. Пойдемте, шурпой накормлю!

Туркмен махнул палкой на бегающих вокруг свирепого вида собак и отогнал их прочь. Невдалеке виднелась кошара и загон для овец. Рядом стоял низенький глинобитный домик, пастушья избушка. Ни одного даже чахлого деревца, только полынь, колючки и камыши. Убого, но все же жилье...

- Так ты что тут один живешь? - спросил Володя, оглядываясь в саманном закутке.

- Почему один? Собаки, овцы, - не согласился туркмен.

- Э-э, с овцой что-ли спишь? А где ханум? - перебил его шуткой повеселевший капитан.

- На ханум деньги зарабатываю. Пять овец мои, ягнят выращу, будет десять. Потом еще расплодятся, не понял иронии чабан.

- А сколько надо-то? - вновь поинтересовался насмешливо

Хлюдов. - Много предстоит сделать ягнят?

- Если некрасивая жена - двадцать пять баранов. Если красивая пятьдесят, а красивая и работящая сто.

- А если умная? - ухмыльнулся Ромашкин.

Вот за умная и грамотная платить меньше. Много работать не станет, спорить будет, умничать. Жена ведь, какой должен быть: послушный, ласковый и молчаливый. Слушать, что умный муж говорит, а не свой мысль ему навязывать.

- Так ты, какую ищешь: глупую, красивую и молчаливую? - спросил Никита.

- Ай! Красота не главное. Работящий, для хозяйства.

Хлюдова в тепле вновь завезло. Поев шурпу и плов, он с умным видом вдруг произнес:

- Будет тебе Абдулло, бесплатная жена! Мы вот с Никитой войско собираем! Повстанцев! Записываем, взбунтовавшиеся против "Белого царя" местные народы в отряды! Хватит жить под игом Москвы! Пора поднимать племена под ружье! Долой Белого царя! Пора жить своим умом! С королевой Великобритании мы договорились, а Рейган нам обязательно оружием поможет...Тому, кто встанет в строй, бесплатная жена.

- А две можно? - неожиданно спросил Абдулло.

- Две можно! Можно и две, но только особо отличившимся в боях за свободу! - воскликнул Володя. - И бесплатно!

- Зачем тебе две жены? - рассмеялся Никита. - Прокормишь?

- Вторую жена, возьму умную и красивую. Русскую. Первый жена будет работать, а второй ласкать!

- Вот и договорились! - воскликнул Хлюдов. - Записываем тебя бойцом в первую кавалерийскую сотню, "бронекопытной, дикой дивизии"! Конь есть?

- Есть конь. И шашка есть, ружье вот есть! Патронов мало-мало, - быстро защебетал туркмен.

- Вовка, ты, что одурел совсем, ткнул в бок приятеля Никита. - На каторгу захотел? Договоришься! Видишь, он вправду поверил!

- Вот и хорошо! Я не шучу! А ты мне подыгрывай! Дай пошалить!

Чабан тем временем достал из какого-то шкафчика бутылку водки, холодное мясо, лепешки. После выпитого второго тоста за "Свободу", офицеров уже не смущали шкуры полные блох, на которых они полулежали, ни пыль в войлоке, не осыпающаяся с потолка глина. Выпив четвертый "за джихад", Ромашкин надломился.

Керосиновая лампа нещадно дымила в печурке горели вонючие кизяки, насекомые кусались, но зато было тепло и

сытно. Великая вещь - крыша над головой, горячий очаг и вода.

Язык капитана все больше заплетался, речь становилась еще менее связной. В конце концов, под эти басни, глаза лейтенанта сомкнулись, но сквозь сон, он еще слышал пьяные разглагольствования Хлюдова, и чувствовал, как туркмен накрыл его какой-то рогожей из шкуры, да подложил под голову тюфяки с соломой. Больше Никита ничего не помнил. Он провалился в глубокий сон. Голова ужасно болела и гудела как трансформатор. Еще бы, двое суток пить вместо воды ром и водку!

...Пробуждение оказалось полным ужаса и панического животного страха. Никита открыл глаза от ощущения того, что его кто-то разглядывал. Действительно на него смотрело что-то страшное, непонятное. Чуть приоткрыв глаза, он их вновь крепко зажмурил. Затем лейтенант чуть приоткрыл, прищурив левый глаз, и вновь сомкнул веки. Басмачи! (Промелькнула мысль в мозгу). Вот накликал беду проклятый алкаш - капитан! Теперь придется расхлебывать его пьяную болтовню. Вокруг их ложа стояли фигуры в халатах и чалмах. То, что испугало лейтенанта, оказалось молодой девушкой. Но от лица девушки были видны только глаза, так как остальное было замотано в платок. Чадра ходячая. А прежде, лейтенант верил, что чадра и паранджа, пережитки феодального прошлого средней Азии. Выходит, красный командир Федор Сухов освободил не всех женщин Востока. Далеко не всех.

Абдулло, что-то оживленно рассказывал трем вооруженным берданками и ружьями мужчинам с угрюмыми, недобрыми лицами. Пара старичков сидящих на корточках, о чем-то переговаривались и жестикулировали. У изголовья толпилась стайка в платочках, чадрах или паранжах. Кто их разберет в чем... Ромашкин осторожно, но болезненно пихнул в бок Хлюдова:

- Капитан! Вовка! Проснись пьянь! Что ты вчера плел сволочь, об освобождении от тягот коммунизма и империализма, о свободе и независимости диких племен? Объяснись с народом! Ты собирался Зеленое знамя ислама водрузить в Кремле?! Водружай... Хлюдов открыл глаза и тоже зажмурился.

- Никита, что будем делать? Создаем вид, что спим?

- Нет, надо как-то изворачиваться. Вовка, а это точно не Иран?

- Если наш друг вчера не соврал, то нет, но мы наверняка рядом с границей.

Володя вдруг резко приподнялся, развел руки в знак приветствия и громко произнес:

- Салам алейкум, аксакалы!

- Салам...

- Салам..., - забубнили хмурые старики.

Володя встал, пожал руки мужчинам и спросил:

- А не подскажете, как проехать в Педжен? Там размещается штаб формируемого исламского эскадрона!

Чабан был немного растерян, и видимо ему не здоровилось после выпивки. Он посмотрел на соплеменников и произнес вконец растерявшись:

- Вот это наши бригадиры. Они ехали на загон волка. Могут подвезти к шоссе. А вы, офисер, их в войско запишешь? Потом сюда вернешься? Когда нам за ружья браться? У меня пулемет есть, и патронов ящик...

Народ начал молча выходить во двор из душного домика, недоуменно пожимая плечами, что -то гурча по- туркменски.

Хлюдов обнял за плечи парня и уверенно пообещал:

- Не переживай. Жди! Мы скоро вернемся. На днях поднимем "зеленое знамя ислама" над отрогами Копетдага и наши скакуны пересекут пустыню Каракум, до Волги и далее. Я и начальник штаба повстанцев, по весне вернемся с отрядом! Формируй добровольцев, составляй списки, назначай командиров отрядов.

Во дворе стоял бортовой "Уазик". Бригадир и шофер стояли у кабины, а женщины стояли в кузове, держась за передний борт. Старики, расселись под навесом у стены, и пили в полудреме зеленый чай. Точно старые басмачи, уж больно живо они обсуждали наши пьяные бредовые лозунги.

- Строиться! - вдруг скомандовал Хлюдов. - Ровняйсь! Смирно! Здравствуйте бойцы!

- Салам, здра..., - ответили недружно мужчины.

Хлюдов прошелся вдоль строя, думая, о чем говорить, и как, так язык с перепоя еле ворочался. А говорить нужно убедительно, эмоционально, с душей и чтоб выглядело как можно правдивее. Не то грохнут за насмешки над собою, и поминай, как звали, пустыня большая... Но все же Вовка вновь толкнул трогательную и пламенную речь, пообещал: каждому землю, волю, отару баранов и легализацию многоженства...

...И вот по пыльной грунтовой дороге между зарослей камышей вдоль арыков несется "уазик". Шофер гнал как можно быстрее, ибо командиры опаздывали на тайное совещание повстанческих сил перед решающим освобождением от ига "Белого царя". В кузове трясутся в такт попадания колес в ямы и на кочки наши горе-путешественники, современные Пржевальские. "Свободные" женщины красного Востока, устроительницы социализма в Средней Азии, со смехом заваливались на них при резких поворотах.

Женщины и девушки косились на "бледнолицых" пришельцев,

хихикали и кричали что-то друг другу на ухо. Через час этой бешеной гонки машина резко затормозила у развилки дорог. Никита, пытаясь удержаться на ногах, навалился на одну из молодок, плотно прижавшись к ее груди, чем вызвал дикий визг и веселый писк аборигенок.

- Пардон! Виноват! - смущенно произнес лейтенант.

- Не ври лейтенант! Это ты специально полез к девкам обниматься.

Девушки что-то быстро-быстро и весело говорили друг другу, а из кабины высунулась хмурая рожа бригадира.

- Эй, офисер! Нам туда, а вам туда! - и он показал рукой вправо. Мало-мало пешком и дойдешь. Там дорога! Асфальт. Педжен совсем будет рядом! Километров десять. Возвращайся скорее, будем ждать!

Едва они успели спрыгнуть на пыльную обочину, как машина резко сорвалась с места и умчалась в хлопковые поля.

- Ну, как тебе эта девица, к которой ты прижался? - ехидно спросил Хлюдов. - Хороша?

- А черт ее знает! Все равно, что пощупал ватное одеяло. На ней штуки три халата надето.

- А наличие трусов, или их отсутствие ощутил? Запустил рученку, шалунишка?

- Пошел ты к черту Вовка! Вверг меня в авантюру с мятежом. А если они в милицию или районное КГБ сообщат про двух сумасшедших офицеров?!

- Да, брось! Чего по пьянке не бывает. Я мог себя наследником Хромого Тимура объявить или Чингиз Хана. А тебя очередным пророком Магометом, если б еще пару бутылок выпили! Все закончилось весело, обыкновенное приключение. Не терзайся, не переживай. Экзотическое путешествие. Сафари! Кэмел - трофи!

- Но ты призывал их к мятежу! - воскликнул Ромашкин.

- Не дрейфь. Банды басмачей, воодушевленной нашей болтовней у ворот КПП не появится. Буденовцы тут такого страху навели, что еще лет сто никто бунтовать не будет. Пьяный бред он и есть пьяный бред. Ладно, давай отсюда выбираться. Какое направление абориген рукой показал? А? Вспоминай!

- Вовка! Ты чего еще не протрезвел? Опять начнем плутать! - рассердился Никита. - Ты ведь только сейчас сказал туркмену, что дальше дорогу знаешь, не заблудимся!

- Ну, это я образно ему так ляпнул. Мы ж предводители повстанцев, полководцы! Заблудиться не можем! Каким бы я перед ним олухом выглядел?! Ну, чего ты переживаешь? Пойдем вдоль арыка, найдем, в конце концов, асфальт. Там где асфальт,

там машины. Тормознем кого-нибудь, подвезут. Только в начале давай вспомним, в какую - же сторону бригадир рукой махнул! Ты не помнишь? Да?

- Ох, Вовка! Не помню... Может сюда, вправо...

- Точно? - усомнился Хлюдов. - Или кажется?

- Точнее не бывает! Или туда или сюда! Шкребанный ты капитан! Чтоб я с тобой еще куда увязался. Ни в жисть! Что же ты не слушал вождя племени?

- Ладно, не переживай! Ступай за мной! Пойдем на встречу солнцу! скомандовал Хлюдов, и потопал по тропинке к дальним деревьям, в надежде отыскать дорогу.

Узкая дорожка оказалась нескончаемой. Она то шла вдоль арыков, то вдоль канала, то петляла между поля засеянного хлопком, то исчезала на солончаках. Ветерок поднимал пыль, солнце нещадно припекало. Никита брел и размышлял: "Черт! А ведь это декабрь! А жарко как в России в июле. Вчера когда выезжали из Ашхабада, было прохладно, не более десяти градусов. А сегодня припекло, не менее двадцати пяти".

Шинели и фуражки офицеры несли в руках, кители распахнули, от галстуков освободились, пуговицы рубашек расстегнули. Но все равно пот струился по лицу, по телу, и противно стекал по позвоночнику мимо копчика и далее...

- Проклятые аборигены! - взвыл Хлюдов. - Наверное, обманули! Куда-то завезли не туда. По моим прикидкам, давно должен быть асфальт. Но его нет и нет. Я устал уже брести!

- Так что, ты предлагаешь сесть, и ждать очередную попутку?

- Какую тут на хрен попутку дождешься. Если только арба проедет, и то через неделю. С голода умрем! Только вперед! - воскликнул Хлюдов и, качаясь, решительно побрел вперед.

Когда силы почти иссякли, беды путешественников - авантюристов закончились, и блестящая лента дороги появилась на горизонте.

- Ура! - вскричали оба ходока и еще активнее принялись передвигать сапогами по рыхлому песку.

- Это дорога! Точно шоссе! Не мираж! - обрадовался Хлюдов. - Скоро будем дома. Ура! Спасены!

- Если не похмелимся, то помру! - прошептал, с трудом шевеля распухшим языком, Никита. - Пива! Ящик пива!

Но спасение сразу не пришло. От одного раскаленного асфальта проку мало. Идти ногам легче, не проваливаются в пыль и песок, не бьются о камни, но дышать от плавящегося гудрона гораздо тяжелее. Дорога бежала, как говорится в обе стороны, но в какую надо идти, чтоб не ошибиться?

- Вовка! Нам на север?

- Всенепременно! Даже если мимо Педжена промахнемся, в Россию уйдем, а не в Иран! Только на север!

- А где он, Север?

- Там, слева от восхода Солнца!

- Это сколько тысяч верст нужно будет прошагать до Волги, как ты давеча предлагал басмачам? - усмехнулся Никита.

;nbsp;- До Родины-то? Полторы или две тысячи, по прямой. Если петлять по барханам, то больше. А там замечательное "Жигулевское", и без добавок стирального порошка!

- Тогда лучше в Педжен, к местному, вонючему пиву! К нему то мы точно дойдем живыми!

Медленно, но уверенно друзья направились на север. Вскоре им действительно необычайно повезло, проезжавший мимо грузовик притормозил и подвез с десяток километров до знакомой развилки.

- Вот эти места я знаю! - воскликнул Хлюдов.

Они, высадились, горячо поблагодарили водителя и спотыкаясь на непослушных ногах помчались к заветной чайхане.

- Где мы Вовка? - спросил Никита, крутя по сторонам головой. - Я эти места не знаю.

- Эх, Никитушка! Это же ВКП! Выносной командный пункт!

- Как понять выносной?

- "Пендинка"! Тут один из предыдущих командиров полка Вазарян (еще до Андрусевича и Хомутецкого), штаб держал, и управлял отсюда, в гарнизоне месяцами не появлялся.

- Как так не появлялся? Не может быть!

- Еще как может. Это сейчас нас замучили: занятия, учения, строевые смотры. Во всем виновата проклятая война! А раньше, пока Афганская заваруха не началась, была тишь, да гладь. Эх, какая была славная служба! Начальства, не то, что из штаба Округа, из дивизии не увидишь! А сейчас штабы развернули, начальства расплодили! Генштаб, Ставка Южного направления, Округ! Чем больше начальников, тем активнее они показывают свою необходимость!

Бывало, стоишь помощником дежурного, звонит командир дивизии, требует "кэпа". Ему скажешь, что он в движении где-то или на полигоне. А комдив, сразу смекает, требует соединить с "Пендинкой" (название кафе)! Чтобы не дергали попусту лишний раз в кабинет, к пивной кабель протянули, и телефонный аппарат поставлен был! Солдата живого месяцами не видели, казарму приходилось самому охранять! Все в полях работают, хлопок убирают или дома туркменам строят. Да и казармы не те, что сейчас отгрохали, одноэтажные развалюхи были. Бойцы заранее были распланированы, на весь период обучения! Асфальтовый

заводик, кирпичный завод, хозработы по строящимся домам! А комбаты, какие были зубры! Наш Алсынбабаев, им и подметки не годился.

Центральная улица Педжена, знаешь, как называется?

- "Имени Ленина", - припомнил Никита.

- Темнота! Нет! "Имени Бабия"! В честь комбата, который ее построил. Спроси любого туркмена кто такой Бабий? Ответят: любимый комбат! А про нынешнее начальство они не ведают. По крайней мере, не все. Богатый был мужик Бабий, всех под себя подмял. Когда с полком прощался, бочку пива к воротам полка подогнал и всех угощал. Вот был размах!

История одна была смешная, после его отъезда по замене в Германию.

Приходит однажды на КПП парнишка узбек в драном халате, в тапочках, с посохом и требует от дежурного, чтоб пропустили к командиру.

- Тот его спрашивает: - "Зачем"?

- Уволиться, говорит, из армии хочу. Устал. Четвертый год служу. Сколько можно? Бабий где? К нему тоже надо, расчет нужен, зарплата.

Приводят его, значит, в штаб к замполиту, а солдат начинает права "качать"! Мол, я порядки знаю! Положено служить два года! Почему я отслужил три. Мне хозяин сказал, только моряки три года служат! Я не моряк, я танкист! Где командир- Бабий?

Оказалось это солдат нашего батальона. Бабий его в работники определил, а когда срок учебки закончился, перевел в БОУП (батальон обеспечения учебного процесса). Уезжая в Германию, уволил его по документам на дембель, а самого бойца предупредить забыл. Закрутился подполковник в суматохе и приказ бедолаге не довел! Бабий давно в Европе, а боец овец пасет лишний год.

Вначале начальство посмеялось, и подумали сумасшедший, хотели прогнать балбеса прочь. А после подняли приказы - и точно, наш солдат, но бывший. Уволен еще год назад, но не демобилизован... А военного билета у бойца нет, и где он неизвестно. Документы были у комбата, и не спросишь теперь, где они.

Выписали ему новые, поставили печать об увольнении и отправили на дембель. Пришлось, однако, деньги на дорогу из своего кармана замполиту выделять. Как задним числом проездные выпишешь? Благо ехать не очень далеко, до Ферганской долины. Повезло, что скандала не случилось.

- А как родители? Что сына не хватились?

- Эх, Никита! Ты один в семье? И я один. А у того бойца,

братьев и сестер штук пятнадцать. И они постоянно, то рождаются, то женятся, то в армию уходят, то возвращаются. За всеми не уследить. Броуновское движение! Да и чего скандалить? Наверное, и не заметили отсутствие одного из многочисленных чад лишний год. И парню все едино, где овец пасти. Я тебе еще одну не менее веселую историю расскажу. В соседнем пехотном полку такая хохма произошла год назад! Подходит к замполиту солдат-туркмен и говорит: "отпусти домой, устал служить".

Тот ему: "Как отпусти? А воинская обязанность? А присяга? Гражданский долг каждого молодого советского человека, отслужить два года в армии! Ты Меред Мередов честно выполнишь свои служебные обязанности, и через два года поедешь к родителям!" А боец не унимается: "Я не Меред, я Сайдуло, это мой младший брат Меред. Я за него теперь служу!"

Начали разбираться, а туркмен рассказывает: "Пять лет назад призвали в армию, попал служить на Дальний Восток. Два года добросовестно лямку военную тянул артиллеристом. Дембельнулся. Приехал домой, а отец просит: Сайдуло, среднего Махмута призывают, но он ничего не знает про армию, а ты уже все умеешь. И здоровье у брата слабое. Отслужи, за него, а мы тебе пока калым соберем! И, поехал наш Сайдуло, на Урал, в стройбат. Через два года только возвратился, а отец вновь к нему: Сынок, Мерда в армию забирают, может, и за него отслужишь? Он жениться собирался. А я тебе с братьями дом тем временем построю!" Вот пятый год в сапогах ходжу! Все бы ничего (говорит), но каждый раз "молодой", да "молодой", "салага", "салабон". Вот если бы сразу "дедом" или "дембелем", то и за Мухтара б самого меньшего братишку, отслужил! А так нет, хватит! Устал. Дом мне отстроили, пусть брат сам служит".

Посмотрели, и точно! Фото в военном билете не его. Но кто там, в военкомате рассматривает. Чурка и чурка. Все на одно лицо. Мы для них тоже одинаковы, - белые. Посмеялись командиры, потихоньку съездил ротный, поменял братьев местами и делу конец. Еще и барашка в подарок от родителей, за молчание, командир получил.

***

- У меня во взводе парнишка- тукмен, Ташметов был. Хороший солдат. Жалко глаз ему выбило, и казаху Кайрымову горло перебило осколком, и Олежке Смирнову тоже глаз. Одна мина, а столько бед! - воскликнул Большеногин, вспоминая трагический подрыв на растяжке. - Туркмен, если в роте один, то это отличный солдат.

- Помню, глупо получилось, и откуда там "сюрприз" взялся? Ни наших, ни духовских позиций, обыкновенный холм, -

согласился Никита. - Ну да ладно, продолжу....

Глава 12. Предновогодняя драка.

Новогодние праздники в Туркестане выглядели довольно странновато. Нет и намека на снег, идут затяжные моросящие дожди, если повезет, то светит солнце, нет слякоти и грязи. Ни тебе елок с игрушками на ветвях, ни тебе Деда Мороза со Снегурочкой, ни снеговиков во дворе. Ни чего привычного...

Ромашкину как всегда не повезло. На совещании Незнающий довел приказ Бердымурадова: "В новогоднюю ночь замполиты рот развлекают солдат, организовывают досуг, праздничный ужин и прочие мероприятия".

Значит застолье, на которое после неудачного похода в Иран, его пригласил Хлюдов, само собой отменилось. Жаль, ведь вино и коньяк им совместно с Вовкой закуплены, а на званном ужине ожидали вкусные закуски и всевозможные салаты, приготовленные радушной хозяйкой, и их соседкой с томными глазами.

Шкребус самодовольно хмыкнул и потер от радости руки:

- Наконец-то этих бездельников приобщили к полезному труду! А то в прошлый год я дежурил, а в позапрошлый Шмер! Твой предшественник, Штранмассер, как старый капитан пользовался званием и возрастом припахивал нас, лейтенантов. Теперь и на нашей улице праздник! Хорошо когда моложе нас есть офицеры!

Никита обреченно посмотрел на сослуживцев и грустно вздохнул. Он молча размышлял про себя: "Ну почему, армия построена на таком принципе: старый или молодой? В начале службы солдатом он был молодой. Только отслужил год поступил в училище. Первый курс - вновь салага. Не успел стать старшекурсником, как выпустился за ворота Вуза, и вновь молодой, но теперь уже офицер. Потом станешь молодым майором, в последствии молодым полковником и перед пенсией молодым генералом. Если службы удастся. А если не удастся станешь вечным капитаном или старым майором. Нет, конечно, лучше бы оказаться молодым генералом, но карьерный рост, не от талантов зависит, а как судьба вывезет! И, кроме того, огромное значение имеют связи, а также гибкость и эластичность спины, да величина языка способного лизнуть все подряд начальству. Лизнуть и прогнуться! Эх, наверное, только маршалов молодых не бывает, одни ветераны -старики, да как им стать без войны?"

- Ромашкин! Ты чего молчишь и в ухе ручкой ковыряешь? Оглох? Барабанную перепонку проткнул? - рявкнул Шкребус. - Витя! Он явно игнорирует приказ начальства.

Шкребус выразительно посмотрел на тупо улыбавшегося Незнающего, прищурив черные угольки зрачков, требуя поддержки и утверждения судьбоносного для всего коллектива решения.

- Никита! Товарищ лейтенант! Ты уснул? - переспросил, улыбаясь Недумающий.

- В носу поковыряй, это приятнее, - хохотнул Ребус- Глобус, поглаживая свой пухлый животик.

Сослуживцы откровенно издевались, радуясь тому, что найден крайний на дежурство в самый лучший праздник в году. Кому захочется в новогоднюю ночь бродить по роте среди спящих солдат? Никому. Их радость можно понять. Никита на их месте бы тоже радовался. Он лишь предпринял робкую попытку увильнуть от почетной миссии:

- А может, кто добровольно пожелает быть ответственным 31 декабря? Вот, к примеру, Ахмедка - мусульманин. У мусульман Новый год кажется в апреле? А? Чего молчишь?

- Я не молчу! Я атеист. Для меня официальный праздник родной страны и есть Новый год! - ответил туркмен.

- Ишь, ты, видали его! Как жену покупать и сало не жрать, так сразу обычай, вера. Да еще что-то всегда бормочет перед едой. Наверняка молится, сволочь. А чуть что, он записной атеист! И водку пью, и праздники русские признаю.

- Ромашкин! Прекрати разглагольствовать. Это приказ замполита полка. Не отвертишься! Дежурят только политрабочие. Не нравится - меняй профессию, предложил Невидящий. - А сейчас займись делом: составь план работы на праздничные дни, конспект беседы, подготовь список увольняемых, на выходные. Все офицеры свободны кроме Ромашкина. Счастливо дежурить и праздновать.

Офицеры весело высыпали из канцелярии и дружно побрели в каптерку, выпить на дорожку.

- Никита, пойдем тоже хлопнем по стакану водки! - предложил Шмер, обращаясь к приятелю. - Зальешь неудачу, поднимешь настроение.

- Эх, горе-злосчастье! - вздохнул расстроенный Никита. - И почему такая напасть? В карауле в караулах два раза выпадало стоять, в наряде по роте тоже один раз у тумбочки дежурил. По человечески только на стажировке отмечал. Не везет мне со Снегурочками!

- Ты просто, наверное, в разгильдяях в училище числился. Не иначе! хмыкнул Шкребус. - Исправляйся! Будь дисциплинированный!

Шмер оскалил самодовольно зубы, почесал зеленое ухо, и

прикрикнул:

- Ну, ты идешь? В третий раз не зовем!

- Иду, иду, алкаши чертовы!

Никита собрал бумажки в папку, тетрадки сунул в стол и живо догнал приятелей спускающихся по лестнице в подвал. Успею нацарапать отписку для начальства, подождут бумажки, не убегут.

- Никита не грусти. Первое января - тоже праздник. Отдежуришь и приходи в гости. Допьешь, что не допили, доешь, что не доели! Ха- ха, - успокаивал, веселясь и издеваясь Шкребус.

- Сам жри свои объедки, обойдусь без тебя! - огрызнулся Ромашкин.

Глобус и Пелько быстренько выпили и, закусывая на ходу яблоками, радостно переговариваясь, заспешили к заждавшимся женам.

- Поехали сейчас в город за спиртным? - предложил Шмер чтоб отвлечь от грусти дружка. - Купим еды разнообразной, фрукты, овощи. Мяса выберем на завтрашний шашлык!

- Поехали, - согласился Никита. - Сейчас договорюсь с Ахметкой, чтоб поболтался по казарме, последил за порядком, и в путь.

Два часа в беспрерывных поисках деликатесов подходили к концу. В сетках теснились яблоки, гранаты, мандарины, виноград, зелень. Раздувшийся, словно цистерна дипломат, булькал набором спиртного: водкой, шампанским и коньяком. Мясо разыскали, пусть не лучшего качества, но на шашлык пойдет. Хорошо, что вообще его нашли!

На рынке им попался лейтенант Лебедь, который навязался в компаньоны и уже ни на шаг не отставал. Он прикупил всевозможных консервов и картофеля. О! О ней, картошечке, приятели чуть не забыли.

- Хватит! Я из сил выбился! - взмолился Шмер. - Пора сесть в пивнаре и отдохнуть. Сколько мы торговались, я столько в жизни не болтал! За копейку спорят гады, удавиться готовы!

Рыночная пивнушка-пивбар, оказалась переполненной недоброжелательными, разномастными людишками. Приятели ввалились в мрачное заведение, и попали под перекрестный прицел неприязненных глаз аборигенов и заезжих бичей с "химии". "Каторжные" и "басмаческие" рожи, с напряжением следили за неспешным отхлебыванием офицериками кислого пенного пойла. Воздух был наполнен запахами пота, грязной одежды, прелых опилок валяющихся на полу. Два окошечка почти не давали света сквозь засаленные стекла. Тусклые лампочки под потолком едва мерцали сквозь табачную дымку. Заплеванный

пол, затертые стены, стойка с краном и толстым туркменом, возвышающимся над ней. Две пустые бочки стоящие одна над одной и угрюмый бармен, заполняли собой трехметровое пространство позади прилавка. Ни сантиметра пустоты. Казалось, этого мужика за прилавок, вставляли подъемным краном, так там было тесно.

Хозяин стойки тупо смотрел в дальний угол и жевал насвай. Крупный подбородок и мясистые щеки шевелились в такт жевательных движений челюстей. Бессмысленный взгляд не выражал никаких эмоций. Рука лежала на ручке крана и время от времени поворачивала ее, наполняя подставляемые кружки и банки, а другой рукой одновременно ополаскивались под тонкой струйкой холодной воды, грязные. Ни одного лишнего движения, настоящий пивной автомат.

- Опять, буфетчик стирального порошка добавил в бочку! Гад! - сдувая густые хлопья пены с бокала, громко произнес, возмущаясь, Лебедь.

Невозмутимый бармен никак не отреагировал на эту реплику Белого, его равнодушное лицо оставалось по-прежнему окаменелым и безразличным. Офицеры, морщась, выцедили кислятину из кружек и, вздохнув, направились к выходу. Лебедь захватил со стола откупоренную, но так и не начатую бутылку водки. Это заведение никак не располагало, для продолжения банкета. Компания дружно решила отправиться в ближайшую лагманную, и там под шурпу выпить по рюмке.

Внезапно шедшему первым Лебедю преградил путь небритый громила с мутными глазами наркомана. Его тяжелый взгляд не предвещал ничего хорошего, а огромные кулаки с татуировками на руках угрожающе сжались.

- Стой! Куда прешь! - прорычал "химик". - Не видишь, человек стоит?

Лебедь покрутил головой по сторонам в недоумении.

- Где?

- Что, где? - не понял и переспросил громила.

- Где человек? - уточнил вопрос Белый.

- Шутишь офицерик, насмехаешься?! Издеваться вздумал! - воскликнула рожа, неопределенного возраста и национальности (то ли кавказец, то ли метис).

"Химик" явно затевал скандал, для этого он конечно и встал на пути офицеров. Обойти не возможно, мешают столы, а отойти в сторону, уголовный элемент, и не собирался. Компания четырех его собутыльников сидела и внимательно наблюдала из угла прелюдию к драке, изготовившись, броситься в бой.

Лебедь внезапно полез на рожон:

- Водки хочешь?

- Хочу! - осклабилась вставными железными зубами рожа в шрамах, и ухмыльнулась самодовольно и нагло.

- На, пей, мурло! - спокойно и без эмоций, ответил Белый, приподняв бутылку за горлышко, на уровень бандитского лица бродяги.

Затем лейтенант, молниеносно подкинув, перевернул бутылку, подхватил ее в воздухе за горлышко и резко, с силой саданул по голове наглеца. Бутылка жалобно звякнула и разбилась. Часть осколков осыпалась, а часть впилась "бичу" в массивный лоб. Из рассеченной кожи брызнули струйки крови и перемешались с растершейся водкой. Белый резко подпрыгнул и ударил каблуками сапог в грудь покачивающегося ошеломленного и вырубленного бандита.

- О-о-кхт! - клекотнул горлом гигант, выдыхая через рот остатки воздуха, и массивно громыхнув, рухнул в проход. Лебедь зашел на него как на постамент и оглянулся на вскочившую с мест шайку.

- Сидеть суки! Всех попишу! Изуродую!- рявкнул Белый. - Не двигаться! После подберете эту свою падаль.

Он выхватил из внутреннего кармана шинели нунчаки, с которыми никогда не расставался, а второй рукой погрозил "розочкой" разбитой бутылки.

- Не советую рыпаться! Двоих самых дерзких сразу уложу! Ша! Гопота! Не дергаться! - визжал Лебедь, все более распаляясь. - Сидеть "бичи"!

При этом он несколько раз подпрыгнул на безжизненном теле, которое после каждого прыжка непроизвольно всхрапывало воздухом, вырывающимся из легких. Бармен бросил напряженный и растерянный взгляд на офицеров и скрылся под стойкой, сдвинув с грохотом при этом бочки. Несколько кружек слетев под прилавок, со звоном разбились. Привставшая с места ватага, медленно присела на скамейки и замерла. Пожилые туркмены за двумя дальними столиками, бессмысленно взирали на офицеров и ожидали продолжения представления, в виде массовой драки, молодые же азиаты, возмущенно роптали.

Лебедь запрыгнул на стол, громко стукнув коваными сапогами по дереву. Столешница скрипнула, но не сломалась.

- Мужики, быстро на выход!- Зашипел сквозь зубы Белый. - Я прикрываю отступление! Живо, не каменейте! Шагайте прямо по этому пугалу, без церемоний.

Ромашкин торопливо вышел на улицу, вытирая пот со лба рукавом шинели. Шмер же, наступив правой ногой на живот поверженного противника, левой с удовольствием приложился

попутно в промежность.

-О-у! - подал признаки жизни валяющийся, и взвыл с надрывом. - У-у!

Никита, заглянул обратно, беспокоясь за распалившегося от гнева Белого, а Лебедь вновь спрыгнул сверху на живот попытавшегося приподняться бича. Голова того со стуком вновь ударилась об бетонный пол.

- Надеюсь, я ему грудь проломил основательно. Как пить дать, пять ребер сломал. - Счастливо улыбнулся Лебедь. Не пить ему пива полгода, а то и больше!

- Игорь! Хватит болтать! - воскликнул Ромашкин. - Бежим отсюда, пока нам кости бандюги не переломали.

Офицеры завернули за угол и мигом проскочили два квартала отделяющие их от остановки маршрутки. С полными сумками бежалось тяжело, но желание продлить жизнь придавало ускорение. Грязь под сапогами разлеталась в стороны, обрызгивая живо расступающихся туркменов, которые, возмущаясь, что-то недовольно кричали в след. На свежем, чистом воздухе дышалось легко, и даже мелкий моросящий дождь не раздражал. Наперерез офицерам спешили две женщины, громко ругаясь с несколькими молодыми азиатами, которые отпускали сальные шуточки и пытались погладить и пощупать беглянок за упругие задницы.

- Ребята! Помогите отделаться от этих нахалов! Дикари какие-то! Пристали спасу нет! - взвизгнула одна из них, одетая в кожаный плащ и высокие черные сапожки. Копна черных волос развивалась на ветру, а карие глаза яростно метали молнии. Вторая молодая женщина в короткой курточке и короткой юбочке выше колен, толкала в грудь одного из наседавших молодых хамов.

- О-о-о! Аборигены! Вы попали в переплет! Я как раз тот, кто сумеет обучить вас хорошим манерам! - заорал Лебедь обрадованный возможности подраться еще раз. Лейтенант одним ударом расквасил нос ближайшему, а второй успевший развернуться тылом, получил звучного пинка выше спины в позвоночник. Почти одновременно челюсть третьего, приняла мощный "ласковый" кулак Белого и громко хрустнула.

- У-у! - Взвыли в три голоса парни и быстро ретировались.

- Ну, и денек! Давненько я так не шалил, не развлекался! - воскликнул Лебедь.

- Уф-ф! Вы наши спасители! - громко защебетала блондинка, та, что была в короткой юбке. Один из наглецов успел ее несколько раз хапнуть по бедрам, колготки на ней порвались и поползли "стрелки".

- Сволочь! Такие дорогие колготки испортил! - возмутилась

она, но вы ребята вовремя подбежали. Я думала, нас изнасилуют прямо на улице.

- Нинка! Не надо было такую короткую юбку одевать! - Взвизгнула ее чернявая подруга.

- Ладно тебе Вика! Не изнасиловали же! Или ты наоборот расстроилась?

- Дура! Спасибо еще раз ребята! - сказала та, что была Викой. - Я готова вас всех расцеловать!

- Эх! Ты! Разве так благодарят спасителей! Вот я их отблагодарю как надо! Ребята приходите к нам в гости на Новый год! Я мужу расскажу, какие вы герои. Будем вам рады! А тебя, я обязательно поощрю, как-нибудь! - очень заманчиво и многообещающе сказала блондинка-Нина, нашему герою-Лебедю. Она погладила лейтенанта по разгоряченной щеке, и одновременно, почему-то хитро подмигнула Ромашкину.

- Нинель! Ну, беда с тобой! Благодарная ты моя! - усмехнулась Вика. Прямо тут не начни их поощрять!

- Тебе то что? Не свое, не экономь! - хохотнула Нина и сверкнула призывно похотливыми глазами.- Едва не изнасиловали, проклятые! И как в город без кавалеров ездить?

- У тебя одно на уме, с кем пошоркаться! На самом деле, обрадовалась бы, наверное, кабы тебя за ноги, урюки в кусты сволокли! - воскликнула строгая подруга и велела садиться в маршрутку.

Офицерам к их неудовольствию места в машине не хватило, и они растерянно замерли у дверцы.

- Ребятишки! Приходите на Новый год! Дом семь, квартира тридцать. Обязательно! - произнесла Нина и вновь состроила многообещающие глазки.

- Придем! Обязательно придем! - обрадовался Лебедь приглашению и радостно потер сбитые в кровь костяшки кулаков.

Машина уехала, подпрыгивая на ухабах лязгая рессорами и коптя воздух некачественным бензином, а офицеры стояли, смотрели ей в след и улыбались.

- Да!!! Не зря я дал в морду, и урке, и чуркам! Чувствую, что мы отметим праздник не только хорошей выпивкой, но и легким расслаблением организма, - произнес счастливый Лебедь. - А черненькая ничего, хороша. Забиваю очередь! За мной не занимать! И блондинка ничего! Хочу обеих, но поделюсь с друзьями!

- И мне захотелось! - Произнес Шмер, облизнувшись и потеребив зеленую мочку правого уха. - Мне веселая Нинель, больше понравилась. Она моя. Все остальные брысь в сторону.

Последнее касалось Никиты, так как больше ни кого рядом не

было.

- Отмечай праздник в солдатской семье, с ротой, - вновь ухмыльнувшись, молвил зеленоухий взводный.

- Как тяжело быть лейтенантом, - тяжело вздохнул Ромашкин. - Опять молодого обидели и обделили.

- Не переживай "салага", авось что-нибудь и тебе обломится. Надейся на третью подружку, либо после нас! - воскликнул Лебедь (он лейтенантом служил второй год), и с наслаждением потянулся до хруста в суставах. - Вот это развлеклись сегодня! До чего же я люблю рукопашную! Кого бы еще побить? Может, вернемся в пивную, поищем?

- Иди к черту, искатель приключений,- отмахнулся Ромашкин. - Мне только не хватало встретить Новый год в КПЗ. И без того, с начальством напряженные отношения. Уймись.

В это время подъехал второй, последний рейсовый "Рафик", и друзья быстро загрузились в машину.

Глава 13. Новый год.

Никита, несмотря на досадное выпавшее, на его долю дежурство, не унывал. Он жил по принципу: находить во всем хорошие моменты. Так как попытки изменить решение командования и увильнуть от ночевки в казарме, обречены на провал, значит нужно предпринять меры к созданию праздника на рабочем месте. Ромашкин персонально для себя, помимо "централизованной" заготовки спиртного приятелями, прикупил в городе две бутылки шампанского, ром, Токай. Коньяк привез очередной солдатский родитель. Пусть и не "Арарат", но и не "Тбилиси". Настоящий "Белый Аист!" доставленный из веселой Молдавии. Вот ведь интересно как получается, вино в Грузии великолепное, а коньяк у "генацвали" создать не получается. За год дегустаций напитков из национальных республик, Никита расставил коньяки по своему ранжиру. Во главе понятное дело армянские. Далее, молдавские, затем дагестанский, узбекские, ставропольские, туркменские, грузинские, грозненские, кабардино-балкарские, киргизские. Последнего, и совсем не почетного места, удостоились азербайджанские коньяки. Почему-то именно они лейтенанту менее всего понравились. "Бакы"- ну какая же это гадость! Такой напиток коньяком может назвать лишь мазохист с извращенным вкусом! Возможно, настроение в день дегустации этого "Бакы" было плохое, и отсюда последнее место, но что-то было в напитке не то. Отдавал бормотухой. Видимо немного лишнего украли, и разбавили бочку суррогатной дрянью.

Никита раскрыл дверцы скрипучего шкафа и выставил бутылки в стройный ряд, на верхней полке. Туда же положил

коробку, в которой теснились ароматной грудой фрукты: апельсины, яблоки, мандарины, гранаты. Полезно, для восстановления организма витаминами, после атаки на него спиртным. В алюминиевую армейскую тарелку высыпал конфеты и небольшие шоколадки. На подносе свежий торт (с трудом, но удалось отразить его штурм приятелями и не дать сожрать по дороге в гарнизон). Внизу на полке стоял ящик полный грецких и земляных орехов. Еще один десерт. Вообщем сплошной десерт, а поесть нечего. Лейтенант в раздумье потеребил нос, достал из кармана складной ножик и мелко нарезал лимон. Но и это не пища. В канцелярию осторожно заглянул сержант Наседкин и спросил, смешно шевеля разодранной пополам в детстве губой.

- Товарищ лейтенант, я из наряда по кухне пришел. Дежурный по столовой спрашивает, Вам картошечки пожарить или не нужно?

- Обязательно Серега, иначе я с голоду помру!

- А рыбки принести?

- И рыбки непременно доставить, и зеленых помидоров, и соленых огурчиков.

- Есть доставить! Я мигом! - ответил исполнительный сержант и умчался в столовку.

Через пятнадцать минут, к великой радости Никиты, огурцы, помидоры и капуста уже стояли в шкафу в мисках.

Внезапно в коридоре раздалась команда смирно. Лейтенант испуганно захлопнул шкаф и побежал докладывать начальству. Это был комбат. Алсын пребывал слегка под "шафэ", и в прекрасном настроении, видимо получил перед праздником причитающиеся от "работорговли" выплаты от аборигенов.

- Ага, Ромашкин, на месте находишься, это хорошо. А то я зашел этажом выше, а Хлюдова нет. Взводного за себя оставил. Подумаешь, птица столичная москвич, блатной министерский сынок! Наглец! Приказ нарушает, понимаешь ли! И Колчакова на месте нет почему -то.

- Наверное, ужинать пошел, товарищ подполковник. Я его недавно видел, соврал Никита, выгораживая товарища.

- Ну ладно, попозже зайду, проверю его опять. А как у тебя в роте обстановка?

- Все нормально, без происшествий. Наряд по столовой через полчаса придет, остальные смотрят телевизор. В 21.00 праздничный ужин и отбой. Завтра мероприятия в соответствии плана: лекция, беседа, футбол, кино.

- Хорошо, молодец, понимаешь ли. А как порадуешь комбата, чем поздравишь? Зачем ты мне о мероприятиях болтаешь? О них тебя Рахимов пусть пытает!

- М- м- м, - замялся в нерешительности Никита. Разрешите предложить коньяк?

- Нет, я его не люблю, он воняет. Понимаешь ли.

- Тогда и ром предлагать не буду.

- Правильно, не предлагай! Облисполком. (Как читатель заметил, у комбата в речи присутствовали два слова паразита: облисполком и понимаешь ли). Водка есть? - Алсынбабаев уставился узкими хитрыми глазами на лейтенанта и упер руки в тучные бока.

Никита вновь замялся в нерешительности. Водка в принципе была, но не его, а ротного. Да и стояла она в командирском сейфе.

- Ну чего топчешься как мерин в стойле? Есть?

- Есть немного.

- Так наливай, не жмись! Понимаешь ли!

Ромашкин открыл ключом сейф и достал поллитру.

- Ого! Немного! Я что, слон? Полная бутылка, а он говорит немного. Ох, Ромашкин, оправдываешь свое прозвище - Рюмашкин.

- Да, это ребята шутят, я водку вообще мало пью.

- Мало, мало... От ведра мало отхлебываешь? Наливай!

Никита откупорил бутылку и налил комбату стопку до краев, поставил на стол тарелку с маринованными помидорчиками и быстро нарезал колбасы.

- А ты что, так и будешь смотреть мне в рот? Бери стакан!

Никите пришлось налить и себе пол стакана.

- Полный наливай, лейтенант, с комбатом пьешь! Краев не видишь?

Ромашкин вздохнул и долил.

- Ромашкин! Поздравляю тебя с Новым годом! Понимаешь ли! Желаю тебе стать настоящим офицером и всего самого наилучшего, понимаешь ли! Вот так! Облисполком!

Закончив говорить речь, Алсын плеснул стопку в бездонную глотку. Затем

комбат крякнул, съел огурчик, обтер усы, и хитро улыбаясь, потянувшись, зацепил криволапой рукой бутылку со стола.

- Ты сегодня ответственный, поэтому водку конфискую. Не ровен час, напьешься и завалишь дело.

- Какое дело? - не понял и переспросил Никита.

- За порядкой следить! Запомни лейтенант! Порядка сама не приходит. Ее надо наводить ежедневно и ежечасно! И еженощно! Понят-тна?

- Понят-тна! - шутя, передразнил Ромашкин, предполагая, что в веселый сегодняшний праздник, эта ирония допустима.

- Лейтенант, ты чего дразнишь мой акцент?

- Нет, мне просто нравится это Ваше выражение: облисполком. Звучит слово очень красиво и внушительно. Между прочим, товарищ подполковник, бутылка не моя, ротного.

- Передай привет ротному, и мое персональное спасибо, за водку!. П-понятна?

- Так - точно! П-панятна!

- Юморист? У меня сегодня настроение хороший. Накажу в следующий раз, завтра. Точнее в новом году!

Комбат довольный своей шуточке вышел за дверь, а Никита принялся размышлять о превратностях судьбы: "хотел как лучше, а теперь придется водку ротному возвращать".

Через некоторое время заявился замполит батальона. Рахимов намекнул, что не прочь выпить с подчиненным коньячку. Выпили. Пока разговаривали, держа вторую наполненную порцию, в канцелярию ворвался начальник штаба:

- Вот так! Уже пьет! Лейтенант! Я кому вчера говорил быть трезвым как стекло?

- Ну, мне.

- А без "ну", товарищ лейтенант?! Не запряг, не нукай!

- Уймись Мирон, это я его подбил на мелкое нарушение дисциплины! успокоил Рахимов своего товарища.

- Ага, я ж не сам изъявил желание выпивать! - обрадовался заступничеству Никита. - А перед этим приходил комбат и тоже меня с толку сбивал. Вы коньяк будете?

- Нахал! Я его ругаю, а он меня споить пытается! - возмутился майор. Я на дежурстве!

- Не хотите коньяк есть шампанское. Это в принципе почти не спиртное. Будете?

- Хорошо. Шампанского наливай, но не в рюмку же. Стакан есть? - скривил физиономию Давыденко.

- Так точно!

Никита полез в тумбочку достал граненый стакан, ополоснул водой из графина и протянул начальнику штаба.

Майор Давыденко, тем временем, сам по хозяйски откупорил бутылку шампанского и наполнил подставленный стакан.

- С Новым годом! За укрепление воинской дисциплины! - произнес с усмешкой Рахимов и выпил, причмокивая пухлыми губами свою порцию коньяку.

Начальник штаба бесцеремонно и по хозяйски наполнил карманы шинели орехами, выбрал самое крупное яблоко, апельсин и молча удалился прочь.

- Вот человек! Все настроение испоганил своим гнусным видом! возмутился Никита. - Обругает, плюнет в душу, нагадит и

счастлив от этого. При всем при том, еще и ограбил, мародер. У-у- у! Рожа, шилом бритая!

- Прекрати болтать о старшем начальнике в присутствии другого начальства! - оборвал тираду Рахимов. - Не переживай, такой он тяжелый человек, принципиальный. Он даже спит и служба снится. Как говорится, на жене лежит, а дисциплинарный устав в уме пролистывает. Службист и очень хороший офицер, в отличие от вас, молодых балбесов.

Рахимов попрощался, пожелал удачи, а Ромашкин допил оставшуюся половину откупоренной бутылки шампанского, чтоб не выдохлось, и внезапно почувствовал себя очень хорошо. Настроение поднялось и заметно улучшилось. Он продолжил размышлять: "Ну и что из того, что дежурю, какая разница, где и с кем пить. Конечно, одному немного грустно, но ведь можно позвать с первого этажа приятеля - Колчакова. Вадик, душа-человек! А можно выпить, чокнувшись с зеркалом". Этот вспомнившийся из литературы, старый способ, внезапно пришедший на ум, Ромашкину так понравился, что он встал из-за стола, плеснул в рюмку чуток рому, и стукнул ей по зеркалу, об отображающуюся рюмку импровизированного собутыльника, подмигнул, произнеся в слух:

- Ваше здоровье, Никита Александрович, долгих лет жизни! Счастья и здравия! Расти большим, во всех местах!

Никита хмыкнул и в два мелких глотка, наслаждаясь ароматом, выпил рюмаху, нового на сегодняшний вечер напитка. Полегчало еще больше.

"Ну, в самом деле, чего мне сидеть дома в Новый год? К Хлюдовым пойти было б занятно, но больно ласково глядит его жена, ластится как кошка, не было б скандала! Идти нажраться в общагу - не велико удовольствие. Наверняка праздник закончится потасовкой и массовым блевом в туалете. А так бойцов уложу спать, "телик" притащу в канцелярию, и просмотр концертов до утра. Надо будет какую-нибудь постоянную бабищу себе завести, что-ли, тогда и отдых разнообразится. Какой - никакой, досуг появится. Иначе это не жизнь, а какая-то ссылка в пески Каракум! Каторга на соляных копях.

Дверь приоткрылась, и в нее прошмыгнул Колчаковский.

- Ты чего Вадик? - удивился Ромашкин. - Гонится кто?

- Это я от начштаба спрятался. Надоел. Ему делать не хрен, он у меня в канцелярии сидит, в шашки играть заставляет. А я их терпеть не могу. Наливай, а то уйду!

- Э, не пужай меня, а то руки со страху задрожат, ром разолью! Уйдет он, вишь-ли! Ходи в дверь, взад. Испуганный.

- В дверь или взад? - поинтересовался насмешливо Вадим.

- К барьеру! Бери стакан с ромом! - приказал Никита все более нетрезвым голосом, и тоном, не допускающим возражений.

Приятели уселись за стол и моментально ополовинили бутылку.

- Ох, и хорош кубинский ром! - выдохнул Колчаков с наслаждением ароматные пары спиртного. У! Прелесть! Особенно с копченой колбаской и под ядреную сигару.

Вадик по хозяйски расположился, пристроив зад на тумбе, протянув длинные ноги. На стол закинуть их было не удобно, поэтому он их положил на стул. Гость поковырялся в пачке, достал за неимением сигары сигаретку, прикурил и принялся пускать кольцами противный сизый дым.

- Как отвратительно! - воскликнул Никита. - Ведешь себя как свинья и хам. Явился с пустыми руками, пьешь мой ром, вонючие сапоги задрал выше головы, да еще и куришь! А мне тут ночью спать! Голова разболится к утру!

- Э-э-э! У тебя приятель, башка будет не болеть, а трещать! И, совсем не от табака, а от коктейля. Я смотрю по откупоренной посуде, шампанское, ром, коньячок ты сегодня уже отведал? Ох, и тяжко придется тебе. А как пойдешь на доклад к начальству?

- Так мы вместе пойдем! Ты будешь говорить, а я буду рядом стоять и молчать. В крайнем случае, с умным видом кивать головой.

- Лучше и не кивай, умного вида уже все одно не придашь, потому что, твоя рожа покрылась багровыми пятнами, а разит от тебя как от винной бочки. Собирайся, пойдем к замполиту. Авось, Бердымурадов не заметит, что мы употребили. И лучше поскорее пока нас не развезло.

На часах было: час до полуночи. Всего один час до наступления очередного нового года. Ромашкин еле- еле переступал ногами по асфальту и размышлял. "Что нового он принесет? Этот год был отмечен радостным событием: выпуском из училища, офицерским званием. А в следующем что ожидает?" Никита брел, хлюпая сапогами по широким лужам. Брызги разлетались высоко и далеко в стороны. Полы парадной шинели быстро намокли, поднимать ноги и не хлюпать, не было ни сил, ни желания. Добрести до штаба и не упасть, и то хорошо!

Замполит ничего не заметил. Мало того, что он был туркмен, так еще и контуженный в Афгане. Поэтому Бердымурадов, если и выпивал даже сто граммов водки, то соображал после этого очень плохо. Для него был главный показатель дежурства - прибытие офицера. Напротив фамилии в списке ответственных, подполковник, прилагая усилие, чтоб попасть в нужную графу, ставил крестик, и отправлял в подразделение. Некоторые не

пришли, и вот с ними он пытался воевать. Звонил по телефону, посылал посыльных, матерился на русском и родном языках.

Никита и Колчаков вышли из кабинета и поспешили в батальон. По дороге обратно им повстречался Давыденко с Власьевым, дежурным по 9 - й роте. Майор громко обругал лейтенантов, что те его не дождались, а он их разыскивает и теперь оба виноваты в его опоздании.

Начальник штаба, убегая, пообещал позже наказать лейтенантов и, продолжая материться, умчался по аллее.

- Козел рогатый! - негромко, но зло произнес Вадик.

- Почему ты так думаешь? - спросил Никита, тупо уставившись на товарища.

- Потому что знаю. Это я ему рога наставил. Сам лично и с превеликим удовольствием. И не далее как два часа назад, пока он меня разыскивал в казарме!

- Удовольствие получил только от самого процесса наставления рогов или и его жена действительно хороша?

- Хороша. Активистка. Любит страсть как это дело и подходит к процессу творчески. А Мирон, как баран любит службу. Теперь рога у него, аж закручиваются в трубочку. Я бы и сейчас к ней сбегал, да боюсь, он заскочит домой поздравлять супругу с Новым годом. Не хотелось бы оказаться вторым у одной бутылки шампанского. Он ведь чокнутый и бешенный.

Никита молча прошел до поворота, на ходу переваривая пьяными мозгами полученную информацию, и силясь понять: "Зачем это Вадику, почему так все пошло! А в то же время подленькая мыслишка пульсировала, и почему не я на его месте?"

- Никита! Давай хулиганить! Чего мы скучаем в праздничную ночь? воскликнул вдруг Колчаков.

- А как? Что ты предполагаешь сделать, Вадик? Набить морду замполиту полка? Угнать дежурный тягач? Пострелять в воздух из автоматов? Поджечь артиллерийские склады?

- Зачем ты сразу сгущаешь краски. К чему такие крайности. Простой фейерверк устроим! У меня есть четыре ракеты красного и зеленого огня. Запустим их на плацу?

- А у меня припрятаны два взрывпакета и граната, - обрадовался идее приятеля Никита. - Ка-а-ак бабахнем!!!

- Но-но! Без извращений. Достаточно взрывпакетов. За гранату могут к ответственности привлечь, а за салют только выговор влепят, если поймают.

Лейтенанты, качаясь и заплетаясь в непослушных ногах, заторопились еще быстрее к казарме. Там они залезли в свои "загашники", извлекли припрятанную пиротехнику и вышли на плац. Когда стрелки часов отсчитали ровно двенадцать, офицеры

дружно рванули за колечки, и ракеты взметнулись с шипением в высь. Спустя мгновения они с шумом хлопнули, и яркие разноцветные вспышки озарили небо. Тотчас в ночное небо была отправлена следующая пара сигнальных ракет.

Кто-то крикнул ура, кто-то возмущенно закричал, требуя прекратить безобразие, а кто-то тоже пустил из кустов и открытых окон новые ракеты. Никита побежал с плаца в батальон, а Вадим в противоположную сторону, к городку, наверное, решился навестить жену Давыденко. Лейтенант на секунду приостановился возле чугунных "пепельниц", поджег взрывпакеты и швырнул их внутрь. Едва Никита скрылся за дверями, как мусорные вазы разразились страшным грохотом. Столбы искр и огня взметнулись вверх, увлекая за собой лежавший на дне мусор. Окурки разлетелись вокруг крыльца, а газета, словно большая птица с подбитыми крыльями, спланировала на кустарник.

На плац примчался не совсем адекватно воспринимающий обстановку замполит полка и дежурный. Они некоторое время попытались обнаружить тех, кто запускал ракеты, но поиски оказались тщетны. В это время бахнуло еще несколько взрывпакетов в районе штаба полка, и оттуда же взлетела ракета, рассекая ночное небо белым бледным огнем. Она хлопнула яркой вспышкой и стала медленно опускаться на парашютике за пределы полка в жилой городок. Это резвились штабные писаря, обрадованные отсутствию начальства. Подполковник развернулся и, качаясь, нетвердой походкой направился обратно, наводить порядок в штабе.

Никита пару минут наблюдал эту картину из окна. А когда в гарнизоне постепенно стихло, и салют иссяк, налил в жестяную кружку шампанского и выпил ее до дна, пожелав сам себе счастья и любви в Новом году.

Затем Ромашкин вышел из канцелярии, приказал дневальному перенести к себе в кабинет телевизор и пошел по темной казарме проверить бойцов. Усталые солдаты спали "мертвым" сном. Умаялись бедняги за день. Праздничный ужин завершили в двадцать два часа, а боя курантов ни кто ждать не пожелал. Богатырский храп раздавался из разных углов, порой кто-то что-то бормотал на русском, узбекском, азербайджанском или еще каком-то языках. Портяночный далеко не ароматный запах, витал крепко и устойчиво, дух который сшибал с ног. И без того мутило, а, вдохнув эту "вонь", Никиту и вовсе выбило из равновесия. Голова закружилась, к горлу подкатил тошнотворный комок. Лейтенант рванулся в туалет, и все что съел и выпил в течение долгого вечера, фонтаном вырвалось наружу, испачкав унитаз.

Отойдя от него, подышать к окну, Ромашкин вдохнул несколько раз свежий воздух, но новый позыв рвоты перекинул его тело через подоконник. Бежать в туалет было поздно, и лейтенант облегчил желудок туда, куда пришлось, на ближайшую клумбу.

Никита еще несколько минут шумно порычал в темноту, пугая ночных птиц и бродячих кошек, а затем сознание окончательно покинуло его.

Дежурный по роте довел до канцелярии, уложил в койку, стянул сапоги, укрыл одеялом, и вышел, плотно притворив дверь.

Удовлетворившийся обильной женской лаской, Вадим объявился через час, с шумными воплями "мартовского котяры", и громким топотом. Он напевал веселую песенку, желал поделиться радостью с другом но, войдя в канцелярию, с удивлением обнаружил громко храпевшего приятеля, валяющегося в грязных сапогах на койке. Шинель самого Колчакова была перепачкана глиной, оттого что, убежав с плаца, в сторону столовой он, поскользнулся и плашмя шмякнулся в грязь. С сожалением, поглядев на крепко спящего приятеля, Вадик достал из приотворенного шкафа бутылку с остатками рома, допил из горлышка содержимое и отправился восвояси.

Новый год успешно и победоносно шагал по стране, сшибая с ног миллионы жителей. Советские трудящиеся поедали тонны салата оливье, селедки под шубой, выпивали цистерны водки и шампанского, либо тупо смотрели "Голубой огонек", либо пели и танцевали. Какая - то, самая счастливая часть общества, предавалась страсти любви. А наш приятель Ромашкин, пребывал в прострации, совершенно ничего не соображая. История "перестройки" начинала писаться без него.

***

- А я, дважды Новый год в Афгане встречал, и оба раза в горах! воскликнул Большеногин. - Помнишь Никита, тогда еще моя БМП подорвалась, а после ротного ранило и девять бойцов...

- Помню! Я тогда в эфир рявкнул п...ц Большеногину, а комдив меня обругал! - воскликнул Никита - Жалко Вовку Киселева! Хороший был парень! Вернулся после ранения и нашел свою смерть от снайперской пули....

- Помянем ротного! - предложил Большеногин.

- Вася, а ты застал Киселя? - спросил Никита у Котова.

- А как же, конечно. Но толком и познакомиться не успел, в первый мой рейд он и погиб...

- Ладно, продолжаю далее байку, - произнес Ромашкин...

Глава 14. Сумасшедшие гости.

Утром Никита, едва пробудившись, покачиваясь на нетвердых

ногах, вихляющейся походкой покинул казарму. В голове гудело, череп трещал, кости ломило, и в глазах стояла пелена. Хорошо вчера встретил Новый год, нечего сказать.... Не вписавшись в дыру в заборе, лейтенант сильно ударился плечом и ребрами.

- Черт! Понастроили заборов, пройти не возможно! - возмутился в слух лейтенант.

В парадной шинели и кителе он оказался гораздо шире узкого лаза. Пришлось раздеться и пролезать в лаз, взяв шинельку в руки. Продравшись, наконец, наружу, в городок, он плюхнулся на колени и измазал галифе. Громко матерясь, утопая в грязи, Никита добрался до квартиры. Он долго искал ключи, а когда сумел их достать в одном из многочисленных карманов, несколько минут тщательно целился попасть в замочную скважину. Усилия были тщетны. Все попытки оказались не удачны - стыковка не произошла. Осознав, что войти тихо в дом не удастся, Ромашкин повернулся спиной к двери, и начал колотить каблуками по ней.

- Шмер! Мишка! Шмер! Открой сволочь! Открой! Хватит спать.

Дверь внезапно отворилась и силой ударила в спину Никиту. Лейтенант слетел с верхней ступени и упал во дворе на четыре точки.

- Кто тут? - спросил кто-то сверху.

Лейтенант обернулся и увидел стоящего с закрытыми глазами солдата Кулешова. Тот тер лицо кулаками и силился разомкнуть слипшиеся ото сна веки, продолжая глупо бубнить:

- Хто тут орет? Чаво надо? Хозяева сплять!

- Кулешов, скотина, это я! Хозяин квартиры и твой начальник! взвизгнул разозленный Ромашкин и, подскочив к курсанту, оттолкнул этого непутевого Шмеровского ординарца.

- Совсем офонарел? Военный! Глазищи протри! - Никита потряс за грудки не желающего просыпаться бойца. Солдат шмякнулся на диван, стоящий в углу веранды и что-то пробормотал, оправдываясь в ответ.

Ромашкин через секунду уже забыл о нем. Лейтенант снимал на ходу сапоги, судорожно стряхивая их со своих ног, стараясь быстрее добраться до заветного дивана. Грузно плюхнувшись на него, он слегка придавил храпящего Шмера, свернувшегося в клубок под простыней.

- У-у! Сволота! - взвыл сонным голосом взводный и отодвинулся на край к стене.

- Ты, почему спишь на моем диване гад?! Еще и курил лежа? Марш отсюда, свою койку!

Шмер громко засопел и не ответил. Освобождать лежбище, он

видимо не желал. Никита швырнул шинель в один угол, китель в другой, галстук сунул под матрац, остальную одежду куда придется, и блаженно улыбаясь, примостился на второй половине дивана. Лейтенант, широко разметался по дивану но, раздетый быстро замерз, и потянул на себя одеяло. После недолгой борьбы за тепло победил более трезвый. Шмер.

К полудню продрогший, но не протрезвевший Ромашкин проснулся. Его глаза непроизвольно открылись на яркий свет горящей под потолком лампочки в 100 ватт.

Над лицом мученика, склонилась рожа пьяного соседа. Мишка видимо только что опохмелился, и весело смеясь, попытался, словно комнатный цветок, полить Никиту водой из кружки. Ромашкин вскочил и оттолкнул взводного. Тот оскалился рыжевато -желтыми прокуренными зубами, и щурился щелочками припухших глаз. Отекшее лицо взводного приобрело землистый цвет, а зеленые мочки торчащих ушей контрастно выделялись яркими пятнами.

- Отойди от меня "Крокодил Гена!". Тьфу! То есть крокодил - Миша! Михаил -крокодил! - хрипло рассмеялся Ромашкин, срифмовав последнюю фразу. -Чучело, а не офицер! Ну и рыло. Старлей, с зелеными ушами!

Шмер молча скалился и возобновил попытку брызгаться водой.

- Ты чего скотина подушку водой залил? Зачем меня полить хотел? Я тебе что, клумба? Или я похож на фикус? Я же не мешал тебе дрыхнуть, и ты ко мне не лезь с пьяными шуточками! Дай поспать! Я новогоднюю ночь службу нес, твой покой охранял! - продолжил возмущаться вероломству приятеля Ромашкин.

- Наслышан, как ты охранял, пьянь несусветная. Бойцы мусор вокруг казарм собирают после вашего дебоша.

- Комбату про салют донесли?

- Не ведаю. Но думаю, доброжелатели доложат.

- Вот черт! Как неудачно вышло! А всему виной проклятый ромо-водочно-шампанско-коньячный коктейль! Зарекался ведь не смешивать напитки! Дегустатор хренов! Опять поддался искушению попробовать все! принялся клясть себя лейтенант. - Ну и зачем ты меня будишь? В штаб вызывают?

Никита злобно посмотрел на приятеля и вновь закутался в одеяло.

- Нет, начальники не вызывают, нас девчонки в гости зовут!

- Какие еще девчонки? - удивился Никита.

- Как какие? Забыл что-ли? Те, самые, что мы вчера от "урюков" выручили. Вспомнил?

Никита, скрипя извилинами, принялся гонять серое и белое вещество под черной коробкой, неистово напряг разжиженную спиртным кору головного мозга и вспомнил озорных вчерашних красоток.

- А-а-а! Ну, да, ну, да, припоминаю. Сами приходили сюда?

- Нет, утром Лебедь прилетал, покурлыкал, напомнил, что после обеда сбор в поход у общаги. Надо что-то взять с собой, вчерашний запас кончился. Давай денег!

- Друг мой, денег нет, и не было! - уныло пробормотал Никита. - И не в деньгах счастье, а в потенции! А ее не поднять...

- Поднимем, дай только добраться до подымальщиц! - хмыкнул Шмер.

Друзья отправились в общежитие, где их давно поджидал Колчаков. У Вадика почему-то сохранилась не выпитая бутылка шампанского. Ему опохмелиться хватило пива. Приятели задумчиво почесали затылки: идти в гости такой толпой, с одной бутылкой "шипучки", не прилично: - Ну что начинаем поиски спиртного? - спросил Ромашкин. - Пойдем по комнатам?

- Вряд ли что сыщешь, - задумчиво произнес Шмер - необходимы внутренние резервы. Где можем достать одну или две бутылки за территорией этого бедлама?

Шмер обвел руками воображаемый круг, подразумевая офицерское общежитие.

- Лебедь! А про этого гадкого утенка-то забыли! - обрадовано заорал Никита, вспомнив о еще одном собутыльнике, которого от чего -то отсутствовал на месте сбора. - Он ведь тоже приглашен. Лебедь - спортсмен, и он один не пьет. Наверняка что-то есть, мы же с ним вчера не пировали!

Офицеры быстро собрались и умчались прочь из прокуренной комнаты. Противный мелкий дождик не испортил предвкушения праздника. Веселье продолжалось! Лужи на дороге не обходили, а топали прямо через них. Все торопились, и устало дышали от гонки. Друзьями овладел охотничий азарт. Дичь женского пола подготовлена, мужское оружие заряжено, осталось прицелиться и выстрелить. То, что выстрелы станут не холостыми, приятели были уверены наверняка. Иначе, зачем девчата их приглашали? Действительно, не водку же пить!

Лебедь разочаровал собутыльников. Он снимал квартиру у какого-то капитана, который после недавнего развода с женой обитал в общаге и беспробудно пил. Запой продолжался третий месяц. Дорвался до свободы.... Сколько Лебедь платил, тому капитану за жилье не известно, скорее всего, расплачивался спиртом, доступ к которому у него был постоянно. Этим спиртом Белый должен был обслуживать приборы и средства связи, но "Птица-Лебедь" на них только дышал парами выпитого алкоголя.

Дверь домика оказалась не заперта, но почему-то не поддалась, а лишь чуть приоткрылась. В узкую щель, образовавшуюся в результате легкого надавливания, удалось разглядеть, что мешает проникновению внутрь: ноги в сапогах. Друзья втроем надавили на нее, и она с шорохом и шуршанием все же отворилась. А шуршало чье-то тело. Оно и мешало открыванию, на нем были эти сапоги. Включив свет в прихожей Мишка опознал того, кто валялся на полу мертвецки пьяным. Это был хозяин квартиры, престарелый капитан-пехотинец. Вокруг него валялись грязные ботинки и сапожки. Один ботинок был зажат в правой руке, видно владелец попытался уйти, но не смог обуться.

Предчувствуя недоброе, ребята открыли следующую дверь, и настроение сразу резко упало. В комнате стоял отвратительный смрад. Пахло какой-то кислятиной и тухлятиной. Этот запах распространяли либо носки, либо сдохла, отравившаяся крыса, облизавшая ноги Лебедя. А может, что-то протухло из еды

завалявшейся в стареньком размороженном закрытом холодильнике. Ситцевые выцветшие занавески слабо пропускали тусклый свет, но и в полумраке было понятно, что тут произошла сильная пьянка. Лебедь распростерся поперек кровати головой возле подушки, а ноги на полу, причем одна из них стояла в полупустом ведре с водой.

- С кем мы связались! На кого понадеялись!- воскликнул, схватившись за голову Ромашкин. - И это называется трезвенник, спортсмен, каратист и боксер! Пьянь подзаборная! Так даже я никогда не валялся, а я не хвастаюсь трезвостью!

На захламленном столе валялись перевернутые стаканы, огрызки, и остатки какой-то закуски. Недопитая бутылка водки стояла в центре и еще одна лежала, расплескав по газете жидкость. Судя по следам ее, недавно уронили, и она, катаясь, медленно истекала.

- Вставай алкаш! - презрительно толкнул Лебедя в бок носком сапога Шмер. - Ну и лейтенанты пошли! Пить не умеют, а не пить не могут. Словно из вытрезвителя вас в наш гарнизон собрали!

- Му-у-у-у! - пробормотал что-то нечленораздельное Лебедь в ответ на пинок.

- Ромашкин! Полей его водичкой. Мы должны дознаться, где у него наше спиртное! - сказал Шмер.

- Наше? А ты разве ему давал деньги на закупку? - удивился Никита.

- Не давал. Но он наверняка купил и припрятал! Главное чтоб показал где! Хотя бы направление. Ориентир. А дальше пусть продолжает спать! К бабам пойдем без него.

После произнесенного ключевого слова "бабы", Лебедь внезапно разомкнул ресницы, открыл глаза, тупо уставился на незваных пришельцев и нагло улыбнулся:

- Ага. Заявились! Дружками назывались! К девчатам собрались?! А меня бросить тут решили! С этим пьянчугой капитаном Тыртовым? Не выйдет! Я скажу, где спрятаны бутылки, когда вы меня в чувство приведете!

После этих слов Лебедь откинул голову вновь на подушку, и, высвобождая ногу, отшвырнул ведро.

- Ведро... Вода... Душ..., - промолвил, чуть шевеля распухшим языком, Лебедь и вновь отключился.

Ромашкин взял ведро в руки и спросил у Шмера:

- Миша, что будем его поливать прямо на кровати, или на пол сбросим?

- Конечно на кровати! Он сам велел. Сбросить с постели указаний не было. Скинем, а он драться полезет! Неси быстрее воду.

Ромашкин пошатываясь, вышел во двор, набрал из колонки холодной воды, вытекавшей тонкой струйкой, и вернулся обратно.

Никита поставил ведро у ног Лебедя и вопросительно посмотрел на Шмера:

- Чего дальше делать будем?

- Лей, вот чего! - распорядился Мишка.

- Сам лей, ты это придумал, вот и отрезвляй.

Никита с Колчаковым встали чуть в сторону от кровати и стали ждать, что будет дальше. Шмер что-то недовольно буркнул себе под нос, взялся за ручку ведра, сделал широкий замах и окатил пьяного лейтенанта от пояса до лица.

- У-у-у! Су-у-уки! Ох-х-х... Хоро-шо! - воскликнул Лебедь, резко вскочив и вновь рухнул замертво на постель.

- Вставай скотина! - прошипел возмущенный Шмер.

Реакции не последовало, и Мишка вновь протянул ведро Никите.

- А сам не способен сходить за водой? - возмутился Ромашкин.

- Способен. Но я что ж, за вас должен все сделать сам, а пить будем сообща?

Никита вздохнул и отправился вновь во дворик. Тонкая струйка продолжала течь из открытого краника и под дверями образовалась лужа. Лейтенант забыл закрыть воду, набрав первое ведро. Он открутил вентиль посильнее, а пока вода набиралась, чтоб зря не топтать ноги присел на выщербленной лавочке. По стенке дома полз ленивый голодный паук, направляясь вверх по направлению к стеклам, где была сплетена обширная паутина. В ней жужжала свежая мушка.

"Лучше бы ты спала где-нибудь, а не летала без толку. Видишь, угодила в ловушку! - подумал Никита. Вот и мы как эта муха угодили в ловушку. Наша общая ловушка - этот дурацкий Педжен. Никуда отсюда не улететь и не уехать. Пей, сколько влезет, затем опохмеляйся и снова пей! А лететь - не моги! До чего ж надоело!"

- Надоело все к чертовой матери! Тоска! - произнес громко вслух лейтенант сам для себя и помолчав минуту заорал для разрядки. - Жизнь дерьмо!!!

Водичка постепенно набралась на две трети ведра, и Никита вновь понес отрезвлятель в комнату. Это ведро вылилось целиком, прямо в наглую пьяную "морду - лица" квартиранта. Лебедь вскочил и, не открывая глаз, принялся махать пудовыми кулаками. Первым же ударом он снес с ног Шмера, который отлетел в угол, второй удар пришелся в грудь Колчакову,

опрокинув навзничь. Серии ударов руками и ногами разрезали воздух, более не попав по назначению, ибо Ромашкин спрятался под стол. Лебедь пнул табуретку и она, подлетев под потолок, плюхнулась на лежащего в проходе пьяного капитана. Тот слегка всхлипнул, но продолжил валяться, громко храпя и бормоча проклятия. Сам Лебедь вскочил босыми ногами на стол и после этого, наконец, открыл глаза. Боксер вытаращился на лежащих по углам приятелей и заорал:

- Вы чего охренели? Зачем дождь устраиваете? - При этом Игорь по дурному захихикав, сплясал отбив чечетку, и только после этого спрыгнул на пол.

- Ты сам сказал будить тебя и обливать водой, - ответил Шмер, потирая ушибленную грудь.

- Могли как-нибудь ласковее это сделать, - расхохотался Лебедь. - А вы Ниагарский водопад устроили!

Он содрал с себя, срывая пуговицы мокрую рубашку, обтер ею лицо и швырнул как тряпку в дальний угол. Следом за рубашкой туда же отправилась мойка.

Лейтенант стянул брюки и трусы, перебросил их через спинку кровати, изобразил танец живота и остального хозяйства, затем принял позу атланта, или титана, напрягая мускулы. Чуть покрасовавшись, Игорь начал энергично переодеваться в спортивную форму. Друзья разразились гомерическим смехом, глядя на пьяного титана.

- Ох, как я красив! Как я замечательно красив! Согласись, Никита, что мы мужики гораздо красившее баб! - воскликнул Лебедь.

- Ты что? Головой тронулся? Страшилище! С чего это мужики красивее? Ты заболел? - недоуменно переспросил Никита.

- А с того! И не спорь! В природе самцы симпатичнее самок! Как красив павлин, и насколько убогая павлиниха. Лев - красавец! А львица - драная кошка. А рыбки? Самые яркие самцы. А волк? Сгусток мышц! А волчица? Обыкновенная сука...

- Хватит рисоваться! Пошли в гости! - велел Шмер.

Приятели заставили Игоря быстро переодеться, выскочили на улицу и помчались в сторону искомой квартиры. Мысли о женщинах и возможной близости с ними гнали их к заветной цели на предельной скорости. Усиливающийся дождь ускорял движение. Вода не просто струилась, а лила сплошной мокрой стеной, сквозь которую нужно было прорываться, прилагая немалые усилия. Поэтому суета и спешка скорости заметно не прибавляли. Шмер попутно забежал в квартиру к Шкребусу, и выпросил бутылку шампанского. Что ж, итого две бутылки, уже кое - что. Липкая грязь лежащая толстым слоем на дорожках

постепенно приставала к сапогам и подошвы становились шаг за шагом тяжелее. Ноги передвигались с трудом, а намокшие шинели тянули назад, и каждый порыв ветра грозил уронить веселую компанию в одну из широких луж.

Возле нужного подъезда офицеры тщательно обтерли сапоги об бордюрные камни, помыли в проточном дождевом ручейке и направились искать квартиру. В округе ревела музыка, оглашая, довольно громко весь дом, на ее звуки друзья и ориентировались. Действительно мелодия гремела из-за нужной двери. Значит, пришли не зря. Хозяева не спят, находятся на месте, и застолье в разгаре.

Попытки вызвать кого -либо, нажатием звонка, успехом не увенчались. Стук в дверь кулаком произвел тот же эффект. Тогда Лебедь встал спиной к двери и принялся молотить по ней каблуком. Дверь испачкалась, но лейтенант на это не обращал никакого внимания. Он заорал, что есть мочи, пытаясь привлечь внимание хозяев!

- Ребятишки! Отворяйте! К вам "Лебедь прилетел"! Курлы-курлы!

Лягание двери лейтенант сопроводил громким курлыканьем и завершил диким ржанием.

- Лебедь прекрати, ты сейчас всех обитателей распугаешь! Хозяева если услышат, наоборот не откроют, подумают, психопат ломится! - воскликнул Колчаков.

Лебедь вновь засмеялся и опять закурлыкал. Музыка в комнате внезапно стихла, кто-то подошел, клацнул замком, и дверь распахнулась. Белый, при этом, рухнул в образовавшийся проем, и расхохотался еще громче. Над его лицом склонилась кудрявая женская головка. Несколько секунд хозяйка внимательно вглядывалась в гостя, успев показать остальным явившимся гостям, большую упругую грудь, выпавшую из декольте.

- Фью! - присвистнул восхищенно Шмер и облизнул моментально пересохшие губы. - Вот это прелесть!

Женщина заправила обе "боеголовки" бюста обратно в одежду и вновь с сомнением окинув взглядом компанию, внезапно вспомнила:

- А-а-а! Ребятишки! Мальчики это вы?

- Нет не мы, это тени отца Принца Гамлета! - хмыкнул Никита. За спиной обладательницы рубенсовской груди появились другие обитатели квартиры, двое мужчин и три красотки.

- Нинка! Это ведь те мальчики, которые вчера нас спасли из лап дикарей! - радостно воскликнула обладательница большой

груди, всплеснув руками.

- О-о-о! Ребята! Пришли! Молодцы! Заходите скорей, - пригласила приятелей в квартиру кудрявая блондинка. Она осторожно выглядывала из -за спины пьяного мужчины с расстегнутой до пупа рубашке.

- Васенька! Вот эти мальчики спасли нашу невинность! Познакомься! подтянула Вика голопузого толстяка-очкарика.

Тот протянул руку Шмеру и Никите, а Лебедь пожал всем ладони, лежа на полу. После чего Игорек пружиной вскочил на ноги и принялся обниматься с хозяевами, как со старыми знакомыми. Дольше всего обнимался с женщинами.

Обладательницу большого бюста звали Вика, кудрявую брюнетку - Нина (их имена друзья припомнили совместными усилиями), огненно рыжую, тонкую с длинными ногами - Татьяна. Незнакомка Танюша схватила под руки Лебедя и быстро о чем- то защебетала.

Нина сразу запала на Ромашкина, схватила его под локоток и потянула к столу. Пока остальные о чем-то возбужденно переговаривались и смеялись, партнерша в темпе успела дважды выпить с Никитой по бокалу вина на брудершафт и крепко его поцеловать в губы. В просвечивающейся кофточке она была сногсшибательна. От такого напора лейтенант несколько растерялся. Брюки пришли в движение и напряглись, что не преминула заметить соседка и, хохотнув, погладила по напряженному бедру и чуть выше. "Змей" в штанах напрягся еще больше. Нинка налила вновь вина в бокалы до краев и предложила выпить за любовь с первого взгляда. Никита усмехнулся про себя: Действительно с первого взгляда, потому что в полумраке толком и не разглядел с кем рядом сидит, и пьет.

Девушка плотно придвинулась, ее бедра, плечи, руки, почти обволакивали лейтенанта, а тугая грудь призывно упиралась в левый бок. Она прерывисто и возбужденно дышала, обволакивая теплом своего тела. Волосы источали аромат хороших духов, а в карих глазах "прыгали бешеные черти". Эти искры вожделения прожгли насквозь парня и воспламенили его сердце, которое начало бешено колотиться.

- Куда пойдем? - с трудом прошептал лейтенант, так в горле пересохло.

- Выпей, посиди минутку и заходи в ванную. Я буду там..., многообещающе промолвила соседка.

Никита совершенно опешил от такого напора и немного растерялся. Конечно, он и его приятели для того сюда и шли, чтоб пофлиртовать и кого-нибудь охмурить. Но чтоб самого вот так откровенно "сняли"! Не ожидал.... Лейтенант плеснул себе в

фужер еще вина, выпил для храбрости, и потихоньку выбрался из-за стола. Компания оживленно обсуждала падение Лебедя, который теперь находился в центре внимания. Никому не было дела ни до Ромашкина, ни до его пассии.

Никита решительно направился в ванную. Он чувствовал, что его уши пунцово пылают, а ноги дрожат от волнения. Едва Ромашкин успел ополоснуть лицо, чтоб немного успокоиться, как в дверь прошмыгнула ожидаемая брюнетка. Нина заперла защелку, затем обвила левой рукой шею лейтенанта и, зажмурившись, крепко поцеловала его в губы. Правой рукой девушка деловито расстегнула Никите брюки и освободила из одежды принявшее боевую стойку "орудие". Схватившись за него, она сладостно возбужденно вздохнула и, опустившись на колени, прильнула.

Ромашкин на секунду опешил и растерялся от такого агрессивно-полового напора девицы. У него перехватило дыхание, и чтоб не подогнулись колени, схватился рукой за холодную батарею. Брюнетка увлеченно шебуршала между ног лейтенанта, а он с трудом сдерживался, чтоб весь процесс не закончился моментальным залпом. Ему казалось постыдным, что дело закончится за одну минуту. Видимо партнерша почувствовала, что увлеклась и пришла пора сменить способ наслаждения. Она встала с колен, хитро подмигнув Никите, сняла с себя трусики, наклонилась над ванной, приглашая к действию. В голове лейтенанта пронеслась буря эмоций. Дважды намекать необходимости не было. Ромашкин откинул юбку ей на спину, и приступил к действию. Девица тихонечко взвизгнула и стала глубоко дышать грудью. Она то хрипела, то издавала негромкие стоны. Частота стонов ускорялась вместе со скоростью движений Никиты. Нина зарычала как тигрица.

- О-о-о!- громко и протяжно выдохнули, наконец, они оба и замерли.

Никита напряженно вслушивался в то, что происходит за дверью. Одновременно с удовлетворением вернулась осторожность и чувство неловкости ситуации. Черт! Как так вышло, что за пятнадцать минут знакомства не только выпили на брудершафт, но и совершили бурный половой акт?! Всю жизнь считал себя скромнягой и на тебе! Ну, чертовка! Ведьма!

- Спасибо, мальчик! Ты мой новогодний подарок! Я так счастлива, а то вокруг четвертый день одни пьяные козлы-импотенты! А ты ничего, хороший. Ступай к остальным гостям, а я выберусь чуть позже. Еще возможно встретимся и пообщаемся! Ты мне понравился!

Девушка обняла лейтенанта, вновь прижалась тугой грудью к

нему, поцеловала. Многообещающе улыбнувшись, партнерша вытолкнула Никиту из ванной. Лейтенант направился к столу, не глядя ни на кого, словно в бессознательном состоянии. Пряча глаза в пол, он добрался до своего места, налил до краев в стакан вина и быстро выпил. Через секунду он встретился с пронзительным ненавидящим взглядом соседа напротив. Никита отчетливо помнил, что десять минут назад за столом этого мужчины не было. В этот момент рядом с Никитой приземлилась брюнетка, которая радостно воскликнула:

- О! Вот и Олежек проснулся! Милый, голова не болит? Опохмелишься?

Муж! - Догадался Никита и зябко поежился, невольно подернув плечами.

- Ах ты дрянь! Шалава подзаборная! - воскликнул мужчина.

Его помятое и опухшее лицо, полное боли и страдания, вдруг приняло свирепый вид. В тот же миг, подскочив, он врезал жене звучную оплеуху.

До Никиты очередь не успела дойти, потому что в эту же секунду, отшвырнув стул, из-за стола вскочил Лебедь возмущенный этим наглым поступком неизвестного мужлана.

- Мужик! Ты чего? Козел! Оборзел? Бить женщину?!

Лебедь уперся одной рукой в край стола и, взметнувшись над скатертью и ударил ступней в грудь нахала.

Плюхнувшись задницей в тарелку с закусками, Лебедь торжествующе оттуда взирал, на упавшего со стула на пол, поверженного противника.

Игоря стащили на пол, схватили за руки и заломили их ему за спину, чтоб более не буянил. Никита и Шмер из последних сил сдерживали этот буйствующий вулкан. А Лебедь продолжал пьяно куражиться.

- Ну что алкаш! Получил? Иди сюда я тебе еще добавлю. Подонок! На даму руки распускаешь!

Трезвенник Лебедь, выпив сейчас несколько рюмок, и добавив к вчерашнему зелью новую дозу, дошел до стадии острой потребности буйства и дебоша.

- Какая это дама?! Это всем подряд дама. И тебе дам и тебе дам и тебе! - орал мужчина в ответ. - Эта шалава, моя жена! Имею право воспитывать!

С этими словами мужик подскочил к сдерживаемому приятелями Лебедю, и резко ударил в живот.

Лучше бы он этого не делал. Белый ведь только притворялся, что его крепко держат, а на самом деле имитировал невозможность вырваться из цепких объятий друзей.

- Ах ты сволочь! Ударил! Как больно! Все видели! Он меня

ударил по лицу! Все? Сам напросился! - неподдельно возмутился белобрысый лейтенант, вскочил и резко расправил грудь. В тот же миг оба приятеля повисли на плечах в воздухе. Одной рукой с висящим на ней Ромашкиным, он схватил рановато лысеющего мужа за редкий чуб, а другой (на которой держался Шмер) ударил в передние зубы драчуна.

- О-о-о! - взвыл несчастный, и только что обманутый муж. - Ай-яй! Он мне зуб выбил!

Мужик сплюнул в ладонь вместе с кровью половику зуба, а на Лебедя накинулась вся присутствующая компания. Лейтенанта вытолкнули общими усилиями на лестничную площадку, где он принялся орать на приятелей:

- Да отстаньте вы дураки! Не пьян я! Трезв! Дайте повеселиться! За что он, сволочь, мне по печени врезал? Отпустите! Больше не буду! Двое мужчин и две женщины из тех, что радостно встретили компанию лейтенантов полчаса назад тоже выбежали на лестницу и накинулись с руганью на Лебедя.

- Ты что, дурак, делаешь! Это же хозяин квартиры, муж Нинки! воскликнул Колчаков!

- А мне плевать! Пусть руки не распускает! - ответил Игорь и восхищенно уставился на свою раскрытую ладонь. В ней оказался зажатый между пальцами клок волос.

- Ого! Я с лысого скальп снял! - обрадовался Лебедь.

- Псих, ты, Лебедь! Такое веселое застолье испоганил! - в сердцах воскликнул огорченно Шмер. - Такой прекрасный вечер испортил!

- Ладно! Отстаньте! Я буду смирным. Обещаю больше не задираться и не ерепениться. Пойдемте мириться, - произнес смиренно Лебедь.

Компания ввалилась обратно в квартиру, где муж и жена продолжали, бранясь на повышенных тонах, выяснять отношения.

- Дурачок! Я вышла из туалета, а не из ванной! Тебе померещилось! восклицала Нинка, размазывая слезы по щекам.

Косметика на ее лице "поплыла" и она стала не такой привлекательной, как некоторое время тому назад. Никита увидел несчастную женщину возрастом далеко за 30, с несчастной судьбой, и обремененной пьяницей мужем. Дальний гарнизон, убогий быт, неудачный брак и никаких перспектив в дальнейшей жизни. Унылое беспросветное существование и беспорядочный секс для разнообразия, если повезет. Как лекарство от тоски.

Мужу Олегу, налили полный фужер водки, который он запил фужером шампанского и тотчас скис. Губы его стали влажными, глаза помутились, и он моментально превратился в жалкого

пьяницу, каким и был на самом деле. Размякший и раскисший капитан притянул к себе супругу, и начал вымаливать прощения:

- Ну прости киска! Я ошибся. Погорячился. Извини, чего не бывает с пьяных глаз! Дай я поцалую твои ангельские губки. Прости дурака, пьяного!

Капитан крепко поцеловал Нину. Затем чуть отстранился, понюхал ее лицо, что -то ему не понравилось в запахах, от чего он попытался задуматься. Жена поняла его сомнения, тотчас налила фужер водки, вновь крепко поцеловала и заставила выпить, чтоб не принюхивался и не задумывался над посторонними подозрительными запахами.

Вылакав водку, хозяин квартиры бессильно повалился на спинку стула, уронив голову на грудь. Нина с трудом подняла тело мужа, и выволокла его в спальню. Вернувшись, она переключилась на Лебедя, теперь он стал ее кумиром, кавалером и рыцарем. В кои веки за нее заступились и защитили. Женщина влюблено глядела на Белого, ласково шептала ему в ухо, и улыбалась.

По дороге обратно в общагу Лебедь беспрестанно возмущался наглости Ромашкина.

- Ну, вы посмотрите на этого тихоню! То он мямлит, ни рыба, ни мясо, а то девку сразу в ванной охмурил!

- Это еще кто кого охмурил, - рассмеялся Шмер. По-моему она ему в штаны сама залезла, и вставить помогла. Черт бы побрал этих замполитов! Вечно от них неприятности. Не мог, как люди посидеть, водки попить, с девчатами потанцевать? Конечно! Зачем ему это? Сразу подавай разврат!

- Ты мне еще аморалку припиши! Не на партсобрание чай ходили. Если вам ни кому не обломилось, попытайтесь не лопнуть от зависти.

- Это кому не повезло? - возмутился Лебедь. - Очень даже повезло. Я друг мой Ромашкин, как лысому в череп дал, так его жена оставшееся время ко мне как кошка ластилась. Заметил, самец? Заметил, как к тебе охладела Нинель? Действовать буду завтра. Теперь моя очередь, ее...! Так что замполит, ты свободен как муха в полете. А будешь мешаться под ногами, так врежу, что у тебя тоже чубчик отвалится!

Белый, многообещающе покрутил пред лицом Никиты огромным кулачищем, и громко заржал.

Что ж, придется уступить этот объект без боя. Битва с Лебедем бессмысленна и не уместна. Победитель ясен заранее, разве что колом врезать по башке. Но и это бесполезно. Этой безмозглой башке ничего не будет, разве что кость слегка прогнется...

***

- Тебя послушать, вокруг одни шалавы! Не гарнизон - публичный дом! возмутился Котов. - Что не было порядочных приличных семей? Ни кто не любил друг друга?

- Вася! Я тоже над этим вопросом мучался и переживал, как же так? Пьянство, разврат! А мне приятель Шмер популярно объяснил, с кем поведешься, от того, как говориться и забеременеешь! Ну, с кем еще могут молодые, беспутные холостяки общаются? В какую приличную семью позовут в гости? И зачем? Какой у нас был общий интерес? Мешаться под ногами?

- В принципе ты прав! - согласился Котиков. - Интересы у вас шалопаев, были не семейные. Продолжай.

Глава 15. Полевой выход.

Завершился Новогодний праздник, прошла первая неделя января, за ней другая и, наконец, настал тот период, когда по плану занятий предстояло совершить полевой выход. Солдаты уже немного научились водить танки, стрелять, и настала пора их обкатывать по настоящему, в обстановке максимально приближенной к боевой, в условиях горно -пустынной местности. Ведь большинству из них придется воевать "за речкой". Тем, кому не повезет с распределением.

Батальон собирал пожитки обстоятельно, и не торопясь. В учебные ящики складывали материальную базу, тетради, конспекты, пособия. Старшина роты укомплектовывал вещевые мешки курсантов фляжками, котелками, кружками, ложками, майками, портянками, и прочим необходимым барахлишком. В полночь учебный батальон рота за ротой выдвинулся пешком на вокзал. Через час шествия по ночному городку солдаты прибыли на место и плотно заполнили пространство железнодорожного перрона. Затем обычная суета с посадкой в общие вагоны, где служивых набилось плотнее, чем килек в банке. Еще бы, на каждую роту лишь один вагон! И, наконец, поехали!

Пять часов тряски в душном переполненном помещении Никита перенес легко, он ведь не пьянствовал с вечера как другие офицеры. На душе было весело, легко и хорошо. Наконец-то Ромашкин ожидал увидеть что-то новое, какой -то просвет, в унылой и монотонной жизни армейского гарнизона. Новый взводный Васька Чекушкин ночь напролет бегал блевать к унитазу, потому что накануне перебрал спиртного, а едва устроившись в вагоне добавил лишку. Отвык парень пить дрянную водку. Этот старший лейтенант прибыл вместо Мурыгина, по замене, из Афгана, в роту попал перед началом полевого выхода, и никак не мог насладиться удовольствиями и соблазнами мирной обстановки в Союзе. Брал от жизни все что

мог, а чего не мог, тоже брал, превозмогая себя.

В закупоренном вагоне стоял ужасный смрад. Запахи прелых портянок смешивались с запахом дегтя пота и пыли. Через некоторое время сквозь этот тяжелый дух начал пробиваться аромат тушенки и баночной пшенки из солдатских пайков, самые голодные и нетерпеливые поглощали утреннюю норму. А от офицерского кубрика разило водкой, луком, салом и чесноком. За час поездки нос Никиты привык к самым резким и неприятным ощущениям, а чуть пригубленное спиртное сглаживало бытовые трудности. Сержанты быстро угомонили и уложили бойцов спать, да и офицеры, проглотив два "флакона" тоже задремали. Сновидений почти не было, в мозгу Никиты крутились и витали какие -то кошмары, от духоты ломило в висках, сохло горло, и распух язык.

Тревожный сон прервал резкий вопль дежурного по вагону о прибытии в Келиту:

- Рота подъем! Выгружаться! Прибываем! Бегом! Бегом!

- Военные! Стоянка поезда десять минута! - сонно пробубнил туркмен-проводник и скрылся досыпать в служебное купе.

Торопливая суета с высадкой на вокзал завершилась в строго отведенное время. Никто не отстал, не потерялся, не исчез. Поезд протяжно загудел, состав дернулся и исчез в сумерках, постукивая колесными парами на стыках рельс. По правую сторону от "железки", простиралась бескрайняя пустыня. По левую, не вдалеке, в сероватом тумане, виднелись высокие горы, далекие вершины которых выделялись заснеженными пирамидами. Туда и придется двигаться. Не в снега конечно, а лишь в ближайшее предгорье.

Батальон ожидал крытый тентом "Урал", и в него загрузили имущество, а курсанты по-взводно, помчались по пересеченной местности, с задачей обогнать технику. Машине предстояло сделать большой крюк по разбитой грунтовой дороге, а бойцам совершить тренировочный марш-бросок по прямой. Итак, кто быстрее, человек или автомобиль?

Быстрее конечно, оказался "Урал". Часть роты в тумане заплутала, и прибыла в полевой лагерь вместо полудня только к обеду. Офицеры смущенно посмеивались, друг над другом, как они неумело сориентировались на местности, а те взвода, что пришли первыми, радостно поглотили завтрак и обед. Некоторым не досталось ни того, ни другого, нечего блуждать вокруг да около! Давно пора лейтенантам и сержантам выучить кратчайший путь.

Началось размещение по конурам. Комбат распределил старших от управления батальона в подчиненные роты. Восьмой

роте достался зампотех Антонюк. Все мечтали заполучить замполита Рахимова, но и Антонюк не самый худший вариант. Паршивее всех оказалось девятой роте. С ними разместился начальник штаба Давыденко. Зампотех батальона был тоже не подарок. Антонюка меньше всего интересовали дисциплина и учебный процесс, но с ним тяжело в питании, водился такой грешок, жуткий халявщик и проглот! Все знали: пьет как верблюд впрок, а ест как слон, так, что не прокормить. Но по сравнению с Мироном, золото, а не человек.

Почему место для жилья обзывалось конурами, да потому что по-другому их не назвать. Помещения, в которых предстояло жить командирам, были не единой казармой, а представляли собой несколько слепленных друг к другу каптерок-кубриков. Размер каждого кубрика три метра на три, с почему-то напрочь отсутствующими дверьми. (Двери, скорее всего местные аборигены систематически воровали, поэтому их и не было). Над дверным проемом зияла дыра, в которую вывели колено от трубы, и присоединили к чугунной буржуйке, развели огонь, а затем двумя плащ-палатками, временно, завесили проход. В каптерках ютились командиры. Солдатам поставили просторные лагерные палатки.

Из офицерских комнатушек вымели сор оставленный предшественниками пехотинцами, прибили пыль водой, закидали в печурку-буржуйку дров, растопили. Заволокли внутрь привезенные панцирные койки, установив их в два яруса, застелили постелями, еле-еле втиснули между ними старый обшарпанный стол. В результате обустройства не осталось ни сантиметра свободного пространства. У входа, у очага, посадили бойца кочегарить, и на этом закончили создание уюта в конуре. Истинно походный быт.

Никита облюбовал себе койку на втором ярусе, там по ночам должно было быть гораздо теплее, чем внизу. Шмер лег на нижнюю. Еще две койки первого яруса заняли Недумающий и зампотех. Шурка Пелько долго пререкался со Шмером за овладение нижней кроватью, для него задрать ногу даже выше полуметра огромная проблема, грыжа мешает, а тут придется каждый день сновать вверх и вниз! Мишка тряс ушами, и доказывал, что у него боязнь высоты, и в результате победил в этом споре. День и вечер прошли в бытовой суете по размещению, наведению порядка и подготовке к занятиям. Наконец пришла вечерняя проверка и отбой. Бойцы, уморившись, быстро уснули и только истопники-дневальные подтапливали печи. Кулешов раскалил буржуйку, до красна, и вскоре был выставлен в палатку к взводу, с указанием вернуться через три часа. Успешное начало

занятий предстояло "обмыть", а лишние глаза и уши ни к чему.

Незнающий уселся за столом что-то писать в ротном журнале боевой подготовки, но был тотчас же прерван Чекушкиным:

- Командир! Мы собрались пить или походные дневники вести? Садись у печки и пиши сколько душе угодно. Заодно дровец подбросишь. Верно, говорю, товарищ майор?

Взводный устремил взор за поддержкой к замполитеху.

- Да-да! Капитан, давай отложим эту писанину на завтра. Надо поужинать, как следует, кушать хочется! - обрадовался Антонюк тому, что его хоть о чем-то спросили за день и обратили внимание.

- Хорошо товарищи офицеры, я не буду мешать, - засуетился Витька. Сейчас, сейчас, не обращайте внимания. Наливайте, режьте, открывайте.

Чекушкин криво усмехнулся, молча отодвинул в сторону стопку тетрадей и поставил на центр поллитровку, несколько банок сухпайка, хлеб, кружки.

Васька был хлюст еще тот! Мы с ротным совсем не обрадовались новому взводному. Этот старший лейтенант прибыл в полк в ноябре, и командиры долго не могли с ним определиться. Парню не повезло по службе: воевал два года в Афганистане и по окончанию положенного срока, по замене попал в Туркво, вместо "приличного", цивилизованного западного округа. Говорили, что всему виной служебные нарекания. Короче говоря: "залетчик", нарушитель дисциплины, разгильдяй. Раньше в роте был один ветеран войны, ротный, теперь их стало двое. Но Витька Неслышащий воевал три месяца, точнее не воевал, а участвовал во вводе войск (если не врал, то и несколько раз стрелял). Ротный рассказывал, что однажды даже лично обстрелял какой-то мятежный кишлак из танка. Скорее всего, врал, посвящая нас в свои героические фантазии.

А Васька Чекушкин был парень конкретный, задиристый, очень наглый и с гнусным характером. Он с первого дня подмял под себя Незнающего, и стал практически руководить ротой. И если раньше Витек еще мог давить на взводных капитанским званием, то теперь он беспомощно махнул на все рукой и по каждому пустяку советовался со старшим лейтенантом Чекушкиным. Один бестолковый ротный - беда для роты, а два бестолковых офицера- настоящая катастрофа. Васька обладал огненно-рыжей кучерявой шевелюрой, такого же цвета усами, нахальными голубыми глазами, был высокого роста, до невозможного самоуверен и бесконечно глуп.

Витька Незнающий был "удивленный" жизнью, а Чекушкин видимо с рожденья, без "царя в голове". Едва приехал, как

подцепил триппер, о чем гордо объявил. Либо эта инфекция с ним приехал из Ташкента, либо, что было правдоподобнее, он с ней перемещался по службе. Вначале нашего бестолкового Василия назначили в лучший батальон, и в лучшую роту - первую роту. Командир полка пообещал дать вскоре роту, как никак боевой офицер! Но затем после нескольких дисциплинарных проступков и "художеств" в гарнизоне, его перекинули к нам, вместо внезапно убывшего в Германию Мурыгина.

Шаболда Лилька, кому-то хорошо дала, скорее всего, полковому кадровику, и семья Мурыгиных в спешном порядке почти экстренно отправилась за границу. А нам в качестве подарка достался этот Чекушкин.

Не фамилия красит человека, а человек фамилию. И наоборот. Часто случается так, что фамилия, данная предкам за какие-то деяния, полностью соответствует характеру ее обладателя, отображает его наклонности. И, Козлов - обладает гнусным козлиным характером, Сонин - действительно соня, Плаксин - плакса, Угрюмов - угрюмый, а Веселов - веселый. И так далее...

Васька Чекушкин был истинно "чекушкиным". Пил практически каждый день и помногу. Но мало того, что пил, так еще и оказался ужасный бабник-лавелас. И как умудрялся соединять, дав несовместимых дела? Несколько раз ему били физиономию чьи-то мужья, застав со своими пассиями, несколько раз он сам кого-то бил. Триппер же, расползался по гарнизону в геометрической прогрессии, создавая угрозу здоровью любвеобильной части молодых офицеров. Вот такой он был веселый парень!

Чекушкин продолжал доставать из дипломата сало, колбасу, консервы и наконец вопросительно посмотрел на остальной примолкший коллектив.

- Вы что, так и будете чесать затылки, ждать особого приглашения?

Офицеры дружно уселись за стол, и взялись за ложки. Кулешов принес сковороду с горячей жареной картошкой, тарелку зеленых маринованных помидорчиков, да банку тушенки и опять отправился в палатку к взводу. Бутылка водки по-прежнему стояла в гордом одиночестве в центре стола.

- Не понял! - возмутился Васька. - Вы что, все нахлебники? Где водка, жлобы?

Антонюк с невозмутимым видом, деловито накладывал еду в свою тарелку, словно это его не касалось. Шмер виновато отвернул физиономию в сторону, семафоря зеленым ухом, Непомнящий почесал затылок и закатил глаза, и глупо

ухмыльнулся. Ромашкин открыл пустой портфель, и изобразил, что ищет что -то ценное, что взял, но потерял.

Ситуацию смягчил замполитех роты Шурка Пелько, положив на стол алюминиевую фляжку:

- Тут спирт. Водку я не взял.

- Сойдет и спирт, - обрадовался Чекушкин. - Очень даже хорошо, Шурка ты молодец! А замполит чего молчит?

- А кто предупредил, что нужно пойло с собой брать? - смутился Никита. - Я думал, что мы на занятия едем. Виноват, исправлюсь, завтра куплю, обязательно.

- Салабон! Где ты купишь? Что купишь? До ближайшей лавки десять верст! Если конечно товарищ майор авто выделит тогда, сумеешь раздобыть горячительных напитков. Верно товарищ майор?

Чекушкин нахально посмотрел на жлобствующего халявщика Антонюка, тот в ответ утвердительно кивнул:

- Ладно, живи замполит и пользуйся моей щедростью. Тебя Шмер это тоже касается, завтра дружно бежите в магазин.

Мишка кивнул головой в знак согласия и шустро придвинулся к столу.

Офицеры достали из чемоданов и портфелей маринованные огурцы, банки с кильками в томате и шпроты. Неловкость развеялась. На край стола поставили тарелку с маслом и сахаром из полевого пайка.

Единственную бутылку водки разлили по стопкам на один заход и тотчас принялись за спирт.

- За успехи в боевой и политической подготовке! - шутя, произнес тост Чекушкин и стоя выпил.

Шумно выдохнув, выпили и остальные офицеры. Майор Антонюк не стал запивать спирт водой как остальные, а взял кухонный ножик отхватил большой кусок масла, нанизал его на вилку, съел и облизнулся. Следом за маслом он забросил в необъятную пасть солидный шмат сала в пол-ладошки. Рожа замполитеха при этом, из обычной ярко-красной стала пунцово-багровой. Собутыльники, молча и ошалело посмотрели, как майор пережевал этот невероятный набор закуски, закашлялись и дружно вышли перекурить на свежий воздух.

- Уф-ф-ф! - Шумно вдохнул и выдохнул Шмер. - Я думал меня сейчас стошнит за столом! Возможно ли, жрать масло такими огромными кусками? И как у него получается, вдобавок, масло заесть салом и без хлеба?

- Свинья! Настоящий боров. И глазки у него поросячьи. - Согласился с ним Никита. - Сам свинья и свинину трескает. Выходит он каннибал!

Ромашкину понравилась придуманная шутка и он громко рассмеялся. Шмер и Чекушкин нервно курили, громко матерясь, и только зампотех роты дипломатично не высказывался по адресу своего начальника. Какой ни есть, а начальство. Ну и что с того, что свинской породы?

- Возвращаемся? - спросил Пелько с надеждой в голосе, не желая обострять конфликт.

- Конечно! - угрюмо ответил Чекушкин. - Быстро допьем и ляжем спать. Хоть с Антонюком мне противно за одним столом сидеть, но придется. Целых две недели эта рожа будет нахлебничать! Кошмар!

Незнающий глупо улыбался, было заметно, что спиртное его быстро пробрало. Тщедушному организму командира роты много не надо: две рюмки хлоп, и готов! Вот и сейчас масленые глазки косили в разные стороны, тонкие губы блестели, и он глупо посмеивался всякому матерку, и над каждой шуткой. Витьку качало из стороны в сторону, словно штормило. Как же мало надо человеку.

Чекушкин обнял ротного за плечи и повел обратно в каморку. Там Васька шустро наполнил стаканы второй порцией спирта. Собутыльники с шумом заглотили "огненный продукт", быстренько смели закуску, выключили свет и повалились спать. Через некоторое время тихо объявился Кулешов, чтобы продолжать топить ночью печь. Чекушкин пообещал солдату, если проспит и застудит каптерку, намылить шею и намять физиономию.

Вскоре коллектив угомонился и захрапел. Никита сквозь сон слышал какой-то бред, вскрики, ругань, а затем сознание перестало реагировать на эти посторонние звуки. И зачем опять так нажрался? Ведь не хотел пить...

С подъема рота пришла в движение, началась бестолковая суета. В восемь часов начало занятий по вождению, и Ромашкину предстояло быть старшим на препятствии, контролировать правильность выполнения упражнения. Вставать не хотелось, но делать нечего - долг требует повиновения.

Никита натянул галифе, надел носки и потянулся к сапогам. Отчего-то они не стояли возле табурета, а лежали в сторонке и были какими-то сырыми.

- Кулешов! Ты что воду ночью разлил? - рявкнул лейтенант.

- Никак нет, я ничего не разливал! - возразил солдат, ухмыляясь, и отводя глаза в сторону.

- А кто? Почему сапоги у меня сырые?

- А вы у ротного спросите, - виноватым голосом ответил боец и выскользнул из каморки.

- Быстро строиться! К людям! Товарищи командиры, хватит на койках сидеть! - прокричал скороговоркой Незнающий, и выскочил из сарая- ночлежки.

Кулешов вернулся обратно, огляделся по сторонам и пробормотал, наклонившись к офицеру:

- Это он вам в сапоги нассал.

- Что?! Кто?- вскричал опешивший от вероломства Никита. - Как так!

- А запросто! Ротный среди ночи вскочил и к Вашей койке устремился, штаны расстегнул и напрудил. Снайпер! Не промазал, точнехонько в правый сапог попал. Я их перевернул и мочу слил за дверь. Чтоб не воняло.

- Ха-ха-ха! - рассмеялся услышавший этот рассказ Чекушкин.

- Зря смеетесь. Он Вам сумку тоже испоганил, она возле койки лежала.

Чекушкин подбежал к кровати, схватил полевую сумку, приподнял, и из нее полилась пахучая жидкость.

- Убью ублюдка! Ах, недоносок! - рассвирепел Чекушкин.

- Брось, уйми пыл, убогий он. Как напьется, себя не помнит, - сквозь смех произнес лежащий под одеялом, и не желающий подниматься Шмер. - Даже если морду ему набьешь, он забудет и не вспомнит назавтра: кто, когда, за что, и почему. Контуженный! Удивленный жизнью!

- Как так контуженный? Ну не до такой же степени, что нассать в сапог и не помнить? - удивился Чекушкин.

- А это у него не в первый раз. Пьяным он и на тумбочку дневального струю пускал и на дневального, и в угол каптерки. Мы уже не удивляемся, подтвердил слова приятеля Никита. - Но я тоже крайне возмущен этим. Надо-бы, Забывчивому, физиомордию, однако, подрихтовать, для порядка! Несмотря на то, что Витька капитан, не потерплю.

- Я и генералу не позволю гадить себе в сумку, не то, что в сапог! воскликнул Чекушкин, и умчался из каптерки наружу, разбираться с напакостившим ротным.

За дверью раздался крики взводного и взвизгивания Недумающего. Никита обрадовался тому, что он не один со своим несчастьем, хотел выскочить, да помочь Чекушкину, но остановился. А что одеть на ноги? Тапочки куда-то запропастились, а сапоги мокрые! Кеды в чемодане. Не босиком же по грязи шлепать?

Визг во дворе сменился истошным воплем, послышался удаляющийся топот сапожков, и все стихло.

Чекушкин вернулся, обратно сияя самодовольной улыбкой.

- Ты чего не вышел бить ротного? - удивился он. - Когда еще

такой шанс представится? А тут по делу, заслужил, паскуда!

- Не в чем ходить! Босым по грязи бегать не удобно как-то. Где после разбирательства ноги помою? Воды- то нет!

- Помыться тут действительно негде. А как ты на занятия пойдешь? полюбопытствовал Чекушкин. - В тапочках?

- А никак! Не пойду вовсе. Пусть сам на препятствия становится! Нечего на вышке вместе с зампотехом сидеть, - решил Никита.

- Поехали купаться? - неожиданно предложил Чекушкин.

- Куда? - удивился Никита.

- В Бахарден! В озере подземном! Настоящее чудо света!

- И я не пойду на занятия в знак солидарности с вами! - воскликнул Шмер. - На мою койку тоже брызги летели! Да и башка гудит как трансформатор. Хочу купаться.

- Э-э! Нет уж! Ты не пострадал никак. Вот если б тебе в фуражку прыснули, тогда другое дело! А так без всех нас занятия наверняка сорвутся. Топай на учебное место, сачок! - рассмеялся Чекушкин, выталкивая Мишку из конуры. - Купаться едут лишь обмоченные!

Никита подошел к столу налил в стакан прохладной водички и утолил жажду. Во рту стояла сухость, было ужасно противно после вчерашнего застолья. Он заглянул на полку под столешницей, там было почему -то пусто. Поесть к сожалению не чего. "Куда делись масло с сахаром? - размышлял лейтенант. - Так бы сейчас бутерброд сделал и чайку попил. Завтрак ведь уже пропустил..."

Кулешов вновь ввалился в каморку с охапкой дров и сбросил их к печи.

- Кулешов! А где масло? Сожрал ночью? - с подозрением посмотрел на бойца Ромашкин.

- Что вы, товарищ лейтенант! Как можно? Мне и картошки хватило!

- А где оно тогда? Вечером полная тарелка стояла? И где сахар?

- Дык, это ваш майор стрескал. Зампотех...

- Ох! Когда? - охнул Никита. - Ночью?

- Угу! Все подъел, - огорченно ответил солдат. - Там и моя утренняя порция лежала...

- И как он умудрился, столько переварить? - удивился вернувшийся в каморку Чекушкин. - Тарелку с закусоном, я в стол сам лично перед отбоем прятал.

- Это произошло, когда Непомнящий среди ночи проснулся, и вдруг как заорет: "Масло на стол! Не прятать!" Я его вынул из ниши и поставил обратно на стол. На вопли ротного проснулся

товарищ майор Антонюк. Пока товарищ капитан вокруг себя облегчался, зампотех молча наблюдал за ним, а как Непомнящий угомонился и заснул, принялся поедать. Включил фонарик, уселся на табурет, ложкой зачерпывал маслице, на кусочки сахара намазывал и проглатывал, один за другим, запивая, холодным чаем. Четверть часа и нет нашего завтрака.

- Сволота! - Воскликнул Чекушкин. - Вот так компашка подобралась! Зассанец и живоглот! Нет, я в такой обстановке находиться более ни минуты не могу. Нужно успокоить нервы. Никита, купаться поедешь в Бахарден?

- А куда, далеко? И что за Бахарден такой?- засыпал вопросами товарища по несчастью, Ромашкин. - И на чем отправимся?

- Я по молодости, до Афгана, служил в этих местах. Рядом в горах находится замечательное подземное озеро, жемчужина Туркмении. Отсюда, лишь несколько километров. Сегодня старшим на дежурной машине катается Колчаков. Берем его с собой и едем! Заодно для лагеря наберем дров и воды. Никита, иди, договаривайся со своим дружком-приятелем.

Ромашкин быстро отыскал Вадима, рассказал об идее с купанием, Колчаков обрадовался, и тотчас согласился. Для загрузки дров и воды взяли с собой пройдоху Кулешова. Пять минут на сборы, и машина тронулась в путь. По пути заскочили в сельмаг за водкой и продуктами, разве можно без дополнительного подогрева купаться! Ящик водки поставили в кабину "Урала", в вещмешок накидали консервов. Продавец-туркмен с радостью пробил на кассе стоимость закупки. План торговли на сегодняшний день он явно перевыполнил. Чтобы тут делала местная потребкооперация, без русских офицеров?

Грузовик трясся на ухабах, пересекая безлюдную местность, но Чекушкин уверенно указывал водителю маршрут движения и вскоре машина, пропетляв по горной дороге, остановилась перед одноэтажным домиком среди чахлых деревьев. На вывеске было начертано "Ресторан", на дальнем конце двора стоял еще домик, где виднелась надпись: "Гостиница". На просторной площадке не было ни одного автомобиля.

Васька устремился в ресторан разведать обстановку, а приятелилейтенанты выбрались из машины размять ноги. От дорожного тупика в окружении колючего кустарника тянулась вереница крутых ступенек в сторону пика остроконечной горы. У подножия вершины они терялись за гигантскими валунами.

- Наверное, там и есть пещера? - начал размышлять в слух Колчаков. Может быть, туда лифт спускается? Ну, не тоннель же в подземелье прорыт через ресторан! Не дай бог Чекушкин, каким-

нибудь потайным ходом через стойку бара уйдет в подземелье купаться и нас тут бросит. Убью гада! Что-то его долго нет. Сколько можно уточнять обстановку?

Взводный появился по истечении получаса, с бутылкой коньяка в одной руке и стаканами в другой. Сзади семенил на толстых, кривых ногах держа в руках дымящиеся шампура с шашлыком, местный повар. Лоснящееся от жира лицо источало радушие и счастье от приезда гостей. Еще бы, очевидно мы первые клиенты за несколько дней.

- Мужики пьем, и быстро едим, а после Арам, смотритель озера, нам отопрет вход в пещеру, - произнес Чекушкин тоном завсегдатая местного заведения.

- А что вход под землю запирается? - удивился Никита.

- Конышно! Конышно дарагой! Как не закривать, обязательно закривать нада. Иначе кто-нибудь пьяный забредет и утонет. Или какое зверье нагадит.

- Под зверьем он имеет в виду, животных, или местных аборигенов? громко прохрипел Колчаков на ухо Никите.

Армянин-шашлычник расслышал, что сказал офицер и ласково улыбнулся:

- И тех и этих дорогой! Всем им нечего делать в культурном заведении. Пусть моются в арыках! Вас я тоже попрошу только купаться, и не мыться с мылом или шампунем. Для этих целей, имеется душевая кабина в гостинице.

- Без проблем, хозяин! - произнес с усмешкой Колчаков. - Мыться в душе, какать и писать в туалете, кушать за столом. Просветил, спасибо дорогой!

Лицо повара расплылось в еще более радушной улыбке, он пожелал приятного аппетита и засеменил обратно.

Чекушкин налил коньяк, произнес тост за дружбу между народами и быстро осушил в три глотка полный стакан. Никита и Вадим отхлебнули по половине и принялись за сочный шашлык. Мясо на косточках было замечательно прожарено и ароматно, запах специй витал вокруг шампуров, а пучки зелени высившиеся горкой над картонной тарелкой, сами просились в рот.

- Эх, как хорошо! - с надрывом произнес Чекушкин. - Век бы тут сидел и смотрел на заснеженные вершины. А какое замечательное небо на Востоке по ночам! Безоблачное, высокое! Звезды мириадами усеяны по всему своду, мигают, блестят холодным светом. Сказка! Фантастика! Лежишь порой на спине и разглядываешь знакомые и незнакомые созвездия. Замечательно! Романтика! Скажу вам братцы, в Афганистане небо самое большущее.

- И что с этой романтикой делать: на хлеб вместо масла

намазывать? ухмыльнулся Вадим.

- Скучный ты мужик Колчаков, унылый!- отмахнулся Васька. - Хоть и поешь хорошие белогвардейские песни, но не гусар.

- Что ты получил за риск в Афгане? - спросил Никита, меняя тему, и с усмешкой глядя на Чекушкина. - Сколько платила Родина за героизм?

- Не так что бы очень много, но на жизнь хватало. Если водку и коньяк не покупать, то вполне даже прилично. Двести шестьдесят семь чеков и на книжку пятьсот рублей переводили. Приезжаешь в Ташкент, а там кругленький счет в полевом банке. Снимаешь деньги, и вперед, гулять по девочкам. Отрыв на полную катушку! На неделю хватало по ресторанам помотаться до полного истощения сил и средств. А в Афгане чеки тратил на шмотки, да магнитофон "Sony" купил. Там сильно не покутишь, в Кабуле бутылка водки стоит 20 чеков, а в Джелалабаде 50. Пять бутылок, и нет получки. Поэтому я в основном пил спирт, и самогон из винограда, "Шароп" называется. Вкуснейшая вещь! Конечно, если сравнивать с простой сивухой, то это божественный напиток, а если честно, настоящее дерьмо. Но и то, что вы тут пьете под названием "Водка" сделанная в Дэнау или Чарджоу, это тоже настоящий яд. Шароп был ароматнее и полезнее. По крайней мере, менее вредный организму. Я ведь его лично изготавливал, и знал, на чем основан продукт, на каких ингредиентах. Честное слово, мне уже хочется вернуться обратно "за речку". Там была воля, нормальная жизнь, боевая настоящая служба. Не то, что тут. Мозгомойство, долбодубизм.

***

- Э! Шароп, действительно дрянь! - выкрикнул запьяневший Смирницкий. Самая вкусная вещь была в Афгане - армянский коньяк!

- Совершенно справедливо! - согласился Кирпич и опрокинул в огромную глотку содержимое очередной рюмки. - Его особенно любил наш друг Сашка Мандретов, командир героической первой роты! За его здоровье!

- И долгих ему лет! - поддержал Серж тост товарища. - Продолжай дорогой!

Глава 16. Пещера Али Бабы.

Чекушкин втянул в себя сигаретный дым и мечтательно заулыбался, вспомнив что-то приятное из военных приключений. Взводный слегка опьянел, он вновь стал нахален, развязен и болтлив.

- Когда в пещеру полезем? - поинтересовался Колчаков. - Становится прохладно, мне надоело дрожать на ветру. Я не пьянствовать ехал сюда, а купаться, пить можно и в лагере, в

теплой конуре.

- Не нагоняй волну, замполит! Сейчас прибежит специально обученный туркмен, отопрет решетку, включит освещение, прожектора, проводит до подземелья. Ты же не хочешь свернуть шею в темноте.

- Нет. А что там темно?

- Чудак! Конечно. Это же пещера, а не какой ни будь овраг. Глубокая пещера знаменитого "Али Бабы". Сказку в детстве читал? - усмехнулся Чекушкин. - Вот это она и есть, и клад где-то замаскирован. В ней только одна площадка освещена фонарями и кусочек водяной глади. Дальше жуткий мрак таинственного неизведанного подземелья, где прячутся духи, джины, волшебники и великаны. А вон и проводник спешит, хозяин чудесной горы.

Маленький сухонький старикашка прихромал к машине, и пригласил следовать за собой.

- Салам!- произнес туркмен и без лишних разговоров повел в "чистилище".

- Товарищи командиры! А нам можно с вами искупаться? - поинтересовался Кулешов.

- Можно! Но вначале, любезные солдаты, сбегайте в душевую и помойтесь! - распорядился Чекушкин. - А то от вас портянками за версту воняет. А под землей воздух спертый и без вашего крепкого солдатского духа. Не проветрить после нашего посещения неделю. Все духи и приведения сдохнут!

Водитель и Кулешов помчались мыться, а офицеры поспешили за хранителем озера. Дед поминутно оглядывался назад, что-то бормотал про себя, энергично тряся редкой седой бородой, и кидал сердитые взгляды на попутчиков. Видимо не радовался незваным посетителям. Чем выше поднимались по серпантину, тем сильнее дул ветер и, врываясь в небольшую пещеру, расположенную в конце тропы, он создавал звучание, напоминающее хриплое пение фальшивящего певчего.

- Джин изволит сердится! - произнес мрачным голосом Чекушкин. - А возможно дух самого Али Бабы.

Наконец добрались по тропе к входу. Туркмен отомкнул массивную, выше человеческого роста решетку, дернул рубильник на электрощите и щелкнул потайным включателем. Минуту назад казалось, что сразу за решеткой провал в таинственную мрачнейшую бездну, и где - то в пропасти действительно скрывается злобный джин, а там оказалась широкая рукотворная площадка. Никита легкомысленно двинулся вперед и, сделав несколько шагов, едва не загремел "костями" по ступеням, которые резко повернули вниз и влево. Вырубленная внутри

скалы лестница имела крутой наклон и сделана была по закрученной против часовой стрелки спирали. Небольшие перильца из металлических прутьев, были довольно жиденькие, раскачивались, и за них было лучше не держаться. Внизу действительно разверзлась пропасть глубиною несколько десятков метров. Никита благоразумно отпрянул к стене и невольно схватился за выступающий из нее остроугольный камень. Он взглянул вверх, там, над головой, в вышине светила тусклая одинокая лампочка. Лучше бы он этого не делал, потому что стены перед глазами закружились и поплыли. Ромашкин схватился обеими руками за стену и зажмурился. Страшно! Тут можно получить боязнь высоты и клаустрофобию в одном "флаконе"!

- Ну, чего встал, шагай, герой! - ухмыльнулся Чекушкин. - Зачем полез поперек батьки? Думал, спелеологом быть легко и просто? Улетишь вниз, костей не соберешь! Дай-ка я впереди пойду. Дорогу ветерану - следопыту!

Васька, придерживаясь за плечи Никиты, обошел его, и потопал, не спеша и аккуратно вниз по скальным ступеням, цепляясь за скальные выступы.

Ромашкин потряс головой и вновь огляделся. Ствол пещеры был в диаметре метров десять, и имел форму купола "цирка - шапито". Над лесенкой выдолбленной чьими -то руками в горном монолите, метрах в семи нависал каменный свод, где и была закреплена лампочка. Внизу размещалась неширокая квадратная площадка с яркими фонарями по периметру. Воды Никита нигде не увидел. Где -же озеро-то? Не шутка ли это с купанием, со стороны пьяного Чекушкина?

Осторожно ступая по неровным ступенькам, медленно след в след спустились в нерукотворную шахту, и из полумрака выбрались на освещенную террасу, сооруженную на шероховатом граните. Тут-то и висели по углам четыре светильника, а над перилами был закреплен яркий прожектор. Под террасой действительно (о чудо!), плескалась вода. Вернее не плескалась, а лежала черная, спокойная водяная гладь. Настоящее озеро "мертвой воды"! Для того чтоб попасть в него, и погрузиться в целительном водном эликсире, предстояло спуститься по нескольким влажным, скользким, более узким ступеням на другую площадку, и с нее уже можно нырять.

Какая неописуемая, величественная красота, сотворенная неведомыми силами открылась взору! Какое великолепие и чудо создала природа! Сверху, на поверхности безжизненные горы и выжженная солнцем пустыня, а под землей замечательный водный мир. И если у самого входа было промозгло, сыро и

прохладно, то внизу тепло, и холод совершенно не чувствовался. Наоборот, словно попали в другое время года. По температуре что-то вроде июня. Вода тихо шуршала о камни, то есть все-таки это живая вода, а не "мертвое море", и присутствует какое-то движение.

"Интересно, а есть тут рыба?" - подумал Никита и спросил с усмешкой у Чекушкина:

- Васька, а в озере живность какая-то имеется? Лягушки, пиявки?

- Не боись, крокодилов и змей здесь нет. Проверено. Никто тебе яйца в воде не откусит! Раздевайся и ныряй. Акулы отсутствуют, барракуды не водятся. Водица чистая, можно сказать стерильная. Надеюсь, такой останется и после вас лоботрясов!

Ромашкин и остальные гости подземелья разулись на верхней площадке у входа в пещеру и вниз спустились босиком, (даже без носок), так как тапочек не взяли, а ненавязчивым местным сервисом, наличие сменной обуви не предусмотрено. Никита снял китель, брюки, майку и задумался. Купаться в трусах, значит, после купания намочить форму. Плавок нет, в Педжене ведь не подозревал о предстоящей экскурсии, поэтому не побеспокоился захватить в дорогу. Что ж будем купаться голышом! Возможно русалка, какая польстится и выплывет на голочленовую наживку.

Групповой стриптиз закончился, и офицеры без малейшего и неуместного в чисто мужской компании стеснения, устремились к долгожданной воде. Ромашкин ожидал обжигающего холода, а водичка оказалась как парное молоко, не менее тридцати градусов. Вот это да!

- Ох, хорошо! - Воскликнул Колчаков, выныривая через минуту из воды. Там глубина, не донырнуть! Я побоялся опуститься пониже. Боюсь, ориентир потеряю. Темно как у негра...

- А я нырять не люблю, уши закладывает, - ответил Никита. - Я лучше поплыву вперед, разведаю, что там дальше.

Прожектор и фонари освещали овальное водное зеркало размерами приблизительно двадцать метров на пятьдесят. Далее каменный свод, резко снижаясь, опускался к воде, и было не ясно, можно ли вглубь проплыть, или нет. Не понятно, что это большой и глубокий колодец, заводь от подводной реки, или залив широкого озера? Кто построил, сей бассейн?

Обоих солдат, окунувшихся несколько раз в воду, отправили наверх, от греха подальше. Хорошего помаленьку! Еще утонут, отвечай за них! А сами офицеры поплыли на разведку.

-Алади- и-и- н-н! Али -и Баба-а-а! Джины! - громко заорал,

сложив ладони рупором Ромашкин. В ответ со скального купола упал маленький камушек. Более орать лейтенант не стал. Зачем испытывать судьбу, и накликать на голову булыжник?

Никита несколькими гребками добрался до нависшего гранитного гребня и очутился перед торчащим из воды массивным каменным выступом. Лейтенанты вскарабкались на валун, что удивительно, оказалось глыба не холодная, а в меру теплая: ни тины, ни водорослей, ни мха. Ничего, все мертво и безжизненно, только сглаженные водой гранитные края. Купол в этом месте нависал в паре метров над головой. Далее потолок опускался еще ниже, соединяясь с кромкой озера. Видимо этот валун, когда-то был частью стены, которую подмыло, и она рассыпалась. Вода уходила в черную непроглядную темень, и что там далее было, не ведомо, но разбирало сильное любопытство.

- Разведаем? - спросил Никита у приплывшего следом Колчакова.

Если честно, далее исследовать озеро не хотелось, страшновато. Но коль приятель согласится, можно еще проплыть какое-то расстояние. Было ощущение, что они любопытствующие первопроходцы неведомых земель. Вот она настоящая "Тера инкогнито"!

- Можно попробовать, но до тех пор, пока оглядываясь обратно, виден хоть лучик света. Как свечение исчезнет, плывем обратно.

Друзья, осторожно гребя, углубились еще немного и почти уперлись в нависающий потолок. Продвигались, держась руками за острые камни, чтоб не удариться нечаянно о какой-нибудь остроконечный выступ. Вроде бы свод дальше в пещере вновь начал подниматься вверх, но свет ламп сзади потускнел, настала пора возвращаться обратно.

- Как жутко! - воскликнул Вадим. - Настоящая преисподняя. Только без кипящих котлов, костров и суетящихся чертей.

- Ты знаешь, Вадик, судя по тому, что становится теплее и теплее, мы недалеко от адской кухни. Поднырнем метров на двадцать и окажемся в хвосте длинной очереди грешников к гигантской сковородке или котлу с кипящим маслом. Лучше поплыли обратно, нам еще рано на "страшный суд".

Никита с радостью в душе принялся грести руками обратно. Когда плыли на разведку, создавалось ощущение, что преодолели больше километра, а стоило повернуть назад, расстояние уменьшилось в несколько раз. Удаляясь от света, пространство и время расширялись и растягивались, а теперь ускорились и сузились. Так сколько же мы плыли в действительности? Видимо не далее ста метров, остальное от страха. Заветный камень

находился на прежнем месте, значит полный порядок! Реальность не исчезла, жизнь продолжается! Фонари светят, сослуживцы не исчезли, потолок не рухнул, врата из преисподней перед носом не захлопнулись.

- Жить на земле все же лучше, чем мучаться в аду! - радостно воскликнул, взобравшись на глыбу Колчаков.

Он сгруппировался и резко вытянувшись вперед, оттолкнулся и устремился в глубину. Большое мускулистое тело исчезло, и лишь пузырьки воздуха вырывались на поверхность. Около минуты его не было, а затем он резко вынырнул в стороне, громко отфыркиваясь и шумно вдыхая воздух.

- Нет, не достал и теперь дна! Глубокий бассейн! - обратился он к Ромашкину разлегшемуся на валуне. - Чего ты там обсохнуть решил? Хватит изображать из себя древнегреческого Аполлона. Яйца застудишь! Поплыли на террасу к одежде!

Никита очнулся от оцепенения вызванного тишиной и покоем, скользнул в воду, аки водяной змий, и тихо последовал за приятелем. Вода обтекала кожу, приятно успокаивала организм, вызывала непонятные ощущения, погружения в гипнотический транс. Нагота абсолютно перестала смущать. " А водятся ли тут русалки? Интересно если русалка - женского рода, то, как называется ее самец? Русал, русалец, русальщик, русаебец? Русаебец, мне нравится больше всего. Оно вульгарное, оригинальное, и придумано мной", - усмехнулся Ромашкин. - "Русалки вы где?"

Словно угадав его мысли, где-то под каменным сводом раздался звонкий женский смех. Как по заказу! Действительно пещера Али Бабы! Только подумал о женщинах, и на тебе, появились девчата. Мистика! Наваждение! Никита потряс головой, но смех и женские голоса повторились. Лейтенант начал озираться по сторонам, но никого не увидел, и в ужасе оглянулся назад, однако там тоже не было ни русалок с плавниками, ни обнаженных девушек, ни ведьм.

- Не понял! - произнес, подплывая к камню, вновь вынырнувший из глубины Колчаков. - Это только мне мерещиться девчата, или на самом деле?

- Галлюцинации у обоих, - ответил Никита. - Голоса слышу, но видеть не вижу. Может на лодочке, откуда выплывут?

Голоса и смех становились все громче, задорнее и звонче. Наконец, друзья увидели эту веселую компанию, спускающуюся по ступеням. Впереди шел толстый туркмен, за ним три стройные девицы, а замыкал шествие офицер в шинели и с портфелями в обеих руках. Явно из Ашхабада, штабной, потому что на полигоне офицеры одеты в бушлаты. Только нарваться на проверяющего не

хватало для полного счастья! И где? В потайном подземелье!

На "пляже" пришедших приветствовал Чекушкин громкими возгласами восхищения неземной красотой посланниц небес. Он засуетился словно петушок вокруг курочек, что-то "кудахтал", щебетал, смеялся, совершенно не стесняясь отсутствия одежды. Он даже не попытался создать ладонями "фиговый лист". Девицы взвизгнули от неожиданности, а затем дружно рассмеялись, подшучивая над Васькой.

- Ребята, плывите сюда! Тут шикарные девчата в гости пришли! - призывал он товарищей.

Чекушкин был без трусов, абсолютно нагой, но его нахальства хватало на десятерых и он не смущался. А лейтенанты, оказавшись без плавок, вылезать постеснялись. А как хотелось потрещать, закадрить какую-нибудь из них! Пришлых мужиков двое, а девах - три. Перебор. Один экземпляр явно свободен для обхаживания. Если начнется разврат, не скучать же ей, не для того пришла. Что бедняжке в очереди стоять, ожидая порции любви и ласки? Или это дуплет для толстяка? А не переломится ли, не лопнет толстопуз?

Пока Никита размышлял, плавая вблизи террасы, как добраться до одежды, девчата скинули с себя одеяния, и бросились в воду. Две прыгнули голышом, а одна из "русалок" в трусиках, очевидно, самая стеснительная. Вся троица подплыла к лейтенантам, блестя в свете прожектора гладкой бледной кожей. Та, которая осталась в частичке одежды была брюнетка с длинными волосами, ее обнаженные подруги блондинкой и огненно - рыжей. Крашенные или нет, не поднырнув, не определишь, пришлось доверять глазам, поверить, что цвет волос натуральный. Если повезет, то удастся проверить, убедиться воочию, какие они на самом деле.

- Привет мальчики! Вам тут не скучно без нас? - обратилась к офицерам блондинка с длинной светлой косой. - Не желаете побарахтаться? Пошалить, похулиганить?

- Желаем, похули - ганить! - усмехнулся Колчаков. - Только боюсь, вам не разрешат Ваши ухажеры.

- Это не ухажеры, это гладиаторы. Они только гладят, - сердито ответила коротко стриженая рыжая. - При том у меня подозрение, оба импотенты.

Она старалась держать голову над водой, и часто хлюпала ладонями, что бы ни замочить свое каре, поэтому одновременно с прической над водой была и большая округлая грудь. Время от времени, она отглаживала свои "боеголовки", нагло и призывно завлекающие, посматривала на ребят.

- Давайте знакомиться! Вадим! - произнес осмелев Колчаков,

и протянул руку рыжей.

Та схватила его за ладонь, резко потянула к себе и обхватила бедрами.

- Ура! У него отросток уже шевелится! - взвизгнула девица и назвала себя. - А я Ирина! Ира. А под водой наши с тобой части тела, похоже, уже начали знакомиться.

Рыжая захихикала, а ее подруга - блондинка презрительно фыркнула:

- Эх ты, Ирка-дырка. Не успела к парню подплыть, как уже и ноги раздвинула и внутрь пустила. А поухаживать за тобой он не должен? Пусть помучается. Я вот не такая, запомни, милый мальчик! Я разогреваюсь не мгновенно, а минут через десять!

Она внимательно посмотрела в глаза Никите, чем его сильно смутила, и лейтенант почувствовал, что краснеет. Девица видимо уловила его смущение, громко рассмеялась, заплыла к нему за спину, и обняла за плечи, прижавшись небольшими твердыми сосками.

- Меня зовут Ольга! - продолжила знакомство блондинка. - Ужасно мечтаю познакомиться с молодым офицером и крепко подружиться. Хочу серьезных отношений!

- Ты еще о возвышенной любви что-нибудь скажи, - захихикала ее подружка. - Я честно говорю, просто хочу развлечься. Дорогой дружок, твой размер мне очень нравится.

При этих словах Ирина опустила руку под воду и принялась поглаживать Колчакова.

- У-у-у! Ох! - взвыл Вадик и ушел с головой под воду.

- Ха-ха-ха! Утонул мальчик от избытка чувств и острых ощущений. А если б я не рукой взялась, а поднырнула б и пошалила? - рыжая надула пухлые ярко красные губы, сложила их в трубочку и, высунув острый язычок, быстро пошевелила им не двусмысленно из стороны в сторону. - Сердечный приступ обеспечен! Наверняка. Эй, ты там под водой! Не кончился в конвульсиях?

- Скорее корчится в судорогах и коликах сердечных, - засмеялась Ольга. - А тебя-то как зовут, чего молчишь? Что вы такие скромные, словно девственники? Ваш приятель гораздо смелее. Будете скромничать, уплывем к нему! - произнесла выбравшая Никиту в партнеры Ольга. Она крепко обхватила его за плечи и принялась тормошить. - Ну, что молчишь? Язык проглотил?

- Никита, я! - назвался лейтенант, смущенный напором девицы.

От прикосновения ее рук и гибкого тела к его груди и бедрам, "настроение" у Ромашкина заметно приподнялось.

- Ого! Пробудился! - блондинка выплыла из -за спины и живым поплавком принялась плескаться перед лейтенантом, от нее пахло ароматными духами, вином и шоколадом. - А я думала, ты совсем замерз. Но нет, вроде оттаял и даже шевелишься.

- Извини, нечаянно! - пробормотал Ромашкин. - Сильно уж ты прижалась. А ваши попутчики не возмутятся, что мы тут в воде тремся и шаркаемся? Как отреагируют на легкий флирт?

- Но у нас же ничего не было? - искренне изумилась девица. - И к тому ж это Ася (брюнетка) пришла с Байрамом, а мы с капитаном. Но капитан какой-то странный, Байрам ему говорит, развлекись с девочками, а тот не хочет, грустит и беспрестанно курит. Если позовет, тогда вернемся к нему и развлечем. Не позовет, пошалим с вами. Зачем нам легкий флирт? Хотим тяжелого....

Девушка с вызовом многообещающе смотрела на Ромашкина. Тем временем Колчаков со своей подружкой уже скрылись за камнем. Вскоре оттуда раздались громкие стоны и смех.

- Шустро Вадик добрался до заветной цели! - Восхитился Никита вслух.

- До заветной цели говоришь! - рассмеялась блондинка. - Что ж и ты к ней приблизился практически вплотную, остались считанные сантиметры, не теряйся, смелее. Рискни вояка!

Эх, была, не была! Ромашкин смущенно хмыкнул, а девица обвила ладонями шею, притянула лицо лейтенанта к своему, впилась губами в его губы, почти ввела в шоковое состояние.

Полноценной женской лаской Никита был услажден, пару месяцев назад, на чужой свадьбе, мимолетно, а в тот, после новогодний вечер, спьяну толком ничего не ощутил. В молодом организме скопился значительный запас избыточной энергии и гормонов. Даже если б рядом плескалась "крокодилица", сошла бы и такая. Но девица на удачу лейтенанта, выглядела аппетитно, довольно симпатично, и к тому же очень податлива. Сама настойчиво ибез стеснения напрашивалась. Тем временем Колчаков со своей русалкой вернулись из-за камня, и направились на отдых, к террасе.

Блондинка вновь нахально посмотрела на Ромашкина, и спросила с вызовом:

- Наша очередь!Сплаваем за пределы лагуны? Хочешь узнать глубину моей лагуны?

Ольга не двусмысленно облизнула губы и вновь прижалась молодым крепким телом.

- Отчего бы ни поплыть? Конечно! - утвердительно ответил лейтенант, и они несколькими гребками покинули освещенную акваторию.

- Давай по быстрому! Не то скоро позовут к шашлыкам! - настойчиво велела девушка. - Доверься, я тебе помогу...

Дело завершилось действительно очень быстро. Даже слишком. Во всем виноват большой перерыв в общении с женским полом.

- Может еще разок? - спросил Никита, заметив явное разочарование подруги.

- Уверен, что справишься? - усмехнулась блондинка, с сомнением оглядев смущенного парня.

- Уверен. Только нужно чуть-чуть помочь, постимулировать...

- Слабаки- мужики, - вздохнула она и, скользнув губами от горла Никиты, по его груди, и животу, скрылась под водой...

Через десять минут с площадки кто-то крикнул:

- Эй, водоплавающие! К столу! Второй раз приглашать не будем. Тоните голодными!

В этот раз вполне друг другом довольные, и девушка, и лейтенант перебрались через каменную преграду и, омываясь на плаву, устремились к скалистому берегу.

- А кто это такие, ваши попутчики? Приятели? - поинтересовался Никита.

- Толстый Байрам, давний дружок Аси. Ну, даже не дружок, знакомый, скажем так, любовник. Несколько раз он ее сюда привозил. А нас, для этого капитана сняли. Мы в "Фирюзе" с утра шампанским баловались, ребята пригласили. Вернее прихватил, этот "боров", туркменский. Сказал, если капитан будет сачковать, желание не появится, и настроение у него не улучшится, он нас всех сам обслужит. Ха-ха! А тут такая колоссальная удача, лейтенантики молоденькие плещутся, словно дельфины!

Девица поплыла вперед, приподнимая ягодицы над водяной гладью и делая резкие гребки, развратно широко разбрасывая ноги, словно вновь приглашая...

Никита опять начал терять над собой контроль, снова пробудилось не контролируемое, яростное, всепоглощающее, сжигающее желание.

- Плыви одна, я немного поныряю! - сказал Ромашкин и вернулся к выходу из лагуны.

"Эх, хороша лагуна у этой русалки! Эластичная и плотно облегающая!" подумал Никита и облизнулся, вспомнив происшедшее, несколько минут назад приключение. Лейтенант нырнул глубже в черную кромешную темень озера, с трудом задерживая дыхание из-за частого сердцебиения. Лишь спустя несколько минут после того, как погружаться в воду стало уже невмоготу, организм сдался, выдающаяся вперед часть его тела опала, и появилась возможность выбраться на поверхность без

стеснения и смущения. Не хотелось подвергаться насмешкам со стороны приятелей и разбитных девиц, что он, "стоит как юный пионер и салютует".

- Сволочь, ненасытный! - произнес вслух суровым тоном Никита, усевшись на ступеньках причала и, глядя на своего "приятеля" вновь делающего наглые попытки пошевелиться и привстать. - Спать! Отдыхать! Ты свою порцию уже сегодня получил! Дай теперь мне выпить и закусить! Змей ненасытный! Моя очередь чревоугодничать.

- Иди сюда к нам! Не стесняйся! - позвала Ольга и задорно рассмеялась. - Мы ведь только что все близко перезнакомились...

Ромашкин стряхнул ладонями с тела воду, подергал руками и ногами, разбрасывая брызги, как дворняга после купания. Полотенца почему-то тоже забыли взять, наверное, из-за бешеной злости на ротного. Теперь придется обсыхать, подпрыгивая и тряся головой, размахивая руками. Минута энергичных упражнений и брызги прекратились. Можно надевать трусы и топать к остальной веселящейся компании.

На верхней террасе, оказалось, имелся столик, ранее второпях не замеченный, в безоглядном устремлении к купанию. Его металлическая столешница была вмонтирована в каменную глыбу, а сиденьями служили две вытесанные в скале лавки, гладкие и широкие, оказалось, их вполне можно использовать и как лежаки. Толстяк на одной из них и возлежал, словно древний бог Вакх. На втором ложе примостился между двумя мокрыми полуголыми девицами Чекушкин. В стороне сидел с бутылкой пива в руке, неуловимо знакомый военный. Брюнетка притулилась в ногах у туркмена, и массировала его ступни, а толстяк в это время лениво пережевывал поджаренное мясо, на косточке запивая водкой прямо из горлышка бутылки. По толстому подбородку обильно стекал жир от баранины.

Обычно молчун Вадик, раздухорился, "распустил хвост", словно павлин, щедро разливал шампанское по кружкам, и произносил тост за тостом, один смешнее другого. Судя по трем стоящим в стороне пустым бутылкам, вот-вот придет пора идти наверх отливать употребленное и переваренное.

Никите протянули кружку, и он машинально выпил шампанское. Была б кружка водки, хлопнул бы и ее, взбудораженный организм требовал горючего, вернее охлаждающей жидкости. После второй порции шампанского тотчас налили третью. Ромашкин ухватил пучок зелени, большой кусок мяса и принялся жевать. Несколько раз, взглянув на сидящего в стороне капитана, он задумался.

"Где же я его видел? - размышлял несколько минут Никита. -

Лицо неуловимо знакомо, только, кажется, слегка изменилось, словно осунулся отчего-то мужичок".

Капитан подстелил под задницу шинель, китель повесил на каменный выступ, снял сапоги, но более не разделся и остался в рубашке и брюках.

И тут вблизи взглянув на профиль, Ромашкин вспомнил его. Ба! Да, это капитан, м-м-м, точно фамилию не припомнить, как его.... Начальник финансовой службы из медицинского батальона! Вместе со Шмером однажды на вокзале в пивнушке сидели, а этот мужик к ним присоединился. Как зовут тоже не вспомнить. Саша? Сережа? Ну да ладно, не страшно. Лейтенант придвинулся к задумчивому офицеру и поздоровался:

- Привет, ты кажется, Сергей! Не признаешь Педженских собутыльников?

Капитан рассеянно взглянул на Никиту и промолвил:

- А-а-а! Да-да! Припоминаю. Вместе в поезде ехали на сборы в Ашхабад...

- Нет, в вокзальном кабаке пиво пили. Мишка Шмер нас знакомил.

- Точно! - обрадовался начфин и хлопнул себя по лбу ладонью. - То-то гляжу, рожи знакомые! Только я не Сергей, а Сергеич. Александр Сергеич! Как великий русский поэт - Пушкин.

- Извини дружище, с именем оплошал, запамятовал. А я, Никита.

- Ничего страшного, что забыл. Никита, ты "Жигулевское" будешь?

- Буду, - не стал отказываться лейтенант и взял одну из стоящих в длинном ряду пивных бутылок. - Ничего, что мы ваших курочек-цыпочек потискали?

- Ерунда. Не жалко, они же общие, пользуйтесь, потребности нынче нет. Я сегодня не в настроении, вернее не в форме. Не суметь при всем желании, пятый день пью, и хмель не берет. Девок, Байрам набрал, разномастных, для ассортимента и услады взора. Специально выбирал черненькую, светленькую и рыженькую. Ему палитра цветов, а мне палитра: пол литра! Каков каламбур?

- Не плохо! И девчата, неплохие, шустрые. Главное что б после них не страдать, посещая туалет! Контингент проверенный? Лечиться не придется?

- Вами и проверены. Только что. Результаты узнаем спустя несколько дней. Если что заходи в медсанбат. Посодействую в конфиденциальном лечении. Ха-ха!

Капитан гнусно хохотнул при мысли о возможных последствиях для отчаянных лейтенантов и продекламироровал: "

Любовь сладка - болезнь горька!". Тоже своего рода каламбур. Пытаясь придать себе, вид бывалого ухаря и тертого жизнью мужчины, Никита сделал легкомысленный вид и махнул рукой:

- Чепуха! Это ж как насморк для настоящего офицера!

- Ну-ну! Досморкаешься. Не пожалеть бы в старости. Это я тебе как медик, авторитетно говорю. Пусть я и финансист, но у медиков служу. Беречься орудие производства, надо смолоду!

- А чего ж сам этих телок приволок целый табун? Гладить? Поить? Смотреть?

- Не знаю. Наверное, для того, чтоб полнее ощущать свободу. Пиво, водка, девчатки, воля! Всего этого я был лишен целых три месяца!

- Что случилось? Болел? - спросил участливо Никита. - Лежал в госпитале?

- Сидел! В тюрьме сидел. Давил спиною нары.

- На гауптвахте что ли? Так долго!? Три месяца? Столько обычно не сидят. Что начальник гауптвахты издевался и срок прибавлял?

- Я же тебе русским языком говорю: сидел в тюрьме! Не на губе, а в вонючей городской тюрьме. В Ашхабаде! С уголовниками! Бр-р-р!!!

Капитана передернуло от неприятных воспоминаний, и он залпом выпил полстакана водки. (Возле сапог, кроме пива, стояла ополовиненная бутылка "Столичной").

Сергеич протяжно занюхал выпитое кулаком, потому что тарелки с закусками вокруг не наблюдалось.

- На, заешь! - Предложил Ромашкин, протянув кусок мяса.- Закуси, друг.

- Благодарствую, не надо. Я организм уже отучил от лишней пищи. Закушу пивом.

- Такими коктейлями быстро убьешь желудок! - посочувствовал лейтенант и настойчиво всучил капитану кусок мяса. - Ешь Сергеич. Не то тебя на руках придется отсюда выносить, а ступеньки больно крутые! Разобьемся...

Никита метнулся к столику, зацепил на тарелку зелени, хлеба и шампур шашлыка. Вернулся, и стал настойчиво кормить начфина.

Тот съел два не жирных куска, пучок петрушки, луковицу, запил бутылкой пива и блаженно зажмурился. В желудке Сергеевича явственно заурчало. "Червячок" обрадовался полученной обильной пище, впервые за несколько суток

- Спасибо, приятель! Думаю, чего мне в этой жизни особенно не хватает? Оказывается участия! Внимания, заботы, сопереживания, и приятного собеседника. Если хочешь, расскажу,

как я в тюрьму загремел и как оттуда выбрался.

- Хочу! - искренне ответил Никита без малейшего сожаления, что выпадает тем самым из остальной разгульной компании.

Действительно, мало ли что еще можно со случайными девицами, опасного приобрести. С этой, первой девицей, может беда минует, а с другими возможно и нет. Его недавнюю случайную, подружку, блондинку Ольгу, потянул в воду Колчаков, поменявшись бывшей партнершей с Чекушкиным. А туда, куда заглянул однажды Васька Чекушкин, увольте, Никита не ходок! Лучше внимать рассказам и байкам, чем опосля колоть уколы! - решил Ромашкин и устроился удобнее на теплых камнях, греясь в ярких лучах жаркого фонаря.

Пиво, мясо, зелень, интересная история, что еще нужно для успокоения расшатанных нервов?! На время забудутся неприятности: и обмоченный ротным сапог, и теоретическая тревога за половое здоровье.

- Что ж приятель, если тебе интересна моя история, то слушай! Тем более она любопытна и поучительна. Особенно для вас, балбесов, молодых офицеров!

Никита с любопытством и сочувствием, внимательно посмотрел на одутловатое серое с багровыми прожилками лицо капитана, на его седые с проплешинами волосы, на глубокие носогубные складки, на частую сеточку морщин возле глаз и мысленно согласился с капитаном о своем возрасте. С радостью признался себе, что действительно еще очень молод, "зелен", и впереди целая жизнь....

***

- Больно часто в твоем рассказе податливые девицы встречаются! усомнился Котиков. - Привираешь?

- А тебе, старому черту, завидно, что с девчатами полный порядок у Никиты? - вступился Кирпич за Ромашкина. - Я если начну всех перечислять, до утра считать будешь! Продолжай Никитушка...

Глава 17. Байки капитана Александра Сергеевича П.

Рассказ первый. Грустный.

Почему капитана П.? Потому что, фамилия начфина начиналась на букву "П": толи Александр Сергеевич Плющев, толи Пущин, толи Паньшин. Но одно точно - не Пушкин. С именем в ходе знакомства разобрались, а фамилию уточнить было как-то невдомек, и не к чему, ведь не у следователя на допросе. Не в этом суть, фамилия рассказчика нам не важна. Интересны и поучительны сами рассказы!

"Знаешь, лейтенант с той поры как мы сидели в привокзальном пивнаре, произошло много драматических

событий. Для меня жизнь пошла в другом измерении. Я в тот день ждал поезд на Ашхабад, ехал в гарнизонную гауптвахту, отбывать десять суток. И если до этого часа, я был вольной птицей, обычным человеком, то далее жизнь мне преподнесла сильнейшие испытания, крепко обожгла и наотмашь ударила. Тюрьма! Это был такой ужасный стресс! На всю оставшуюся жизнь! Только я оформился у начгуба, как приехал следователь, и меня сразу перевели в централ, в тюрягу! В обыкновенную гражданскую каталажку! Что б ты понял, в чем суть дела, поясню, по какой причине я оказался за решеткой. Кому не рассказываю, что был арестован, все думают за растрату, за финансовые злоупотребления, за хищения... Я ведь начфин! Ан, нет, не за это! За банальный мордобой...

Весной прошлого года я отправился в командировку на Украину, получить и доставить новобранцев в батальон. Причем сам, балбес, вызвался! Призывники набирались из Закарпатья, а лететь предстояло через Москву и Киев. В Москве у меня было одно неотложное дело, личного характера, да и Киев я давно мечтал посмотреть. Никогда в нем не бывал, а тут случай позволял. Да и город Львов мне был тоже интересен. Турист хренов, выискался! Горе-путешественник.... В Москве и Киеве время провел с пользой для себя и с превеликим удовольствием. В городе Львове обстановка похуже, процветает национализм, в кабаках лучше по-русски не трепаться, молча есть, и пить, да шататься по улицам, желательно в дневное время. Ну, а Львовом маршрут не ограничился, призывной контингент предстояло забрать в Самборе. Вот где настоящие, истинные западенцы! Бандеровец на бандеровце сидит и бандеровцем погоняет. Сплошная "самостийность" и русофобство. Два раза за "драного кацапа" и "вонючего москаля" от меня местные хлопцы по мордам получили, раз я от них. Нервы мне попортили крепко и довольно основательно расшатали психику. Я ж парень простой, с Поволжья. Прадед был бурлаком, да и меня бог силой в руках не обидел. Но обычно ваш собеседник флегматичен и спокоен. Говорят, что каплей камень точат, так и со мной случилось. Раз, другой, третий вывели из себя, ну я и занервничал. Получил с рук на руки в военкомате двадцать хлопцев, и отправился в обратный путь. Из Львова до Киева добрались без происшествий, в самолет до Ташкента сели без задержек и эксцессов. Долетели, ну и, слава богу. К дому рукой подать, Педжен вот он рядом, ночь всего проехать. Тут я расслабился и не доглядел. Кто-то из ухарей сбегал в магазин и приволок авоську водки. Ребята хоть и селяне, а ушлые. Это они до поры до времени затихорились, затаились, очевидно, знакомились друг с другом в пути, а как

перезнакомились, так решили отметить начало службы в армии. Я же их вещи в военкомате проверил, в Львове, в Киеве, торбы и кошелки осмотрел несколько раз, что б спиртного не утаили или не получили в дальнюю дорожку от кого-то из знакомых. Бендеры меня очень разозлили своей не гостеприимностью, создали соответствующий настрой на рвение к службе. Поэтому, я хотя и не строевой офицер, но им "равняйсь, смирно, шагом марш" по полной программе устроил! Проверки, пересчеты, построения через каждые полчаса. Мои хохлы стонали и проклинали гнусного капитана, а я внушал новобранцам, что предстоящие полгода, главней меня, начальника в части не будет. Куда едем, для чего готовить их будут, хлопцы не знали до отлета в Ташкент. А как услышали номер рейса и место прибытия бандеры всполошились, догадались: Афганистан рядом, а там война! Запаниковали...

Видимо со страха и решили нажраться. Я лишь на полчаса в вагоне задремал, а ко мне в купе уже проводник прибежал, тормошит: "Твои ребята напились и куражатся". Действие алкоголя, страх видимо только усилил, плацкартный вагон был хорошо протоплен, отжары они совсем одурели, слюни распустили, сопли по пояс. Мат- перемат! Кто песни спевает, кто друг дружку за грудки хватает, кто к женщинам пристает. Взялся я успокаивать дебоширов, а они только сильнее взбесились. Неуправляемый процесс пошел. Некоторые распоясались, так что в драку бросаться начали. Ну, я и приложился к их пьяным физиономиям. В проходе встал и молочу пудовыми кулаками одного за другим. Подходи следующий, кто смелый! Им ко мне толпой не подобраться, мешают друг дружке. Хрясть первому в челюсть - готов! Хрясть второму, он под полку упал, бац в рыло третьему, он под ноги наседающим приятелям рухнул. Остальные по нему прошли и не заметили. Еще двоих вырубил, одного ногой в пах, второго правым боковым в голову. Следующую парочку за шеи схватил и головой о голову, что есть, силы треснул. Даже хруст лобовой кости услышал. Купе наполнилось лежащими и вопящими хлопцами, а я по ним как по тротуару протопал коваными сапогами, к остальным подступающим наглецам. Думаю надо додавить бунт в зародыше, иначе очухаются, перегруппируют силы и вновь в атаку пойдут. В одну оскаленную харю въехал кулаком, другой в челюсть. Большая часть бунтовщиков оказалась вырубленной, а остальные в панике бросились к туалету. Догнал и накостылял без жалости и без исключения. Каждому перепало и досталось крепко! Как говорится: "Бунт на корабле был подавлен, а зачинщики болтались на реях". Точнее сказать стояли в одну шеренгу, по

стойке смирно и пели государственный гимн. Кто не мог стоять на ногах, стоял на коленях. Спели, попросили прощения, утерли слезы, сопли, кровь, умылись и легли спать. Меня тоже кто -то не слабо кулаком зацепил, позже выяснилось трещина в ребре. Все довольны: пассажиры, проводник и, конечно же, я в числе довольных. На вокзале в Педжене утром построил хохлов, смотрю, рожи у нескольких никуда не годятся: распухли, в кровоподтеках. Строем отвел в туалет, там умылись, почистились, привели себя в порядок. На всякий случай заставил написать объяснительные, в которых сами хлопцы признавались в пьянстве и дебоше, кроме того, просили прощения. Прибыв в батальон, доложил командиру о происшедшем. Тот обругал меня, что не доглядел за приобретением спиртного, не уследил, на этом история и закончилась. Так в начале мне показалось. Ан, нет! История только началась.

Полгода учебы курсантов завершилось, а я уж и забыл об этом происшествии, ребро зажило, служебные дела закрутили, как вдруг события закрутились хороводом. Перед выпуском из учебки, курсанты дружно написали на меня жалобы в прокуратуру: избивал, измывался, всячески унижал (гимн на коленях), причинил тяжелые телесные повреждения, повлекшие тяжкие последствия. Я действительно погорячился в поезде: двоим, сломал челюсть, одному вывихнул руку, троим, выбил зубы, у двоих трещины ребра. А как не погорячишься, когда целая толпа пьяных обезумевших переростков на тебя одного?! Перестарался.... Но виноватым себя не абсолютно не считал! Я ведь тоже пострадал! Но тем временем прокурор возбудил уголовное дело. Постановление ЦК партии "о борьбе с пьянством", мне сильно навредило. Солдаты как один твердят, что сопровождающий был крепко пьян! Командир и замполит, чтоб себя обезопасить и прикрыть, свалили все на меня. Отстранили от должности, быстренько исключили из партии. Комбат объявил пять суток ареста и отправил в Ашхабад на "кичу" посидеть, подумать о дальнейшей жизни и перспективах службы.

Тем временем в Афган вместо этих кляузников, отправили других ребят! А моих хохлов на время следствия разместили по дивизии, как потерпевших, для присутствия в суде. И вот вскоре, меня плавно переместили из гауптвахты в вонючую городскую тюрьму. Хорошо камера отдельная, в соседях сидел лишь мент-взяточник. Урок уголовных, я почти не видал, с туркменами и чеченцами, держащими тюрягу и заправляющими ею, почти не общался. Кстати, в соседней камере обитал наш бывший начальник политотдела Хавов. Но это отдельная история. Другая. После расскажу. Срок мне чувствую, светит не малый, лет пять.

Сидеть ужасно не хочется, я на это не учился. Но повезло, адвокат хороший попался, отработал полученный гонорар на совесть. Я вспомнил про объяснительные, о трещине в ребре, он съездил в Педжен, нашел бумаги в моем столе, рентгеновский снимок, на суде это сыграло решающую роль. Судья, выяснив, что я вынужден, был отбиваться от двух десятков пьяных призывников, дал мне два года. Но условно! Почему срок все ж нарезали, да потому что я не сумел доказать, что был трезв. Адвокату удалось, вдобавок вытянуть из потерпевших, что претензий они ко мне больше не имеют. А действительно, какие у них претензии? Дело свое сделали, на войну не поехали. А пока следствие шло, один из медиков, что вместо них в Афган отправился, погиб! Эти козлы, даже рады радешеньки, что я их побил. Короче говоря, из-под стражи меня освободили, в должности восстановили. Меня и звания, под горячую руку лишить не успели, а могли. Ну и, слава богу! Взял я отпуск по семейным обстоятельствам, потому что пока я сидел, жена собрала вещички и умотала домой, бросила. Хотел вернуть ее, а потом передумал, мне и одному хорошо, спокойно. Вот и развлекаюсь вместе с Байрамом, по кабакам таскаемся с девицами. Мы с ним вместе в один день вышли, теперь вместе празднуем освобождение. Очень серьезный мужчина. Авторитет!"

Нахлынувшие воспоминания капитан тотчас залил пивом. Зубами открыл пробку и несколькими глотками выпил содержимое до дна. Ромашкину было неудобно лезть с разговорами о тюрьме, вновь теребить душу капитану но, однако зудящее любопытство взяло свое. Брошенная вскользь фраза о Хавове, заинтриговала, и любопытство пересилило скромность и тактичность.

- А что за история с начпо? Ты сказал, что видал начальника политотдела в тюрьме. Но я такого Хавова не знаю. У нас в дивизии другой - Луценко!

- Э- э -э, то новый, а полковник Хавов год назад в Афган уехал, выполнять интернациональный долг. Интернационалист хренов. Ну, да ладно! Слушай еще историю!

Второй рассказ капитана. Иронический и злорадный.

Капитан Александр Сергеевич П. хлебнул пива из очередной бутылки и заулыбался. "Лейтенант, ты Адрусевича знаешь? Заместителя командира дивизии? Так вот этот Адрусевич, ранее был командиром вашего танкового полка, и тоже год назад чуть в тюрьму не угодил. Сколько взяток он раздал, какие подарки дарил прокурорам и следователям, чтоб остаться на свободе - один бог ведает. Поэтому в тюрягу чудом не загремел. А Хавов в Афгане служил, и что дело против него завели, сразу не узнал.

Вовремя подмазать не успел, а когда следственный маховик раскрутился, было поздно. Блатные сказывали, позавчера, Хавова расстреляли. А за какие художества, сейчас расскажу! Группа штабных пройдох, придумала целую систему по извлечению "нетрудовых доходов" из родителей военнослужащих. Сам понимаешь, война дело не шуточное, и когда сынок попадает в трудную ситуацию, то родители заплатят любые деньги, чтоб свое чадо уберечь от беды. А война - это большая беда. Пуля - дура, вдруг убьют? Не знаю, точно как и с чего, все началось, но бизнес поставили на поток. Выстроили настоящий конвейер! Приезжал папаша к Хавову на беседу, тот звонил особисту дивизии, и солдата вычеркивали из списка как политически не благонадежного. А к начпо отцов на беседу направлял Андрусевич, или начальник связи Бордодым, и вроде бы еще и командир пехотного полка. Цепочку хитро сплели. Родитель шел к командиру части просить за сыночка, тот сделать ничего не может, но знает, кто поможет. Все, дескать, во власти начальника политотдела, а Хавов тоже рад помочь, но сам не имеет права, зато знает, кто такой властью обладает. Однако помощь эта стоит дорого. Если договаривались с родителями о готовности финансировать спасение сыночка от войны, то по получению денег, Хавов сообщал особисту дивизии, подполковнику Путятину, фамилию солдата, который не должен ни в коем случае убывать в Афган. Особист звонил в полк и курсант по окончанию учебки, ехал в тихий гарнизон Туркмении или Узбекистана. Сколько лет они так обогащались, не знаю точно, но верно, не один год! Отлаженную стройную систему нарушила кадровая перестановка. Самого нашего Хавова отправили на войну!

Нового начпо в курс дела Хавов вводить не стал, побоялся, а без него комбинация распалась. Хавов был главным организатором: он деньги получал, делил, прикрытие обеспечивал. Полковник как психолог был хорош и незаменим. Сразу оценивал человека верно: даст тот деньги или нет, сколько можно выжать. Сумма до трех тысяч рублей доходила, смотря с кого брать. Такса была не твердая, а плавающая. Грузин и армян трясли по максимуму, узбеки могли раскошелиться поменьше, с киргиза еще меньше.

В общем, расставаясь, подельники решили эту лавочку тихо закрыть. Адрусевича по протекции Хавова назначили на повышение в дивизию, заместителем комдива, (нажитое добро пятью КамАЗами вывезти не смог в столицу), новый командир танкового полка ничего не знал, не посвятили. Он ограничился только "работорговлей", сдачей бойцов на строительство и на

колхозные поля.

И тут случилось то, что никто не мог ожидать. Эффект "законченного кретина"! Как говорит народная мудрость: "Бывают дураки, но не до такой же степени"! Приехал один папаша просить за своего сыночка. Назовем его Мамбековым, (хрен знает, какая у него фамилия, возможно Ишакбаев). Явился он по проторенной дорожке к начальнику связи: мол, помоги. Тот отказал. Все ведь работали через Хавова и напрямую, без указаний ничего не предпринимали. Туркмен обиделся и сдуру написал письмо в Политбюро ЦК КПСС. "Дескать, как так? Ахмед денег дал, сын в Афган не поехал, Касым денег дал, сын возле дома служил, Махмуд денег дал и тоже все в порядке. А я заслуженный чабан, ветеран труда, деньги, честно заработанные предлагаю, и не берут! Чем я Мурат хуже моих односельчан? Почему мой сын должен ехать воевать, рисковать жизнью? Где справедливость?

В Политбюро видимо ошалели от такого прямого и тупого вопроса. Он в письме указал, кто получал деньги, как в дивизии решали эту проблему его земляки, и как страшна для их семьи война. Приложил список друзей и знакомых, кому помогли...

Москвское руководство разъярилась, и тотчас распорядились арестовать всех, кто виноват в этом безобразии. А кто виноват? В первую очередь начальник особого отдела, он ведь давал прямые указания на замену солдат по неблагонадежности. Пришла шифрограмма в дивизию, провести расследование, и надо же такому случиться, в "кодоточку" зашел особист Путятин, просмотрел шифровки, первым с ней ознакомился и обомлел. В одной из них предписано: отстранить его от должности, разобраться и принять меры к разоблачению и задержанию остальных преступников и махинаторов. Адресована шифровка второму особисту, его заместителю. Солдатик-шифровальщик допустил промашку, - отдал всю папку с документами вместе с этой шифровкой! Путятин прочел листок, побледнел, загрустил. Отправился домой, выпил две бутылки водки для храбрости, написал покаянное письмо и застрелился, пустил пулю в висок из табельного пистолета. В письме он клял себя, что бес попутал, не выдержал, захотелось красивой жизни: девочки, рестораны, машина, дача. Короче говоря, покаялся. А чтоб не подумали, что он такой подлец-негодяй, если и подлец, то не один, и перечислил всех кто участник событий. Тех, кого знал. В общих чертах обрисовал ситуацию, перечислил прегрешения подельников, расписал схему деятельности. Исповедался. В конце письма как положено: "Прощайте товарищи, я прожил жизнь коммунистом и остаюсь таковым и в смертную минуту. Ему в

принципе и так "вышка" светила: взятки в особо крупных размерах. И много взяток".

Ну, прямо как в кино! Начались аресты. Начальнику связи наручники надели в кабинете, Хавова командировали из Афгана на Родину, в аэропорту без лишних разговоров забрали в тюрьму. Он был в таком шоке, что в первый день написал чистосердечное признание. Это его и сгубило. Думал активным сотрудничеством спастись, а получилось наоборот. Вышла высшая мера- "вышка". Связист Бордодым крутил, вилял, отказывался, путал, сам запутался, - в результате срок, десять лет. Ну, а Андрусевича даже арестовать не сумели. Хитрый лис от всего отпирался. "Я не я и лошадь не моя!" Мол, действовал по указанию особиста и начпо. Мне приказывали, я солдат и не отправлял на войну. Откуда знать, что мои начальники, преступники? Я в камере с Хавовым одну неделю вместе сидел. Ох, он Андрусевича поносил последними словами. Ну, а особиста - правдолюбца, проклинал вместе с предками до десятого колена. Короче трибунал вынес ему суровый приговор. В помиловании отказали и быстренько расстреляли.

Всему виной смена власти и приход к ней КГБэшников. Устроили показательный и суровый процесс и приговор, чтоб другим взяточникам не повадно было, думаю, командирам по частям разослали шифровки.

А меня как выпустили из трибунала, я сразу в кабак. После общения с Хавовым и всех этих ужастей, расслабляюсь по полной программе. Радуюсь жизни и свободе. Вино, водка, девочки. Девочки, правда, так, в основном, для интерьера....

А самое главное, что меня спасло от судебной расправы, так это недавнее происшествие, бесчинство кавказцев на железной дороге возле города Мары. Слышал? Нет? Друг, мой, почему ничего не знаешь? Газет не читаешь? Ах, да в советских газетах об этом не пишут, только "вражеские голоса" вещают...

Ну, так слушай. Скомплектовали в Красноводске целый эшелон из абреков. Самые мирные в нем были азербайджанцы. Остальная банда: чеченцы, ингуши, карачаевцы, черкесы, кабардинцы и прочий полный ассортимент народов Кавказа. Где-то в дороге призывники раздобыли спиртное, очевидно спекулянты и проводники подсуетились. "Дикая дивизия" нажралась и вышла из повиновения. Можешь себе представить полторы тысячи диких горцев, неуправляемых, наглых, пьяных и обкуренных джигитов? Так вот, это безмозглое стадо взбесилось! Избили и выбросили на ходу из поезда нескольких офицеров, изнасиловали до смерти и вышвырнули трех проводниц. Которые не погибли в поезде, убились при падении. Эшелон остановился возле какой-то станции, и тут вызванный на подмогу караул, попытался навести порядок. Эти обезумевшие дикари бросились вырывать автоматы у солдат.

Начальник караула, капитан несколько раз стрельнул из пистолета в воздух, но этим только раззадорил толпу. Орда бросилась к офицеру, и он, видя, что дело плохо выстрелом в упор ранил одного. Схватил у ближайшего бойца автомат, и принялся стрелять перед ногами нападавших, да поверх голов. С трудом караул сумел отступить к вокзалу. Машинист отогнал состав на запасный путь, а стадо нелюдей, принялись загонять водометами в вагоны. Эти озверелые дикари и обкуренные, бросились драться с пожарными, отбирать брансбойты. Прибывший батальон внутренних войск, плотно оцепил эшелон, и заблокировал малейшие попытки выбраться и разбежаться. Несколько суток без воды и пищи заставили шайку угомониться. Затем прогнали абреков сквозь строй ВВэшников, с зуботычинами, пинками и подзатыльниками, каждому бунтарю. Обыскали, допросили, выявили зачинщиков и организаторов, скомплектовали группу подозреваемых в насилиях и убийствах, а остальных распределили по воинским частям, любимой Родине служить. Ну а я как справившийся в одиночку с подобным бунтом, оказался "на коне"! Только вменяли мне превышение самообороны, да и то адвокат оспаривал. Короче говоря, я так

счастлив, что не могу остановиться и отправиться домой к родителям в Самару. С Байрамом в тюряге обзнакомились, теперь вместе гуляем. Оч-ч-чень, авторитетный товарищ! Вор и бандит! Поаккуратнее с ним, он не совсем нормальный!"

- Занятная история с тобой произошла, Сергеич! - усмехнулся Никита. Пойдем, искупаемся?

- Нет, не хочется. Начну плавать, протрезвею, а мне этого совершенно не требуется. Я желаю быть мертвецки пьяным. Пойдем отсюда, что - то мне воздуха не хватает. Тут как в тюрьме! Подземелье! Ты лейтенант только купаться собираешься, или наших девчонок еще раз потоптать, потискать планируешь?

- Ну, нет! Хватит. По ним всем уже Чекушкин прошелся, а после него, только триппер цеплять. Есть большая вероятность! Он, сволочь, с каждой за камень сплавал, а одну, вон, прямо в углу террасы пристроил. Негодяй, всех обгадил! Я только купаться теперь буду.

- Знаешь, Никита, предлагаю тогда без возобновления купания, покинуть этот грот и отправиться в кабак, что сверху стоит. Кутнем, пока твои приятели будут групповик устраивать!

Никита, поразмыслив, согласился. Чудеса подземного царства уже посмотрел, в теплой водичке побарахтался, пить, и есть здесь больше нечего, значит можно уходить наверх. Тем более падающее с хлюпающим всплеском в воду камушки несколько раздражали и вызывали беспокойство. А ну как не мелкий кусочек отвалится от каменного свода, а целая глыба на голову? Поминай, как звали!

- Хорошо, в кабак я с удовольствием! Но у меня в карманах только мелочь, - известил собутыльника Ромашкин.

- Э-э! Не суетись! Банкет за счет приглашающего. Продолжаем радоваться воле и жизни!

Глава 18. Исламист.

В кафе стоял приятный полумрак. Тихая джазовая музыка струилась из проигрывателя, спрятанного под стойкой бара, эта приятная мелодия не мешала молчать и думать.

Капитан заказал несколько различных салатов, люля-кебаб, шурпу и бутылку коньяка. Само собой на столе присутствовали разнообразная зелень, обилие овощей и фруктов.

- И долго ты так планируешь гудеть, как трансформатор? - спросил Никита, после того как бутылка опустела на половину, а капитан только молчал и курил. Казалось, он не замечал ни вкуса пищи, ни аромата коньяка, ни соседа по столу. Поэтому пищу поедал в основном Ромашкин.

- А что? Как ты сказал? Гудеть? - усмехнулся финансист. - Разве это гудешь? Это тихий, скромный отдых, усталого человека.

Я сейчас слегка расслабляюсь. Вот первые три дня мы гужевали, гулеванили! Ящиками лилась водка, и девки менялись пачками! Капитан вынул из кармана бумажник, вытряхнул из него купюры, отложил в сторону две сотни, осталось только несколько "червонцев" и "четвертных".

- Да вот, пожалуй, кутить как раз сегодня и перестаем! Заначка, на обратную дорогу, да на опохмелку в кабаке Ашхабадского аэропорта. Ты на меня внимания, лейтенант, не обращай. Ешь, пей, отдыхай, а я буду курить, и продолжать молчать и размышлять. Договорились?

Ромашкин кивнул в знак согласия и продолжил трапезу, благо закуски были замечательно приготовлены. Вскоре во дворе возле грузовика появилась шумная и взъерошенная компания мокрых приятелей. Водитель "Урала" начал громко и призывно сигналить.

- О! Накупались черти! Меня очевидно вызывают! Ладно, я помчусь к ним, а не то уедут без меня на полигон. Не хочется топать в горы пешком, и добираться на случайных попутках.

Никита опрокинул в рот последнюю рюмку коньяка, закусил ярко-красным, сочным гранатом, попрощался со щедрым собутыльником и поспешил из ресторана. Друзья нервно топтались возле открытой кабины на холодном ветру, под накрапывающим мелким дождичком и громко матерились.

- И, куда ты пропал? - возмутился Чекушкин. - Мы его ищем, а он в ресторане сидит. Сколько тебя ждать?

- А что вам без меня было скучно с подружками? Куда вдруг заторопились?

- Нет, не скучно, веселились до поры, до времени. Но потом этот Байрам, вдруг приревновал Чекушкина к брюнетке! - рассмеялся Колчаков. - Азиат проснулся в этот момент, когда почти у его изголовья Васька эту жгучую деваху "приголубил" (другого места не нашел). Очень она томно дышала и разбудила варнака. Бандюга полез драться, надавал пинков девахам, мне в ухо съездил, а лежащему Ваське наступил на задницу, да в бок саданул.

- Ну, сволота, нерусская! Он мне чуть наследство не вдавил во внутрь этой чернявенькой! - воскликнул Чекушкин. Пришлось кулаками помахать слегка. Девицы завизжали, в воду попрыгали, в сторону отплыли, и с валуна наблюдали за сражением, как мы толстяка с двух сторон дубасим, он нас в ответ мутузит. Минут пять дрались, потом он как заорет: "Хватит! Прекращаем! Не то врагами станем, а я врагов привык уничтожать!"

- И мы согласны, хватит, так хватит! - продолжил рассказ Колчаков. Нам и самим драка большого удовольствия не

доставляла, но в результате дальнейшее наслаждение перепоганил, и девок распугал, ублажать они нас перестали.

- Выпили мы в знак примирения по рюмке, и ушли, от греха подальше! воскликнул возбужденный и не отошедший от потасовки Чекушкин. - Девицы дружно шепчут, чтоб уходили, не то Байрам, спьяну вновь бузить будет. Ну и ладно. Мы в принципе, свое уже взяли: и выпили, и закусили, и пошалили. Эх, хороши были девчата!

- А, по-моему, шум раздается по- прежнему в пещере! - возразил Никита, забираясь в кабину. - Может его нужно все-таки утихомирить? Побьет девчонок!

- И что? Это их работа, им за этот риск деньги платят. Рыцарь выискался. Надо было от нас не уходить. Было б нас трое, мы б не отступили. Глядишь, в озере эту гнусную свинью утопили б, и по течению в глубину преисподни сплавили! - рассмеялся Чекушкин. - Едем! Сами разберутся без посредников, обслужат покачественнее. Водитель! Жми на газ!

Машина запетляла по дорожному серпантину, а компания задремала утомленная подводным приключением.

В лагерь добрались затемно. Непомнящий попытался затеять скандал, с угрозами о привлечении к ответственности "за срыв занятий", но Чекушкин, допивший в кабине машины из горлышка поллитру, вошел в буйство, схватил за горло капитана и сказал, "что б тот не пищал, не желаю, мол, слушать визг зассанцев".

Ротный в миг растворился во мраке лагеря, а опустившийся в ущелье туман скрыл следы спрятавшегося за палатками Недумающего. Оставшиеся в конуре офицеры моментально заснули. За исключением Кулешова, который вернулся к обязанностям истопника. Среди ночи в коморку вернулся продрогший ротный. Он прокрался как жулик к койке и тихонечко лег. Незнающий был крепко пьян, но видимо долго и тщательно мочился перед сном, ибо более среди ночи не выскакивал, и не использовал в качестве писсуара чужие сапоги.

К утру продрогли. Чекушкин окликнул истопника, но тот ответил басовитым храпом. В печке горели огни, но от пламени, почему- то тепло в комнатушку не исходило. Превозмогая лень, Васька поднялся и, шаркая тапочками, подошел к двери. Нагнувшись, он обнаружил причину холода. Дневальный Кулешов вообще не разводил огня, просто положил на поленья фонарик, включил его и уснул праведным сном. Он это проделал, чтоб не утруждаться подбрасыванием ночью поленьев. Чекушкин дал затрещину сонному бойцу, заставил его разжечь топку, но из-за опустившегося на лагерь сырого тумана очаг не горел, а влажные дрова лишь дымили. Проклиная и Кулешова и Чекушкина,

офицеры выскочили из помещения, и остаток утра провели на свежем воздухе...

На утро полевой выход для Ромашкина завершился. Потребовалось срочно сопроводить в гарнизонный медсанбат заболевшего солдата. Естественно выбор пал на Никиту, как на того, кто менее ценен для качественного проведения занятий на технике. Боец-туркмен мучался острыми болями в животе, и было похоже на раннюю стадию приступа аппендицита. Никита собрал вещички в чемоданчик и запрыгнул в кузов, боец, кривясь и охая, забрался следом. С помощью Ромашкина устроился на откидной лавке и продолжил стонать. Зампотех Антонюк, заполнил собой кабину, и подгоняемый им водитель, мигом домчал их до станции. В пути курсант держался за спину, куда отдавала при толчках на ухабах острая боль. Видимо это все же не аппендикс воспалился, а почки простудились, или камни в них шевелятся. Едва-едва успели к проходящему поезду. Отогревшись в вагоне, солдат заметно повеселел.

- Не бойся, до медсанбата я тебя обязательно довезу живым, - пошутил Никита, успокаивая солдата Мерабова.- А дальше, как судьбой назначено...

- Спасибо, - усмехнулся солдат. - А можно мне домой заехать?

- Желаешь проститься перед смертью с родными? - рассмеялся лейтенант. Не боись, не умрешь. Военная медицина на хорошем уровне, спасут. Военные врачи лучше, чем знахари в твоем пустынном кишлаке.

- Да я не о кишлаке говорю, - вновь принялся просить туркмен. - В Ашхабаде живет младший брат моей апа (мамы). Он редактор научного журнала. Давайте в гости сходим к нему? Поедим, отдохнем.

- Если будет много свободного времени между поездами, погостим. Пообещал лейтенант. - Адрес знаешь?

- Да, конышно, знаю. Бывал до армии у него, три раза. Хорошо живет дядя Ахмед, богато.

После посещения подземного озера, в кармане у Ромашкина не было ни шиша, только фантики от конфет. Едва хватило на билеты в общем вагоне.

"Ладно, чем голодать и перебиваться вонючими столовскими беляшами, а чем пухнуть от голода, лучше в гости сходим", - подумал Никита и утвердился в решении посетить дом культурного туркмена. "Любопытно сравнить, как живет цивилизованная элита аборигенов и провинциальные урюки? У не цивилизованных в гостях уже бывал, вкусно готовят, сытно, но обстановка не стерильная. Теперь надо посмотреть на тех, кто поднялся в эволюционном развитии ступенькой гораздо выше

бабуина". До поезда в Педжен действительно получилось "окошко" в двенадцать часов. Можно и на экскурсию.

Они в течение часа доехали на троллейбусе в какой-то зачуханный район и оказались в бескрайних одноэтажных кварталах.

"Вот незадача!" - подумал Ромашкин. - Раз обитает в такой глуши, очевидно, ничего хорошего тут не увижу. Убогость и нищета! Сплошные трущобы.

Унылый район, состоящий из несколько сотен глинобитных домишек, узкие улочки, по которым ветер раздувал пыль, песок, мусор. Обрывки газет, словно бумажные змеи летали между заборами. Эти заборы были не совсем заборами в понимании русского человека, они являлись слепленными глиняными стенами, одна к другой. Чем богаче и значительнее достаток обитателя жилища, тем толще и выше эти стены, настоящие крепости. Сами домики прятались за дувалами, как за защитными сооружениями. Жизнь за ними била ключом и порой вырывалась наружу в виде шумных ватаг ребятишек выскакивающих с гиканьем и визгом из дверей. Эти двери были словно бойницы в крепостях. Единственные лазейки в огородившихся от внешнего мира бастионах. Ребята кидались друг в друга камнями, ругались, стреляли из рогаток. Не дай бог, врежется в пешехода эта толпа, затопчет и не заметит. Дикая орда!

Путь военных лежал к одному из самых убогих домиков. Единственное, чем он отличался от остальных сооружений, дувал возведен не высоко и перед ним был маленький заборчик с палисадником, в котором росли какие-то кусты. Сейчас стояла зима, и что это за растительность борется за свою жизнь в глиняной и песчаной почве, осталось не известным.

Солдат отодвинул потайную задвижку, приоткрыл скрипучую калитку и они подошли к дверям. Мерабов принялся колотить руками и ногами по крепким деревянным доскам.

- Дядя! Дядя! Это я Рустам! - Прокричал солдат, что есть сил. - Дядя!

Видимо вскоре их услышали, потому что занавеска на маленьком подслеповатом окошке слегка шевельнулась, и за ней мелькнуло женское лицо.

- Тетя Фатима! Это я, племянник Рустам! - воскликнул, обрадовано Мерабов. - Товарищ лейтенант, сейчас нам откроют, меня услышали!

Лицо солдата светилось радостью. Наконец-то он у родственников! Пусть и не в родном доме, но и не в армейской среде, которая за полгода обрыдла. Боец предвкушал сытную, домашнюю пищу, отдых, тепло и покой.

- Салам Рустам! Салам командир! - заверещала выбежавшая на стук женщина. - О, Рустам! Как ты подрос! Возмужал! Но до чего ж ты похудел! Пойдем скорее в дом. Заходите товарищ офицер! Пожалуйста.

Далее она много бурчала и трещала на родном, непонятном россиянину языке. Из всего потока слов Никита уловил только аллах, шурпа и бешбармак. Более он ни бельмеса не понял, сурдо перевод отсутствовал.

"Ага, значит, аллах послал сегодня шурпу и бешбармак. Это хорошо. Значит, голодными не уйдем. Не плохо бы посмотреть телевизор. Сегодня большой хоккей: ЦСКА-Спартак".

Дяди в доме не оказалось, но остальная семья была вся в сборе. Огромная старуха-мать, тощая, не красивая (на вкус Никиты) жена, пятеро детишек, мал-мала меньше, от трех до двенадцати лет. Детки выглядывали из проема в маленькую комнату, прикрываясь занавеской. Их черные и коричневые глазенки любопытно сверкали, дети перешептывались, не решаясь выбраться на свет. Они опасались постороннего русского.

"Молодая" хозяйка пригласила войти в большую комнату, а старая внимательно и недобро разглядывала офицера. Никита с удивлением озирался по сторонам. На свежевыбеленных саманных стенах висели какие-то национальные картинки, узорчатые, большие, красивые ковры и маленькие коврики с орнаментами. Утрамбованные глиняные полы тоже были устланы коврами. В центре комнаты лежало несколько толстых одеял, а на них стоял низкий деревянный помост, игравший роль стола. В углу высилась стопа одеял и подушек, которые упирались в потолок. Телевизор не обнаружился.

Хозяйка пригласила к столу, мигом принесла пиалы с чаем, сахар, конфеты, лепешки. Перекусив с дороги, лейтенант задремал на мягких подушках в углу, а солдат болтал с родственницами и, шаля, барахтался с ребятишками.

Тепло и уют мягких и лежбища из ковров и одеял сморили Ромашкина, и он чуть задремал.

Сколько Никита проспал? Может час, может полтора, но вскоре лейтенант проснулся от громкого и веселого щебетания детей, и сладкого, тягучего и одновременно мурлыкающего голоса мужчины. Ага, дядя пришел! Кот, как есть кот - мурлыка. Широкое восточное лицо, раскосые глаза, реденькая, короткая бороденка на подбородке и щеках. Человек протянул маленькие, узенькие, мягкие ладошки, пожал ладонь лейтенанта и пригласил к столу. Никита обрадовался, увидев, что на постаменте стояли тарелки с едой, зеленью, восточными сладостями: халвой, сладкими орешками, пастилой. В центре этого столика чайник с

заварным чайничком. Зеленый душистый, свежий чай, и его аромат хорошо улавливался в воздухе.

- Извините, дорогой товарищ, в моем доме не пьют водку. Я сам не пьющий.

- Ничего, я все понимаю, и так хорошо, спасибо за теплый прием, произнес Ромашкин и представился: - Никита. Лейтенант Ромашкин.

- Очень приятно. Ахмед. Я журналист. Заместитель главного редактора журнала "Проблемы религии и атеизма". Не читали?

- М-м-м.... Извините, не помню, - смутился лейтенант. - А проблем больше у религии или атеизма?

- А Вы шутник, милейший. Конечно у атеизма! Религия вечна! То, что не знакомы с нашим изданием понимаю, он специализированный философский журнал.

Церемония приветствия и знакомство окончилась, и гости направились к тому месту, где были расставлены закуски и уселись на подушки. Чудно есть на полу. Этого Никита конечно не ожидал. Он уже бывал в домах простых туркменов: торгашей, водителей, кладовщиков. Но то были малообразованные простые аборигены. А вот этот культурный азиат с двумя высшими образованиями, партиец, журналист, представитель местной интеллигенции! Но обстановка настолько же убогая, как и у других, ни кроватей, ни кресел, ни шкафов, ни столов. Даже телевизор и радио, атрибуты почти каждого местного дома, отсутствуют. Странный какой-то мужчина, хитрый и не понятный. Что-то бормочет себе под нос, и ехидно улыбается. Съели шурпу, лагман, попили чай и хозяин начал рассказывать о себе, о журнале, и отвечать на вопросы гостя.

- А почему нет в доме мебели? - поинтересовался Никита.

- Зачем, нам и так удобно. Телевизор пока не купили, потому как что денег нет. А радио, зачем оно нам?

Никита ухмыльнулся, сектанты какие-то. Религиозность, благостность и святость, Ахмеда буквально распирали. Диалог плавно перешел в монолог. Хозяин дома принялся рассказывать о работе.

- Понимаете, друг мой, заместитель главного редактора - это фигура, величина! Почти политическая! Журнал ведь не "Мурзилка", не "Юный натуралист". Это общественно-политическое издание! Утверждает его содержание целый отдел в ЦК партии республики! Постоянный контроль, цензура, ответственные товарищи печатаются: ученые, философы, политики, деятели культуры. Мое общественное положение позволяет посещать культурные всевозможные мероприятия. Я несколько раз выезжал за рубеж: в качестве члена делегации

республики, бывал в Египте, Сирии, Йемене, Ираке, Алжире.

- А всего в скольких странах бывали? - удивился Никита.

- В двенадцати. В Саудовской Аравии, Марокко, Тунисе и в других арабских странах, туристом и по делам.

- А Европе бывали? - осведомился Никита.

- Нет, в Европе не бывал, - скривился Ахмед. - Что там интересного? Я не люблю Запад. Суета, безбожие и разврат! Вся мудрость человечества заключена на Востоке. Ибн-Сина, Фирдоуси, Низами и многие другие мыслители! Вот столпы мудрости! А какие прекрасные творения человечества в Ираке! А Мекка, а Медина! Жаль, пока не имею возможность посетить Иерусалим! Но на все воля Аллаха, вернутся святыни палестинскому народу.

Его глаза злобно сверкнули при этих словах. Никита задумчиво посмотрел в глаза редактора и спросил:

- Что-то я не могу понять милейший хозяин, Вы партийный или религиозный деятель, или известный теолог? Вы специалист по атеизму или религии?

- Атеизм? О нет увольте. Конечно же, я веду разделы, посвященные религии. История ислама, его благотворное влияние на развитие тюркских народов. Ислам и туркмены. О, это такой глубочайший пласт нашей истории...

- А как же марксистская идеология, партийное руководство? - вновь удивился Никита.

- Да так же, как и у христиан, многие православные священники, члены КПСС, по принуждению. Они вынуждены приспосабливаться к реалиям современного общества. Принужден был вступить в партию и я. А как иначе я можно выехать за рубеж? Не только в Алжир или Сирию, я даже в Монголии никогда бы не побывал. Я, между прочим, и в Афганистане бывал, дорогой мой!

- Эх, да кто в Афгане сейчас не бывал! Почти пол миллиона военных через него прошли! - воскликнул Никита.

- Молодой человек, я его посещал задолго до всех этих переворотов и войн! Я даже имел аудиенцию у самого короля Афганистана! Я осмотрел Герат, Кандагар, Кабул, древнейшие города Востока! Тогда никакой войны не было, мир и благость были. Большая, тихая и спокойная страна. Дороги строили наши рабочие, возводили мосты, электростанции. А как интересны в этой стране вкрапления чуждых цивилизаций! Статуи Будды в Бамиане, пусть и не наша религия, но любопытно, крепости в Кабуле и Алихейле, построенные, чуть ли не во времена Александра Великого Македонского! Тогда народ жил спокойной, тихой, размеренной жизнью. В полной гармонии с душой, в

истинной вере! О, Аллах, что сейчас творится в Афганистане!

- Стоп! Но вы же просвещенный человек! Какой бог! Я могу, понять какого ни будь, малообразованного хлопкороба, с его слепой верой в Аллаха. Человек мало читал, постоянно занят тяжелым трудом, незначителен в своей сущности, бедствует, но вы то! Вы интеллигент! - воскликнул Никита, - как можно в наш век выхода человека в космос, достижений в области физики, астрономии быть настолько религиозным?

- Молодой человек! Повторяю, в вашу партию я вступил вынужденно, по обстоятельствам, что б стать членом редколлегии и иметь возможность посещать святые места за рубежом. А ваш атеизм - это заблуждение, скажу больше, преступная ересь.

- Смешно слышать, как раз от вас, речи о религии! А я не хочу принимать на веру того, что человек создан из грязи! Землю создал Бог за неделю? Ха-ха! Женщину из ребра Адама? Таксидермист какой-то! Бред! И такого бреда множество.

- Юноша, не богохульствуйте! Вы Коран читали? Нет? А библию? Нет? А языки вы знаете? Тоже нет? А я вот знаю арабский, могу читать древние книги. Могу читать на персидском! Напрасно вы смеетесь над умозрениями множества людей. Религия - это не бред, не мракобесие! Это история человечества, его знания. Как христианская, так и мусульманская. Не говоря уж о древнейшей религии, буддизме. Но истинная вера и истинные знания - это ислам! Закончим наши прения, все одно для споров нужны равные познания и равные понятия строения Вселенной!

- Это точно! В споре всегда один дурак, а другой подлец, потому что подлец знает истину, а второй спорщик - дурак, потому что ее не знает.

- Я Вас решительно не понимаю! Вы намекаете на то, что мы мусульмане глупцы?

- Нет, вы меня не поняли. Я хочу все объяснить по порядку.

- Молодой человек, чтоб не ссориться, вновь предлагаю, давайте прекратим нашу дискуссию. Мне бы не хотелось, чтоб вечер так хорошо начавшийся закончился плачевно. А народы нашей страны, я уверен, еще возвратятся каждый к своим богам.

- Хорошо! - согласился Никита. - Давайте допьем чай, и будем прощаться. Нам в принципе пора на вокзал. Не то на ночной поезд опоздаем. Очень было приятно познакомиться с таким умным и столь разносторонне и широко образованным человеком. Надеюсь, еще встретимся и подискутируем. Не серчайте.

- И мне приятно познакомиться. Не обижайтесь, на мою излишнюю резкость. Вы русские, на нас, представителей народов

Азии смотрите с высока. Считаете почему-то себя старшими братьями! Хотя наша государственность насчитывает три тысячелетия, а ваша гораздо моложе, чуть более тысячи лет! У нас сотни лет была письменность, а вы тогда в шкурах по лесам бродили. Впредь заходите в гости, не стесняйтесь, если будете в наших краях! - напутствовал хозяин дома.

Далее он наскоро попрощался с племянником, что-то быстро и сердито ему выговорил на родном языке. Когда Ромашкин и солдат выбрались к троллейбусной остановке, Никита усмехнулся, и спросил:

- Ну что досталось из-за меня от дяди? За то, что привел такого нахального, скептичного спорщика?

- Нет, что вы? Он только сердито мне сказал, что я должен был заранее предупредить о приезде. Вот и все. Он больше ни на что не ругался.

- Вот и славно. Не хотел бы я испортить тебе отношения с родней из-за меня, случайного гостя, - усмехнулся грустно Никита. - Ну, давай дружище, поторапливаться к поезду. Не то еще сутки будем тут куковать.

***

- Вот- вот! От этих просвященных азиатов весь вред! Ваххабиты какие то объявились! - воскликнул Кирпич. - Поставить бы их всех к стенке и из пулемета! Замутили разум простым работягам, теперь они по горам с автоматами бегают, не унять!

- Это точно! Помню, у меня был замкомвзвода Гасан Муталибов, золотой парень! И где он теперь? По какую сторону на воюющем Кавказе? - задумчиво произнес Большеногин.

- Точно, отличный хлопчик был Гасан. Мы с ним в одном СПСе два месяца жили, и в зеленке от духов вместе отбивались! - согласился Никита. Надеюсь, он выбрал правильный путь, не задурили ему мозги! Ладно, слушайте далее.

Глава 19. Пьяный наряд.

Командование полка встретило Никиту не ласково. Ромашкин, не успел войти в казарму, как его загребли в наряд. В гарнизоне ночью произошло ЧП. Дежурный по полку Миронюк, нажрался до поросячьего визга, вместе с остальными офицерами из состава наряда по части. Не поймали только Вовку Хлюдова, дежурного по столовой. Да и то, лишь потому, что он сам по вызову командования на освидетельствование состояния трезвости не явился.

Никите, не успел он войти в роту, комбат отдал распоряжение заступить начальником караула. Этот факт, особенно бесил Ромашкина. Обычно он ходил в наряд

помощником дежурного по полку, изредка дежурным по столовой. А начкаром нести службу и напряженно и ответственно. А тут с чужими солдатами, да еще и не в свою очередь.

- Что произошло, объясни мне! Как мог оперативный дежурный в дивизии, из Ашхабада, определить, что пьян наш начальник караула? Влас-то, как попался? - вопрошал Ромашкин у Ахмедки Бешимова. - Объясни! Он ведь начкар!

Ахмед оставался со своим взводом самоходчиков в полку, а ночью ответственным за батальон, и был в курсе хода событий.

- Да офицеры, этой роты, как один чудаки! Пить начали еще позавчера, по возвращению с полигона,- усмехнулся Ахмедка. - На плац к разводу караула вышли качаясь. Прохождение, дежурный Миронюк отменил, ибо дежурный по парку идти не мог, а помдеж еле переставлял ноги. Сразу разбрелись по объектам. Власьев как принял караул, так пришел доложить дежурному об этом, и целый час из дежурки выползти не мог. Покуда еще один пузырь водяры на троих не оприходовали. Показалось, что мало. Дежурный Миронюк, заслал помошника Хлюдова вновь за пузырем на дежурной машине, тот вернулся с бутылкой, созвали вновь остальную компанию. Гуляцкий и Власьев сбежались по первому свисту. Пять минут, а пить уже нечего. Хлюдов пошел в казарму, достал из сейфа заначку, флакон коньяку, вот тут уже всех окончательно проняло. Гуляцкий завел песняк про "Черноглазую казачку" и побрел на свой объект, в автопарк. Хлюдов следом за ними, отправился спать домой. Ночью ведь по распорядку, его время отдыхать. Ну, а Влас с Миронюком принялись за игру в нарды.

Думая над очередным ходом, Миронюк задремал. Влас по началу не огорчился этому факту, а продолжил курить и пить. Наступило время доклада оперативному в штаб дивизии. Власьев сумел растолкать и разбудить дежурного. Майор собрал последние силы в кулак, и с трудом сумел сконцентрироваться, чтобы снять трубку, и велеть телефонисту соединить с оперативным. На этом концентрация и сила воли окончилась. Вновь сморил сон, и Миронюк захрапел. Теперь окончательно. Влас в ужасе увидел, что приятель отключился в ходе доклада. Олежка дернул Миронюка за ухо, дал ему пощечину, потеребил усы, ничего не помогало! А оперативный уже орет на проводе.

- Подполковник Федорчук! Слушаю! - оперативный разъярился и рычит. Ну, дежурный? Что вы молчите? Докладывайте!

Влас решил выручить друга и взял из руки спящего друга трубку.

- Докладывает начальник караула старший лейтенант

Власьев! - произнес заплетающимся голосом Олег. - В Педженском гарнизоне без происшествий! Все в порядке. Никаких проблем.

- Не понял? Кто говорит со мной? - вновь разозлился оперативный. Доложить по форме!

- Докладывает дежурный, - поправился Влас, сообразив, что оговорился.

- Как фамилия ваша? - вновь уточняет подполковник. - Ваша должность?

- Командир роты. Дежурный по полку майор Миронюк! - догадался Олег, что нес какую-то чушь в предыдущем докладе.

- Повторите свою фамилию, товарищ старший лейтенант! Я не расслышал! настойчиво повторил оперативный дежурный.

Олег бросил трубку и помчался, что есть духу в караулку. Подполковник перезвонил из Ашхабада в полк, но теперь дежурка не ответила. Миронюк не услышал звонков и не проснулся. Оперативный позвонил командиру полка и вызвал в часть, что б навел порядок. Переполошилось все начальство. Командир и его заместители примчались в полк и увидели шокирующую картину: ключи от сейфов с пистолетами и документацией валяются на столе, а дежурный храпел, источая ужасный водочный перегар.

Зампотех полка побежал в автопарк, а там Гуляцкий спал таким же крепким пьяным сном. Парк без охраны, выгоняй хоть танк, хоть автомобиль. Один начальник караула не спал, он пытался из последних сил держаться. Сказать не мог даже "му", тупо смотрел на начальство посоловелыми глазами, и почти ничего не соображал.

Вот его-то Ромашкину и предстояло теперь сменить. На свою неудачу, прейдя в казарму, попался комбату. Не хватало как раз начкара. Не сменили лишь дежурного по столовой, и помдежа Хлюдова, так как тот отдыхал, запершись квартире. Чего мужики нажрались, не могли объяснить ни один из них. Просто так получилось, без причины и повода. Спонтанно начали, а остановиться не смогли.

Пьянка дорого обошлась приятелям. Позднее Миронюка понизили в звании до капитана и сняли с должности. Олегу Власьеву объявили пять суток ареста, а Гуляцкого поставили "на лист ожидания", для отправки в Афган в первую очередь. Партийным был только Миронюк, им занялся партком.

Вначале срочно собрали партсобрание батальона, где рассмотрели его персональное дело. К этому времени батальон уже вернулся с полевого выхода. Офицеры собрались в ленинской комнате, кроме секретаря парткома полка, явились еще командир, начштаба и замполит. Все они злобно посматривали на

коллектив батальона, а на Миронюка с особой ненавистью. Еще бы, начальник штаба получил строгий выговор за упущения по службе, а замполит полка строгий выговор: за низкий уровень воспитательной работы.

- Коммунист Миронюк! Объясните свое поведение своим товарищам! воскликнул партийный босс, обращаясь к стоящему перед трибуной пока еще не разжалованному майору. - О чем вы думали, когда пили?

Миронюк избрал оригинальную линию поведения и защищался неожиданно изобретательно:

- О победе коммунизма во всем мире!

- Вы что, издеваетесь? Взвизгнул замполит.

- Нет. А вы о чем думаете, когда пьете, товарищ подполковник? О победе империализма? Я как настоящий коммунист пил за нашу победу над "темными силами" империализма! И за нашу славную Советскую Армию!

- Вы дурак, коммунист Миронюк? Вы что тут концерт устраиваете? Цирк? Клоуном решил поработать, майор? - рявкнул комполка Хомутецкий.

- Никак нет, товарищ полковник! - ответил Миронюк. - А чего вы меня оскорбляете? Тут у нас партсобрание. Мы все товарищи и в равных правах.

- Товарищ майор! Прекратите паясничать! Не стройте из себя шута горохового! - возмутился секретарь парткома Козленко.

- Почему я паясничаю? Пить за коммунизм - это шутовство?

Миронюк внимательно посмотрел суровым и тяжелым взглядом на партийного лидера.

- Прекратить балаган! Не надо прикрываться высокими идеалами и красивыми фразами! - Поддержал Козленко замполит Бердымурадов, громко завизжав фальцетом.

- Для вас может и балаган, а для меня святое. Мой дедушка Перекоп штурмовал, а отец Кенигсберг.

В зале наступила напряженная тишина. Что дальше предпринять руководители не знали и несколько растерялись. В недоумении идеологическое начальство переглянулось, и их взгляды устремились за поддержкой к командиру полка. Но тот задумчиво молчал и багровел лицом. Пауза затянулась.

- Товарищ майор, вы бы тогда вместо пьянства изучали руководящие документы партии и занялись укреплениями воинской дисциплины, - наконец выдавил из себя командир полка.

- Ею я и занимался. Мы и за укрепления дисциплины, - согласился с этим предложением Миронюк.

- Товарищ майор, не пить, а укреплять нужно! - Продолжил

уже твердо, с нотками металла в голосе командир.

- А я на партсобрании не майор, а коммунист! Напоминаю, мы все тут товарищи по партии! - сказал, как отрезал Миронюк, прерывая командира.

- Хорошо, коммунист Миронюк. Пока коммунист...

- Угрожаете? - с вызовом в голосе поинтересовался Миронюк. - Оказываете давление на рядовых коммунистов?

- Честное слово, он над нами издевается, прикрывается идеалами нашего общества! Алкаш! - воскликнул Козленко.

- А за алкаша в суде ответите! - пообещал Миронюк, глядя в упор и не мигая на Козленко. - И не переизберем в партком на следующий срок! Можете быть уверены!

- Товарищ! Это чистая, правда. Коммунист Миронюк всегда первый тост произносит за победу коммунизма! - поддержал собутыльника, привставая из-за стола Хлюдов. - И за "победу мира во всем мире", и за "полную и окончательную победу социализма в Советском Союзе", и за "Торжество Советской власти"!

- Хлюдов! Не выгораживайте сослуживца. Это вам может дорого обойтись! рыкнул Хомутецкий.

- Дорого?! Аполитично рассуждаете! Меня за попытку восстановления справедливости и принципиальности сошлют? Куда? На этот раз обратно в Москву? В Арбатский округ?

Хлюдов явно издевался над начальством, поддерживая приятеля. Но в этот момент вдруг поднялся Чекушкин и сообщил:

- Если коммуниста Миронюка накажут, это будет вопиющая несправедливость! Ну, выпил человек, так ведь за идеалы! Он постоянно только за них пьет. А перебрал от обиды!

- От какой обиды! - ошалев, спросил парткомовец.

- От такой! Мы в прифронтовой полосе, а фронтовые сто грамм зажимают! Это я вам как ветеран обманутый войны говорю. В Афгане с этим делом тоже проблема, нет никакой нормы, кругом обман! Выдавали бы по сто грамм, как в Отечественную войну было, выпил положенную норму и все! А так приходится покупать. А ни кто по сто грамм не продает, в магазинах только пол литра! продолжил тираду Чекушкин. - И я тоже вынужден мучаться. Так бы один тост и порядок. А за бутылкой чего только не наговоришь: за коммунизм, за победу, за дисциплину. Подтверждаю слова Хлюдова, коммунист Миронюк поднимает тосты с коммунистической идейностью. Пошлости типа: "за баб", "что б стоял", "за здоровье", никогда не допускает!

- И все-таки это какая-то ерунда! Они нас уводят в сторону от сути дела! - возмутился Бердымурадов.

- Это совсем не ерунда! - подал голос с галерки Мишка Шмер. - Совсем не все равно за что человек пьет! Он показывает нам

пример настоящего партийца!

Раздались легкие смешки лейтенантов. Все прекрасно понимали, что собутыльники не дадут просто так утопить своего приятеля. Собрание постепенно направляли в нужное русло.

- Ну, что я говорю! Партийная организация берет его на поруки! воскликнул Хлюдов.

- Капитан, с вами будет отдельный разговор! - попытался оборвать взводного командир полка. - Сядьте и не высовывайтесь, пока не спросили: "Чем вы сами как помощник дежурного занимались в ту ночь?!"

- Известно чем! Проверял караул и несение службы внутренним нарядом! огрызнулся Володя. - А вы что думали? И вообще товарищи коммунисты, мы на собрании или на совещании? Почему нам рот затыкают? Мы здесь все равны!

Командование, явно не ожидало бунта и сопротивления. А это сопротивление было заранее хорошо подготовлено и спланировано. Никому не хотелось топить друга, да и следом за ним могли пострадать остальные.

- Моему долготерпению приходит конец! Всем сесть и не болтать! Не допущу анархию! Слушать меня! Говорить буду я и парторг Козленко!- взорвался истошным воплем взбесившийся Хомутецкий.

- Козленко или парторг? - задал глупый вопрос Хлюдов. - Какой -то Козленко, пусть и парторг, решит судьбу нашего товарища? Надо же, Козленко!

- Ну, нет! Я не согласен! Произвол! - подняв опухшую физиономию, произнес Гуляцкий. - Мы не пешки.

Командир полка в неуемном бешенстве начал судорожно глотать воздух. Создалось впечатление, что его сейчас либо хватит удар, либо он бросится с кулаками на офицеров.

В этот момент встал замполит батальона, и спас командование в этой сложной ситуации.

- Прекратить! Разрешите мне сказать! - обратился он к председателю собрания. Коля Миронюк был его другом, и он тоже не хотел его наказывать, поэтому придумал тактический ход.

- Да, да, пожалуйста! - кивнул головой председательствующий на собрании Давыденко.

- Что ж, можно каждый день пить за Родину, и за коммунизм. В итоге навредить и тому и другому. Предлагаю наказать коммуниста Миронюка и объявить строгий выговор! Без занесения в карточку. - Предложил Рахимов строгим голосом, одновременно, как бы протягивая спасительную соломинку.

- А я не согласен! - уже куражась, протяжно промолвил Миронюк. - И в Политбюро ЦК буду жаловаться, что вы за

империализм и не любите Советскую власть.

- Верно! Надо пожаловаться! - поддержал его Шкребус. - Я бы так не оставил.

- Глобус! Хватит болтать! Я внес предложение! - воскликнул Рахимов.

- И я внесу свое предложение: Просто выговор, не строгий. И попрошу не обзываться на собрании обидными кличками! - промямлил Глобус- Шкребус.

- А я считаю, и настаиваю, надо его исключить из партии! - взвизгнул парткомовец Козленко, глядя со злобой, на сидевшего в первом ряду Шкрябуса.

- Кого? Меня? - удивился Шкребус.

- Сядь, черт тебя подери! - прикрикнул Рахимов.

Давыденко поставил на голосование все три предложения, и в результате победило предложение Рахимова: "строгий выговор".

Командир вскочил, оттолкнул стул и выбежал из аудитории, хлопнув дверью.

- Я вам всем покажу! - крикнул он, покидая помещение, нервы не выдержали, закипел, и взбесился.

- А чего покажет, не сказал, оставил в неведении! - иронически произнес Хлюдов.

В зале наступила тишина. Через пару минут молчание прервал скрипучий голос Бердымурадова:

- Что ж товарищи коммунисты! Вы свое решение вынесли, мнения высказали. Теперь очередь за нами. С батальоном нужно что-то делать! Будем спасать коллектив.

Он и секретарь парткома вышли за дверь, а комбат вскочил из-за своего стола, и грозно спросил у начальника штаба:

- Собрание закончилось?

Тот кивнул в знак согласия.

- Прекрасно! Демократия на этом закончилась! Я с вами чикаться не буду! П-панят-тна?

- П-панят-тна! - словно эхо ответил юморист Хлюдов.

- Молчать! Ладно, я тоже займусь воспитанием! Порядка сама не приходит! Ее нужно наводить ежедневно и ежечасно! П-панят-тна?

- Так точно! П-панят-тна! - в унисон поддержали иронию Хлюдова, и так же с насмешкой хором гаркнули Власьев, Миронюк и Колчаков.

- Замордую! На гауптвахте сгною! В Афган! Всех к чертовой матери! взвизгнул Алсын.

- Не понял?! Так в Афган или к чертовой матери?! Уточните, пожалуйста! А тех, кто там был, отправите по второму заходу? - нагло поинтересовался Чекушкин.

- Чекушкин! Строгий выговор за пререкания. Тебе Власьев тоже строгий выговор. И тебе Хлюдов. Миронюку строгий выговор за..., за..., за...

Комбат искал мысленно формулировку, подыскивая правильную фразу, и вслух повторялся.

- Зачло? Закончил? Запьем? Зальем это дело? - насмехнулся Миронюк

- За, за, за..., за хамство! - нашелся, наконец, Алсын. - Строгий выговор! "За хамство!"

- Спасибо! - ответил Миронюк.

- Прекратить паясничать! Вон отсюда все! - закончил Алсын свое выступление и выгнал офицеров из ленкомнаты.

Почему была такая обстановка в полку и батальоне? Да потому, что повторюсь, гарнизон находился в диком и убогом месте, и офицерам нечего было терять. Что-то худшее трудно подыскать для дальнейшей службы. Половина командиров даже в Афганской компании отметилась, теперь им предстояла служба в этой "дыре", еще лет десять. Замен не ожидалось, перспективы ни какой. А молодые лейтенанты и старлеи стояли на листе ожидания для отправки на эту войну. Это было неминуемо. За себя дрожали только начальник штаба Давыденко и Алсын. Им было что терять. Один желал в академию, другой ее недавно окончил, и хотел стать замом командира полка.

Офицеры гарнизона, обычно на визг командира полка для себя отвечали: "Вам тут служить, а нам здесь жить!" Начальство менялось, а основной контингент командиров взводов и рот, медленно гнил и спивался. Тоска и безвыходность... Ни кто, ни кого не боялся.

В итоге никого из партии не исключили, провинившемуся майору объявили выговор, но с занесением в карточку. А по служебной линии, за пьянку участникам "банкета" вкатили по пять суток ареста. Миронюк, Влас и Гуляцкий отсидели эти пять суток в Ашхабаде, и обстановка успокоилась. Хотели снять со всех по звездочки, снизить в должностях, но не вышло. Дважды за один и тот же проступок не наказывают!

Но Хомутецкий все же изыскивал возможность протолкнуть обходной вариант избавления от Миронюка. Его вскоре, сплавили в городишко Мары в горвоенкомат. Должность без понижения, без личного состава, но из этих Маров не выберешься уже никуда. Разве что на кладбище...

***

- Никита, помнишь как Пасмурцева начпо из партии велел исключить?

- Помню. А Вадик и Глущюк комсомольцы! Вот потеха. Водка,

конечно, самое главное зло в этой жизни!

- Верно! - рявкнул Димка-художник. - Наливай!

Глава 20. Родительский день.

- Мишка! Вонь твоих носок меня скоро выживет из мансарды! Так жить нельзя! - воскликнул субботним утром Никита, проснувшись в плохом расположении духа.

Голова гудела после вчерашнего застолья. А вместо того чтобы поспать в единственный выходной, комбат вызывал на ПХД (парко-хозяйственный день). Комбату дома со сварливой женой не сидится, вот и вызывает всех. А завтра предстоит быть ответственным по роте! Да тут еще этот Шмер со своим барахлом валяющимся по всем комнатам.

- Ты что субботник решил затеять?! - хмыкнул Шмер.

- Надоел бардак! Либо выбрасывай тряпье в мусор, либо стирай, либо выметайся в месте с ними ко всем чертям!

Носки стоят по веем углам. Самому не противно?

- Нет! - почесал и разгладил усы Мишка. - Они еще не достигли пятой стадии загрязнения. - Только после этого принимается решение стирать или выбрасывать.

- Ну-ка, расскажи про свои стадии. Интересно послушать!

- Первый день ношу нормально одетыми. Можно не один день, а два или три, пока пальцы не начинают скользить внутри. Вторая стадия, это вывернуть их наоборот и вновь носить. Третья - правый одеть на левую ногу, левый на правую. Четвертая - опять вывернуть после смены ног. Пятая - носки встали колом, ударить их об дверной косяк несколько раз, чтобы размягчить. Тогда они вновь наденутся. Пятой стадии пока еще не было.

- Ум, - ухмыльнулся Никита. - Я не собираюсь ждать наступления пятой стадии. Сегодня смету все в кучу и запалю во дворе! Заодно крысы под фундаментом подохнут от запаха.

- По-нятно! Так значит?

- Только так! - утвердительно кивнул Никита.

- Ну тогда передай ротному, что меня не будет на построении. Стираюсь. Не в чем явиться. Я включаю машинку и все замачиваю. Хороша отмазка?

- О-чень. Недумающий скажет надеть портянки.

- Эх, если б они были, ты ж их уже месяц назад вышвырнул!

- Конечно. Я об них два раза запнулся, едва палец не сломал.

- Вот и славно, иди строиться, а я еще покемарю. Да пришли сюда Кулешова. Пусть поможет. Сержанту Наседкину передай мое распоряжение, чтоб Витька захватил мыло, порошок и мчался сразу после построения.

На плацу стоял строй батальона, но офицеров было маловато. В основном лейтенанты. Капитаны и старлеи проигнорировали

Алсынбабаева и не явились.

Капитан Неслышащий получил выговор от комбата за отсутствие управления войсками и начал срывать зло на прибывших.

- Где Ваш сосед, товарищ лейтенант? - набросился на Никиту ротный. Почему его нет в строю.

- Он голый сидит, стирка имущества, - ответил Ромашкин.

- Пусть явится, в чем есть!

- В чем мать родила? На нем одна набедренная повязка.

- Разболтались лейтенанты! Передайте, что я его накажу!

- Обязательно передам при встречи, - ухмыльнулся Никита. (Разберемся, как попало, и накажем как-нибудь.)

Когда Никита вернулся домой, то увидел спящего под бревном Кулешова. Машинка работала и крутила белье, судя по всему уже полчаса. Носки должны были, очевидно, приобрести эластичную форму, а не стоять как реликтовые окаменелости.

Никита прошел в дом споткнулся о валяющегося в проходе мертвецки пьяного Шмера. "Эх, черт! А вчера говорил нет денег! Это же надо умудриться успеть так нажраться за три часа!" - подумал Никита.

Он вернулся во двор и разбудил солдата.

- Витька! Хватит спать! Вся морда в слюнях!

Кулешов вскочил, спросонья перепугавшись, вытер губы и спросил оторопело:

- А, да? Что случилось?

- Ничего! Ты, почему спишь на посту? Тебя Шмер приставил к стирке?

- Так точно!

- Кто у нас был в гостях? - продолжил допрос грозным голосом Ромашкин.

- Я не знаю. Какие-то два пожилых "чурки" азербайджанца приходили. Принесли водку, коньяк, закуску.

- Ты что тоже пригубил чуток? - возмутился лейтенант.

- Ника нет! Только колбасой угостили, фруктами. Я в дом больше ни разу не заходил.

- Черт! Пойдем поднимать взводного. Споили его гости. Интересно, какие еще меня сюрпризы ожидают? Может квартиру обчистили, может родственники солдатика тоже где-то валяются под столом? Или уже какого-то бойца самовольно в отпуск везут?

- Не видел, чтоб они выходили, - растерянно ответил солдат. - Я дом внимательно охранял.

- Ты спишь как старый пес. Тоже мне сторож!

Никита с тяжелым предчувствием открыл перекосившуюся, облупленную дверь и шагнул через порог.

Стащив с ног прилипшие к потным икрам сапоги, с трудом не потеряв при этом равновесия, лейтенант переобулся в тапочки. Конечно, когда ноги обуты в тапочки, а на тебе галифе с торчащими тесемками то выглядишь при этом комично. Особенно при посторонних. Но очень не хотелось топтать вымытый вчера вечером пол.

Напрасное беспокойство. Перешагнув дверной проем отделяющий веранду от квартиры Никита тотчас пожалел о вчерашних усилиях по наведению порядка. Эта сволочь Шмер естественно не разулся и вместе с ним в грязной обуви топтались в кухне го собутыльники.

Вернее больше уже не топтались. Мишка быстро "надрался" и лежал своей худощавой мордой на сжатых кулаках, сопя и посвистывая. Два пожилых азербайджанца о чем-то тихо гортанно переговаривались, ожидая пробуждения офицера. Оба, судя по большим мозолистым ладоням из сельской местности, видимо механизаторы из какого-то аула. Стол ломился от фруктов, зелени и коньяка. Завидев вошедшего лейтенанта мужчины обрадовано вскочили и принялись здороваться, назвав себя по именам. Видимо притомились сидеть в тишине.

Тот, который именовал себя Расулом и был моложе своего спутника принялся разливать по стаканам коньяк.

Другой, представившийся Мамедом, ласково глядел на лейтенанта, и что-то быстро лопотал по-азербайджански.

- Давно спит? - спросил Никита, ткнув пальцем в квартиранта.

- Не очень, - ответил Расул. - Заскучать не успели.

- Много он выпил?

- Торопится очень. Не закусывает, - осуждающе продолжил азербайджанец. - Мы даже о деле поговорить не успели.

Давайте выпьем за знакомство, для начала, а потом выскажу нашу просьбу.

Стаканы звонко блинкнули и их содержимое было проглочено с придыханием и кряхтением.

Старый выпил треть стопки, помоложе половину, а Никите была наполнен полный стаканчик.

- Ребята! Не малить! Наливать одинаково! И пить поровну! запротестовал лейтенант, отложив, поломив половинку шоколадки.

- Штрафная. Мы уже много отхлебнули, - виновато улыбнулся Расул.

- Ну давайте теперь болтайте о деле! - ухмыльнулся Никита, очистив пару мандаринов пережевывая дольку за долькой.

- Дело такое! Это папа рядового Мамедова. Я дядя рядового

Мамедова. Любимый дядя! А он мой любимый племянник. Папа скучает, мама скучает, дядя скучает, сестры плачут! Командир отпусти Ильхамчика в отпуск, повидаться с родными.

- Очумели? Он служит всего три месяца, а вы отпуск просите. Курсанты учебок только по семейным обстоятельствам ездят на побывку. Смерть родителей, тяжелая болезнь. Нужен повод. Тоска и плач не считаются.

- Вах! - произнес Мамед, когда дядя перевел ему слова лейтенанта.

- А по-другому можно решить проблему? В гостинице в городе сейчас живут мать и сестры. В гостиницу отпустите надвое суток? - продолжил гнуть свою линию дядя.

- На субботу и воскресенье, может быть. В будни нельзя. Дядя вновь схватился за бутылку азербайджанского коньяка "Бакы" и предложил выпить за интернациональную дружбу британского советского народа.

Никита хмыкнул, но возражать не стал.

- До дна! - выкликнул дядя.

Пришлось выпить до конца.

- Ребята, вы сейчас быстро накачаете меня спиртным и вновь останетесь без результата. Не спешите.

- Командир! Почему ты так говоришь? - обиделся дядя. Мамедов плохой солдат?

- Обыкновенный. Как все.

- Порядок не нарушает? Не хулиганит?

- Всякое бывает. Но в принципе к нему особых претензий нет.

- Вот и хорошо! Выпьем за Советскую Армию! - предложил дядя. - Я тоже был солдатом, дослужился до сержанта в стройбате.

Дядя задумался, предавшись воспоминаниям и лицо его приняло хитрое выражение. Настоящий проходимец и пройдоха. Выпили за армию. Дядя вновь начал гнуть свою линию.

- Командир, а я наслышан у вас служит замполит Рахимов. Азербайджанец!

- Есть такой. Майор.

- Вот. Точно! Твой начальник?

- Мой. Но он не совсем азербайджанец. Он гремучая смесь полячки и кавказца.

- Не важно. Главное что в его жилах часть крови джигита.

- Ну-ну! - хмыкнул Никита. - Познакомить могу. Жалко что ли, но вряд ли поможет.

- Дорогой! Это наши проблемы. Мы такой стол накроем! Пригласи его сюда! Михаил обещал. На втором этаже можно собраться?

Никита со злостью посмотрел на дрыхнущего взводного. Вот гад! Уже наобещал и договорился. А потом убирать грязь кому? Солдат снова взывать? Не хотелось.

- Нет, для этого есть гостиница. Там и пейте.

- Обижаешь командир! - воскликнул дядя.

В этот момент Мишка проснулся, поднял голову, потер кулаками глаза и обрадовано воскликнул:

- А вот и пожаловал мой лучший друг! Наливай! Мишка по-хозяйски кивнул дяде и пододвинул стакан.

- Пошел к черту! - беззлобно ответил Никита.

Жидкость громко называемая коньяком и максимум тянувшая на разбавленный коньячный спирт делала свое дело. Будучи трезвым Никита наотрез бы отказал в гостеприимстве незваным гостям и приятелям, но алкоголь размягчал волю. Взгляд лейтенанта упал на стоящие в углу пирамидой коробки и внезапно захотелось банкета, с удалью молодецкой, с плясками, с песнями, цыганами...

Эх, наверное, кто-то в роду был царским офицером. Пролетки, гитары, шампанское, стрельба в воздух из револьверов, визг женщин. Такой в принципе представлялась старая армия всем советским гражданам. Кутежи и более ничего.

Никите захотелось этакой романтики, полета души, страстей, романтики! Как надоело это пыльное, жаркое захолустье.

- Никитушка, пей! - взвизгнул Шмер, выпил и зачихал.

Он всегда, когда перепивал, долго и громко чихал в кулак, вызывая смех у собутыльников.

Дядя быстро принялся пояснять Мишке о нестыковочке, об отказе и негостеприимстве хозяина.

- Никитушка! Комиссар хренов! Ошалел? - воскликнул отчихавшийся Шмер вытирая платком усы. - Все давно "на мази". Даже комбат приглашен от твоего имени. Незнающий лично ходил уведомлял о банкете. Твой адрес назвал и через два часа, (Шмер взглянул на часы), нет через сорок минут, господа офицеры пожалуют к тебе.

- Сколько?

- Если прибудут все, то двенадцать, но вероятнее всего двадцать. Обязательно нахлебники прибьются на "огонек".

- Значит, будет спланированный тобой делам?

- Ну зачем ты так? Все будет аккуратно, чинно, тихо.

Ступай за мебелью в роту, а я начну накрывать. Спорить было бесполезно. Этот гад убил аргументом про комбата. Никита представил ярость "старого бамбука":

Вот Алсынбабаев подходит к мансарде, а на дверях висит замок. Вместо сабантуя - облом. Супруге наплетено про проверку,

занятия, а вместо развлечений, придется возвращаться в батальон, и выплеснуть гнев на подчиненных. Собрать на совещание, устроить батальонный ночной строевой смотр, заняться шагистикой на плацу.

Нет! Уж, лучше пару дней наводить порядок в квартире с помощью курсантов.

А, вот и они. Легки на помине. Впереди вломился на веранду сержант, а за ним задевая стены и косяки бойцы со стульями, и лавками.

- А где столы? - рявкнул Шмер. - Наседкин! Где столы из ленкомнаты? Мы что узбеки? На полу скатерть расстелем?

Говоря про столы Шмер хитро покосил правым глазом на Никиту. Кольнул, язва.

- Ленинская комната заперта. Ключи у замполита, то есть у товарища лейтенанта, - ухмыльнулся сержант.

- Замполит, иди выдай мебель получше. Я пока затащу наверх наш обеденный стол, - продолжал улыбаться Шмер.

Никите не повезло. На полдороге к казарме на встречу попались бойцы с тремя столами.

Это Неслышащий проявил инициативу, и вскрыл своим ключом помещение. Вместо худших столов, естественно, "прогнулся" и выдал лучшие. Лейтенант сбегал в канцелярию, поскандалил с ротным для "порядка" и, прихватив Невидящего направился приглашать Рахимова.

Когда спустя некоторое время троица прибыла к мансарде застолье уже началось.

Алсынбабаев улыбаясь, слушал похвалу "дяди" в адрес командования батальона, офицеров роты и прочих начальников.

Никита застыл в дверях и сглотнул слюну едва не подавившись. Столы его шокировали. После полуголодной недели на одних макаронах и яичнице, дыхание перехватило.

В центре теснились две пирамиды коньячных и водочных бутылок. Вокруг них разместились тарелки с нарезанной копченой колбасой, балыком, буженины, овощные салаты, мелкопорезаная зелень. Несколько банок шпротов прятались среди горок разрезанных на четвертинки гранат, яблок и апельсинов. Огромный арбуз, дыни, шоколад, коробка конфет.

Стоящий в темном углу возле "тещиной комнаты" запасной стол, был завален овощами и фруктами, которые, нарезать еще предстояло.

Ну, что же, после пьянки, можно будет жевать еще неделю, доедая закуску. Как раз до получки.

Собралось действительно почти двадцать человек. Кроме начальства приблудились все старые капитаны-взводяги, у

которых нюх на такие мероприятия был как у охотничьих псов.

Оповещать такого не требуется, он ориентируется на запахи и звон посуды. Чутье и интуиция, выработанные многими годами службы в гарнизоне.

Вскоре Рахимов с земляками о чем-то толковал в сторонке, а Алсынбабаев набрав в коробку фруктов и бутылок исчез. Тотчас из темноты гуськом потянулась молодежь: лейтенанты и старлеи.

За полночь Никита сделал две попытки выставить народ за дверь, но тщетно. Собутыльники угомонились только после того, как были допиты последние капли "зелья" и съедена вся закуска.

Лейтенант грустно посмотрел осоловелым взором на чердачную комнату второго этажа. Да! Грустное зрелище.

Даже свою недопитую рюмку коньяка нечем было заесть. Одни огрызки, шкурки и окурки. Кружки и опрокинутые бутылки, пепел на солдатской простыне заменявшей скатерть, жирные пятна, словно пулеметные очереди, пересекали материю вдоль и поперек. Это капельки масла от банок шпрот до мест закусывающих. За столом вновь сопел Шмер, но лежа уже на одном кулаке, ладонью левой руки, он прикрывал глаза от света. Зампотех Гуляцкий вырубился в странной и ужасно неудобной позе. В тоже время ему повезло, что не рухнул на пол. Лейтенант спал, откинувшись на спинку стула, который балансировал на двух ножках в такт дыхания пьяного. Хорошо, что дымоход печки оказался в полуметре от стола и лейтенант уперся в нее шеей и плечами. Голова свисала на грудь, как абсолютно ненужная часть организма. В ней был только один необходимый кусочек: рот для поглощения спиртного.

Никита допил одним глотком коньяк, чтобы врагам не досталось и на подгибающихся ногах двинулся к лестнице. Ступеньки перегородила туша Миронюка. Майор спал богатырским сном, крепко обняв деревянные перила. Лейтенант поставил ступню на бедро майора и перепрыгнул через две ступеньки едва удержавшись на ногах. Майорская ляжка спружинила подкинув Никиту вверх, а на галифе Никешина четко отпечатался каблук лейтенантского сапога. Никита взмахнул руками и ухватился за деревянный поручень, слегка все же ударившись копчиком о ступеньку.

Ступенька жалобно треснула.

- Черт! - выругался лейтенант. - Кругом одни дубы и дубовая мебель. Лейтенант поднял с досок упавшую широкую фуражку "аэродром" Миронюка, и с силой запустил в пьяную усатую физиономию.

- Убью, каналья! - промямлила "мишень", облизнулась, не открыв глаза и вновь всхрапнула.

Дверь оказалась распахнута настежь. Никита накинул на петлю крючок и отправился на свой диван. С трудом стянул съежившиеся сапоги, рванул галстук, расстегнул пуговицы на брюках и рубашке не слушающимися пальцами, и тяжело вздохнул словно после утомительной борьбы.

Затем бросил ворох формы в сторону стула. На нужное место приземлилось не все. Брюки плюхнулись на пол.

Лейтенант усилием воли стянул носки и, завернувшись в одеяло провалился в кошмар.

Ему снилось, что волосатые лапы Миронюка, душат его горло, постепенно сжимая пальцы на гортани. Усатая морда майора шипела: "Я тебе покажу каналья, как швырять майорские фуражки. Она пошита в Мосторге. Езжай в Москву! Шей новую. С золотистой ленточкой и генеральскими пуговичками." При этих словах майор теребил уши Никиты.

Этот кошмар сменялся какой-то кровавой дракой. Почему-то били Никиту, причем все кому не лень особенно усердствовали Шмер и боец Куляшев. Ромашкину это было особенно обидно и досадно. Он пытался брыкаться, махать кулаками и доказывать солдату, что он его подчиненный, а бить офицера бойцу не положено.

" А носки стирать положено?" - рычал боец.

"Так они не мои, а Шмера, его и бей".

"Его не могу, он мой взводный, благодетель. Это он велел Вас бить по морде".

Никита с силой махнул кулаком и действительно во что-то осязаемо попал.

- Твою замполита мать! - взвизгнул Шмер живым голосом, а не из сновидения. - Скотина, нос мне разбил.

;nbsp;Никита с усилием прищурил глаза, открыть их широко не представлялось возможным. Не во сне, а на яви, из носа квартиранта-взводного капала кровь. Мишка запустил валявшимся на полу сапогом в лейтенанта. Сапожище, шмякнув о стену больно упал подковками на висок.

- Миха! Ты чаво? С ума стрендил? Дерешься, сапоги швыряешь!

- Это ты стрендил. В нос кулачищем со всей дури заехал! Алкаш проклятый! Ну и замполита прислали! Алкоголик! Форменный, законченный алкоголик. Я его бужу на построение, а он клешнями машет. С тебя пузырь за увечье. Сегодня же вечером!

Глава 21. Посещение вертепа.

Небо хмурилось, и ожидался дождь. Вчера было пасмурно и сегодня. Погода отражалась на настроении. Мутило после

вчерашнего.

В канцелярию заглянул Шмер.

- Ты чего тут уселся? Поехали в город, развеселимся.

- Мишка! Какое развеселимся? Денег ни копья. Даже на обед, не говоря об ужине. Вчера, почему не приберег закуски на "черный день"?

- А что он уже наступил? - ухмыльнулся взводный.

- Он еще спрашивает. У меня кишки слиплись от голода.

- Вот и хорошо. Значит, к банкету ты созрел.

- Опять банкет! Издеваешься! Я на спиртное смотреть не могу.

- А зачем на него смотреть? Закрой глаза и пей. Можешь даже не разговаривать, мешать беседе не будешь. Никита удивленно посмотрел на взводного:

- С кем ты беседовать собираешься? Чем это я могу помешать?

- Нас, точнее меня, пригласил Ашот, очень большой человек в городе. Может быть самый главный.

- Он что, начальник милиции или партийный вождь?

- Чудак. Это мафиози. Его весь город боится, а милиция честь отдает, от чего-то понизив голос, произнес Михаил. - Поэтому в ходе застолий, ешь, пей и молчи. Не то начнешь политическую белиберду нести, не в тему. Я тебя беру для компании, чтоб пожрал, а им скажу, что от тебя кое-что зависит.

- Да, не темни, зачем мне нужна встреча с такой темной личностью?

- Чудак! Знакомство с Ашотом это для тебя как быстрый карьерный рост. Был никчемный лейтенант, а станешь, вхож в дома сильных мира сего! В пределах этого города.

Суть дела такова, что Ашот просит отпустить в увольнение, на неделю Махмутова из второго взвода. Я сказал, что это можешь сделать ты. Он решил с тобой познакомиться.

- На неделю! Не поедет. Ты с ума сошел! И я с ними ни куда не отправлюсь. На хрен мне сидеть за столом с какими-то "темными" личностями.

- Ха! Отказаться уже нельзя. Ты получил приглашение! Эй, Абдулла, заходи! - Михаил приоткрыл дверь и окликнул кого-то в коридоре. В комнату вошел маленький, сухонький, сморщенный как выжатый лимон туркмен.

- Изздрасствуй командыр! - произнес человечек и протянул для приветствия по восточному обычаю обе руки.

Ромашкин взглянув на черные потрескавшиеся от солнца и грязи смуглые руки, внутренне содрогнулся, но крепко пожал их и изобразил дружелюбие.

- Командир! Я тебя уважаю. Приглашаю быть почетным

гостем на нашем тое! Будыт балшой пир! - туркмен сказал эту фразу, со значением подняв вверх оттопыренный указательный палец. - Нэ пажалэешь!

- Ромаха, бери рюмаху! Надевай шинель и вперед! - распорядился Шмер. Едем в вертеп! Я открою тебе прелести злачных местных заведений. Ты уже созрел для этого, я думаю, ты уже взрослый мальчик.

- Вертеп? Что это такое?

- Чудак. Подпольный публичный дом.

У Никиты отвалилась челюсть, и глаза округлились. Даже тошнота прошла.

- А что у нас в стране есть такие заведения? Это запрещено законом!

- У нас в стране нет, а в Педжене есть.

- Что и нам можно будет пользоваться услугами девочек?

- Держи карман шире! Только наблюдать! У тебя есть стольник на мелкие расходы? Или хоть полтинник? За бесплатно только комсомолки в райкоме отрываются. Тут бизнес, коммерческая любовь! - Хмыкнул Шмер. - Можно будет пить, есть, смотреть стриптиз, но руками или другими частями тела не трогать.

- Извращенец! - рявкнул Никита. Кровь прилила к голове и брюки его зашевелились.

- О, ты уже змея в галифе зашевелил! - хохотнул Мишка.

- Отстань! - произнес, смутившись, лейтенант. Мозг заработал в одном определенном направлении, рисуя всевозможные фантастические прожекты. Теперь он совсем отбросил сомнения и лишь опасался, что Мишка пошутил. И что вместо таинственного "вертепа" с обнаженными манящими соблазнительными женщинами, он окажется в обычной прокуренной вонючей пивной.

- А ничего что мы в военной форме? Может переоденемся?

- Главное самим быть в форме и боеготовым! В морге тебя переоденут! глупо и мрачно хохотнул Мишка. - Я же тебе сказал идем отдыхать, но не развлекаться. Считай, что ты сидишь на партсобрании. Хочешь осуществить свои мечты, беги ищи двести рублей.

- Почему двести? Ты сказал одна девка, сто рублей стоит.

- А для меня? Я что буду наблюдателем? Нет, я заслужил, чтоб ты и меня побаловал.

- С ума сошел? За ночь вышвырнуть получку? И на что?

- На то самое, - усмехнулся Мишка. - Получишь то, что ты забыл за последний месяц в этом далеком краю. Думай, получишь мечты и грезы, как в сказках Шехерезады. Будет все: и шахини, и

хери, и зады...

В канцелярию вошел Ахмедка.

- Ахмедка! Займи сто рублей! - воскликнул Ромашкин.

- Двести. Займи лейтенанту двести! - перебил его скороговоркой Шмер.

- Сто. Сто мне и сто ему.

- Не дам не рубля никому. Несчастные алкоголики. Прогуляете, пропьете, а мне потом ходи за вами к кассе контролировать получили получку или нет. Я рубль к рублю каждый месяц должен отсылать. Отец контролирует накопление калыма.

- У-у! Байский сынок! Попроси меня чего-нибудь помочь, пошлю подальше! - воскликнул Шмер, увлекая Никиту, и аксакала из канцелярии на выход, быстро приговаривая:

- Веди себя тихо, меньше болтай, а то вляпаемся в какую - ни будь передрягу из-за тебя! Ты в городе человек новый, не умничай перед тем, кого не знаешь, и не задирайся!

Ромашкин проснулся с нестерпимой головной болью. В мозгу кружилось, и что-то гудело, как в колоколе после перезвона.

Изможденный лейтенант не открывал глаз, оттягивая еще чуть - чуть окончательное пробуждение. Сегодня воскресный день, выходной. Но это у всех, а Никите предстояло идти в роту, воскресенье - его день недели. В голове вертелись какие-то кошмарные, обрывки смутных видений и воспоминаний. Не понятно, что такое приснилось ночью, какой-то бред и ахинея. Вчера что было? Пили?

В дверь негромко постучали.

- Входи! - откликнулся Никита.

В образовавшуюся щель в дверном проеме, просунулась голова солдата, который несмело произнес:

- Товарищ лейтенант. Начальник штаба строит батальон. Вас срочно вызывает.

- О черт! Ступай, сейчас я приду.

Едва Никита пошевелился, как острая боль пронзила тело.

- О-о-о! - выдохнул с шумом лейтенант.

- Солдат, стой! Никуда не уходи, жди за дверью. - Подал откуда-то из угла голос Шмер. Мишка лежал в одежде и сапогах на матрасе, брошенном на полу, и жадно курил.

Ромашкин огляделся, удивляясь с каждой минутой все более. Почему это он оказался на ночлеге в общаге? Чья комната? Что было вчера? Часть вопросов он непроизвольно задал вслух.

На соседних койках зашевелились Белый Лебедь и Колчаков. Заслышав рассуждения Никиты они громко рассмеялись.

- Ну ты лейтенант даешь! - воскликнул Белый. Он вскочил и

принялся разминаться физическими упражнениями. В воздухе мелькали кулаки, пятки, локти.

Бр-р-р. Никита затряс головой. От этой пляски рук и ног его слегка замутило.

Вадик Колчаков был чуть разговорчивее. Он взъерошил вихор Ромашкина и участливо спросил:

- Что? Ни черта не помнишь?

- Нет.

- А какой ты был вчера герой! Грозился истребить под корень местные племена, устроить Варфоломеевскую ночь иноверцам, порубать "чурок" на дрова. Требовал танк или хотя бы саблю и коня. Поминал добрым словом конницу Буденного и Александра Македонского (почему-то).

Бессвязные события вчерашнего дня по-прежнему кружили хороводом в голове, но цепь событий никак не желала принять стройность и отчетливость.

- Что сон? Что явь? Что бред? Что реальность?

- Кажите, шо вчора було! - заговорил почему-то на украинской мове (речи) лейтенант.

- Ты ж не хохол, не балакай, или забыл свою национальность? Что было? Гуляли вчерась, братец! Буйно гуляли-с! - ответил с издевкой Белый. Лебедь закончил разминку, и побежал в умывальную комнату, гулко топая по длинному коридору.

- Солдат ступай в казарму, - вяло простонал Никита. - Передай сержантам, чтобы строили роту. Сейчас приду.

- Какое ступай, - усмехнулся Шмер. - Бери, братец, шинель лейтенанта и неси чистить. Она как раз подсохла, и грязь хорошо облетит.

- А где она, - уныло поинтересовался боец.

- Вон, в углу за дверью стоит, к стенке привалившись.

Никита с удивлением открыл глаза и действительно увидел стоящую шинельку, облепленную от погон до полы, сухой серой коркой.

- Это где я так упал?

- Н-да! Не упал, друг мой, тебя уронили и валяли по земле. Скажи спасибо, что не убили. Ашот спас от верной гибели. Ребра болят? Челюсть цела?

- То-то я думаю, отчего это мое тело ноет, и на жизнь жалуется, поразмышлял вслух Ромашкин. - А челюсть, кажется, цела.

Никита ощупал лицо и тотчас заныла бровь, напоминая о себе.

- Лоб болит, - признался лейтенант.

- Это тебе кулаком звезданули, оттого и болит. Хорошо кастета в руке у туркмена не оказалось в этот момент. А когда он его достал, то мы уже подбежали на выручку.

Солдат явно прислушивался к разговору, и был тотчас выставлен за дверь крепкой рукой Колчакова, вместе с шинелью, сеющей по полу комья сухой грязи.

- На, солдатик, щетку, но вначале отбей ее об угол общаги, и лишь затем чисть. Работай тщательней, не спеши. Да погоны не оторви командиру.

- Ага, иначе как он на построение пойдет без крыльев. Херувим ты наш, или Серафим! Я точно в этих тонкостях "не шуруплю"! - ухмыльнулся Шмер, стряхивая на пол пепел с сигареты.

- Иди к дьяволу! - огрызнулся Никита.

В этот момент в комнату вломился следующий посыльный. Он обратился не к Ромашкину, а к Шмеру.

- Товарищ старший лейтенант. Вас комбат вызывает. Срочно!

- Меня? Может, с Ромашкиным попутал, казак? Может замполита?

- Не-е-е, Вас требует! Точно. Он еще громко что-то по-татарски кричал и топал ногами.

- Наверное, по-башкирски, он же башкир. Но принципиально это дело не меняет, право слово: монголо-татарское иго. Передай, что меня нет, придет Ромашкин, только почистится и приведет себя в порядок. Нет, стоп! Кстати вот тебе задача: иди, отмывай сапоги, но вначале постучи друг об друга хорошенько, да шапку отбей от грязи, на тебе расческу, расчеши ее, а то она словно блин смялась и скомкалась.

Третий солдат, вломившийся вызывать Колчакова, был озадачен чисткой брюк.

- Ну замполит! Ну забулдыга! Пришлют же на нашу голову кадры. И где их только выкармливают? Где обучают? Скажи, Колчаков? Вы с одного церковно-приходского училища?

- Почему это с церковного? - обиделся Колчаков.

- Вадик, вас ведь обучают о душе заботиться, опиум для народа распространяет. Так из одной бурсы?

- Из одной. Только разных приходов и епархий.

- Чувствуется, он пить совсем не может. Вот ты другое дело, богатырь! Ведро выпиваешь и не пьянеешь. А этот хмырь, знаешь, что вчера начудил?! Не расхлебать теперь беду. В городе опасно появляться месяц-другой...

- И что он натворил такое? Ночью вас было обоих без переводчика не понять. Вломились, словно слоны, согнали

Сережку Васильева с койки. Бедняга, битый час затем ночлег искал. Набежала целая толпа. Гвалт развели, свалили бедолагу Никиту в проходе и куда-то умчались. Что случилось?

- Никита пытался устроить этническую чистку Педжена. Ревел, как бешеный лев и бился словно тигр. Откуда мощь голоса, в столь худом организме. Кожа, да кости, ну и еще жилы и кал. Представляете, вчера произошла битва при Ватерлоо, Бородино и Педжене, одновременно...

Постепенно вместе со сбивчивым рассказом Шмера, к Ромашкину возвращалась память. Оказалось что эти ночные кошмары и видения с дракой, погоней, цыганами, плясками, не бред и не сон, а самая настоящая явь, опасная и жутко неприятная. Судя по всему события, не завершились, развязка еще предстояла, но не известно какая....

Итак, наши приятели Никита и Шмер в сопровождении аксакала убыли из казармы в неизвестном направлении, оставив за себя скучать Ахметку, с мечтами о скорой покупке молодой жены.

За забором приятелей поджидал старенький ржавый "Москвич", желтая краска которого облупилась во многих местах, а грубо нанесенная грунтовка поверх "родной", совершенно не совпадала. Оттого машина была похожа на старого леопарда, затаившегося в саване, выжидающего зазевавшуюся молодую, глупую газель.

Из машины с трудом выбрался огромный, тучный мужчина, "четвертый" подбородок которого лежал на необъятной груди, а большой живот поддерживался широченными подтяжками. Казалось, лопни они, и пузо оторвется от тела и упадет.

- Вай! Миша! Друг дорогой! - ласково заговорил армянин, обнимая Шмера, словно старинного приятеля.

- А это мой кореш, о котором я говорил, произнес Мишка, подталкивая вперед Ромашкина. Ценнейший человек. Герой! Доброволец! Прибыл строить коммунизм в песках Каракум.

Лицо Ашота расплылось в широкой счастливой улыбке, как будто говорилось о нем, и это он доброволец-строитель нового общества. Одет босс мафии был в хорошую дубленку, но без пуговиц, на каждом пальце за исключением больших было по дорогому перстню, джинсовые брюки и рубашка были явно привезены кем-то из Афгана и куплены по случаю. Распахнутая рубашка оголяла грудь, где в зарослях склоченных черных волос, висел большой золотой крест. Ашот после церемонии приветствия проделал обратную процедуру по влезанию в крохотную машину. Рядом с ним усадили тщедушного дедулю, иначе ни одному из офицеров на переднем пассажирском сиденье

было не уместиться.

Машина жалобно просела, скрипнула рессорами, и Никита засомневался, выдержит ли ходовая часть.

- Нэ бойся, рессоры усиленные, смелей садись. Баня и рэсторан ждут нас!

- Ашот, почему не купишь себе "Волгу"? Зачем мучаешься в этой коробчушке?

- Хм, я бы купил, но зачем лишний раз привлекать внимание начальства. Меня уже первый секретарь горкома вызывал, выказывал неудовольствие, что постовые милиционеры мне честь отдают. Я ему говорю: "Дорогой товарищ секретарь, хозяин, я об этом их не просил, они сами! Ну не буду же останавливаться возле каждого легавого, и совестить его, мол, зачем эта нэнужная лесть".

- И что партийное руководство ответило? - улыбнулся Никита.

- Вождь велел не ездить по центру, объезжать стороной маршрут его движения. А ты говоришь - "Волга". Еще "Мерседес" посоветуй купить, Миша дорогой мой друг! Наверное, ты хочешь, чтоб меня выслали обратно в Армению? Мне туда нельзя. Там у меня слишком много врагов. Ашот должен жить в Педжене, ему и здесь хорошо. Я не высовываюсь, дом всего в одын этажа, как у других. Я сделал проще еще два этажа в землю закопал: там бильярдная и зал для гостей. Перехитрил начальство. То, что у меня в подвале все в мраморе и павлины во дворе бродят, для посторонних глаз нэ видно. А Мишина сразу бросается в глаза. Потерплю тесноту, да и привык я к этому "Москвичу".

Так за рассказом о своей нелегкой судьбе подпольного миллионера Ашот с ветерком доставил компанию к городской бане. На дверях болталось объявление, выведенное чернилами: "Баня закрыта на учет". Но стоило армянину вытянуть живот из-под руля, как они распахнулись, и какой-то маленький шустрый человечек увлек их компанию заднему служебному входу, рассыпаясь в словах благодарности, что сегодняшний день ему преподнес таких знатных и уважаемых гостей!

Приятно было ощущать себя не просто обычным молодым лейтенантом, а персоной, из-за которой закрыли баню. Ну, не совсем из-за тебя, но тоже к этому причастен. Туркмен буквально стелился по тротуару, сопровождая гостя, отбрасывая, носком тапочка в сторону случайно, невесть откуда попадающиеся, окурки и бумажки.

- Успокойся Мамбек, не суетись. Лучше пива принеси холодненького, распорядился мафиози. - Чешского!

- Нэ изволь беспокоиться хозяин. Всо уже в люччем виде.

Пиво, риба, лаваш, зелень. Всо есть! Давно ждем. Убогая и вонючая городская баня, обшарпанная снаружи и внутри, при проникновении с "черного хода" оказалась вполне приличной. Никита в таких и не бывал никогда. Стены обшиты хорошим деревом, мягкие скамейки, полы устланы ковровыми дорожками. Ромашкин живо разделся до трусов, и ринулся в душевую смыть пот и грязь холостятского существования. Аксакал неспешно снял с себя пальто, оставшись в шерстяном халате, сел и не сдвинулся с места. Мишка и Ашот голышом чинно направились в парную.

После посещения бассейна, парилки, душа в разных чередованиях, новоявленные приятели расположились у сервировочного столика на колесиках. Пиво уже не пили. Бархатным пивом баловались в период мытья. Теперь в ход пошла водка. Никита не стал от нее отказываться, не желая обидеть мафиози, о чем его строго предупредил Шмер.

Две бутылки водки на троих было явным перебором для Ромашкина. Мишке это тоже была сильная доза после пива. Эх, если бы не проклятое пиво... Туркмен, будто истукан, сидел, улыбался и молчал, практически не выпивал, разве что одну рюмку, за знакомство.

Конечно, основное было употреблено армянином, но ему выпитое, что слону дробинка. Никита, пока чуть соображал, поинтересовался, кто будет за рулем авто, на что Ашот сделал круглые удивленные глаза и вымолвил:

- Обижаешь дорогой. Конычно, я. Ето нэ смертэльно. Ето разминка. Сэйчас в рэсторан памчим!

Это заведение было не совсем ресторан, вернее совсем не похожее на ресторан. Городской ресторан стоял вблизи вокзала и размещался в давно не штукатуреном здании, где вилки, ложки и тарелки почему-то всегда жирные, а еда невкусная и противная. Нет, Ашот привез их в глубину одноэтажных саманных кварталов, и в центре этих лабиринтов стояло вполне приличное здание, окруженное высокой кирпичной стеной, с маленькими окошками, с закрытыми ставнями, откуда раздавалась восточная заунывная музыка. Что ж, придется смириться с бабайскими мелодиями. Других, скорее всего не будет.

Внутри помещения, куда приятелей проводил громила с квадратным подбородком и мрачной физиономией висельника, стоял таинственный полумрак. По периметру располагались низенькие азиатские столики с кушаньем и чайниками, да подушки для сидения. В центре зала, под люстрой, возвышались два больших полированных стола без скатертей и приборов.

Тело Ашота заняло три подушки, а Мишка и Никита уместились на одной. В тесноте да не в обиде. Дедок с ними не

пошел в зал, остался дремать в салоне автомобиля.

Зал оказался почти заполнен посетителями, которые ели, громко чавкая и разговаривая. Громкий смех раздавался со всех сторон, причем смеялись туркмены заразительно от души, запрокидывая голову и широко открывая рот, показывая соседям либо золотые, либо желтые кривые, щербатые зубы. В основном за столами располагались мужчины средних лет и более (как пояснил Мишка это торговцы, кладовщики, милиционеры и чиновники). При появлении Ашота посетители почтительно привстали, поклонились, их туповатые лица выражали подобострастие и радушие. Льстили, трусливые канальи.

Мафиози с отдельными обнялся, некоторым помахал рукой. В сторону одной компании он глянул с нескрываемой злостью и нескрываемой неприязнью. Эта публика вмиг испарилась из зала, как будто ее и не было тут вовсе.

Никита какое-то время нервничал, пытаясь устроиться поудобнее, подгибая ноги по-восточному под задницей. Неудобно, мешали узкие галифе. Еще лейтенант комплексовал, не пахнут ли дурно его носки. Но вскоре понял, что соседи пьют далеко не чай, а поэтому им совершенно наплевать на вонючие ноги соседей. Сами были такие же, от многих несло какой-то козлятиной. ("Душные козлы", - подумал Ромашкин, но вслух не произнес, сдержался.)

Из чайников в пиалы потекла прозрачная жидкость. Водка на запах была неприятной.

- Гады, опять Денаусскую в графины налили! - возмутился Ашот. - Эй, милый человек. Подойди сюда! Мафиози поманил официанта толстым как сосиска пальцем.

- Что изволите, уважаемый? - склонился в поклоне официант-туркмен.

- Это пойло отнеси хозяину! Московскую водку принести! Живо!

Чайные приборы вмиг сменили другими. Извиняться примчался сам хозяин заведения. Полебезил, мол, Московской нет, только Чарджоуская! Но и эта водка на вкус Никиты тоже была дрянь. Какая отвратительная вода вокруг такая и водка.

Появились танцовщицы. Старые и молодые "дикари" взвизгивали, и пускали слюну, глядя на молодых девушек. Никита, глядя на обнажающихся, в такт музыки стройных женщин, под воздействием алкоголя окончательно потерял самоконтроль.

- Мишка! - громко воскликнул Ромашкин. - Если мы одну из них не зацепим, это будет величайшей глупостью с нашей стороны.

- Чудак-человек. Я тебе уже объяснял, это удовольствие стоит денег. Бесплатных ласк тут нет.

Лейтенант плотнее придвинулся к Шмеру и громко возбужденно залепетал на ухо.

- Очень хочу познакомиться вон с той светленькой.

- Хи-хи-хи! - внезапно противно засмеялся Мишка. - Ты хотя бы знаешь кто это?

- Нет. А что, ты знаком? Кто она?

- Это жена бывшего командира роты капитана Пискунова. Я ее сразу не узнал. А вот ты ткнул в нее пальцем, я присмотрелся - точно Ольга, его жена. Они полгода назад уехали в Россию, а вот погляди-ка, потянуло на старые заработки. Соскучилась по разгульной жизни и бешеным деньгам. Любопытно, она надолго объявилась? И когда уедет? Да и где сам Сашка Пискунов? Знать деньжата закончились!

- Погоди, погоди! Это что, жена офицера? - оторопел лейтенант. - И ты что хочешь сказать это ее постоянный заработок - танцы на столе.

- Балда, ты, Никита! Танцы это для разогрева публики. Главная работа позже, в койке.

- Это нелегальная проституция, или официальная?

- Нет, не официальная, но вполне реальная. Они за две ночи твою офицерскую получку зарабатывают!

- Ух, ты! Сильны, чертовки! - поразился Никита. - Мишка, давай займем деньжат у Ашота, может Ольга тебе скидку сделает, по знакомству дешевле обслужит?

- Держи карман шире, и ширинку свободней! Как же, скидку! Обдерет по полной программе. Да и двое враз - дороже будет. Я, конечно, спрошу у мафиози, тем более что и у меня настроение приподнялось.

- Мишка, а остальные кто? Ты знаешь этих девиц?

- Ай! Знаю еще одну. Вон, та, длинноногая - это жена начальника вещевой службы.

- Иванова?! Этого здоровенного старлея?

- Ага. Он хоть и большого роста, но тупой, а ей видимо чего-то не хватает. Наверное, корень не удался! - ехидно засмеялся Мишка.

Внезапно Мишка замолчал и хищно уставился на вспорхнувшую, на подиум "артисточку". Он нервно затеребил нос и ухо. У него была такая дурацкая привычка: когда нервничал, дергал за мочку уха, отчего оно у него регулярно воспалялось.

- Ты чего? Понравилась рыжая? - толкнул приятеля в бок Никита.

- Заткнись и молчи, а не то нас заметят! Это супруга

начальника штаба батальона Давыденко! Вот влипли! - прошипел Шмер.

- Миха! Чего мы-то влипли? Это она влипла! Теперь ты точно сможешь с ней договориться. Заодно и Мирону отомстишь за унижения и притеснения по службе. Я думаю, мы отомстим ему вдвоем!

- Не боишься? Он ведь чокнутый, придурок и псих. Узнает - убьет! прошипел Шмер.

- Откуда он узнает? Что жена о побочном, "боевом" заработке расскажет, и поведает, кого обслужила. Не боись, ты только объясни, когда можно будет к делу приступать!

- Тут довольно сложный процесс. Мне Ашот объяснил, что эти дуры сейчас потанцуют, совсем разденутся, а после туркмены начнут спорить, цену назначать, спорить, кто больше заплатит. Аукцион завертится, и развезут по квартирам или еще куда. Тут тоже комнаты есть, но они дорогие. Наши белокожие бабы пользуются спросом у чурок. Смотри, все как одна славянки. На местных, ведь, без слез не взглянешь! Ненавижу я проклятых азиатов! воскликнул в сердцах Шмер и внезапно громко стукнул кулаком по столику.

- Ты чего! - испугался Никита за друга.

- Башню заклинило от злости, - постучал себя по голове Михаил.

Ашот удивленно посмотрел на переговаривающихся офицеров, но тут же вновь свое внимание перекинул на танцовщицу. Началось самое интересное. Колготки, лифчики и трусики полетели в публику. Мафиози прихлопывал в ладоши и цокал языком, как горный орел-беркут. Глаза налились кровью, ноздри расширились и затрепетали.

- Ай, красавицы! Ах, голубки! Каждый раз они меня расстраивают и заводят. Редко бываю, здоровье уже не то, живот мешает. Но люблю посмотреть. Лубуюсь! Хватит! Ребятки, на выход, а не то у меня сердце не выдержит и лопнет! Собираемся, я сейчас улажу со счетом.

Никита с грустью и тоской взглянул на девиц, но спорить не стал. Он направился к выходу, снял с вешалки и одел на себя, шинель, шапку, сапоги (именно в такой последовательности).

Дальнейшее Никита почти совсем не помнил и впоследствии, даже при содействии Шмера, припоминал с трудом. И чего он взбеленил? Зачем взбрыкнул? Вечер и ночь складывались так славно!

Едва Ромашкин спустился по лестнице, вышел за дверь, как увидел такую картину: трое туркменов тащили упирающуюся пьяную девицу в машину. Задняя дверца "Жигулей" распахнута, а

мужики ее впихивали в салон, слегка поколачивая. С гневным криком:

- Ах вы чурки проклятые! Опять наших баб портите и насилуете! - Никита бросился на азиатов. В правой руке был тяжелый портфель Ашота, им он с размаху въехал в голову ближайшему. Низенькому толстячку, стоящему спиной к лейтенанту был отвешен мощный пинок в промежность, а левому с неудобной позиции не ловкий удар, левой рукой в челюсть. С этим высоким худым туркменом они и сцепились в борьбе. К счастью аборигены были тоже пьяны. Тот, что получил удар портфелем, не удержался на ногах и упал в грязь. Второй после удара упал на девицу и она, получив свободу, тотчас крепко вцепилась в него. На беду лейтенанта компания оказалась многочисленнее. Был еще водитель. Вот он-то выскочил из машины и мощным, хорошо поставленным ударом, рассекая бровь, сбил с ног Ромашкина. Лейтенант со стоном упал в грязь, и дальнейшее противоборство вылетело из восприятия вместе с уходящим сознанием.

Шмер курил, стряхивая пепел на окрашенные половые доски, и потешался над Ромашкиным:

- Представляешь, Белый, этот чертов замполит, начал качать права и бороться за чистоту славянской расы! Он расист! Матерился, визжал, бросался как раненый лев на стаю шакалов. Ашот его еле утихомирил. Никита вышел впереди нас, а мы за ним буквально через минуту. Спускаемся во двор, слышим шум, гам - драка! И кто же дерется? Наш Никита! Вернее его бьют и топчут. Дрался он только в самом начале. Эти четверо втаптывают замполита в мягкую грязь, все глубже и глубже. Создалось ощущение, что по лейтенанту прошелся асфальтоукатывающий каток. Из грязной черной жидкости виднелся только хлястик от шинели! Признаков жизни, наш романтический рыцарь-герой, не подавал.

Ашот что-то закричал на смеси армянского и туркменского, заматерился по-русски, схватил двоих за шиворот и оттолкнул подальше в сторону. Они вначале хотели огрызнуться, но, узнав мафиози, отпрыгнули в сторону и бросились наутек. Водитель и толстяк запрыгнули в машину, а девка, попыталась забраться в отъезжающие "Жигули", и что-то кричать об обещанной оплате.

Ее отшвырнули от машины и умчались прочь. Грязная, взъерошенная девица материла, на чем свет стоит проклятых офицеров, сующих нос не в свое дело, вернее, к ее телу. Выяснилось, что это была цыганка, подрабатывающая в этом "вертепе". Весь сыр-бор у нее разгорелся только в количестве клиентов. На троих она соглашалась, а четвертого не желала

обслуживать ни в какую. Начала рядиться, спорить, вот они без дальнейших уговоров, решили применить силу.

Наш джентльмен вмешался, чертов кретин, борец за справедливость. Вступился за честь дамы, а это не дама, а "всемдама"! И как теперь показаться в городе? Нет точно месяц из гарнизона не выйду, дураков нет! А этому балбесу Ромашкину, я вообще по вечерам рекомендую дома сидеть и забыть про Педжен!

Мужики ржали до колик в животе, над похождениями Никиты, а летеха почесывал бока и осторожно ощупывал бровь.

- Что делать? Как появиться на построении? - сам у себя спросил Ромашкин.

- Ромашкин, беги за пузырем! Будем раны дезинфицировать снаружи и изнутри! - рассмеялся Лебедь.

- Отстань, Белый! Я на эту дрянную водку смотреть не хочу!

- А чего на нее смотреть? Не смотри! Пей! - Хохотнул Лебедь.

- Белый отстань! Не трави душу. Пошел к черту! - простонал Никита уныло.

В этот момент вернулись бойцы с очищенной формой.

- Ого! Вот это молодцы! - восхитился Колчаков. - Шинель и шапка стали даже лучше и чище, чем до того как их изваляли в грязи. Ребятки вы заработали благодарность командования! Теперь - свободны. Шагайте в казарму, замполит оденется сам. И главное, касается всех: держать языки за зубами! Понятно служивые!? Иначе - зубы прорежу!

- Так точно!!! - гаркнули курсанты и убежали.

Никита еще раз отряхнул брюки и китель, поискал пятнышки на брюках, провел ладонями по шинели, постучал подошвами сапог друг об друга.

- Сойдет! Форма более-менее выглядит, подходяще! А вот морда! Ах, какая ссадина над бровью, какая шишка на затылке! Ухо ноет, губа опухла....

- Надевай вместо шапки фуражку, - посоветовал Колчаков. - На возьми мою, у нее широкий козырек. Прикроет рукотворное безобразие на твоей физиономии.

Никита подошел к зеркалу, нагнулся и почти прислонился к нему лицом. Вблизи было заметно, что по нему недавно стучали кулаками. Мешки под глазами, легкая щетина на щеках, красные воспаленные глаза, выдавали похмельные муки. Лейтенант отклонился на полметра - стал выглядеть получше. Отошел на три шага - мужчина хоть куда, в полном расцвете сил. Ну, не совсем так, но можно стоять в строю, и не выделяться.

- Эх, где наша не пропадала! Пойдем Мишка, получать порцию взысканий и дендюлей!

- Иди, Донжуан проклятый! Навязался на мою голову! Я что тебе отец-наставник? Еще и койку мою сегодня нагло занял, а я спал на полу. Почему?

- Виноват,- потупил взор Никита. - Исправлюсь.

- Виноват, он! Ладно, пойдем, буду тебя выручать, - вздохнул Шмер, и друзья побрели под моросящим, мелким дождем в давно опостылевший полк.

***

- Бывает, с каждым может такая история случиться! Помню в Кабуле начальник штаба полка, меня на гауптвахту посадил ни за что! Я ему правду сказал: пил с генералом. А зачем это сказал, и как попался, не помню. Очнулся в камере, а что в ней делаю не пойму! - рассмеялся Кирпич. - Мысль даже в голову пришла дурная, а не в плену - ли я у духов?! Вокруг каменный мешок - и тишина! Извини, что перебил, продолжай Никита!

Глава 22.Сладкая месть.

У какого-нибудь злопыхателя, оголтелого пацифиста, или наоборот, абсолютно наивного восторженного и далекого от армии читателя, может создаться превратное представление о ней. Ура - патриот назовет историю пасквилем. Отнюдь. Естественно офицерский корпус - не сборище пьяниц, развратников и сумасбродов, и это не оловянные солдатики, хотя бывают и такие. Военная машина, возможно, сама по себе ржавый бездушный, бессмысленный монстр, но в ней, внутри, служат живые люди. А у них, у каждого есть маленькие слабости. Одни любят женщин, причем всех подряд, своих и чужих. Другие любят выпить, опять же все подряд, что говорит. Третьи обожают охоту, четвертые жить не могут без рыбалки. Пятые спят как сурки сутками, шестые читают литературу и пишут стихи, седьмые продают все что можно, создавая капитал. И так далее, и тому подобное...

Но ввиду того, что события происходили в песках, рыбалки и охоты не было, из основных хобби было три: книги, женщины и водка. Те, кто любил водку - любил водку, а жен этих любителей огненной воды, обожали ценители женского пола. Порой попадались, и такие которые любили службу, дневали и ночевали в казарме. Но этих редкостных экземпляров любили все! Начальство имело их за всякую мелочь, ну а жену службиста, или молодой лейтенант, или туркменский друг семьи. Домой почаще, любезный, надо приходить и уделять внимание супруге.

Таким тупым "по пояс деревянным" олухом был Мирон Давыденко. Не только олухом, но и негодяем. Вернее олухом и не сведущим в семейных проблемах, он лишь казался, делал вид, что не в курсе. Чем больше ему супруга изменяла, тем яростнее и

изощреннее, драл он подчиненных - лейтенантов. Может быть, а, скорее всего, именно по этой причине, Мирон был таким злобным.

Я не однократно замечал, что ветвистые рога на голове, никому добродушия не добавляли. Характер портится раз и навсегда, появляется маниакальная подозрительность ко всем потенциальным любовникам, особенно к красавчикам - симпотяжкам и мускулистым "мачо", начинается внимательное вглядывание в глаза, уловки в мелочах, поиски очередного "молочного брата". Вот таким своим особым проницательным взглядом, пронзительным и испепеляющим начштаба осматривал помятые физиономии Ромашкина и Шмера.

Ромашкин дыхнул на Давыденко легким перегаром и начальник, наклоняясь к лицу лейтенанта, злобно спросил:

- Товарищ лейтенант! Что у вас со лбом и бровью? Опять прыгали по кустам? Кто это вам по рогам въехал?

- Никак нет! Никто не съездил. И рогов у меня нет, я их не выращиваю, не приобрел! - насмешливо ответил Ромашкин. - Поскользнулся на глине и ударился о головой, об бордюр. Очень неудачно упал в темноте.

- Вы, пьяны были, наверное, до чертиков! - майор шумно вдохнул ноздрями ароматы, исходящие от офицеров. - Эх, командиры! Ну и амбре! Вас что, неделю в бочке с уксусом выдерживали и вымачивали!

Мишка возбужденно затеребил ухо. Оно сразу покраснело, а на месте пятна зеленки, побагровело. Вдобавок старший лейтенант начал беспрерывно чихать и притопывать на месте во время чихов.

- Шмер! Что вы ведете себя словно прокаженный? Ногами стучите, уши свои зеленые, крокодильи, дергаете, слюной брызжите, весь плац оплевал! Вы же офицер, а не крестьянин! Сельпо!

- Это точно! Я, офицер! Поэтому хамить не позволю! Рядом стоят сержанты, будьте любезны, прекратить нести чушь, товарищ майор! У меня аллергия на тополиный пух и дураков. Не знаю на что сейчас....

- Забываешься старший лейтенант! В нарядах сгною! Объявляю вам выговор за нетактичное поведение! Завтра в караул заступить!

- Ну-ну! П-п-п-оня-т-тно!

- Не понял?! Отвечайте, как положено! Отставить насмешки!

- Да пошли вы товарищ майор, со своими выговорами куда подальше! В воскресенье вытащили из постели с утра пораньше, и на - наказание! Единственный выходной за месяц и тот обделали

его!

- Молчать! Марш отсюда. Вон! В-о-о-он!

- Не ори. Я и сам уйду. Пойду, позавтракаю, - ответил Шмер равнодушным тоном и, собираясь уходить, предложил приятелю. - Никита пошли есть.

Давыденко схватил за плечо лейтенанта и приказал Ромашкину оставаться на месте.

- Видите роту в казарму, лейтенант, на беседу! Вы сегодня ответственный, вот и дайте отдыхать другим офицерам!

Мишка досадливо махнул рукой и пошел прочь от казармы в одиночестве.

Через пару минут, когда батальон был распущен по ротам, Ромашкин подошел к курилке, что бы успокоить психующего Шмера.

- Мишка не переживай, пошел он...!

- Это точно! Он туда и пойдет! Если я еще вчера обдумывал трогать или нет Наташку, его беспутную жену, то сегодня решился! Непременно! Обязательно! И чем быстрее, тем лучше! И ты, друг мой, будешь участвовать в оргии. Сто рублей я найду. Заплатим на первый раз. Хотя нет, я думаю, какого черта! За деньги?! Что мы безмозглые туркмены! Бесплатно даст! Еще как даст! Куда она денется! Отомстим за все наши притеснения этому рогоносцу. Эх, лось- рогатый! Вернее мне больше нравится кличка: Мирон-олень!

Мишка повторил последнюю фразу со злорадством и наслаждением.

- Что опять направимся в городской вертеп? - удивился Никита. - Меня там сразу зарежут. Я не поеду.

- Конечно, никуда не поедем. Сами в гости заявимся к Мирону. Как он в наряд заступит, так и отправимся навестить. Давно пора с его женой плотнее подружиться.

Шмер выбросил смятый окурок в замусоренную пепельницу и отправился отсыпаться в общагу, а Ромашкин уныло передвигая не гнущимися ногами, пошел в роту рассказывать об успехах Нацианально-освободительного движения Африки в борьбе с проклятым империализмом.

Время сладкой мести пришло через неделю.

- Никита, подъем! - заорал Шмер громким голосом, прямо над ухом Ромашкина.

Лейтенант, вернувшись из казармы после службы, дремал на диване, не раздеваясь.

- Чего орешь? Отстань! Я всю ночь не спал глаз не сомкнуть, то замполит полка в казарму ввалится, то Рахимов. Под утро Алсынбабаев за чем-то пришел. Каждый по часу бубнил о всякой

ерунде. Дежурный по полку три раза ответственных собирал и нотации читал. Надоели!

- Сейчас ты вскочишь с кровати, как будто отдыхал неделю. Обещаю! Мирон в командировку уехал. В Келиту. Минимум на неделю.

- Ну и что? Бежать сломя голову и упереться в запертую дверь его квартиры.

- Дурила! Все на мази, блуд организован на сегодня. Я уже договорился с ней.

- С кем с ней? - сонным голосом промямлил вновь пытающийся заснуть Никита.

- Чудило! С Наташкой! Женой Давыденко! Очнись скотина! Не то пойду один развлекаться! Пожалеешь....

Последняя фраза, окончательно добила, Ромашкина и он укрылся одеялом с головой.

Шмер плюнул, сказал, черт с тобой, и быстро поднялся с дивана. Взводный изо всех сил потянулся до хруста в суставах, и энергично подергал шеей, руками и ногами.

- А я боеготов! - усмехнулся квартирант и резво побежал во двор к крану с прохладной водицей.

Эх, быт! Никаких удобств! Конец двадцатого века, а вода бежит во дворе из ржавой трубы. У калитки стоит покосившийся деревянный домик-туалет с прогнившим полом, того и гляди, развалится, или посетитель этого заведения рухнет вглубь, в зловонную жижу. Да и само жилище выстроено с учетом сэкономленных строительных материалов, того и гляди, рухнет, и погребет под обломками обитателей. Ощущение, что стены держатся на толстом слое штукатурки.

Водичка потекла тонкой струйкой мутной воды в подставленные ладони. Ну, ладно, хорошо, что сегодня хоть слегка течет. Вчера из трубы только хрипы раздавались....

Почистив зубы и ополоснув лицо, Мишка шустро переоделся в спортивный костюм.

- Готов, как штык! - произнес старший лейтенант, энергично имитируя бег на месте.

- А "парня" приготовил? "Штык" настроен? - лениво подал голос из кровати Ромашкин.

- Всегда готов. Где взять вино? Магазин давно закрыт!

- Вино, фрукты, коньяк, возьми из моего сейфа. Вчера хороший папик-грузин приезжал. Презентовал вино отменное, а коньяк дешевка, барахло. Но главное придешь не с пустыми руками. И вообще, не забывай о цели экспедиции, отправляешься не пьянствовать, а мстить!

Взмокший, и совершенно обессилевший, Шмер лежал,

распластавшись поперек кровати и блаженствовал. В первые минуты он стеснялся своей наготы. Но после выпитого вина и коньяка, ему было уже все пофиг: даже если бы Мирон объявился в своей квартире, Мишка вряд ли сразу бы начал соображать и что то предпринимать. Старший лейтенант валялся на смятой белой, простыне, словно использованный презерватив. И силы, и мысли, и ощущения ушли через половые потуги. Давненько не переживал он таких острых ощущений, честно и откровенно признаться, никогда! Были в его жизни три женщины, совсем еще девушки.... Тот случай на свадьбе, вообще не в счет, в суете даже не понял толком, что и как произошло. Но эта! Ломовая лошадь.

Неутомимая Наташка загоняла Шмера до седьмого пота. Профессионалка! После третьего захода Мишка "спекся" и завизжал: "Караул! Баста! Хватит! Хорошего помаленьку!"

Баста, Наталья поняла превратно. Баста, значит, будет вам баста, и баста, эта чертовка не угомонилась, продолжила утехи с насилием. Нового энергичного штурма хватило еще на час. Пару раз она его "простимулировала" сочными губами, но даже молодой неутомимый организм Михаила, молил о пощаде. В одном месте натерлось, в другом зудело, в третьем заболело.

- Эй, юноша! Хорош сачковать! Скажу Мирону, что ты бездельник и лентяй. - Накажет за не добросовестное исполнение служебных обязанностей!

- Не ври! Не скажешь! Он тебя убьет, враз отбивную котлету сделает!

- Нет, меня он любит. Мирон мною болен как чумой, обожает, словно верный пес, все прихоти исполняет. Это тебя разорвет, если вдруг узнает...

- А про "вертеп" Мирон ведает? - сонно поинтересовался Шмер.

- Знает, но без подробностей. Шальные деньги не скроешь. Я говорю, что танцую и пою, в эротическом костюме. Ты же видишь, какая у меня замечательная фигура!

- Верит в танцы? - усмехнулся Мишка.

- Не знаю. Делает вид, что так и есть. Хочет верить, и убедил себя в моей верности. Но того, кто пронюхает, и будет болтать, чем я занимаюсь, уничтожит. Ему в Академию нужно поступать. Меня, конечно, поколотит, но не убьет, ни за что! Без моего тела он умрет от тоски, я его приворожила и околдовала! Ведь согласитесь, есть чем? Правда? Она погладила пышную грудь, слегка раздвинула ноги и призывно покачала бедрами, согнув колени. Вновь заманивала в свои любовные сети.

Шмер ухмыльнулся. Действительно есть, чем заворожить. Про таких говорят: "между ног золотая штучка". Наташка оказалась

мастерица на все руки, вернее на то, что именно, между ног. Да и другие части тела, которые можно было применить, для любви и ласки она использовала, умело и с удовольствием. Парень попал в руки мастерицы, любящей свое ремесло. Ната, правда, заявила, что даже вертеп, для нее, это не работа, а хобби. Кто-то любит детей, а кто-то сам процесс. Кому-то доставляет удовольствие шить, другим вязать или печь пироги, кто - то болен выращиванием комнатных цветов, встречаются даже особи, обожающие рыбалку, а Наташка любила "скребалку", и скреблась каждый день, по несколько раз и "самцов" меняла без разбора.

Видя, что от опьяневшего, усталого, сонного офицерика более ничего путного не добьешься, она разозлилась, и выставила за дверь со словами:

- Что б завтра был у меня после 23 часов. Ни минутой позже! Тренируй "аппарат", мальчик! Такой молодой, а не набрал спортивную форму. Надо меньше пить и зарядку делать по утрам, как Мирон. Если б мной, а не службой занимался, цены б мужику не было! Но, не дано: мышцы есть, а желаний и фантазий нет....

С утра начались полевые занятия, рота отправилась на марш-бросок. Офицеры двигались в конце колонны. Шкребус и Чекушкин с трудом брели сонные, шатаясь после перепоя, медленно передвигая ноги. Рядом часто зевая, шел и потел Шмер. Пил он вчера лишь для храбрости, поэтому алкоголь ему не мешал. Но был заметен упадок сил. Ноги и мышцы живота ныли, в паху неприятно болело.

- У меня от ходьбы совсем опух! - выдавил из себя еле слышно Шмер. Заездила зараза! Ты дома храпел, а я за тебя отдувался.

- Ага, отдувался он! Дорвался до бесплатного, как дурной! Сам виноват. Это не от ходьбы, а от дури! В следующий раз думай головой.

Шкребус оттопырил ухо, насторожился и попытался прислушаться к разговору ловеласов. Но топот солдатских ног мешал подслушать и удовлетворить любопытство. Осознав, что так он ничего не узнает, наконец, спросил, сгорая от любопытства:

- Братцы! Вы чем вчера занимались? У Мишки лица нет. Сине-зеленое как у истукана! А ну, рассказывайте!

- Расскажем, тебе тоже захочется! А нам самим мало. Отстань! воскликнул Шмер, опережая открывшего было рот, говорливого Ромашкина. Никита молчи. Лучше не болтай. Что знают трое, знает и свинья. А дело довольно рисковое, сам понимай!

Шкребус зашевелил ушами, заинтригованный последними

фразами Мишки, привязался к приятелям, и все шесть километров пути нудил.

- Все равно выслежу! Лучше будет, если сами расскажете! Я ведь вам друг. Ну что вы, в самом деле?

Так и не узнав, не выведав в чем дело, Шкребус окончательно разозлился и расстроился терзаемый чужой, неведомой тайной. За обедом, нахмурившись, он пережевывал котлету с макаронами и размышлял: "Интересно, что затеяли эти недотепы. Не вляпались бы, в какую неприятную историю..."

А "история", действительно, начинала медленно, но уверенно развиваться. Сюжет постепенно закручивался все интереснее и увлекательнее и помимо воли и желания наших героев.

Ромашкин, как обычно в ходе выполнения стрельб роты, был старшим на учебном месте по гранатометанию.

- Никита, спрячь одну гранату, - попросил Шмер.

- Зачем? - удивился Ромашкин. - Как я ее сумею списать? Как отчитаюсь, что использовал?

- Удивляешь ты меня! На тебе колечко от запала, для отчетности, а гранату положи в мою сумку. Рыбачить поедем с Ребусом-Глобусом, на Каракумский канал, будем ею рыбу глушить. Я тебе сазана привезу на уху, или карпов. Не забудь, спрячь одну штуку!

Никита нехотя, с явным неудовольствием, вынул из ящика гранату, и запал в бумажной упаковке, и спрятал их в Мишкиной полевой сумке. Если бы Шмер предложил еще их самому отнести домой, то Ромашкин, наверняка бы отказался. А так, пусть рискует, если ему нужно.

Лейтенант с тяжелыми предчувствиями косился на коричневую офицерскую сумку, прокручивал в голове уголовный кодекс, недовольно хмурясь: статья номер..., хищение взрывчатых веществ. От... лет, до... лет. В сговоре с группой лиц (двое уже группа!)... еще больше. Ох! Ну, вечно скотина Шмер, втягивает меня в какую - ни будь историю!" Мишка с утра вновь обильно намазал мочки ушей зеленкой. Это стерва- Наташка ему вчера их так натеребила, что они стали как локаторы и пошло раздражение. "Шмер - шумер, с зелеными ушами!" А может он действительно шумер, и вовсе не немец, а типичный азиат. Больно хитрый для немца и не педантичен. Буду называть его "шумером"....

Следующим вечером Шмер шел знакомой дорожкой уже без излишнего возбуждения и блеска в глазах. Появились опасения, а вдруг, каналья Мирон, объявится, раньше срока? Мишке, и того вчерашнего "музицирования" хватило б на неделю вперед. Но, дама сама требует повторения, пустилась на мелкий, пакостный

шантаж, что ж придется проделать дубль номер два. Сбивчивые мысли хороводили в мозгу старшего лейтенанта мешая, сосредоточится. Взводный в последний раз попытался увильнуть от мероприятия:

- Никита! Боюсь, у меня сегодня ничего не получится. Нет необходимого настроения. Может, ты за меня сходишь?

- Вот уж дудки! Сам затеял, сам расхлебывай! - отрезал Никита. -Настроение поднимется, будь уверен. Наташка на столе голышом станцует, и дело сразу пойдет на лад. К тому же, она требует обоих!

Шмер нес бутылку шампанского даме, а пузырь водки для себя лично. Он грустно поплелся дальше по знакомой тропе, понимая, что, "не потеряв лица", отвертеться от оргии не получиться. А идти страсть, как не хотелось. Очень уж опасался Мирона. В первую ночь ни кого не боялся, потому что похоть уже на горло давила, и мозги не работали, а вот сегодня, начал размышлять, проснулась осторожность.

Хозяйка встретила взводного, как и вчера, ласково. Гость быстро разделся и без прелюдий был увлечен в кровать. Через пятнадцать минут "разрядившись", Мишка закурил, а Натаха откупорила бутылку шампанского, стрельнув в потолок и слегка полив пеной свою распутную фигуру, от коленок до глаз. Шмер, вымолвил, что-то похабное, затем схлебнул с груди Наташки шампанское, и потянулся к водочке.

- Эй, поставь на место бутылку! - прикрикнула Наталья. - Сейчас напьешься, расчихаешься, станешь вялым и опять заснешь. Так дело не пойдет, "зеленоухий" ты мой!

Хозяйка возлежала на подушках, обнаженная, прекрасная, и наглая. Михаил, хотя лицезрел, это тело не в первый раз, пялил на него глаза без отрыва. А как посмотрит внимательно пару минут, так вновь желание восстанавливается.

А поглазеть было на что! Породистая зараза! Задница и бедра загляденье! Грудь, что у скульптуры Венере! Бедра крепкие, живот тугой, пальцы и руки холеные, ноги стройные. Длинные, вьющиеся волосы, спадали до плеч, зеленые глаза нахально пронзали обоих ухажеров. Пухлые губы призывно что-то шептали. Красивый рот без дела тоже не простаивал. Хороша, ох, хороша! Русалка, ни дать, ни взять, как есть русалка, только без хвоста. Взять бы да утопить ее к чертовой матери, ведьму! Чтоб не соблазняла и не кружила голову....

К пяти утра, блудница вновь выставила измочаленного любовника за дверь, и заперлась на щеколду. На не твердых ватных ногах он добрел до мансарды друга и рухнул, не раздеваясь на диван, сразу провалившись в беспамятство.

В девятом часу вестовой Кулешов разбудил "донжуана" и проводил на службу. Наконец офицеры, впервые крепко задумались над ситуацией. Как всегда: вначале было дело, и лишь потом мысль.... В канцелярии Мишка закурил "Приму", машинально теребя любимые оттопыренные уши, а Никита, посмотрев на него критически, заявил:

- Ты как хочешь, а я больше шалить тебя не пущу. Неуловимого мстителя из тебя не получается, ты устал! Здоровье ведь дороже. И жизнь мне еще мила, подумают что я вместе с тобою шастаю по ночам! Смотри: рожа бледно-зеленая, глаза впали, синюшные засосы на шее и груди....

- Дык, Наташка велела опять приходить. Ты поглянь, как она на мою компанию запала, даже в город на заработки не ездит, и денег не берет.

- Брось говорить ерунду, скорее всего, просто в вертепе "переучет". Или выходные девкам дали, - усмехнулся лейтенант. - Нет, бери паузу, сегодня не ходи. Скажи ей, что в наряд поставили.

Ромашкина спасло командование: внезапно поступило распоряжение убыть в столицу республики на занятия заместителей командиров рот и батальонов. Рахимов дал на сборы, подчиненным, пол часа. По пути Никиту и Колчакова позвал к себе на чай Хлюдов. Молодые лейтенанты ни с кем прощаться не собирались, но капитан хотел получить указания жены, чего привезти из столицы республики.

- Чайку-кофейку попьете, пока я собираюсь, оттуда сразу на остановку рванем! - предложил Володя. - И моя Ирка при гостях бубнить не будет, что пью в командировках и безобразничаю, да баб щупаю.

Вовка Хлюдов, бабник, красавчик, и картежник, страшно боялся своей жены. Шагу не мог сделать, что б не спросить у нее совета. Наставление он получал, а уходя, тотчас его забывал, за что позднее получил по заслугам. Но вновь и вновь советовался с супругой во всем.

Ирина встретила лейтенантов и мужа лежа поверх постели, со стаканом вина в руке и сигаретой в губах. Из спальни, со второго этажа, юркнула мимо в полупрозрачном пеньюаре, молодая стройная длинноногая девчушка. Накинуть сверху что-нибудь из одежды, она и не подумала. Колчаков проводил ее долгим голодным и жадным взглядом, девица в ответ состроила нахальные глазки, и нагло облизнула красивые губы. Вадик сглотнул слюну и поперхнулся.

Вовкина супруга, задумчиво курила, глядя в телевизор с приглушенным звуком. На прикроватном столике стояла бутылка

шампанского и второй наполненный бокал на длинной ножке.

- Любимая моя, опять ты в меланхолии? Я уезжаю на денек в Ашхабад, чего привезти?

- Триппер! Бери пример с Чекушкина, он его коллекционирует! - хмыкнула ехидно Ирка. - Отстань, постылый, надоел! Хочу в Москву. Обрыдли мне твои пески и этот дрянной гарнизон!

-Ну вот, опять ты за свое! Я верен тебе, как Отелло!

- Задушить собрался, что - ли? Бабу завел?

- Уф-ф-а! Опять одно и тоже. Лейтенанты, на выход! Кофе отменяется!

- К тебе, между прочим, сестрица младшая приехала, на перевоспитание, а ты опять болтаться по командировкам отправляешься! - взвизгнула супруга. Чтоб завтра был дома, и воспитывал Таньку, мне некогда с ней возиться! Она не слушается....

Молодежь, посмеявшись над мучениями старшего товарища и гонениями на него, покинула квартиру, а Володя попытался еще что - то сказать в оправдание. Но тотчас зазвенела разбитая посуда, и Хлюдов выскочил за дверь, потирая ушибленное плечо, а в стену по-прежнему летели тарелки...

***

- С ними, бабами, всегда так! - воскликнул Кирпич. - Хочешь похорошему, а выходит, себе навредишь!

- Это точно! Я пока в Европе картины рисовал, деньгу зарабатывал и домой высылал, моя разлюбезная их по ветру пускала и в итоге квартиру пропила! - поддержал товарища Димка - художник.

- Да не перебивайте человека! Рассказ не дослушаем! - возмутился Котиков. - Продолжай Никита, интересно!

Глава 23. Беспредел.

Шмер без приятеля наведался в гости к любвеобильной подруге еще два раза, на третий выпрыгнул в окно, спасаясь внезапно объявившегося мужа. Мишке показалось что пронесло, и Мирон не понял, что кто-то посещал супругу в его отсутствие. Ан - нет, старлей ошибся.

...Быстро темнело. Наконец-то закончилось очередное невыносимо долгое и бессмысленное по содержанию совещание: бирки, мусор, конспекты, фляжки с чаем из "колючки". Внезапно Шмера обуяла такая тоска, что захотелось напиться, забыться и более ничего не делать. Мишка возвращался к мансарде своей обычной дорогой по тропинке в сторону пролома в заборе. Между кустов высокого шиповника мелькнули какие-то тени, но Шмер не обратил на них никакого внимания. Мало ли кто там

копошится, и с какой целью, значит неизвестный, чем-то занят очень нужным. Не всмотрелся в листву, а зря. Последняя мысль старшего лейтенанта в этот вечер была - роман с Наташкой пора прекращать.

Далее последовал удар по голове, и несколько часов заполнились нестерпимой, невыносимой болью и унижениями. Кто и зачем организовал это издевательство, Шмер не мог понять.

Били четверо. Трое без остервенения, как бы по долгу службы, нехотя, зато четвертый бил гораздо сильнее и профессиональней других, с необъяснимой яростью. Все мучители были не русские, к этому выводу пришел взводный даже не видя банду, слыша говор с акцентом. Мешок на голове не позволяла разглядеть преступников.

"Проклятые "чурки", всех убью!" - пульсировала мысль в мозгу. Двое были кавказцами, двое туркменами, судя по блатному жаргону, один из туркмен сидел в тюрьмах много лет.

Банда была сильно пьяной, просто до невменяемости, да еще и обкурились анашей. Что б офицер от мучений случайно не помер, Мишке в рот заливали местную вонючую водку. И вновь сыпались удары в лицо, по почкам, в живот....

Через пару часов негодяи затеяли спор между собой как дальше быть с жертвой. Мнения разделились поровну. Один настаивал, что офицера надо сейчас же убить, один категорически возражал, остальным было все равно. Тот, что требовал смерти, постоянно прищелкивал костяшками пальцев. Как понял Шмер сквозь нестерпимую боль и затуманенный слоновьей дозой алкоголя, мозг- это были солдаты или сержанты, но один из них боялся, что офицер позже сумеет опознать бандитов. Местные аборигены опознания не опасались, они для русского на одно лицо....

- Подумай, как он нас узнает? - Офисер сейчас мертвецки пьян, на глазах повязка, никого в лицо не видел. Еще немного по мозгам надаем, совсем соображать перестанет и дураком жить будет! Пусть существует растением, возражал гортанным голосом великодушный боец. - Я давал согласие, избить, и покалечить, но "мокруху" брать на себя не стану!

- А если узнает? - возразил прищелкивающий пальцами другой кавказец.

Видимо шайка негодяев была разных национальностей, раз понимали друг друга и общались только на русском языке.

Туркмен, что с тюремным опытом, тоже не горел желанием убивать, особенно, бесплатно. А видимо, денег заплачено мало. На дело урка пошел для удовольствия: избить офицерика, унизить, напиться и покурить.

- Я за двести рублей человека не убиваю. Пусть дадут тысячу! настойчиво гнул свою линию "каторжанин".

Израненный и измученный Михаил, порой думал, что он сейчас умрет, но смерть не приходила, связанные за спиной руки занемели, и он их перестал чувствовать.

Одновременно с процессом издевательства, банда жарила шашлык из баранины. Стоящий у костра абориген громко воскликнул, что мясо готово к употреблению и, пнув еще несколько раз тело офицера, пьяные негодяи устремились к трапезе.

Взводный несмотря на боль в разбитых ушах, напряженно вслушивался, что говорят о его дальнейшей судьбе. Мишке было понятно, под воздействием большой дозы алкоголя, скорее всего, возобладает мнение об убийстве. Зачем этим солдатам рисковать, вдруг впоследствии офицерик узнает по голосу!?

Старший лейтенант попытался пошевелить руками, но это вызвало лишь острую боль. Мишка закусил губу, чтоб не выдать себя, что пришел в сознание. Крепко скрутили! Путы болезненно впились в запястья, но ноги почему-то не стянули веревками, и эта промашка банды, может стать путем к спасению. Будь Шмер слабым на спиртное, то, наверное, давно бы отключился, и безвольно валялся в ожидании исхода дела, но водка Мишку не доконала, а лишь наоборот, обострила жажду жизни. Замысел преступников стал понятен, из доносившегося громкого разговора понятен: пьяный офицер подрался и утонул. А вот хрен вам! Выживу, спасусь, а далее: отомстить, отомстить, отомстить!

Офицер осторожно перекатился на спину, укололся о куст, зацепил о торчащую ветку повязку на голове и, поджав под себя ноги, осторожно потянулся. Тряпка медленно в несколько попыток сползла с лица. Стало легче дышать, а главное Мишка теперь видел направление, куда надо пробираться, дорогу к возможному спасению. Рядом с поляной, протекал канал- арык, шириной в несколько метров. Всполохи костра тускло освещали медленно текущую темную мутную воду.

Лицо взводного было залито кровью, глаза заплыли от ссадин и ушибов. Но все же он видел, что путь к воде свободен, ни кто сейчас не стережет, возможно подползти к воде удастся. С неимоверным трудом, но побег может получиться. Лишь бы эти "обезьяны" громче горланили и жрали подольше. Главное, что б водка не закончилась раньше времени. Лучше утонуть, но попытаться бороться за жизнь, чем лежать мешком для битья и надеяться на милость негодяев....

Извиваясь ужом и осторожно перекатываясь с боку на бок, Шмер добрался до спуска в воду. В детстве Михаил занимался

плаваньем, увлекался подводной охотой, поэтому утонуть совершенно не боялся. Спуститься в арык абсолютно тихо не получилось, все-таки вода плеснулась под погружающимся в нее телом. Старший лейтенант перевернулся на спину, лег на воду, и оттолкнулся ногами от дна и поплыл. Сидящие на берегу, заслышав этот подозрительный бульк, заподозрили неладное, тотчас заметили бегство пленника, и бросились на поиски.

Взводный сделал глубокий вдох и нырнул. Течение медленно несло его все дальше от места, где проводилась экзекуция, а прохладная обволакивающая вода облегчила страдания и боль. Постепенно Шмер извиваясь телом, переплыл на другую сторону канала, для ускорения, толкаясь ногами о дно. Вынырнув на противоположном берегу, вдохнул воздух, и вновь перебирая ногами по дну, рывками устремился дальше по руслу от смертельной опасности. Где-то рядом ругали друг друга опьяневшие похитители, искали крайнего: кто виноват в бегстве офицера. Какая досада, пленник оказался недостаточно избит и не мертвецки пьян.

- Что скажем шефу? - услышал Мишка голос одного кавказца. - Он нас самих поубивает!

- Я думаю, что эта свинья, утонула. Так и доложем, что бросили его связанного в воду. Утопили! - ответил второй боец, пощелкивая пальцами, как кастаньетами. - Шайтан! Живучий оказался, уполз словно змея!

- Собаке собачья смерть! - успокоил приятелей голос "каторжника". Сдохнет, некуда ему больше деться. Руки связаны, вода холодная... Буль буль на дно, и нет ни какого дела. Заткнулись все! А, ну, прислушайтесь! Вглядывайтесь!

Банда на противоположном берегу закрыла рты, напряженно слушая наступившую тишину и всматриваясь в плавно текущую воду. Шмер тихо затаился в ветках коряги и чуть дышал, что давалось ему с неимоверным трудом.

- Утонул. Определенно утоп! - радостно произнес, пощелкивая пальцами один из вояк. - Пойдем дальше пить водку. После проверим по обеим сторонам канала, может эту падаль куда вынесет. Когда разыщем, надо будет прикопать в землю. Нет тела, - нет дела! - воскликнул уголовный элемент.- А всплывет далеко отсюда - тоже не беда, утопленник, он и есть утопленник. Мертвые не говорят....

После ухода собутыльников к костру, Мишка огляделся и заметил торчащий из песка металлический лист, что-то вроде крыла от грузовика. Несколько минут трения веревок о зазубренный край и разодранные запястья освободились. Шмер забросил веревки в воду и поплыл следом за ними, вниз по

теченью. Через час, когда силы начали совсем его оставлять он выбрался на песчаную отмель, и потерял сознание. Взошедшее солнце согрело и разбудило. Яркий ослепительный свет и начавшаяся палящая жара вывели его из забытья.

Михаил, морщась, обмыл раны мутной водой, но в этой ситуации не до стерильности, привел себя и мысли в порядок. Рубаха перепачкана кровью, и порвана в нескольких местах, один рукав отодран, но футболка цела. Оборвав непослушными пальцами пуговицы, он стянул форменную рубашку, превратившуюся в рубище. Брюки треснули по внутреннему шву, в нескольких местах. Что ж и штаны долой. Теперь надо соображать, как уклонится от возможной встречи с похитителями.

Где-то рядом была бахча, где Саид, хорошо знакомый старый туркмен, выращивал арбузы. Мишка несколько раз выделял ему солдат в помощь по уборке урожая, обменивал бушлаты, сапоги и рубашки на арбузы. Точно! У этого Саида можно укрыться на пару дней. Завтра суббота и воскресенье, передохну, подумаю, а в ночь на понедельник туркмен на мотороллере подбросит к гарнизону.

Саид удивленно уставился на офицера.

- Вай! Мища! Ты явился с того света? Что случилось? Попал под поезд? Шайтан по полю тебя гонял?

- Нет, налетел на несколько пар крепких кулаков. Еле живой убежал. Можно я у тебя в шалаше поживу день-другой?

- Конышно! О чем разговор. Живи хоть неделю! Жаль, арбузов еще нет спелых. Маленькие. Но дыньки уже, хороши, покушай.

Удачно, что подросли на бахче в изобилии дыни. Жевать грубую пищу ноющими челюстями и разбитым ртом, было нестерпимо больно. Мишка пил чай и бульон шурпы, мякоть дынь и организм понемногу восстанавливался. Первый день он буквально бредил. Снились кошмары: погоня, преследования, жуткие издевательства, ужасы и страшные бандитские рожи. Во второй день отоспавшись, старший лейтенант начал размышлять: кому это он мог, так сильно помешать на этой земле? Кто пытался убить, кто организовал похищение, и кто проводил кровавую экзекуцию?

Версия первая: глупая. Кто-то из уволившихся солдат решил отомстить за прошлые обиды в учебке. Ерунда. Шмер отмел версию, как несостоятельную. Рукоприкладством никогда Мишка не злоупотреблял, обидеть до такой степени никого не мог. Вероятность мести по этой причине - минимальна.

Версия вторая: ограбление. Однако денег у Мишки никогда не водилось, с собою больше десятки или четвертного обычно не носил. Да и карманы даже не обшарили. Ерунда - это не ограбление

Версия третья: фантастичная. Кто-то хотел убить из национальной, расовой неприязни, просто первого попавшегося случайного русского офицера. Совершить ритуальное жертвоприношение! Нет, это бред. Разыгралась фантазия, воспаленного болезнью ума….

Версия четвертая: месть за недавнюю драку в вертепе. В принципе возможно, но вряд ли. В драке я не участвовал, а только наблюдал. За что меня убивать?

Версия пятая: меня с кем-то попутали, просто ошиблись. Во! Это очень даже может быть. Спутали с проклятым идиотом Ромашкиным! Чертов балбес и дебошир! Замполит хренов, галантный рыцарь! Близко к теме, но что-то подсказывает, дело не в Никите. Очень конкретно негодяи занимались мной. Еще разговор шел разговор, про заказчика. Постой-постой! Бойцы как бы опасались его, и судя по всему, это был офицер или прапорщик. Могли, конечно, попутать не только с Ромашкиным, а с каким ни будь Чекушкиным или Шкребусом. Или еще с кем-то. Однако видимо заказчик из гарнизона!

Будем еще чуть-чуть думать. О! Давыденко мог? Мог! Догадался, кто тогда ночью убегал, или из жены признание вышиб! Не по-мужски это, не хорошо! Должен был бы, сам мне морду набить, подраться по нормальному, выяснить отношения. А нанимать каких-то уродов с криминальным прошлым?! В голове не укладывается.

Итак, версия шестая и основная! Мог организовать это побоище Мирон? Теоретически мог. Мог заставить каких-то бойцов? Мог! Но откуда взялись туркмены? Что- то не стыкуется. А если, наоборот, все же за посещение вертепа и дебош похитили? За то, что там побывали, знаем про его существование? Вдруг это избивали враги Ашота? А солдаты соучастники, исполнители, что б провести в гарнизон, прикрыть и отвлечь внимание?

Так! Что-то мне подсказывает, знаю я, одного из них, где-то раньше слышал это дурацкое пощелкивание пальцев, как кастаньетами. Но где? Знакомые звуки, знакомый голос. Нет, это не из нашей роты боец. Из батальона? Возможно. Говорил он мало и как-то глухо, а для меня все эти чурки на одно лицо, узкоглазые…. Эх, краешком глаза бы, хоть мельком, взглянуть на их физиономии. Не забыл бы никогда! Что ж, отлежусь, поправлюсь и обязательно найду тех, кто это побоище устроил. Умру, но найду. Жизнь, после этого, что сделали со мной, не мила. Убить всех негодяев - обязан!

Поздно вечером в воскресенье туркмен подвез на мотороллере Мишку к дальнему тенистому забору. Михаил прошмыгнул в дыру между прутьями (хорошо знать тайные

лазейки) и осторожно отправился к мансарде Ромашкина. В общагу идти нельзя, слишком много глаз и ушей.

А жив ли Ромашкин?

Никита оказался жив и даже в очень хорошем настроении. Он слушал магнитофон и допивал вторую бутылку "Токая". Третья охлаждалась в холодильнике.

Дверь на веранду была открыта настежь, пять лампочек ярко освещали иллюминацией дворик, туалет и террасу. Остальная часть квартиры зияла темными окнами.

- Никита! Быстро погаси свет! - крикнул Шмер из кустов, когда одна из песен закончилась, и музыка на секунду стихла. - Выключи свет, глухая скотина!

Ромашкин вскочил, щелкнул выключателями, и двор погрузился во мрак. Шмер осторожно проскользнул на веранду, схватил пустой стакан, наполнил до краев вином и выпил.

- Ох! Кислятина! Как ты ее пьешь? Водка есть?

- Есть, - простодушно ответил Никита. - Налить?

- Конечно налей! - распорядился Мишка. - Что нового в полку? Меня не искали?

- Ага, разыскивали два дня! Двое с носилками, и один с топором.

- Дурак, - поперхнулся водкой Шмер, и принялся чихать, да кашлять. - Я серьезно спрашиваю!

- Слух какой-то дурацкий прошелестел, что ты ушел в запой и сбежал из гарнизона с проститутками. Но откуда слушок вырос, я не знаю.

- А кто ни будь, у тебя обо мне, выспрашивал?

- Комбат, ротный и начальник штаба. Более ты никому не нужен. Кроме меня! Третий день тебя жду поделиться впечатлениями. Ко мнем подружка должна приехать, та, что со свадьбы. Ох, и оттянусь! Дорвусь до бесплатного! Представляешь?!

- Представляю! - криво усмехнулся грустно Шмер.

- А тебя я выселю! Делиться девичьим телом с тобой не собираюсь!

Глаза Никиты постепенно привыкли к темноте, и он разглядел, наконец, ссадины на лице у приятеля, разбитые губы, опухший нос. Да и вид был как у бродяги: грязная майка, шаровары, на ногах тапочки.

- Что с тобой приключилось, Мишка? Ну, у тебя и рожа! Ты на ней сидел вместо зада?

- Заткнись юморист! Никита, к тебе огромная просьба, завтра пойди в медсанбат к тому капитану, помнишь, с которым мы на вокзале пиво пили.

- Начфин? Ага! Еще бы не помнить!

Никита вспомнил освободившегося из-под стражи капитана-арестанта и недавнего собутыльника в подземном озере, и улыбнулся.

- Я с ним в Бахардене пировал!

- Вот, попроси его, что б он мне справку сделал, освобождение по болезни на предыдущую неделю! Гастрит! И направление в столицу в мед книжке нарисует. Мед книжку принеси в кабак напротив книжного магазина. Кулешов пусть соберет рубашку, брюки, сапоги, носки. Возьми сумку, сложи в нее, и вещи захвати с собой. Да, и денег дай полтинник.

Никита вывернул карманы на изнанку:

- Нет ничего. До копейки с Хлюдовым прокутили.

- Алканавт чертов! Вечно у тебя нет денег! - возмутился Шмер.

- А у тебя они есть? - хмыкнул Никита.

- Нет! - тяжело вздохнул Шмер.

- То-то и оно! Ладно, рассказывай подробно, что произошло? - потребовал Ромашкин.

- За неделю случилось масса ужасных вещей! - грустно и задумчиво произнес взводный. - Начались эти неприятности с твоим отъездом на сборы. Я с утра ушел к Наташке. Покувыркались, выпили, еще пошалили. Среди ночи кто-то принялся ломиться в двери. Она пошла, спросить, кого черти несут. Оказалось, муж прибыл из Келиты. Я наверх рванулся, одежду в руки и через окно спрыгнул в палисадник. Мирон видимо что-то заподозрил. Да и смешно не понять, что к чему: бокалы, бутылки, постель перевернута. Уходя по тропинке, я услышал маты, вопли, визг и крики, в квартире билась посуда.

День прошел спокойно, я весь извелся, как бы узнать, что творится с Натахой. Далее начался кошмар. Вечером кто-то меня ударил по голове, забросили в кузов грузовика, вывезли к каналу. Долго били, мучили, поили и вновь избивали. Решали: убить, утопить, или изувечить предварительно напоив. Чудом я сбежал. Уплыл и двое суток отсиживался у друга. Вот коротко, что произошло. А за тобой никто не следит?

- Не замечал. Я не обращал внимания. - растерянно ответил Ромашкин. - А чего за мной следить?

- Не знаю зачем. Подумай, вариантов много: недавняя драка в вертепе, совращение чужой жены....

- Ну, ты сказанул, совращение. Она нас обоих, можно сказать, изнасиловала.

- Все равно. За что-то же меня похитили, Никита? Есть у тебя внятные версии?

- А при чем тут я?

- Ты мой друг. Может и на тебя часть моих бед свалится! - пообещал Шмер.

- Типун тебе на язык! - замахал руками Никита.

Легкий хмель выветрился мгновенно.

Мишка прошелся по квартире. Зачем-то заглянул во все углы, выглянул из-за занавешенного окна.

- Ты чего, засаду ожидаешь? - уже не на шутку взволновался Никита. Так серьезно обстоит дело?

- Засаду, новое похищение. Нет, так просто, я им не дамся! Больше этот номер не пройдет! Голыми руками меня теперь не возьмешь!

Мишка достал из чемодана приготовленную для рыбалки гранату, штык нож и охотничий кинжал.

- Серьезно ты экипируешься! - задумчиво произнес Никита. - Как на войну!

- Если за меня взялись серьезно, то и я отвечу тем же. Мало не покажется. Знать бы наверняка, кто организовал нападение на меня и за что! Не хочу ударить по невинному, даже если этот невинный мерзавец Демиденко. Мирон громила, но граната и медведя свалит. А вдруг это не он?

Шмер задумчиво смотрел на РГД, покатывая по столу, словно металлический шарик. Потом он положил запал в один карман, гранату в другой, хлебнул водки из горлышка и направился к выходу.

- Так, не забудь Никитушка! Завтра в пивной, возле книжного магазина, там, где мы с тобой дефицитную литературу брали, а после пиво пили!

- Понял. Не перепутаю. Хорошо ты ориентир уточнил, ведь мы с тобой, пиво это вонючее, где только не пили!

Шмер огляделся у крылечка и скрылся в кустах, а лейтенант еще долго сидел в тишине и темноте. Лейтенант медленно, задумчиво цедил третью бутылку вина, но удовольствия от питья уже не получал. Делал это просто так, автоматически, потому что охватил страх за себя.

Черт бы побрал этот Чуркистан. Неужели это месть за драку возле борделя? И по ошибке Мишку зацепили? А вдруг и за мной придут? А если это Мирон организовал? Тогда и про меня может дознаться, я ж участник бордельеро! - замелькали мысли в мозгу. - Отомстит!

Голова пошла кругом. Никита быстро запер дверь на крюк, поверх выпитого вина хлопнул две рюмки водки для успокоения и отправился спать. Утро вечера мудренее.

Утром мудренее не стало. Наоборот все запуталось. В окно

постучали в шесть утра, громко и настойчиво.

Никита натянул трусы, сунул ноги в солдатские шлепанцы и подошел к окну. Во дворе стоял Колчаков с взъерошенной шевелюрой с одеждой в руках.

- Черт бы вас побрал, жаворонков! - взъярился Никита, отворяя дверь с крючка. - Чего ты приперся в такую рань? Я еще часа полтора мог поспать.

- Извини, но я продрог! Честное слово не нарочно. Я кстати, полчаса на лавочке сидел, больше сил нет.

- Так оделся бы и не дрожал!

- Одежда мокрая.

- Что попал под порыв встречного ветра? Дождя не наблюдалось? - ехидно произнес Ромашкин.

- Нет, это Хлюдов. Ты же знаешь он шутник, его проделки. Вовка сегодня стоял помощником дежурного по полку, ночевать не должен был прийти. Танька, сеструха его, приехавшая, меня пригласила. А он возьми и заявись. Услышал шумы подозрительные в квартире, видимо затаился в палисаднике и ждал меня. Выхожу я на рассвете, а он воду открыл из шланга, меня окатил с ног до головы. Я бежать, а он мне в след кричит: "В следующий раз бензином окачу и спичку брошу!"

- Вадик, как же ты так мог! Девченке лет - то сколько? Шестнадцать? Ладно, я к Давыденко ходил пару раз. Так это месть ему, за издевательства по службе. Он теперь к нам в канцелярию заходит, пригибаясь, что б "рогами" дверной проем не зацепить.

- Я не виноват. Танька позвала пробки вкрутить. У них свет пропал. Я их сменил, новые вставил.

- Вкрутил? Туда вставил, не промахнулся, не перепутал, что куда вставлять? - хмыкнул Ромашкин.

- Да пошел ты к дьяволу! Как прильнула грудью, как обняла, да вопьется сочными губами. Я естественно не устоял. Не совладал с собой, слаб человек! Грешен....

- А жена Вовкина где была?

- Пьяная спала.

- Ты споил? - подозрительно посмотрел на приятеля Никита.

- Нет, Танька. Она Ирине водку весь вечер подливала и подливала, та и окосела.

- И где ж ты с сеструхой познакомиться успел, что она на тебя так запала?

- Известно где, на танцах. Но мне ее вести некуда было, Танька сказала, сама в гости позовет. Подстроила все и позвала. И не шестнадцать ей, а семнадцать! Каюсь.

- Каяться будешь в казарме, когда Вовка тебе будет сегодня

морду бить.

- Не будет, я все объясню, и жениться в принципе готов, породнимся.

- Чего тебе от меня нужно? - оборвал приятеля Никита.

- Давай утюг, буду сушить рубаху и брюки! В трусах по поселку идти не хочется.

Глава 24. Вендетта.

Вечером Рахимов собрал подчиненных своих в кабинете.- Докладывайте! Что творится в батальоне? Мне не нравится обстановка! Сами пьете и хулиганите, занимаетесь неизвестно чем! Хлюдов, это, правда, что вы с Ромашкиным в Иран едва не ушли?

- А откуда подобные невероятные сплетни? Врут злые языки! - ответил невозмутимый Хлюдов.

- Нет, не врут! Вчера четыре всадника приезжало, вас спрашивали. Федаинами назвались. Рассказывали, как нашли вас, про движение каких-то повстанцев. Говорят, мол, заждались у иранской границы, а вожди все не едут! Хорошо, что я был дежурным по полку, послал их подальше. А другой на моем месте, возьми и доложи! Нарушители границы и смутьяны, подстрекатели к бунту служат в моем батальоне! Позор!

- Ну не совсем мы смутьяны, и не совсем заблудились, но были близки. Направление движения попутали в темноте, - нехотя ответил капитан. - А как вы нас к этим офицерам приплели? С чего на нас подозрение пало?

Майор Рахимов ухмыльнулся:

- Они вас по именам назвали и описали. Я сопоставил: Хлюдов и Ромашкин. Хороши же вы были! Направление попутали! А если бы вы в гиблые пески ушли? Ищи ваши трупы вертолетами? Что за разборки у офицериков происходят? Где Шмер? Какая-то таинственная история вырисовывается. Ромашкин, докладывай!

- Ничего не знаю. Справку о болезни Шмера, я принес, комбату отдал. Мишка в Ашхабад уехал лечиться.

- Он что, человек- невидимка? Взводного пятый день никто не видит. Один ты его где-то обнаружил. Шмер был так плох, что не мог лично доложить командованию? Смертельно болен, и позеленели не только уши?

- Так точно, вид был неважный, - подтвердил Никита.

- Теперь о тебе, Ромашкин! Кто вам, товарищ лейтенант, недавно бровь подбил? - замполит перешел на официальный тон. - Смешную историю я слышал, что ты сельского кабана изображал, в грязи валялся?

- Шел, неудачно в темноте споткнулся, упал, испачкался. В

остальном врут. Ей-ей врут, не валялся.

- Теперь о вас друзья мои! - майор посмотрел сурово на Колчакова и Хлюдова. - Наслышан, что отношения выясняете. Я решение уже принял. Тебя Колчаков, как только представится случай в Афган, а вас Хлюдов, к сожалению, пока в Москву-столицу не могу вернуть. Сами решайте вопрос о переводе, не то я вас сплавлю еще дальше, в Небиддат, в песках раскаленных погреться!

- За что меня на войну? - возразил Вадик. - Я исправляться начал, пить бросил, жениться на сестре капитана Хлюдова собираюсь....

- Я те, соберусь! Все зубы пересчитаю! Жених! - рявкнул Вовка. Девчонке учиться нужно, а ты ей голову дуришь!

-Еще вопрос, кто кому голову вскружил, и кто кого охмуряет! - возразил Колчаков.

- Эх, когда же меня, подальше от вас, на Родину отправят, - со стоном схватился за голову замполит батальона.

- Куда? - поинтересовался Никита. - В Белоруссию или в Азербайджан?

- На Украину! - криво усмехнулся Рахимов. - Больно я сало люблю. Хочу к хохлам! Короче говоря, разгоню я вас всех на хрен! Тебя Никита тоже!

- На хрен? - осторожно поинтересовался Ромашкин.

- И тебя в Афган! К черту! Надоел не меньше Колчакова.

- А я вас давно прошу спровадить меня за "речку".

- Теперь я окончательно созрел, сам попрошу начальство за тебя. Похлопочу, организую тебе тур поездку на войну.

- Ну и ладно, - насупился Никита. - Не очень-то и расстроюсь.

- Вот и хорошо, вот и поговорили, без взаимных обид, - обрадовался Рахимов. - Запрещаю пить в течение месяца! Никаких пьянок: ни самим, ни остальным офицерам в ротах! Что-то мне сердце вещует, быть какой-то беде. Очень плохие ощущения и предчувствия.

Хлюдов встал, поплевал через левое плечо и демонстративно перекрестился на портрет Ленина, а затем отбил три глубоких поклона в сторону фотографии Генерального секретаря.

- Не юродствуй и не скоморошничай! Накажу, и папа не поможет! - рявкнул Рахимов.

- Я не скоморошествую. Я истинно верую в победу коммунизма! А вы не верите? - Вовка посмотрел наглыми, васильковыми глазками на майора.

- Верю-верю! - пробурчал Рахимов. - Пошли вон, шуты - скоморохи!

Едва офицеры вышли на лестничную площадку, как Хлюдов с

размаху врезал в глаз Колчакову, с воплем: - Я тебе покажу, как сеструху портить!

Тот в ответ ударил капитана в челюсть. Никита бросился разнимать соперников, но только получил несколько тумаков по почкам и ребрам.

- Брэк, брэк! Стоять дураки! Меня не убейте! - Заорал лейтенант, что есть сил. - Тайм аут. У меня коньяк в сейфе стоит. Пойдем, выпьем и проведем мирные переговоры.

Потные, взъерошенные офицеры тяжело дышали и вытирали платками кровь с лица. У одного был разбит нос, у другого губы. Соперники злобно смотрели друг на друга. В конце концов, они подняли с пола фуражки и двинулись на второй этаж. Впереди шел Хлюдов, за ним Ромашкин, замыкал шествие Колчаков.

Едва выпили по три рюмки, и Никита разлил для четвертого захода, в кабинет ворвался Рахимов.

- О, так и знал! уже пьют! Кому я велел не пьянствовать месяц?

- А с какого дня введен "сухой закон", вы не установили! - хмыкнул Хлюдов. - Мы думали с завтрашнего. Вот решили, что б не прокисла, прикончить крайнюю бутылку.

- Эге! - воскликнул майор, заметив припухшие физиономии и набухавшие синяки, которые постепенно принимали липовый оттенок. - Уже успели схлестнуться. Ну, значит, бабы правду говорят, побьют друг друга. Все как в анекдоте! Бабы не врут. Налей-ка Ромашкин и мне, для успокоения нервов. Если пьянку нельзя предотвратить, значит, ее нужно возглавить!

Не дожидаясь, когда лейтенант возьмется разливать, майор взял бутылку "Арарата", подставил стакан и наполнил его до краев.

- Однако! - ухмыльнулся Хлюдов. - Своя рука себя не обделит.

- Это что б вам, алкашам, меньше досталось!

Рахимов в четыре глотка выпил дорогой коллекционный продукт, подарок от солдатского родителя из Армении, отломил половину шоколадки "Аленка", небрежно забросил его в пасть и схрумкал. Заметив на тарелки бастурму, оттяпал ножиком четверть куска и принялся энергично пережевывать, работая челюстями, словно мясорубкой.

- Сильно! - восхитился Колчаков. - Перчик не жжет?

- А тебе лейтенант зубы не жмут? Дерешься, начальству дерзишь!

Что бы сгладить ситуацию, Ромашкин увел разговор в другое русло:

- Товарищ майор, расскажите свой анекдот, про баб, которые все знают.

- Анекдот? А-а-а... "Служил в далеком гарнизоне, типа нашего Педжена, один взводный. Долго служил, а ни как вырасти до ротного, не мог. Пил, гулял, дурака валял. Однажды жена ему вдруг ему говорит: "Вася, тебя завтра ротным назначают". Муж опешил. "С ума сошла? За что, я и на службе-то почти не появляюсь". - "Не знаю, но бабы говорят, они все знают, и не ошибаются".

Действительно, утром вызывает командир полка, хвалит за службу и назначает нашего Васю ротным.

Он и дальше пьет, то должность обмывает, то звание. К роте и не подходит. Женя вскоре опять заявляет: - "Вася, тебя замом командира батальона назначают".

- Совсем рехнулась! Я, только ротным стал, а работать еще и не начинал. За что меня выдвигать?

- Не знаю, бабы говорят, а они все знают!

И точно. Командир оформляет представление на вышестоящую должность. Мол, присмотрелись, офицер вы не плохой, рота не хуже других, пора в академию готовиться!

Вася от радости за ум вязался, работать начал. Несколько месяцев добросовестно служит. Карьера наладилась! Должность, звание, вот-вот академия. Чудеса! Но тут жена заявляет: - Тебя Вася, скоро посодют!

- Из ума выжила баба! За что? Не пью, не ворую, службой занялся, а ты каркаешь!

- Не знаю за что именно, но так бабы говорят, а они не врут.

Точно ночью в дверь постучали, во дворе "воронок". Увезли и посадили в камеру: дознание, допросы, протоколы.

Жена на свидание приезжает, а Вася ей первым делом вопрос:

- Дорогая, ну что там бабы говорят? А?

- Что бабы говорят, не знаю, но прокурор гарантирует, лет пять".

Вот и я вам обещаю, что-то подобное, что прокурор предрекал. Приказываю, прекратить валять дурака! Марш по домам!

Рахимов забрал початую вторую бутылку, другого коньяка "Кизляр", и вышел из канцелярии.

- Грабят! - заверещал Ромашкин.

- Не обеднеешь! - послышалось, эхом, из-за двери в ответ.

Хлюдов и Колчаков по-прежнему хмуро глядели друг на друга, но драться желание пропало. Капитан встал, надел фуражку, посмотрелся в зеркало через плечо, уходя воскликнул:

- Лейтенанты забудьте ко мне дорогу. И в канцелярию и к дому. Обходите меня стороной! Проклятый детский сад! Действительно загремишь с вами в пустыню! Тоже мне,

родственник выискался!

Шмер, будто бы поправившийся после болезни, появился в полку через десять дней, был свеж, упитан, уши зажили, и более не зеленели. Два дня взводный, словно следопыт, ходил по казармам полка, вглядывался в лица солдат и сержантов, вслушивался в их речь. Ромашкин к нему с расспросами не приставал, но догадался, приятель ищет похитителей. Мишка не расставался с гранатой и Никите ее обратно не вернул. Кроме того, он постоянно носил и малую саперную лопатку в чехле и тренировал руку в метании по деревянной мишени.

Офицеры смеялись: залечили врачи мужика, крыша поехала. По прошествии нескольких дней, Шмеру подошла очередь, заступить помощником дежурного по полку. Следующим вечером дежурство закончилось, и ничего не предвещало беды. Мишка был спокоен и сосредоточен. В свободное время, когда дежурный садился к телефону, он выходил во дворик и метал в толстое дерево лопатку. Это было его давнее хобби, тренировался еще с училища. Маленькая саперная лопатка в умелых руках, страшное оружие: за неделю занятий трех дюймовая доска разбивается в щепу! Излишняя злость за время занятий вышла, но настроение не улучшилось. Мишка чувствовал себя теперь хищником, вышедшим на охоту, сконцентрировавшимся к броску. Хватит! Дичью и жертвой он больше не будет ни когда! Отныне он охотник за скальпами и черепами.

Дежурный остался "караульной будке", ожидать сдачи караула, а Шмер пошел в батальон разоружаться. В оружейной комнате, сержант, дежурный по роте пересчитывал автоматы, балагурил о чем-то, громко и гортанно переговариваясь с другим сержантом. Дежурный заразительно хохотал и звонко прищелкивал пальцами.

Черт! Да ведь это Кунакоев! Сволота! Точно, его голос, смех, пощелкивание! Под боком был, а я его по полку искал! - обожгла догадка мозг офицера. Второй сержант вышел в туалет, а Шмер подошел к решетке. Сержант слегка изменился в лице, но весело спросил:

- Пришли сдавать оружие товарищ старший лейтенант?

Мишка достал из кобуры ПМ дослал патрон в ствол и ответил:

- Нет! Грохнуть тебя как собаку!

Шмер выстрелил два раза сержанту в живот и в грудь. Выстрелы гулко прозвучали в пустой казарме, словно громыхнул гром, а Мишка подскочил к Канукоеву и прошипел, приставив пистолет к голове:

- У тебя есть шанс жить. Только один, но есть! Кто

организовал покушение на меня? Кто приказал издеваться? Быстро иначе застрелю!

- Не убивайте! Я все расскажу! - прохрипел, булькая кровью Кунакоев. Это Давыденко.

- Понятно! Кто были гражданские? Быстро говори, мерзавец, кто такие?

- Али, фотограф с базара. Второго не знаю.

- Другой солдат откуда? Наш?

- Нет. Из стройбата. Байралтуков, каптерщик. Не стреляй, командир, умоляю!

- Ладно, живи, если сможешь дотянуть до госпиталя! - произнес Мишка и, вставая, уперся рукой в живот поверженного врага.

Сержант взвыл от нестерпимой боли и потерял сознание. Мишка со злостью пнул его носком сапога в левый бок, и выбежал прочь из казармы. В три прыжка преодолевая пролеты лестницы, он ворвался на третий этаж. Но не повезло, Давыденко в кабинете не было. Дневальный доложил, что начштаба отсутствует весь день.

"Ну да ладно, куда он денется, позже достану! Сейчас нужно каптера грохнуть. Что ж, значит, Мирон будет последним в очереди. Список составлен и утвержден! Каптер, туркмены и Мирон, - размышлял Шмер, торопливо ступая сапогами по плитам выщербленной бетонной дороги, ведущей к строителям. Скорее, пока не подняли тревогу. Успеть покончить со всеми негодяями!"

Офицер действовал автоматически, не раздумывая, видимо в тот моментког да он узнал Кунакоева, то злость и ярость затмили разум. Отныне пути отступления были сожжены Мишка спросил у попавшегося навстречу стройбатчика, где каптерка Байралтукова. Солдат указал на будку с приоткрытой дверью: вон он, сам лично стоит у вагончика.

Мишка расчехлил лопатку и приготовился метнуть ее.

Стрелять на территории нельзя, слишком много шума. А раньше времени к себе внимания привлекать нельзя. Шмер описал дугу вокруг вагончика и, внезапно появившись из-за угла, резко бросил лопатку в оторопевшего врага. Запущенный опытной рукой метательный снаряд, прошуршав в воздухе, пригвоздил оторопевшего бойца к двери.

- Хык! - выдохнул, метнув орудие убийства, Мишка.

- Ык! - прохрипел Байралтуков и обмяк. Остро наточенный шанцевый инструмент прорубил майку и грудную клетку негодяя.

Мишка размял свои длинные, большие крестьянские руки, потряс ладонями и затем радостно потер ими. Получилось! Раньше он метал этот "снаряд" только по мишени, и не был вполне уверен в убойной силе инструмента. А вот, поди, ты, вошло как маслу, как и представлял себе! Не зря тренировал руку, восстанавливая былые навыки. Срубил наповал!

Шмер, одной рукой приподнял через порог, сопровождая повисшие ноги умирающего, а второй рукой толкнул дверь. Висящий аккуратно миновал дверной проем, оставляя за собой струйку крови. Дверь защелкнулась, и Мишка услышал падение, тела внутри помещения. Замок с ключами висел на ручке. Шмер замкнул дверцу, а ключи вышвырнул в кусты. Он не стал вынимать лопатку из тела, а то пришлось бы тащить каптера на руках, пачкаться. К тому же из оружия, еще имеется пистолет. Патронов маловато, но на остальных гадов хватит. Осталось

четырнадцать пуль на трех мерзавцев. А дальше будь, что будет. Отступать и сожалеть поздно!

Взводный поспешил к дежурке. За воротами стоял дежурный тягач - "Урал". Будка была пуста, очевидно, офицеры убежали к подстреленному Кунакоеву.

"Да, крупное принес я им ЧП, нечего сказать! Толи еще будет. Мое тело и разум требуют мщения! Я жажду крови!" - размышлял старший лейтенант, заводя "Урал". Садясь в кабину, он заранее знал, что ключи всегда торчали в замке зажигания. Мишка сам порой катался на машине вечером, во время дежурства то в караул, то в автопарк.

"Урал" сильно подбрасывало на ухабах, но Шмер не снижал скорости, время работало против него. "Еще трое врагов живы, а командование вот-вот поднимет тревогу. Скорее всего, уже выяснили, кто стрелял в казарме. Сообщат в милицию, в Педжен, а как узнают, что тягач угнан, сразу организуют перехват. В городе нельзя долго кататься на машине! Надо быть скрытным и незаметным! Эта мысль мелькнула в мозгу, и его осенило. - Брошу машину и доберусь до центра города пешком".

Михаил съехал с дороги и остановил грузовик в переулке. Захлопнув дверцу, он быстрым шагом пошел вдоль саманных стен. Глиняные домики жались друг к другу. Теперь тут не проедет ни одна машина. (Догоняйте меня пешочком!) Через пять минут показался городской рынок. Шмер увидел вывеску над маленьким домиком и обрадовался. Вот она, фотомастерская!

Офицер вынул пистолет из кобуры и сунул за пояс, затем достал из кармана запал, ввернул его в гранату и разжал "усики". На всякий случай. Вдруг пригодится.... Старший лейтенант встал сбоку от двери и громко постучал.

- Закрыто или работаете? - спросил Мишка, обращаясь к невидимому за фанерной перегородкой, хозяину заведения.

- Да-да! Заходи дарагой! - узнал Шмер ненавистный голос одного из мучителей.

Михаил быстро шагнул через порог, едва не сшиб с ног небольшого полного человечка с наколками на руках, стоящего возле осветительных приборов. Тот сразу признал офицера, изменился в лице, потому что догадался, кто это и зачем. Пистолет в руке не дрогнул и выстрелил шесть раз: в лицо, грудь, живот. Пока не кончились патроны, палец нажимал на спусковой крючок. Надо было оставить хоть один патрон и сразу быстро оглянуться, но старший лейтенант, этого сделать, не успел. Остро заточенный нож вошел ему в спину, между ребер, и проткнул почти насквозь. В глазах потемнело, и Мишка упал от удара, навзничь, лицом на пол. Пистолет отлетел из ослабевшей руки

далеко под стол.

" Черт, не успел перезарядить! - мелькнула мысль. - Эх, не всех побил, не отомстил! Мирона, гаденыша, теперь не достать..."

Стоны и хрипы вырывались из его раненой груди. Усилием воли Мишка сунул руку в карман брюк, разжал усики на запале и указательным пальцем потянул за колечко. Глаза застилала пелена, из них безудержно потекли слезы, в голове зашумело, словно ею били в огромный медный колокол. Шмер явственно почувствовал приближение смерти, которая надвигалась неотвратимо.

Из спины резким движением выдернули тесак, и чья-то сильная рука перевернула офицера лицом вверх. Над ним, чуть склонившись, стоял, огромный мужик, губастый, носатый, с глазами на выкате, похожий на орангутанга. Лицо и руки были покрыты густым черным волосом, а на груди под расстегнутой рубашкой виднелась замысловатая татуировка.

- Ну что, офисер, взял меня? Падаль! Это я тебя замочил! Запомни меня! Меня зовут Махмуд! Здохни, рюсська собака.

- И ты тоже! - сипло прошептал Мишка, выплевывая кровь, и вынул руку из кармана галифе. Затем он разжал в воздухе ладонь и выронил из нее гранату.

- Аллах! - взвизгнул громила.

В ту же секунду сильный взрыв потряс будку. Ударной волной выбило стекла и распахнуло дверь, электропроводка заискрила, ветхая будка мгновенно вспыхнула. Языки пламени лизали лицо и руки тяжело раненого громилы, он умирал медленно и мучительно. Огонь охватил все помещение. Примчавшаяся пожарная команда быстро потушила огонь, и тогда из пепелища вынули три обезображенных мертвых тела.

Фотографа опознали сразу. По документам определили, что второй - это офицер, старший лейтенант Шмер, а третий, по приметам, оказался беглый налетчик Ашурниязов. Следователь прокуратуры стоял в сторонке с начальником уголовного розыска, и они тихонько переговаривались.

- Жалко, хороший человек погиб. Мы пока ловили этого Ашурниязова, он в области двух оперативников ранил. Я знал, что где-то в городе скрывается, а брать не рисковал. - Произнес негромко майор милиции. - Здоровый был громила, и опасен как дикий зверь. Настоящий хищник.

-Собаке собачья смерть, - махнул рукой следователь.- Да, и подлый сводник Али наконец-то подох. Канал наркоторговли закрылся, сделал доброе дело офицер. А почему и зачем, не наша забота, пусть военные разбираются! Хотя мороки все равно нам прибавится. А как тихо жили в городе! Сейчас комиссиями

замучают: проверки, отчеты, доклады. Жалко парня. Интересно, чем эти уроды, его так допекли.

- Бог его знает, знать довели, достали. Не спроста все это! - Ответил милиционер. - Будем докладывать в горком?

- Обязательно! Необходимо провести встречи партактива с военными. Как бы волнений не было, русский офицер, убил двух туркменов.

- Они его тоже убили. Ну, этого толпе не объяснишь. На рынке обязательно усиленный пост выставим.

- Ты тут разбирайся, брат, а я в гарнизон, к подполковнику Хомутецкому отправлюсь, - распорядился следователь, и спешно уехал в гарнизон.

Когда следователь прибыл на КПП, там собрались все полковые начальники, дежурный по полку получал нагоняй за угнанный "Урал".

Завидев прибывших милиционеров, Хомутецкий бросился навстречу к ним:

- Что случилось? Чем обязаны?

Следователь представился и рассказал о разыгравшейся в городе трагедии.

- Твою мать! - командир полка бросил фуражку о землю и обхватил голову ладонями. - Что делать, что делать! Снимут ни за что с должности к чертовой матери! Начальник штаба, стройте по полк тревоге, на вечернюю проверку. До последнего человека: и хромых, и косых, и дистрофиков!

- Полк уже час как стоит на плацу! - растерянно напомнил замполит Бердымурадов.

- Ну что ж, пойдемте разбираться в происшедшем, что к чему и почему, произнес злобным голосом командир, его губы дрожали, а по лицу струился пот.

Вся свита, вжав головы в плечи, торопливо затрусила на построение.

***

- А не врешь? - переспросил недоверчиво Кирпич. - Больно крови много в рассказе! Триллер прямо какой-то!

- Крови много? Не веришь!- воскликнул, обидевшись недоверчивости приятеля, Никита. - Разве это много? В батальоне за два года 63 человека погибло, забыл?

- Так то ж в Афгане...

- Братцы, помянем всех наших пацанов, из нашего славного батальона! предложил Большеногин.

- Закругляйся с рассказом, Никита, домой пора! - попрсил Дабиша. - А то финал не узнаем...

- Ладно, закругляюсь.

Глава 25. Самоубийца...

Командир полка визжал на весь плац. Ярость его была безгранична, и казалось, он вот-вот выпрыгнет из сапог, либо портупея лопнет от натуги. В двадцать два часа солдат отправили в казарму, а офицеры по-прежнему остались на плацу.

Хомутецкий еще пол часа распалялся и визжал на подчиненных. Особенно досталось, конечно, взводным, а кому же еще? Шмер ведь был командиром взвода.

- Преступники! Негодяи! Алкоголики! Бездельники!

Эти оскорбления сыпались вперемешку с матами, как из рога изобилия. Раньше он никогда не выражался, был груб, но корректен.

В заключение он приказал Давыденко проверить оружие батальона в ружкомнатах и наличие патронов, закрыть оружейки, опечатать и оставить ключи у себя.

- Это же касается всех остальных начальников штабов батальонов. Начальник службы РАВ, откуда у этого мерзавца граната? Разобраться! Перевернуть все каптерки в полку! Обыскать загашники подразделений, канцелярии, и проверить подвалы! Заглянуть в каждую тумбочку, в каждый сейф! Разойдись!

Комбат Алсынбабаев был бледен как полотно. Он держался за сердце и не знал, что сказать. Наконец выдавил из себя невнятно:

- Рахимов, инструктируй замполитов. Командиры рот, идите проверяйте казармы. Мирон Михайлович, бери ключи от оружеек и ступай, проверяй оружие и боеприпасы. Пойду в медсанбат, полежу, что-то мне худо.

Старый жулик, держась за сердце, побрел, шаркая сапогами по асфальту. Он явно боялся за себя, как бы не сняли с батальона за развал дел, за чрезвычайное происшествие.

Рахимов впился взглядом в Ромашкина:

- Никита, хоть ты что-то прояснишь, какая муха укусила Шмера! Крыша поехала?! Бешеная собака цапнула за яйца?

- А я то, причем тут? Я ему что брат? Отец?

- Ты его друг!

- Шкребус с ним гораздо дружнее меня.

- Но он жил в твоей квартире! Вместе пьянствовали!

- И вовсе не жил, вещи хранил и иногда ночевал! - возразил Никита. - И не только я с ним пил, но вы тоже, и комбат, и Антонюк.

- Ну, пошел, поехал! Еще скажи, я ему гранату в руки вложил, и на спусковой крючок нажал! - возмутился Рахимов.

- А чего вы всю вину на меня взваливаете: командир полка, замполит полка, начальник штаба, вероятно, в особый отдел

скоро потянут.

- Конечно! А как ты думал. Не одного тебя! Всех нас! Еще раз спрашиваю, что-то можешь прояснить?

- Нет, не могу. Я есть хочу, - хмуро ответил Никита. - Только из наряда вернулся. И голоден как пес. Все одновременно загалдели, что не ужинали и желают.

- Хорошо! Даю ровно час, и вновь прибыть на службу! - нахмурился замполит и тоже пошел домой.

Ромашкин осторожно вошел в пустую квартиру. На каждое движение старая мансарда отзывалась скрипами и шорохами. Словно живая. Никите показалось, что это духи и какие-то приведения, потусторонние силы. Может, это Шмер вернулся, вдруг приятель остался жив, и погиб вовсе не он?

- Мишка! Миха! Это ты? Есть кто в доме живой? - тихо произнес Никита.

Из темных углов послышался невнятный шепот, не понятно из какого. В ушах стоял плач и стон. Лейтенант заткнул уши, зажмурился и выскочил. Нет, это не выносимо! Не могу, больше тут, не в состоянии здесь ни есть, ни пить, спать не возможно спокойно! Ужасно! Чуть постояв на крылечке, Ромашкин осторожно шагнул обратно, достал из холодильника бутылку рома, налил в мутно - серый стакан и вновь вышел во дворик. Конечно, чего там сидеть и с ума сходить, лучше на свежем воздухе! Эх, если еще и пожрать чего вкусного, вообще легче было б.

Мимо калитки спешил домой сосед пехотинец. Этот рано лысеющий старлей махнул рукой и попытался проскочить. Не вышло.

- Стоять, сосед иди сюда! Колян, ты чего морду воротишь? А еще называется однокашник, земляк и приятель.

- Никита, извини, жена дома одна, а она беременная, седьмой месяц. Тороплюсь, сам понимаешь. В следующий раз, ладно?...

- Нет, Коля, именно сейчас. Знаешь как на душе тяжело, даже в дом зайти страшно. Сядь, и компанию составь. Вот тебе стакан, вот ром. Хороший ром! Кубинский!

Лысый несколько секунд разрывался между желанием выпить и семейным долгом, но, в конце концов, вожделение алкоголя оказалось чуточку сильнее.

Он отворил скрипучую калитку, висящую на одной петле, и почти бегом проскочил в палисадник.

- И чего ты так жену боишься? Подкаблучник!

- Э-э. Никита. Нафиг мне опять с Веркой драться. Она чуть чего в морду царапаться бросается.

- Выгони ее, отправь к маме домой на перевоспитание.

- Она тогда меня бросит.

Ну и хрен с ней (подумал Никита), стерва первейшая в городке, по крайней мере, в первой пятерке стерв, точно. Парень даже полысел на моих глазах, от такой нервной жизни, постоянно психует, нервничает. Вновь заходить в мансарду, за стаканом, не хотелось и Ромашкин сунул ему в руку свой. Идти в дом: бр-р-р.... Какие-то ужасные ощущения, будто кто-то там прячется внутри и хочет и его, Ромашкина убить.

Никита налил в стакан приятелю приблизительно на два пальца, но не от дна, а от краев, а сам взялся за бутылку.

- Ого! - воскликнул сосед. - Знатно, вот это доза!

- Ну, за упокой души, раба божьего, Михаила Шмера, хорошего парня и боевого офицера! - произнес с чувством Никита и отхлебнул из горлышка три глубоких глотка. Сосед кивнул головой и осушил свой стакан.

Разговор не клеился. Лысый закурил, а Ромашкин вдруг запел:

"А первая пуля

А первая пуля

А первая пуля, да ранила коня

Любо братцы, любо..."

Плешивый пехотинец не поддержал песню, тихохонько поднялся со скамьи и молча, бочком, бочком, выскользнул за ограду.

... Песня оборвалась и за металлической сеткой, служившей забором, послышались шаги и шевеление.

- Кто там шуршит! Выходи! - рявкнул Никита. - Не боись, не обижу!

- Я, посыльный! - услышали приятели тонкий писк солдата.

- Кто такой? Зачем пришел? - усмехнулся Ромашкин.

- Это я, Кулешов! - ответил боец. - Вас вызывают в батальон.

- Витька, доложи, кого еще вызывают? Кто посмел вызвать печалящегося?

- Начальник штаба Давыденко. Вас и Шкребуса. Давыденко сидит в оружейке и сильно ругается.

- Что именно говорит?

- Ничего, просто матерится. Сидит с автоматом на коленях, злой до безобразия!

- Ага! По мою душу, значит! Скажи ему, пошел в жопу!

- Прямо так?

- Прямо так и передай! Ступай солдат и не мешай благородным господам офицерам пить ром. Скажи мол: "Офицера пьють ром, и не идут! Не желают! Напьются и затем блевать будут!"

Никита достал из коробки под столом пригоршню грецких и земляных орехов, (презент от одного из приезжавших солдатских папаш) и принялся их колоть, зажимая между дверью и дверной коробкой и складывая на газету. Надо же чем-то отвлечься от нехороших мыслей.

"Чего хочет Мирон? Зачем вызывает? Я то тут при чем? Дорогу ему не переходил, кровать не мял, по крайней мере, не попадался".

В квартире по-прежнему стояла гробовая тишина, прерываемая лишь хрустом раскалываемой скорлупы. Шорохи и голоса, кажется, утихли, но Ромашкин оставался на веранде и не входил в домик. Когда горка набралась довольно приличная, Ромашкин взял газетку, на которой лежал десерт, и стал сортировать, отделяя труху, мусор и пыль от спелых ядрышек. За этим занятием его застал внезапно появившийся в квартире Шкребус.

Никита вздрогнул от неожиданности и спросил:

- Ты как вошел, Ребус?

- Через дверь, чудак человек! - раздраженно ответил взводный. - Ты бы еще спросил: Вы кто такой?! С головой уже не в порядке? Я стучал и покричал, но, ответа и приглашения войти не получил. Смотрю, дверь не заперта, я и вошел.

- Не ответил, говоришь? Значит, я задумался.

- Не перенапрягись, остынь, а то тоже "крыша поедет" и "башня" со стопоров слетит. Чем вы со Шмером занимались в последнее время? Хиромантией и черной магией? Что его могло сподвигнуть на этот бессмысленный террор? Белая горячка? Был хороший парень, покуда с тобой не связался. Ты его что, зомбировал?

- Иди к черту, Глобус! Не болтай ерунды! - ответил Никита и грязно выругался.

- А я то тут причем? - обиделся Шкребус. - Чего материшь меня? Может вы, сектантами стали, или расистами, с чего бы Мишка взялся "чурок" истреблять? У меня нет объяснений его действиям. Выпить он любил, посмеяться, пошутить тоже... Но чтоб запросто стрелять, колоть, взрывать людей, словно "Рэмба" какая-то! Он что "крестовый поход" объявил магометанам?

- Спроси у него сам! Вызови его дух, пока не улетел....

- Пошел "в пень", придурок! Я тебя серьезно спрашиваю, что с Мишкой произошло?

- Серега, у меня одни догадки.

- Значит, скоро пойдут разгадки. Давай выпьем? Осталось у тебя чего "на грудь принять"?

- Ром.

- Фу! Гадость! И как ты эту заразу вонючую пьешь? А водки нет!

- Вот уж действительно, что барахло, так местная туркменская водка. Крыс травить ею хорошо!

- Богохульствуешь, водочкой крыс травить.... Ну, да ладно, плесни рому.

- А ты зачем ко мне приперся?! - задал негостеприимный вопрос Ромашкин, быстро выпив свою стопку.

- Зашел по пути в батальон. Вызывают...

- А кто вызывал тебя? - полюбопытствовал Никита.

- Давыденко.

- Зачем не сказывал?

- У кого спросить то? У посыльного бестолкового? Что-то пролепетал о грязном оружии в оружкомнате.

- Так он что он по - прежнему в оружейке? В нашей?

- Ага, сидит и в автоматах зачем - то ковыряется.

- Так он и меня вызывает. А я, какое отношение имею к не чищеному оружию? Не нравится мне все это, подозрительно. Давай, лучше не торопясь, допьем бутылочку, у меня есть лимон, яблоки, колбаса. Сейчас нарежу, закусим. Пусть Витька Недумающий сходит.

Лейтенант вскочил, засуетился, чтоб нежданный собутыльник не ушел, достал из холодильника колбаску, нарезал крупными кусками дольки лимона, на тарелочке посыпанные сахарком и четыре яблока.

Ребус вынул из кармана смятую пачку "Шипки", закурил и закашлялся, разбрызгивая слюни.

- Тьфу ты, свин! Не тряси слюнями на стол! Выйди за дверь, накурись, прочихайся, а потом пожалуйте, к стакану!

Шкребус сердито швырнул окурок в сторону мусорного ведра, но промахнулся.

- Мазила! Глобус, еще пожар мне устрой! Мало несчастий на голову свалилось?!

- Не загорится твоя хибара, успокойся. Чему тут гореть? Стены да пол. Сейчас выпьем, и подниму "бычек", чтоб ты не переживал, - тут человек погиб, а он окурки, мусор, порядок! Ну, вздрогнем! Хороший ты был парень, Мишка! Как я без тебя дальше жить буду в этой дыре...?

Шкребус выпил, вытер тыльной стороной ладони влажные слюнявые губы и начал с аппетитом жевать колбасу, отправляя в рот кусок за куском...

- А жрешь ты мой друг, словно мельницей мелишь, будто и не переживаешь вовсе! - произнес Никита с удивлением глядя на товарища. - А мне кусок в горло не лезет...

В то время как в мансарде пили за упокой друга, по оружейной комнате нервно ходил начальник штаба батальона.

Через пол часа своего пребывания в ней, Давыденко отправил дежурного-сержанта наводить порядок в роте и не мешаться под ногами. Сержант раздражал майора своим глупым безучастным наблюдением.

- Поди, прочь! Не мозоль глаза окаянный! Стоишь тут как изваяние! разозлился, в конце концов, Давыденко. - Займись с дневальным мытьем лестницы!

- Она вымыта! - ответил простодушно сержант.

- Я что сказал?! Мыть живо! Посыльные вернулись?

- Вернулись.

- Оповестили офицеров?

- Так точно. Оповестили.

- Что они ответили?

- Ну, я не знаю, курсанты несли какую-то чушь. Не понял я их, растерянно произнес дежурный.

- Ты что русских послать не мог? Чтоб передать приказ, и доложить о исполнении были в состоянии!

- Русские и ходили. Бормочут чего-то невнятное.

Прошло еще несколько минут. Потом еще полчаса. Давыденко вскрыл ящик для хранения патронов, и пирамиду с автоматами. Снарядил второй магазин и уселся на табурет. Он начал размышлять и даже закурил, что было запрещено.

Гнев и ярость клокотали в нем: "Чертовы бабуины! Не могли выполнить поставленную задачу по человечески. Велел ведь поиздеваться и утопить этого проклятого Шмера. Нет, упились водкой и упустили этого пройдоху, уплыл, сбежал! Теперь вот сами мертвы и такой громкий скандал. Прощай Академия, прощай карьера! А что мне теперь делать? Ждать когда следователь какую-нибудь посмертную записку, или письмо доставят, объясняющую эту бойню. Наверняка Шмер дознался кто организатор похищения. Видимо, меня, гаденыш, оставил на десерт, в последнюю очередь! Ну, ничего, сейчас придут эти три негодяя, грохну их, не так будет обидно умирать. Рассчитаюсь со всеми врагами".

Вновь прибежали посыльные и доложили, что офицеров не нашли.

Майор отправил их опять на поиски запропастившихся офицеров.

Опозорили! - мелькнула вновь мысль в голове. - Ну, а я вам отомщу! Всем отомщу мерзавцы, негодяи!

Майора колотила нервная дрожь. Он уже почти ничего не соображал, только курил одну за другой сигареты, гася окурки в

тазике для ветоши. Несколько раз со злостью пнул сапогом по огромному сейфу.

Раздался звонок. Дежурный по роте подошел и доложил:

- Товарищ майор, Вас вызывает к себе начальник особого отдела полка.

- Кто сказал? - насторожился Давыденко.

- Дежурный позвонил.

- Кого еще вызывали?

- Никого. Только Вас.

- Спасибо братец. Ступай, не мешайся под ногами, - нахмурился Мирон и раздраженно повторил. - Я же сказал иди. Свободен!

Майор вытолкнул из ружкомнаты нерасторопного сержанта, взял автомат и сел на табурете возле окна. Какое-то время он тупо смотрел, уставившись в потолок, и молчал, затем громко расхохотался. Буря эмоций пронеслась в сознании и отразилась на лице Мирона. Он почернел и закаменел. Несколько раз ругнулся, взял в руки автомат, быстро и решительно присоединил к нему "рожок", и дослал патрон в патронник. Еще секунду помедлил, а затем энергично снял автомат с предохранителя, вставил ствол в рот и нажал на спусковой крючок...

Крепко поддав рому, дойдя до кондиции "море по колено", Никита и Шкребус брели, от мансарды к казарме, спотыкаясь в темноте о камни, и даже несколько раз упали. Потный Глобус, пыхтел как паровоз, не поспевая за Ромашкиным. Толстый старший лейтенант с трудом протиснулся сквозь дыру в заборе. Обычно он шел, в обход, через калитку, теперь же, ноги заплетались, и идти по тропе лишних сто метров самостоятельно желания не было, а Ромашкин не пожелал брести с приятелем, и волочить его это дополнительное расстояние. У бассейна они затормозили. Вода плескалась у самых сапог, и офицеры не смогли не поддаться соблазну:

- Искупаемся? - спросил Ромашкин.

- Обязательно! Заодно и протрезвеем. В одежде или в неглиже?

- Разденемся, иначе до утра не высохнет. И потом если ты Ребус начнешь тонуть в сапогах и брюках, я тебя не достану, силенок не хватит. Ты как кабан, а с сапожищами, добрый центнер живого веса.

- Живой вес - не мертвый вес. Это хорошо, что мой вес жив! - произнес глубокомысленно Шкребус.

Приятели начали раздеваться, но их подготовку к купанию прервал чей-то резкий голос.

- Эй вы, водолазы! Марш отсюда!

- Кто посмел мне перечить? - возмутился Шкребус.

- А-а-а! Это ты Глобус! Привет!

- Ага! А это поручик Колчаков? - вопрошающе поинтересовался Шкребус. Чего орешь?

- Не положено купаться ночью! Особенно в пьяном виде! - крикнул лежащий в плавках на трамплине Колчаков. - Утонете, а я вытаскивай ваши скользкие холодные, синие трупы. Я не люблю утопленников!

- Ладно, поручик, не будем купаться, - согласился Шкребус. - Мы физиономии пополощем, руки, ноги омоем. Спускайся к нам!

Дежурный по бассейну (была и такая должность), нехотя слез с вышки, понюхал воздух и одобрительно произнес:

- Поминули Мишку? Молодцы! Чувствую, какой-то благородный напиток употребляли...

- Ромаха какую - то дрянь наливал, - махнул небрежно рукою Шкребус. Водки у него вишь-ли нет!

- Ром "Гавана Клуб" и ром "Дэ касино". Смешали белый и красный ром. Коктейль! - ответил Никита.

- Могли бы и мне занести! Черти бездушные.

- Не знали, что ты дежуришь, оставили бы дома. - С сожалением сказал Шкребус.

- Так и быть! Быстро раздевайтесь, ополаскивайтесь, и трезвейте! скомандовал Колчаков, опуская ноги в бассейн.

Офицеры живо разделись и голышом плюхнулись в воду. Вода была весьма теплая, поэтому от нее трезвость не пришла, только легкая свежесть.

Несколько минут просидели на краю бассейна, и теплый воздух быстро обсушил обнаженные волосатые тела. Колчаков тихонько бренчал на гитаре белогвардейские песни вперемешку с военным циклом Высоцкого. Получалось хорошо. Но хошь не хошь, а нужно идти в казарму. Не спеша, оделись, обулись, попрощались с бардом "белой гвардии" и отправились дальше.

- Не нравится мне этот вызов, Сергей! - вновь начал сомневаться Ромашкин в целесообразности топать в казарму.

- А ты не ходи. Я один пойду. Пусть мне будет хуже, а тебе стыдно, что бросил товарища и струсил, - ответил Шкребус.

В момент апогея спора о чести, совести и товариществе, когда они поднимались по ступенькам, ведущим к входу в батальон, прозвучала громкая автоматная очередь.

- Слыхал? - спросил Никита.

- А то нет! Значит, верно, ты говорил, что-то тут нечисто! Так вот зачем он нас звал! Порешить нас хотел! Кто интересно убит? - забормотал вмиг протрезвевший Ребус.

- Что делаем? - задумчиво задал вопрос сам себе Ромашкин.

- Бежим! - рявкнул Шкребус и потянул приятеля вниз к выходу.

Офицеры невольно присели и осторожно выглянули вверх, затем подбежали к двери, открыли ее и заглянули сквозь перила вверх. Через секунды они очутились опять на улице и возбужденно дышали, вытирая внезапно хлынувший пот по лицу. Шкребус закурил. Он что-то хотел спросить у лейтенанта, но в эту секунду с треском распахнулась дверь, и на парапет вылетел сержант, дежурный по роте и помчался мимо них, прыгая через четыре ступеньки, с диким воплем, и ужасом в глазах, промчался сержант - дежурный...

Выпучив глаза, он проорал:

- Начальник штаба застрелился!

С диким воплем, он помчался дальше, через плац, в штаб полка. Шкребус перекрестился:

- Свят, свят! Миновала беда.

- А я, как чувствовал лихо! Удержал тебя, от посещения роты! Валяться бы, тебе Глобус в оружейке, с дыркой в башке! - воскликнул Ромашкин. - Ты мой должник. С тебя кабак!

Шкребус кивнул в знак согласия, и оба направились в роту, посмотреть, что произошло, нет ли там кого убитого из приятелей, возле Давыденко.

- Что-то с трупами перебор, для такого маленького гарнизона, как наш, произнес Сергей и продолжил:

- Надеюсь, что закончилась война на любовном фронте. Не то если все рогоносцы начнут стрелять соперников, полк останется без своих лучших людей!

Никита подозрительно посмотрел на сослуживца:

- А что, есть еще, у кого повод по тебе пострелять?

- Конечно! Я что хуже других?!

- Тогда неделю посиди дома, заболей. Я бы так и поступил на твоем месте, - посоветовал Ромашкин.

- Точно! Сегодня напьюсь и на службу завтра не выйду. А если что, на тебя свалю, замполит посоветовал!

- Сволочь! - беззлобно произнес Никита и пошел в казарму своей роты.

Шкребус поплелся сзади, пыхтел и, кряхтел от напряжения.

В казарме стоял устойчивый запах пороховой гари. Ромашкин осторожно заглянул в темный коридор и ничего не увидел. Стоял полумрак и относительная тишина, прерываемая храпами и всхлипами спящих солдат. "Умаялись, из пушки пали - не разбудишь" - подумал Никита.

Дневальный по роте испуганно выглядывал из двери туалета и делал какие-то странные знаки. Ромашкин и Глобус быстро

пересекли коридор и очутились возле бойца.

- Что случилось? - спросил сурово Шкребус. Задал он свой вопрос со всей серьезностью, на какую способен был в данный момент. Но Ромашкина эта суровость рассмешила. Он громко рассмеялся и неудержимо захохотал. Остановиться никак не получалось. Нервы.... Глобус пихнул его в бок и вновь начал расспросы солдата, но тот только мычал и от страха тараторил по-узбекски быстро и громко, при этом жестикулируя.

- Заткни фонтан, обезьяна! - рявкнул Глобус. - Иди мой сортир, и не высовывай оттуда физиономию, пока я не позову!

- Это не свидетель, и не очевидец! - произнес, усмехнувшись, Никита. Как в анекдоте про пленного киргиза. "Немецкая разведка поймала нашего бойца в плен. Оказался киргиз. Притащили, начали допрашивать. Он плачет, лопочет, что-то объясняет. Переводчик ему по-русски вопрос, он подробный ответ, но на непонятном языке. Дали по морде, а он еще активнее сотрудничает, но ни черта не разберешь, что говорит. Бились с ним, бились, без толку. Обрезали ему шинель по пояс, на плечи плакат: "Вам не вояка, нам не язык" и отправили обратно в наши окопы".

- Замполит, ты что националист-антисоветчик? - ухмыльнулся Глобус.

- Нет, реалист и скептик.

- Циничная сволочь! Возле трупа товарища травишь анекдоты.

- А что, разве лучше, что бы этот товарищ над нашими трупами веселился? Да я радуюсь жизни! Дай хоть чуть насладиться удачей. Сейчас набегут начальники и начнут нас пороть, как худых свиней. Поэтому не мешай, вначале лицезреем, после будем докладывать руководству обстановку.

Подошли поближе к решетке и заглянули внутрь. Автомат лежал в стороне в ногах, а сам Мирон лежал на опрокинутом стуле. Кровь растеклась от головы тонкой струйкой и собиралась в небольшую лужицу.

- Давай отойдем, а то еще нас приплетут к этому делу! - произнес, испугавшись, Глобус.

- Ладно, пойдем звонить! - согласился Никита.

Ромашкин снял трубку и дозвонился дежурному по полку, сообщил о происшествии. Глобус разбудил посыльных и отправил одного за ротным, другого за остальными офицерами.

Первым примчался Недумающих. Он с порога принялся верещать, путаясь в словах и окончаниях, проглатывая звуки, и, в конце концов, фразы совсем потеряли смысл. Что с него возьмешь? Контуженный. Неделю пробыл на войне,

шандарахнуло по голове, теперь с ним мучайся. Незнающий, Непомнящий, Неслышащий и тому подобное. И все клички верны.

Комбат, Рахимов, командир полка и остальное начальство, появилось практически одновременно, набежали со всех сторон из разных калиток. Алсынбабаев, обычно ругающий офицеров за использование проломов в заборе, в этот раз сам проскочил через него.

Последним, приехал на "уазике" полковой особист. Офицеров собрали в клубе, а солдат вновь построили на плацу.

Начались бесконечные допросы, расспросы, протоколы, объяснительные. Шум, гам, ругань.

Командование полка нервничало. Вполне возможно, что за эти происшествия, поснимают с должностей. Очень не хотелось. Практически все они только прибыли в гарнизон после академии, а тут несчастье за несчастьем, сплошной поток происшествий....

***

- Не врешь? - вновь усомнился Кирпич. - Слишком много у вас было происшествий!

- Хочешь, верь, не хочешь, не верь! Пей и молчи! - отмахнулся Димка. Рассказывай скорее, а то темнеет!

Глава 26. Завершение драмы и трагедии.

Вся в синяках и ссадинах, побитая мужем, мертвецки пьяная Наталья, была освобождена из "домашней тюрьмы", которую Мирон сделал для нее в темном чулане. Она дала показания, в которых прояснила развязку трагической ситуации: муж, любовник, нанятые хулиганы, месть. А самоубийство - это из страха, перед грозящим неминуемым наказанием.

Мирон, уходя в полк, связал жену и пообещал, что перестреляет всех ее любовников. Поэтому, придя в роту, начал вызывать тех, о ком знал и кого подозревал: Власьева, Шкребуса, Чекушкина, Ромашкина...

Не пришел никто. Видимо злость переполнила сознание, мозг устал бороться с яростью, затуманился, и еще страх перед разоблачением, и он выстрелил в себя...

Следователь, капитан особого отдела, командир полка, замполит, и еще кто-то из дивизии проводили расследования, дознания. Первым свое решение принял командир полка: Разогнать шайку-лейку к чертовой матери! Отправить немедля в Афган. Всех "Донжуанов" к чертовой бабушке, "за речку", в первую очередь! Первым пострадал, ни сном, ни духом, ни о чем не ведающий, зампотех Пелько. Самоделкин, рационализатор и изобретатель, отправился на войну спустя неделю. Рота и батальон, провожая, пили три дня. Сашка помахал рукой, сел в маршрутное такси и уехал. Следующий был Игорь Лебедь. Этого

траха-перетраха отправили в пески еще более далекого гарнизона. На повышение.

Неделю батальон жил, выжидая, наконец, пришло предписание, всех стоящих за штатом офицеров, отправить в военкоматы республики. Затем проводили в Афганистан, на войну еще двоих: пришла очередь "декабриста" Лунева, и белогвардейца Колчакова.

- Э-э! Нет! Так дело не пойдет! - наотрез отказались ехать туда смутьян Лунев. - Мы не хотим, не только воевать, но и служить в вашей армии.

- А я решил жениться! - неожиданно заявил Колчаков.

Оба ушли в глубокий запой, и их пришлось вылавливать с помощью патрулей. Командир полка бесновался, но долго ничего не мог поделать. Ребята отправились в штаб округа, а затем "белогвардейцы", "лучшие кадры дивизии", затерялись на войне. Гусаров развели в разные гарнизоны, разбили их дружный коллектив.

Взялись за воспитание Ромашкина, навалились политработники гурьбой, и день за днем прессинговали. Дружба со Шмером вышла боком. Уголовную статью подвести не получалось, откуда у Мишки граната, не знал никто, кроме Шкребуса, а тот помалкивал. Доставалось за низкую воинскую дисциплину в роте, за недостаточную воспитательную работу, за отсутствие работы с офицерами, и конечно, за личный моральный облик. Кое-что пронюхали, но не доказали: про "вертеп", про "грязевые ванны" в шинели, про кутеж в подземном озере, про новогоднее побоище, про Персидский поход... Что-что, а стук у замполита полка и доносы в особый отдел были налажены отлично. Все суммировалось, анализировалось, но лежало до поры до времени без применения. Но пришло время, и ушат грязи был, выплеснут на голову несчастного.

- Что мне с вами делать, лейтенант? Подскажите! - настойчиво вопрошал замполит полка Бердымурадов.

- А какие есть варианты? - осторожно спросил Ромашкин.

- Никаких! - отрезал подполковник. - Никаких для вас хороших вариантов у меня нет!

- Я так и думал, - вздохнул Никита. - Уволите из армии?

- Нет, будете служить, но в другом гарнизоне!

- Так ведь я давно прошусь, в ДРА!

- Почему, кстати, вас называют Ромашкин? Вы алкаш? - не слушая Никитины разглагольствования, поинтересовался замполит. - Любитель водки? Нужно лечить в лечебно-трудовом профилактории?

- Никак нет! Я ее проклятую не люблю. Но в гарнизоне такой

коллектив, что я просто выбился из сил отказываться. Фамилию перефразировали, фантазия бедная, их на рюмку тянет постоянно, вот и обозвали. Приклеилось, наследство от Шмера.

- Шмер! Слышать не желаю эту фамилию! - рявкнул подполковник. - И вашу тоже.

- А я и не навязываюсь. Между прочим, после училища ехал на войну, а кадровики, завернули к вам. Готов вновь отправиться в путь дорогу, прямо сейчас. Вы нас часто попрекаете службой в тылу, и чтоб восполнить и пробел в биографии, я готов уехать на войну. Тогда ни одна сволочь более не сможет ткнуть в глаза отсутствием боевого опыта.

Никита при этих словах пристально, с намеком посмотрел на начальника.

- К сожалению не можем. Полк исчерпал разнарядку на отправку в Афганистан. Думаю, мы с вами расстанемся по-другому. Поедете в пески, в барханы, варанов танками гонять! - угрожающе пообещал Бердымурадов.

- Можете не пугать меня более песками. Я сейчас, прямо при вас, напишу раппорт на фронт. Желаю быть добровольцем и точка!

Никита демонстративно уселся за стол, попросил три листка и настрочил раппорт на три адреса: Главное политуправление, Министру обороны и в Политбюро ЦК КПСС. Бердымурадов схватился за сердце.

- Что вы творите! Прекратите балаган! Зачем в Политбюро? Не отвлекайте руководство партии своими мелкими проблемами. Что за мания величия? Почему вашей судьбой должно заниматься руководство страны? Никчемный вы человек!

- Не никчемнее других. От самого такого слышу!

- Да я тебя в асфальт закатаю! Растопчу! Из партии исключу! Уволю-ю-ю!!! - Ну, товарищ подполковник! За что? Служу? Служу. На службу хожу? Хожу. Лично ко мне по службе претензии есть? Нет. Все эпизоды, что приведены в доносах, это проказы и приключения, во вне рабочее время. И криминала там никакого.

- А пересечение государственной границы!!!?

- Мой сапог ее не пересек. Это слухи! По контрольно следовой полосе мы не ходили, мы до нее не дошли! Увы! Из партии угрожаете исключить, так я в нее лишь год, как вступил. Меня воспитывать и учить необходимо. А вы уволить! Где ваша воспитательная деятельность? Одни упущения в работе с молодыми офицерами!

Замполит задохнулся от ярости, выпил два стакана минеральной воды, подышал под кондиционером и уже спокойным голосом продолжил:

- Действительно отправите письма в ЦК, или это фарс? Театр?

- Зачем я не позирую, я не шут. Можно попросить три конвертика?

- Только два! - сказал, как отрезал подполковник.

Письмо в Политбюро ЦК он порвал, а остальные два вернул. Никита, как мог, постарался красиво подписать конверты. Обычно его корявый почерк было трудно разобрать. Нужен дешифровальщик, чтоб понять каракули.

- Пойду брошу в почтовый ящик? - спросил лейтенант. - Разрешите идти?

- Нет! Сидите!

Подполковник вызвал солдата - полкового почтальона, передал ему два письма и радостно ухмыльнулся.

- И вот еще что, - произнес, с угрозой, глядя на лейтенанта, подполковник. - По чужим женам не ходить! Обещаю, осужу за аморалку, судом чести!

- Есть не ходить! Слушаюсь! - усмехнулся лейтенант и приложил ладонь к фуражке.

Ромашкин, хотел, было сразу отправиться, к кому ни будь, в городок, нарушить приказ, но вскоре передумал. Зачем, итак гарнизон кипит страстями. Лейтенант сел в такси и отправился на почтамт, где отправил телеграмму в Россию, давней любовнице, еще в училище. Зачем лишние заморочки и скандалы?

Глава 27. Девушка, как последний подарок страждущему.

Рота закончила обучение, бойцов отправили в Афганистан, только взвод Ахмедки оставили доучиваться лишний месяц. Три взвода в роте готовили служить механиками на танки, а четвертый для самоходок. Но этих самоходных орудий, не было не только в полку, но и во всей дивизии. Поэтому взвод Ахмеда бросали то на работу, то на уборку овощей, то на стройку. Обычно утром взвод топал пешком к учебному месту, а после обеда, комбат, раздавал бойцов на работы. Порой очередь из местных жителей, желающих купить дешевую раб силу, стояла в несколько рядов, и Алсынбабаев продавал практически весь взвод. Тогда Ромашкин и Ахмедка торопились к пивной и расслаблялись кислой теплой дрянью, называемой "Жигулевское пиво".

В этот день они с утра отправились на учебное место, в центр танкодрома, стоял ржавый корпус САУ времен Отечественной войны. Борта его проржавели до сквозных дыр, двигатель отсутствовал, катков оставалось ровно половина, а траков не было вовсе. Все, что можно сломать внутри башни, давным-давно сломали. Офицеры присели в тень по левому борту, а солдаты

приступили к вождению: "пешим по танковому". Встали в цепочку и отправились по маршруту выполнения упражнения вождения.

Не успели они преодолеть первое препятствие, как к ним на всех парах примчался на "Урале" зампотех батальона. Майор Антонюк, сияя багрово-красной рожей, подбежал к офицерам и выпалил:

- Прекратить имитацию занятий! Всех в машину! Едем собирать металлолом.

- Чей приказ? - переспросил Никита.

- Мой!

- Ваш не годится. Комбат велел давать людей только по его личному распоряжению. Их всего-то десять доходяг бродит по трассе. Пятерых Алсынбабаев услал на стройку, пять я с разрешения Рахимова отправил зарабатывать на стекло, краску, фанеру. Ленинскую комнату переделываем. Занятия сорвутся!

- Комбат знает. Это он велел сюда ехать и вас обоих забрать тоже. Ахмед останется на разгрузке с бойцами, а ты Ромашкин будешь кататься старшим машины. Садитесь, покажу где, что и куда возить.

Понимая, что отвертеться не удастся, офицеры с неохотой собрали солдат и полезли в кузов крытого "Урала". Брезент в движении трепетал, поднимая тучи пыли и песка внутри под тентом. Наконец-то приехали на какой-то городской склад. Антонюк подбежал к кладовщику, тот сунул ему накладные, деньги, что-то подсчитали, поспорили, но в итоге договорились, и зампотех закричал:

- Лейтенанты! Пять человек оставляйте здесь, а пять на товарную станцию везите. Отсюда возим, там разгружаем. Вас на месте встретят, все объяснят. Быстренько, начали погрузку, веселее.

Майор бегал вокруг куч с ржавым металлом, что-то болтал про бесхозяйственность, сам грузил и заставлял бросать железки в кузов и лейтенантов тоже.

- Товарищи, офицеры! Мы так не успеем сделать и четыре рейса. Энергичнее, делай как я! Замполит, покажи личный пример!

- Я не собираюсь пачкать рубашку и брюки, у меня нет стиральной машины и специально обученной жены, - возразил Никита.

Зампотех и комбат "делали" деньги на сдаче металлолома. Это был еще один маленький бизнес Алсынбабаева. Комбат, в душе был не танкист, а "комбинатор", он закончил явно не то военное училище, по молодости видимо перепутал. Его место и призвание - тыл. Там где материальные средства, где деньги, где

есть возможность украсть. Если Алсыну за день не удавалось чего-то не стащить, то ночью плохо себя чувствовал, не спал и переживал. Коль с утра за казармой не стоит хотя бы один "рабовладелец" (туркмен за солдатами), настроение испорчено до вечера. И тогда мысли начинали работать в поисках кому, чего бы продать: бензин, солярку, стройматериалы.

Официальное прикрытие продажи солдат: ремонт казармы, полигона, танкодрома. Строительные материалы (получаемые помимо наличных денег в собственный карман) складывались в сарае танкодрома и в персональную каптерку. А спустя какое-то время их увозили другие деловые партнеры, обратно в город.

Действовал Алсын нагло, беззастенчиво, с размахом. Комбата не любили все поголовно, даже командиры других батальонов, не говоря о своих офицерах, за стяжательство, жадность, мелочность. Что попадало в его толстые, корявые пальцы- сосиски, уже никогда из них не выскальзывало. Взводные смеялись и над ним и над его женой. Рассказывали, то, что Алсын вечером принесет, утром жена до копеечки, в город в сберкассу увозит. Ее действительно постоянно наблюдали спешащей туда или обратно.

Хан Алсын, был несказанно счастлив, когда его, малограмотного, закончившего экстерном училище и чудом, неизвестно по чьей прихоте, ставшего начальником штаба батальона, несколько лет никак не могущего пробиться к должности комбата, вдруг назначили возглавить третий батальон. О его бестолковости в гарнизоне слагались легенды и рассказывались бесчисленные байки. Вот такой по складу ума и интеллекту человек, командовал учебным батальоном.

И если в период кутежей Никита об этом совсем не горевал, то, протрезвев, и попадая в этакую зависимость от "хана", лейтенант, свирепел и бесновался. Быть систематически старшим на разгрузке украденного угля, досок, металлолома, и пополнять казну Алсына - это противно и унизительно. А что поделать! Приказ!

Никита сделал на дежурной машине два рейса к железнодорожной станции, а затем свернул с маршрута и решил заехать домой, попить чайку. К его удивлению дверь домика была настежь открыта, а на бельевой веревке висело и сушилось какое-то женское барахлишко! Ого! Кто это у нас поселился? Меня ведь еще не выслали за границу!

"Сейчас разберемся", - подумал Никита. - "Кто это посмел развесить белые сигнальные флаги капитуляции, из лифчиков и трусиков!".

Скандалить не хотелось в споре за удержание квартиры, но и

выселяться не к спеху, еще неделю как минимум, предстояло болтаться по службам, штабам, подписывая обходные документы. Ромашкина совсем не радовала перспектива быть выселенным в общагу, каким-нибудь семейным лейтенантом. Раньше он мог сказать, что квартира у него на двоих с приятелем Шмером, а теперь остался один. Озлобившемуся начальству выгнать из занимаемого дома провинившегосяраз плюнуть.

Переполненный гневом он переступил порог, готовясь к ругани и склоке, и оторопел, буквально потерял дар речи. В комнате под ритмичную музыку, одетая в легкую длинную до колен маечку, делала гимнастику Валька (подружка со свадьбы, Мурыгинская родственница)! И под маечкой, похоже, ничего не было. Ничего себе! Лишь три дня назад послал ей телеграмму: "Приезжай в гости, отдохнешь, развлечемся!" И вот она уже в мансарде, практически в неглиже, готова к "употреблению" и "эксплуатации". Вот это оперативность! Какая удача! Ну, повезло, так повезло! Неделя перед отъездом на войну не пройдут даром, а будут прожиты с пользой для души и тела.

Никита, отбросив в сторону фуражку и скидывая на ходу сапоги, кинулся к раскрасневшейся девушке. Он подхватил ее за талию, слегка покружил, крепко обнял, и на третьем пируэте уронил на диван, падая сверху.

- Эй! Полегче! Никто не обещал сразу раскидывать ноги! Я может быть просто, в гости приехала, вновь поглядеть на красоты Востока! - взвизгнула весело девица.

- Об этом поговорим чуть позже, - пообещал Никита, стаскивая с себя брюки. - Расскажешь о своих планах через пол часа.

Ромашкин приподнял на Вальке футболку, и после веселой борьбы оба запыхтели от наслаждения жизнью. Спустя несколько минут, разомлевшая девчонка закурила, а Никита бешено прокручивал в голове план дальнейших действий. "Урал" следовало отогнать в парк, послать к черту Алсына и зампотеха, отбиться от наседавших дружков, требовавших сегодня прощального банкета. Нынче в планах только Валентина.

- Валь! - окликнул лейтенант курившую обнаженную девушку. - Ты как в квартиру-то попала?

- Да, солдатик какой-то запустил, - усмехнулась в ответ Валюха. - Я с чемоданом дошла до калитки, какая-то женщина указала дом, где ты живешь, довела до порога, а тут на двери замок висит. Что делать? Хоть обратно возвращайся в Ульяновск. Соседка сказывала, что ты в Афганистан уезжаешь или уже уехал. Это правда? Собираешься?

Девушка вопросительно посмотрела на Никиту, он в ответ

промолчал и начал поднимать с полу разбросанную одежду. Не получив ответа, Валюша продолжила рассказ:

- Поставила чемодан на столик, присела на лавочку, а тут солдатик какой-то посыльный во двор забежал. Оторопел, спрашивает, не жена ли я твоя? Жена, говорю я ему, учебно - полевая, тренировочная. Солдат расхохотался, достал откуда-то из тайничка ключ, отпер замок, показал, куда вещи поставить, где и что можно взять, как пользоваться, и вихрем убежал. За тапочками, сказал, приходил. Мол, ординарцем служил у взводного. У какого взводного? "Шмерт" какой-то или "Смерт".

- О покойниках не говорят плохо и не шутят! - нахмурился Никита. Мишка Шмер недавно погиб. Я тебе расскажу о нем много интересного. Ты его на свадьбе брата, скорее всего не запомнила.

- Ой, извини, я не знала! - всплеснула руками Люся. - Не помню по фамилии, может, в лицо и узнала бы....

Минуту они молчали, а потом она нахально посмотрела и спросила:

- Ты уже угомонился или можешь еще повторить? Мне ждать продолжения или вставать?

Никита на секунду задумался, а затем вновь начал раздеваться. Вид молодой обнаженной женщины был соблазнителен. "Куда она денется эта машина? Пусть водила отсыпается!" - подумал Ромашкин и бросился с воинственным кличем обратно на диван.

Растрепанный и взъерошенный лейтенант выбрался из домика примерно через час. Водитель спокойно всхрапывал, ему было тоже наплевать на сбор и перевозку металла. Солдат спит, а служба, как известно, идет в нужном направлении.

Никите с приездом подруги жить стало гораздо веселее и радостнее. Еще час назад тошнило от усатой морды комбата, от унылого, пыльного гарнизона, он переполнялся злостью на этих жуликов и пройдох командиров. А сейчас уже ничего не волновало, не раздражало и не бесило. Наступило абсолютное спокойствие и душевное равновесие. Пофиг бессмысленная служба! Машину ставить в парк и быстро обратно в мансарду, к соблазнительной, мягкой, податливой и знойной Вальке. От воспоминаний, о дремлющей на диване податливой девушке, закружилась голова, перехватило дыхание. Никита открыл дверцу кабины и прикрикнул на водителя:

- Васька! Заводи "аппарат". Гоним в парк! Живо!

- А на станцию? - удивился проснувшийся солдат.

- К черту металл, и цветной и черный. Если зампотеху очень нужно, пусть сам возит, и вместе с Алсыном разгружает. Мне это

не надо!

Водитель пожал плечами, но спорить не стал, и они быстро доехали до стоянки машин батальона. На обратном пути Никита заскочил в магазин за "допингом". К сожалению, в гарнизонной лавке кроме шампанского и "Токая" ничего не продавали. Ромашкин наполнил авоську тремя бутылками, кульками с конфетами и пряниками, яблоками, спелыми гранатами и возвратился в холостяцкую берлогу, которая буквально за час значительно потеплела, приобрела уютный, жилой вид, обрела некоторую романтичность и заманчивость.

Присутствие женщин меняет мужчин в лучшую сторону. Любое очаровательное создание растопит холодное сердце даже "деревянного по пояс", закоренелого службиста, особенно, если его предварительно воздержать. Когда в казарме находится сотня молодых организмов и им необходимо постоянно куда-то выплеснуть скопившуюся неуемную энергию, - жди беды. Отсюда драки, "дедовщина", побои, издевательства друг над другом. Лучшее средство выпустить из армии лишний "пар" - отправить на войну. Либо открыть при части публичный дом...

Женщины в Педженском гарнизоне старались на лето не задерживаться. Они предпочитали убыть в отпуск в центральную Россию, Украину и так далее. Одним словом, в Европу. Зачем мучить себя и детей: жара, зной, пыльные бури, москиты, комары "пендинка", отсутствие продуктов, перебои с водой. Семьи вереницами отправились на отдых, а мужья в одиночестве озверели. Без женской ласки, глушили половую энергию спиртным, словно остужали генератор турбины атомной станции, охладителем. Любая появившаяся посторонняя женщина, притягивала временных холостяков, как муравьев сахар.

Нельзя сказать, что Никита до беспамятства влюбился в Валентину. Да, нравилась, да возбуждала желания, но на безрыбье как говорится и "раком рыбу". Ромашкин не восторге был, что у девицы крупное, ширококостное строение тела, немного раздражал большой рот, не в его вкусе такие широкие скулы, массивная попа и не четкая талия. Глаза, верно, хороши, хитрые и заманчивые, губы сочные, грудь шикарная. Главное, что в любви податлива, а на ласки ненасытная. Много плюсов, много минусов, не было одного, главного, сжигающей и всепоглощающей любви. Следующим утром в дверь мансарды постучал первый гонец. Это был Шкребус. Потный, с вечно влажными губами и похотливыми глазами, Глобус сходу попытался прорваться во внутрь, взглянуть, с кем спит Никита. Но лейтенант встал в дверях, словно скала, и не допустил проникновения лазутчика на свою территорию.

- Никитушка, ты чего на построение не пришел? - спросил ласковым голосом взводный. Ребус "случайно" исполнял, обязанности командира роты, пока Незнающего, командиры думали куда сплавить.

- Не схотел, и не пришел! - отрезал Ромашкин. - Не обязан, сам знаешь, куда уезжаю!

- Ну, не ерепенься! Выговор объявлю! Не забывайся, служебная карточка пока что в полку. Поедешь к новому месту обвешанный взысканиями.

- Нет, дорогой, мой друг. Ты не только не впишешь туда ничего, но и еще снимешь те, что там записаны, если они там есть. Но мне кажется, карточка девственно чиста, ни взысканий, не поощрений, а это не хорошо. Впиши мне пяток благодарностей, по приказу замполита полка!

- Это почему вдруг? - опешил Глобус. - С какой такой радости?

- А с такой, что убывающие выполнять интернациональный долг, должны быть достойны звания "воин-интернационалист"! А не то управление кадров округа меня завернет обратно. Вот тогда тебя, "случайно-исполняющего", взгреют на "всю катушку" и отправит вместо меня.

- Ишь, ты! Значит нам, простым смертным, взыскания получать можно, а тебе нельзя?

- Нельзя! - категорически произнес обнаглевший лейтенант.

- Хрен с тобой, не накажу, но в дом-то пригласи войти старого товарища.

- Волк тамбовский тебе.... Зачем? Я тебя не звал.

- Ну, чего в дверях держишь? Впусти, в чем беда? - возмутился Глобус.

- Нет, Серега, тебе у меня сегодня делать нечего. Я занят, мы отдыхаем.

- Наслышан о твоем отдыхе..., - ухмыльнулся Глобус.

В этот момент к Никите сзади подскочила Валька и нежно обняла его за плечи, выглянув из-за спины.

- Ух-ты! - восхитился Глобус. - Точно болтают, баба у него!

Старший лейтенант облизнул влажные губы и даже сладострастно причмокнул.

- Глобус, не баба, а девушка и не чмокай тут своими мокрыми губами. Ишь, слюну пустил, кобелина! Ступай за шампанским, арбузом, фруктами. Купишь дессерт, тогда и заходи в гости! - сказал, как отрезал, Никита и захлопнул дверь перед носом Сергея.

- Буду через пару часов! Обязательно!- громко пообещал Ребус, и рванул как носорог напропалую через кусты и

проволочный забор. Хлипкая ограда затрещала, и он умчался сквозь образовавшийся пролом.

- Теперь не отвяжемся от его компании! Вздохнул с сожалением Никита. Начнет клеиться к тебе, глазки свои, поросячьи, строить. Ломанулся в магазин по бездорожью, словно метеор, теперь не остановишь. Сейчас накупит всякой всячины, будет в кампанию навязываться, на тебя, наверное, виды имеет, планы гнусные строит. Ты, Валюха, его рукам, воли не давай, а то он ведь как пиявка, дашь повод, не отлипнет.

Шкребус примчался через час и не один, а с Власом и Чекушкиным.

- Эге! Лейтенант! Ты чего спрятался? Какое сокровище таит твоя мансарда? - заорал Чекушкин, колотя в дверь кулаками.

Ребус стоял с двумя арбузами под мышками и напоминал уже не глобус, а пузатый самовар. В руках у Власа был пакет с фруктами и дыня, а Чекушкин держал сетку полную бутылок.

- Чего надо женатики? - грубо поинтересовался Никита, отворяя мансарду.

- Проводить на войну, тебя хотим по человечески! - пошутил Шкребус.

- Спровадить, точнее будет сказано? - уточнил лейтенант.

- Зачем так обижаешь? - насупился старший лейтенант Власьев.

Олег был самым скромным из этой ватаги, и наиболее желанным в данной ситуации гостем.

- Ладно, заходите! Но только из-за того, что Власа обижать не хочу, произнес нехотя Никита.

За это время Валька успела накинуть на себя халатик и усесться за стол к бокалу, наполненному янтарным вином.

- Здравствуйте, сударыня! Чем вас поит этот жлобский прохиндей? Какой-нибудь борматухой? Чемен? Чишма? - вопрошал Глобус.

- Токайское, - скромно потупила глазки девушка.

- Ого! Венгерское! Это дело! Мы тоже принесли бутылочку "Самородного" и шампанское. Для знакомства. А ну, представь нас, даме!

- Этот болтун Серега Шкребус, он же Глобус, он же Ребус. Этот скромный парень Олег Власьев, вот этот с наглыми глазами и соответствующей фамилией Васька Чекушкин.

- Очень приятно, Валя, - скромно произнесла девушка и откусила кусочек шоколадки.

- О-о-о Валюша! Прелестно, прелестно! - заверещал Ребус.

Тем временем, Чекушкин по хозяйски распаковал снедь, бутылки, затем тесаком нарубил арбуз и дыню. Влас, тихонечко

сидел в уголочке, и пожирал глазами Вальку.

- Влас, бери стакан, а то сглазишь красивую девушку! - усмехнулся Глобус и захохотал, как всегда разбрызгивая слюну.

За полночь Валька крепко напилась и выползла из- за стола. Никите никак не удавалось выпроводить нахальных дружков. Наконец после пререканий Чекушкин и Шкребус вышли прочь из дому. Влас чуть замешкался на кухне, а когда направился к выходу, то свернул не в ту дверь. Хмель в момент покинул Олега. На диване поверх простыни лежала обнаженная девушка, широко раскинув ноги и руки. Ее крупная грудь, мерно вздымалась в такт дыхания.

- О-о-о! - взвыл Власьев, выпучив глаза. - Вот это бабища! Лейтенант, уступи!

- Влас, свободен, самому мало! - отрезал Никита.

- Будь человеком, покури на кухне часик, ей сейчас все равно, кто, а я второй месяц без жены страдаю!

- Иди, страдай дальше! Самому мало!

Власьев попытался прорваться, но был грубо выставлен за дверь, атака отбита, интервенты изгнаны. Еще некоторое время во дворе слышны были громкие возмущенные возгласы приятелей, сжигаемых "черной завистью". А в домике наступила последняя ночь любви....

Утром Никита тихо и задумчиво перекатывал левую грудь Валентины с ладони в ладонь, глядел на разомлевшую, спящую подругу, и размышлял: " К чему мне вся эта глупая авантюра с интернационализмом? Вот лежит рядом в постели доступная девушка, возможно, это и есть самое большое счастье, обладать кем- то, кто тебя любит? Завтра уеду, а вдруг там убьют, и этого больше никогда не будет! Мягкая, гладкая, жаркая, сладкая, страстная самка! Все при ней. Губы, грудь, бедра, плечи, задница, и так далее! Дурак, как есть, воистину дурак!"

Ромашкин нехотя поднялся с дивана, и принялся одеваться, собирать в дорогу чемоданы. Прощай навсегда беспокойный гарнизон! А каким по началу, казался тихим, скучным, унылым. Но, видишь, как все обернулось.... С приключениями, со стрельбой, убийствами, самоубийствами, с любовными утехами. Но, теперь это в прошлом, труба зовет, гусара в дальний поход. Прощайте пыльные задворки необъятной Родины....

Заключение.

Вадик Колчаков до перестройки не дожил. Он не увидел вывода войск из Афганистана, не стоял в бесконечных очередях за водкой, не держал в руках пачек талонов и купонов, не узнал про падение Берлинской стены, распад Советского Союза, и крушение коммунистического блока. Не выучил таких слов как:

"плюрализм", "ваучер", "секвестр", "приватизация", "деноминация", "дефолт" и еще много красивых неизвестных, непонятных слов. Ничего этого в его жизни не произошло. Потому, что он через полгода погиб в бою, в далекой, чужой стране, возле местечка под названием Анава. Красивое название, но неприветливые, страшные, места.

Его машину со спаренной ЗУ, замыкавшую колонну наливняков, внезапно подбили и окружили в ущелье моджахеды. Два бойца успели проскочить простреливаемый участок, а остальные нет. Сержант и пулеметчик погибли сразу, а водитель сгорел в кабине. Вадику перебило очередью ногу, а осколками посекло спину и грудь. Патроны в магазинах быстро иссякли, а заряжать не было сил. Вадим вспомнил давнюю уловку Шмера, превозмогая боль, достал из нагрудника две гранаты, и положил под себя. Вколол два тюбика промидола в раненое бедро и стал ждать "духов". Силы таяли с каждой каплей вытекающей крови, и разум мутнел, накрываясь густой пеленой. Если бы не промидол, давно бы выл от боли. А так болевой шок снимался, было тепло, хорошо и спокойно. Офицер лежал лицом вниз, из глаз струились слезы, и он вспоминал все лучшее, в прошедшей короткой жизни.

Моджахеды осторожно подошли к лежащим телам "шурави", методически достреливая каждого. Один из "духов" ногой перевернул лейтенанта и в ужасе отпрянул. В израненных руках были зажаты две "эфки". Побелевшие от напряжения пальцы отпустили скобы запалов...

Отстреливающиеся от наседавших духов, уползающие по канаве бойцы, услышали вопль Колчакова: "хрен вам"! Затем прогремели два гулких одновременных взрыва. До тел погибших ребят добралась к вечеру, когда подоспела на подмогу пехоты. Далее перелет в "Черном тюльпане", в "цинках", навстречу с милой Родиной. По воздуху тело Колчакова парило над теми местами, где происходили события рассказанной истории, но этих мест, сам лейтенант уже не увидел.

Шурка Пелько погиб еще раньше, БРДМ подорвался на фугасе, развалился на части, а экипаж с трудом опознавали, чтоб определить, кого куда отправлять...

Луневу повезло больше, относительно, конечно. Оторвало руку ниже локтя и все. Он и сейчас в военкомата служит. А куда ему бедняге деваться, осыпанному "благами". А вашему покорному слуге, несказанно повезло! Две контузии, легкое ранение, три окружения, горел в вертолете, и ничего, вышел сухим из воды!

Эпилог.

- Врешь! В вертушке ты не горел! - возразил Большеногин.

- Ну, чуть приврал. Не горел, но вертолет дымил, когда я из него выпрыгнул! - не согласился Ромашкин. - И в пропасть один раз едва не десантировали.

- А, по-моему, ты все это придумал. Красиво обосновал в экспедиции на войну. Глупость по молодости, безвыходные обстоятельства с гибелью друга, преследование со стороны аборигенов! - Кирпич говорил и, перечисляя факты, забил пальцы на ладони. - Еще расскажи, что Педженская банда тебя до сей поры разыскивает...

- Что-то я и города такого не слышал, - поддержал приятеля Большеногин. - Где он, в какой области? Или переименовали в Туркменбаши?

- Не переименован, но я чуть названия изменил. А что, красивая история, не правда ли? И романтичная, и дух захватывает!

- Есть малость. Было б не интересно, давно заткнули бы тебе рот, и рассказывали бы сальные анекдоты, - улыбнулся, свернув очками, Котиков.

- Между прочим, из-за того, что много слушали, мы мало пили! воскликнул десантник Димка.

- А это дело мы сейчас поправим! - восторженно произнес разведчик Смирновский. - Давайте выпьем за наше боевое братство! За то, что мы есть, и за то, чтоб не теряться в море людском!

Водка булькнула большой порцией в горле у Никиты, и он едва не поперхнулся. Своей щедрой рукой Смирновский разлил в рюмки всю бутылку за один прием. Ромашкин быстро зажевал маринованным огурчиком алкоголь, ухватил кусок ветчины, шмат сала, плеснул апельсинового сока и не успел запить, как Дабиша достал из портфеля очередной литр.

- Э-э! Такими темпами мы не попадем в Питер! - воскликнул Никита.

- Я пас! - Большеногин накрыл ладонью свой стакан. - Мне завтра еще со зверями работать, я не могу на них дышать алкоголем, не поймут! Обидятся!

Коллектив с удивлением посмотрел на Серегу, и приятели недоуменно пожали плечами.

- Ты что в зоопарке работаешь? - хмыкнул Дабиша. - Охранником?

- Нет, нет в зоопарке, - обидчивым голосом сказал Серж.

- Он, видимо, конюх или наездник, смотрите, какие ноги стали кривые, рассмеялся Кирпич.

- Сам ты конюх! - Большеногин треснул кулаком по ребрам Вовке. - Сейчас от водки аллергия начнется, а я работаю в воде.

Насморк замучает и дышать станет тяжело, мне нырять, знаете, сколько приходится за день!

- Я догадался! Он ныряльщик за жемчугом! - осенило Никиту.

- А причем тут звери? - не согласился Котиков. - Сережка, признавайся, чем занимаешься!

- Он жемчуг псине кидает, а она его на берегу подбирает! - продолжал подначивать друга Ромашкин.

- Ни за что не догадаетесь, как бы вы голову не ломали! Я работаю руководителем программы в дельфинарии!

- Ого! - поразился Кирпич.

- Бедняга! Как тебя, сухопутную крысу, в воду занесло? - искренне удивился Ромашкин. - Ты же пехота!

- Наливаем, пьем еще по одной, за встречу в следующем году! Дельфину не наливать, - смилостивился Кирпич.

Никита с превеликим трудом справился с содержанием стопки и закашлял.

- Чахотка, совсем пить не умеешь! Это тебе не Токайское вино! Это русский напиток! - усмехнулся Котиков. - Никита, что-то тебя совсем развезло! Тебе куда ехать-то? В какой город? А то получится, как во всем известной комедии...

- И-и-и-к! - громко икнул Ромашкин. - Я уже никуда не поеду! Дабиша, а ты едешь?

- И я не еду! Останемся, будем шалить! - с усмешкой произнес Вадик.

- Нет, братцы! - категорически возразил Большеногин. - Москвичи могут продолжать пить, а нам нужно попасть на вокзал. Причем желательно миновать отделение милиции. Не хочется ночевать в КПЗ. Они ведь не посмотрят, что мы ветераны войны, побьют дубинками, переломают ребра и скажут, что так и было. В отделении даже героев Советского Союза избивают ночами. Случается. Помнишь, в Питере, на Невском, случай был...

- Я инвалид, Без ноги! Меня не посмеют тронуть! - уверенно воскликнул Димка-художник. - Я голубой десантный берет одену, тельник на груди порву и протезом всех отметелю!

- Успокойся! Тебе, художнику, пальцы сломают! Как кисти и карандаши держать будешь? - Кирпич обнял за плечи Диму и решительно заявил. - Братцы, мы вас проводим на вокзал и посадим в поезд.

- Правильно, видите нас на Московский вокзал, нам уже пора домой. Скоро поезд! Ту-ту-у-у-у! - Дабиша смешно зашевелил руками, изображая колесные пары старого паровоза.

- Чудак, на какой Московский вокзал? - улыбаясь, поинтересовался Котиков. Полковник казался самым трезвым, так как был самым массивным, и на его центнер водки не хватило

для необходимой кондиции. - Мы уже в Москве. Это у вас в Питере Московский, а у нас Ленинградский. На Ленинградский нам идти! Допиваем, поедаем, облегчаемся в куст сирени и в путь!

Московские друзья помогли купить билеты, довели питерцев до поезда, посадили в вагон, помахали ручками отходящему составу. Николаевский экспресс двинулся плавно, без рывков, едва слышно... Замечательный поезд! Кирпич порывался присоединиться к отъезжающим, но Котиков и Смирновский уверенно и надежно сжимали руки Володьки, и не допустили его отрыва от коллектива.

Когда за окном перрон промелькнул краем платформы, и стало видно только бесконечное мелькание огней большого ночного города, приятели, раздевшись, улеглись на мягкие постели.

- Уф! Хорошо то как! Вот это погуляли! Вот это встреча! - воскликнул Большеногин.

- Не пропадал бы десять лет, так постоянно встречался б с друзьями, сердито заметил Никита Ромашкин.

- Ладно, не сердись, сейчас расскажу, где меня носило эти годы! примирительным тоном произнес Сергей.

Димка и Вадим уже храпели, а Серж все говорил и говорил. И его история была даже интереснее, чем довоенные приключения Никиты...

... Но это уже другая история. Совсем другая книга, дорогой читатель!

Новая, следующая книга...